

ИСТОРИЯ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

I.

ПЕРІОДЪ ДО-МОГИЛЯНСКІЙ.

С. ГОЛУБЕВА.

КІЕВЪ.

Въ Университетской типографіи, Пироговская ул. д. № 4.

1886.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1886 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета св. Владиміра

Глубокоуважаемому

Анастасію Теодоровичу Бычкову

съ искреннѣйшимъ почтеніемъ

посвящаетъ свой трудъ

АВТОРЪ.

Религіозное движеніе въ юго-западной Руси конца XVI и начала XVII стол., вызванное здѣсь борьбою съ иновѣріемъ и охватившее всѣ слои южно-русскаго общества, сопровождалось многими, благотворными для православія и тѣсно соединенной съ нимъ русскою народности, послѣдствіями. Въ ряду ихъ на самомъ первомъ мѣстѣ должно быть поставлено пробудившееся въ лучшей части общества сознаніе той важности и того значенія, какія имѣетъ въ развитіи и охраненіи коренныхъ началъ народной жпзни *просвѣщеніе*, а отсюда—заботы о поднятіи на низкомъ уровнѣ стоявшаго въ юго-западной Руси образованія,—заботы объ устройствѣ и возможно лучшей, примѣнительно къ потребностямъ времени, организаціи училищъ. Училища эти, съ конца XVI стол. появляющіяся въ разныхъ мѣстностяхъ нашего юго-западнаго края, безспорно оказали родинѣ незабвенныя услуги. Проникнутыя древне-православными традиціями и глубокимъ уваженіемъ къ родному славяно-русскому языку, они служили крѣпкимъ оплотомъ при борьбѣ съ иновѣрною латино-польскою пропагандою и выпустили изъ своихъ стѣнъ не мало знаменитыхъ борниковъ православія и русскою народности. Съ теченіемъ, всеуничтожающее время постепенно налагало свою руку на означенныя училища и только одно изъ нихъ избѣгло этой участи. Одному изъ нихъ не только суждено было долгое, доселѣ продолжающееся существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ на долю его выпала высокая честь въ теченіе многихъ лѣтъ занимать первенствующее мѣсто въ исторіи отечественнаго про-

свѣщенія. Мы говоримъ о нашей Alma Mater—Академіи Кіевской. Возникнувъ въ началѣ XVII стол. подъ скромнымъ названіемъ Кіево-братской *школы*, она тотчасъ же стала въ уровень съ лучшими тогочасными училищами въ юго-западной Руси и, подобно имъ, на первыхъ же порахъ своего существованія представляла надежную опору противъ искусно организованной и располагавшей громадными средствами ино-вѣрной пропаганды. Вскорѣ потомъ, благодаря заботамъ просвѣщеннѣйшаго архипастыря Петра Могилы, возведенная на степень высшаго учебнаго заведенія, она стала и долгое время была единственнымъ, наиболѣе удовлетворявшимъ потребностямъ времени, разсадникомъ наукъ, распространявшимъ свои лучи не только въ мѣстномъ краѣ, но и по сѣверо-восточнымъ областямъ нашего отечества. Даже просвѣтительное движеніе, усилившееся въ Руси сѣверо-восточной со времени Петра I, совершалось не безъ вліянія и участія представителей кіевской учености, въ средѣ которыхъ великій преобразователь находилъ для себя ревностныхъ и талантливыхъ помощниковъ. Съ теченіемъ времени, когда начинаютъ возникать и въ другихъ мѣстностяхъ высшія учебныя заведенія, значеніе Кіевской Академіи естественно умалется, служеніе ея въ дѣлѣ про-звѣщенія принимаетъ болѣе скромные размѣры; но и въ это время изъ ея стѣнъ выходитъ не мало „знаменитыхъ просвѣщеніемъ и добродѣтелями пастырей, государственныхъ чиновниковъ и во всѣхъ состояніяхъ отличныхъ граждан“.

Такимъ образомъ, исторія Кіевской Академіи за нѣкоторые (начальные) періоды ея существованія есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія просвѣщенія цѣлаго края. Многія свѣтлыя и слабыя стороны нашихъ учебныхъ заведеній даже сравнительно позднѣйшихъ временъ не могутъ быть достаточно уяснены безъ знакомства съ порядками, господствовавшими въ нашей Alma Mater. Отсюда ознакомленіе съ судьбами этого учрежденія имѣетъ глубокой исторической интересъ. Къ сожа-

лѣнію, нельзя сказать, чтобы по отношенію къ Кіевской Академіи, въ смыслѣ научной обработки ея исторіи, за нашею историческою литературою не было крупнаго недочета. Правда, мы имѣемъ два спеціально посвященные этому предмету сочиненія: *Исторію Кіевской Академіи* іеромонаха (впослѣдствіи митрополита Московскаго) Макарія Булгакова (Спб. 1843 г.) и *Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академію* В. Аскоченскаго (Кіевъ. 1856 г. ч. 1—2). Но поименованный трудъ преосвящ. Макарія—трудъ юношескій, скуденъ свѣдѣніями и лишенъ тѣхъ научныхъ достоинствъ, какими такъ изобильны его послѣдующія произведенія. Сравнительно болѣе историческихъ свѣдѣній объ Академіи собрано въ книгѣ Аскоченскаго; но авторъ при своей работѣ не былъ одушевленъ любовію къ исторической истинѣ и чуждался приемовъ ученой критики. Кромѣ же указанныхъ двухъ изслѣдованій, спеціально посвященныхъ изученію историческихъ судебъ Кіевской Академіи, извѣстны только небольшія статьи и мелкія замѣтки относительно этого предмета, изъ коихъ заслуживаютъ упоминанія (имѣемъ въ виду до-могилянскій періодъ): *Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древней Кіевской Академіи*, статья М. Линчевскаго. (Труды Кіев. Дух. Акад. 1870 г.) и въ особенности замѣтки о *первыхъ временахъ Кіевскаго Божоявленскаго братства* М. А. Максимовича. (Собраніе сочиненій т. II).

Авторъ далекъ отъ мысли, что его трудъ, первое звѣно котораго представляетъ настоящій выпускъ, можетъ восполнить указанный недочетъ за нашею историческою литературою въ размѣрахъ крупныхъ. Онъ будетъ доволенъ, если ему удастся сдѣлать и немногое въ этомъ отношеніи. Онъ желалъ-бы только, чтобы за его лѣпотою признана была, хотя и незначительная, но настоящая, а не фальшивая цѣнность.

I.

Спорный вопрос о времени, къ которому должно быть отнесено основаніе Кіево-Богоявленскаго братства и школы при немъ.—Послѣдовательный ходъ мнѣній относительно этого вопроса. „Историческія записки“ мѣстной академической корпораціи 1765 и 1771 гг., приурочивающія основаніе Кіево-братскаго монастыря къ 1588 г.; воспроизведеніе ихъ въ „Старинѣ и Новизнѣ“ 1773 г.; новая историческая записка академической корпораціи 1773 г. о томъ же предметѣ, несогласная во взглядѣ съ предшествовавшими; мнѣнія по данному вопросу преосв. Евгенія, преосв. Макарія, В. Аскочянскаго и друг. Возраженія и замѣчанія М. А. Максимовича и И. И. Малышевскаго. Критическій разборъ документальныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ основаніе Кіево-Богоявленскаго братства относится къ XVI стол.—Новыя попытки доказать существованіе Кіевскаго братства и школы при немъ съ 1589. Кіево-братскій упись, какъ первый достовѣрный документъ, дающій опредѣленное указаніе на время основанія братства. Рѣшеніе въ некоторыхъ недоразумѣній, возникающихъ при ознакомленіи съ означеннымъ уписомъ. Значеніе записи Галшки Гулевичевны при рѣшеніи вопроса о началѣ братства въ Кіевѣ. Несостоятельность доказательствъ, приводимыхъ въ защиту мнѣнія о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іеремією. Путь этого патріарха при двукратномъ посѣщеніи имъ западно-русскихъ областей. Другія доказательства, приводимыя въ подтвержденіе мнѣнія о существованіи братства въ Кіевѣ въ XVI стол.—Происхожденіе братствъ, постепенное развитіе ихъ организаціи и успѣшное распространеніе по юго-западной Руси. Сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства, обусловливаемое религиозно-нравственнымъ состояніемъ этого города въ концѣ XVI и нач. XVII стол.—Общія выводы.—*Примѣчаніе* о несомнѣнныхъ якобы воспитанникахъ Кіево-братской школы въ періодъ ея мнимаго существованія (до 1615 г.).

Очень долгое время въ нашей исторической литературѣ господствовало, основанное главнымъ образомъ на древнемъ преданіи, мнѣніе, что братство въ Кіевѣ со школою при немъ (въ послѣдствіи Академією) существовало еще со второй половины XVI стол.,—причемъ 1589-й годъ считался временемъ, съ котораго начинается особенное процвѣтаніе братской школы, якобы получившей въ означенный годъ личное патріаршее благословеніе на разширеніе въ ней наукъ. Но

сравнительно въ недавнее время это, почти уже установившееся въ наукѣ, мнѣніе о существованіи Кіевскаго братства со школою не позднѣе 1589 года значительно было поколеблено рядомъ замѣчаній и возраженій такихъ извѣстныхъ своею точностію и осмотрительностію въ выводахъ изслѣдователей, каковы М. А. Максимовичъ и И. И. Малышевскій. Оба они возникновеніе означенныхъ братства и школы относятъ къ 1615 году. Вполнѣ раздѣляя мнѣніе Максимовича и Малышевскаго, мы въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ данному вопросу, старались подкрѣпить оное новыми данными и соображеніями ¹⁾. Наши доводы однако не убѣдили сторонниковъ древняго преданія о началѣ Кіево-братской школы и вызвали съ ихъ стороны энергичныя попытки защитить и доказать достовѣрность этого преданія „путемъ сопоставленія прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ свидѣтельствъ“ ²⁾.—Такимъ образомъ, изслѣдователю, взявшему на себя трудъ прослѣдить исторію Кіевской духовной Академіи со времени ея основанія, первѣе всего предстоитъ рѣшить доселѣ еще спорный и недостаточно выясненный вопросъ о времени, къ которому должно быть приурочено первоначальное возникновеніе Кіево-Богоявленскаго братства и школы при немъ, вполнѣ переименованной въ Коллегію, а затѣмъ Академію. При всей скудости и нѣкоторой неопредѣленности положительныхъ свѣдѣній о первоначальныхъ временахъ Кіевскаго братства, данныхъ для рѣшенія означеннаго вопроса имѣется достаточное количество: необходимо только строго критически отнестись къ этимъ даннымъ и тщательно отдѣлать отъ нихъ тѣ фальшивыя и искусственныя наслоенія, которыя съ давнихъ поръ, по недоумѣнію, къ нимъ присоединялись и доселѣ присоединяются, путая и затѣмняя дѣло.

Вопросъ о времени возникновенія Кіево-Богоявленскаго братства—какъ видно изъ сказаннаго—имѣетъ свою, и притомъ давнюю, исторію, ознакомленіе съ которой не мало можетъ содѣйствовать надлежащему рѣшенію самаго вопроса. Начало этой исторіи восходитъ къ 1765 г. Въ январѣ означеннаго года въ Кіевской Академіи полученъ былъ изъ „Духовной митрополіи Кіевской Консисторіи“ указъ

¹⁾ Труды Кіев. Духов. Акад. 1882 г., № 3-й.—Кіевская Старина, 1885 г., № 1.

²⁾ Кіевская Старина, 1885 г., № 2. (Отвѣтъ намъ отъ П. Л.—ва).

съ требованіемъ доставить для Адресъ-календаря свѣдѣнія о томъ, „съ какого времени и кѣмъ именно Кіево-братскій монастырь основанъ, и кто, и съ какого года, и по какой годъ, были въ ономъ монастырѣ начальники.“ Въ исторической запискѣ, составленной въ исполненіе означеннаго указа, говорится, что документальныя данныя о Кіево-братскомъ училищномъ Богоявленскомъ монастырѣ не восходятъ ранѣе 1615 года, „когда воспослѣдовала отъ Галшки Гулевичевой надача (дома и двора) на монастырь ставропигіи патріаршей, на школу для дѣтей шляхетныхъ и мѣщанскихъ и на гостинницу странныхъ духовныхъ вѣры церкви восточной.“ „Но—добавляютъ составители означенной записки—*изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ разсуждать можно, что оный монастырь со школою заложенъ въ 1588 году, когда Іеремія, архіепископъ Константина града и вселенскій патріархъ, былъ въ Россіи для поставленія перваго патріарха на Москву*“¹⁾. Хотя составители записки и не объясняютъ, какія именно обстоятельства навели ихъ на мысль объ основаніи Кіево-Богоявленскаго братскаго монастыря и школы при немъ въ 1588 году, но изъ сохранившихся между академическими рукописями черновниковъ²⁾, имѣющихъ отношеніе къ данному предмету, видно, что авторы записки въ этомъ случаѣ исключительно имѣли въ виду тотъ фактъ, что въ означенное время, именно „въ лѣто 1588-е, за королеванья въ Польшѣ короля Жигмонта третьяго и за митрополита Кіевскаго Онисифора Дѣвочки, пріѣхалъ въ нашу землю русскую святѣйшій вселенскій патріархъ Константинопольскій Іеремія, первый отъ крещенія Руси посѣтившій свою паству“, и что сей патріархъ, при своемъ обзорѣніи западно-русскихъ областей, „хотяй здѣсь обновити любовь апостольскую, *устраивае по мѣстамъ* (т. е., городамъ) *братства церковныя*.“ Если патріархъ Іеремія устраивалъ по разнымъ городамъ церковныя братства, то возникало естественное *предположеніе*, что могъ устроить онъ таковое и въ Кіевѣ. Отсутствіе какихъ либо документальныхъ данныхъ за двадцати-пятилѣтній періодъ (1588—1615 гг.) предполагавшагося существованія Кіево-братскаго монастыря привело составителей разсматриваемой „исторической записки“ и къ другому, тоже ничѣмъ неподкрѣпленному предположенію,—именно, что будто

1) Сборникъ рукоп. актовъ Кіевской дух. Академіи, т. III, № 10.

2) Ibid. т. III, № 41-й.

бы „оний монастырь по причинъ разныхъ случаевъ“ былъ разоряемъ, такъ что его полное обновленіе относится только къ 1622 году, когда гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный „создалъ вновь церковь Богоявленія Господня и домъ братскій обновилъ.“ Въ этихъ, впервые высказанныхъ академическою корпораціею предположеніяхъ, безъ сомнѣнія, и кроется основной зародышъ того якобы древняго преданія, которое, приурочивая основаніе Кіево-Богоявленскаго братства къ 1588 или 1589 г., съ теченіемъ времени—какъ увидимъ—обставилось новыми подробностями и прочно укоренилось въ нашей исторической литературѣ.... Подобнаго же мнѣнія о первоначальномъ возникновеніи Кіево-Богоявленскаго братства Кіевская духовная Академія держалась и въ 1771 году, когда отъ нея мѣстной Консисторіею вторично требуема была историческая записка по тому же самому вопросу ¹⁾. Это мнѣніе въ 1773 г. дѣлается извѣстнымъ и въ печати: Герардъ Миллеръ и Василій Рубанъ заносятъ его почти съ буквальною (по отношенію къ исторической запискѣ) точностію въ издаваемую ими „Старину и Новизну.“ ²⁾.

Но въ томъ же 1773 году, когда изъ Св. Синода воспослѣдовалъ новый запросъ о древнемъ и современномъ положеніи Кіевской Академіи, ученая академическая корпорація, составляя обширную историческую записку объ этомъ учрежденіи, уже съ недовѣріемъ отнеслась къ прежнему предположенію о началѣ Богоявленскаго братства и школы при немъ. На первый пунктъ синодальнаго запроса: „съ коего именно года Кіево-братскій монастырь училищнымъ учрежденъ?“—данъ былъ отвѣтъ, что *не рачѣ 1615 года*, какъ свидѣтельствуютъ о семъ несомнѣнныя документальныя данныя (дарственная записка Галпки Гулевичевны ³⁾). „Чтожь нѣкоторые догадкою только утверждаютъ“ — объясняютъ составители разсматриваемой записки,—якобы братскій монастырь съ церковію и прочимъ отъ 1588 года, когда патріархъ Константинопольскій Іеремія пріѣзжалъ въ російскую землю, начало свое взялъ, а потомъ, по разнымъ случаямъ разоренъ бывши, паки Гетманомъ Петромъ Конашевичемъ возобновленъ, *то о томъ нѣтъ изъ чего увѣрится*, а совершеннѣе

¹⁾ Сборн. рук. актовъ Кіев. дух. Акад., № 41-й.

²⁾ Старина и Новизна, состоящая изъ сочиненій и переводовъ прозаическихъ и переводныхъ. Ч. II. 1773 г. (статья о кіевскихъ училищахъ, стр. 107 и слѣд.).

³⁾ Запись напечатана въ *Памят. Кіев. Комм.* т. II. № 1, и прилож. № 2.

можно видѣть, такъ по грамотѣ святѣйшаго Куръ Павсія, патріарха іерусалимскаго, 1649 данной ¹⁾, въ которой, поминается, что онѣй Гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный съ прочими христіанцами, по благословенію патріарха іерусалимскаго куръ Теофана, не разоренную возобновилъ, но вновь своимъ изживеніемъ церковь и обитель братскую воздвигъ, яко и изъ грамоты святѣйшаго Куръ Теофана, 1620 г. мая 17 данной ²⁾, въ которой между прочимъ написано слѣдующее: „Сего ради въ благочиннѣйшее исправленіе и вѣщшее еже о церквахъ Божіихъ попеченіе, и сихъ разширеніе, смиренія нашего благословеніемъ новодруженное братство (*что разумѣется не иначе — новозаложенное или новоооружившееся братство*) богоспасаемаго града Кіева благословихомъ и хартією нашею благословенною въ вѣчніе роды укрѣпихомъ, къ нему же моленіемъ любово-подражательныхъ братій, ко еже во множайшее распротрѣніе славы имени Господня, въ богоспасаемомъ семъ градѣ Кіевѣ, по образу прочихъ благочестивыхъ братствъ во мнозѣхъ градовѣхъ государства великаго государя короля польскаго сущихъ, братство младенческое, старѣйшему братству единомыслное и повинующееся, о Господѣ заложити извольше, благословихомъ и симъ начертаніемъ нашимъ благословляемъ.“ Слѣдовательно, хотя, какъ въ продолженіи оной грамоты значится, и были въ прочихъ Королевства Польскаго городахъ братства, но въ градѣ Кіевѣ прежде сего новодруженнаго ни старѣйшаго, ни младшаго братства древнѣйшаго не было, да и бытія такового ничѣмъ доказать не можно“ ³⁾.

Это мнѣніе кіевскихъ ученыхъ, по своей обстоятельности заслуживавшее полного вниманія, не было однако раздѣляемо почти всѣми послѣдующими изслѣдователями давнихъ судебъ Кіевской Академіи ⁴⁾,

¹⁾ Напеч. въ *Памятникахъ Кіев. Комм.* т. II, № 14.

²⁾ Напеч. въ *Памят. Кіев. Комм.* т. II, № 3-й.

³⁾ Архивъ Святѣйшаго Синода, дѣло 1773 г. — Копія съ этого дѣла, съ нѣкоторыми впрочемъ пропусками противъ подлинника, прислана въ 1827 году митрополитомъ Евгеніемъ въ бібліотеку Кіевской духов. Академіи, гдѣ и по настоящее время находится (№ J. 26).

⁴⁾ Не говоримъ всѣми, но почти всѣми, потому что въ концѣ прошлаго столѣтія въ самой Академіи Кіевской ея начало полагали въ 1620 году, когда она была утверждена и благословлена іерусалимскомъ патріархомъ Теофаномъ. Такъ въ *Кіевскомъ мѣсяцесловѣ на мѣсто 1798*, составленномъ Иринеємъ Фальковскимъ, въ хронологіи вещей достопамятныхъ обозначено: *отъ заведенія Кіевской Академіи—178 годъ.*

хотя, какъ можно думать, оно и не оставалось, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, безъизвѣстнымъ. Такъ преосвященный Евгеній въ своемъ *краткомъ извѣстїи о началѣ Кіевской Академіи* ¹⁾ держится мнѣнія, приурочивающаго первоначальное основаніе Кіево-Богоявленской братской школы къ 1589 году,—причемъ, сообщая нѣсколько новыхъ подробностей, впервые указываетъ на документальныя данныя, якобы подтверждающія означенное мнѣніе. Онъ говоритъ, что патріархъ Іеремія „на обратномъ пути изъ Москвы въ 1589 году *посѣтилъ Кіевъ* и въ это время далъ благословеніе завести въ семь городѣ высшее училище (подобное Острожскому, Львовскому и Виленскому) при знатнѣйшей тогда изъ кіевскихъ русскихъ школъ, находившейся у Богоявленской церкви, которая имѣла уже тогда для содержанія оной и особое братство и доходныя маетности, какъ видно изъ одной купчей отъ кіевского жителя Андрея Обухова записи 1594 г. на Сверчановскій плацъ на Подолѣ, уступленный сему братству. Но когда Богоявленская школа сія сторѣла, то жена маршалка мозырскаго, Анна Гулевичева, отдала подъ школы свой домъ со всею усадьбою и пристройками, находившійся на мѣстѣ нынѣшняго братскаго монастыря.“—Тоже самое за преосвященнымъ Евгениемъ повторяли и послѣдующіе историографы нашей академіи: преосвященный Макарій и В. Аскоченскій, а также и другіе писатели, касавшіеся древнихъ судебъ Кіевской Академіи (Фундуклей въ *Обозрѣніи Кіева*, Закревскій въ *Описаніи Кіева*, Сементовскій въ сочиненіи—*Кіевъ съ его святынями*, всѣ русскіе энциклопедическіе словари, многіе, изданные въ Кіевѣ, мѣсяцесловы, и т. п.), съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями.—Такъ Аскоченскій основаніе кіевского училища относитъ „къ той эпохѣ, когда конституціею сейма люблинскаго, въ 1569 году, окончательно утверждено начавшееся еще съ 1501 года соединеніе Литвы и Польши и когда Кіевъ съ прочими своими городами причисленъ къ польскому королевству.“ По его мнѣнію, патріархъ Іеремія былъ въ Кіевѣ два раза: въ 1588 году, когда отправлялся въ Москву, и въ слѣдующемъ 1589 г. на обратномъ пути оттуда. Во время этого вторичнаго посѣщенія Кіева онъ, по просьбѣ здѣшнихъ гражданъ, и преобразовалъ существовавшую при Богоявленской

¹⁾ Помѣщено въ приложеніяхъ къ *Описанію Кіево-Софійскаго собора* (изд. 1625 г.), подъ № 41.

церкви школу въ высшее правительственное учрежденіе. „Благословеніе патріарха—по словамъ Аскоченскаго—было первымъ и основнымъ камнемъ того училища, которому суждено было потомъ возвыситься до званія Академіи и которое съ того времени рѣзко стало отличается отъ другихъ совмѣстныхъ и современныхъ ему.“ Въ подтвержденіе несомнѣннаго существованія Кіево-Богоявленскаго братства въ XVI столѣтіи, Аскоченскій, кромѣ упоминаемой преосвященнымъ Евгеніемъ записи Андрея Обуха 1594 года, указываетъ еще на выписъ изъ гродскихъ кіевскихъ книгъ 1593 года, изъ коей видно, что въ этомъ году „кіевскій нагорскій священникъ Филиппъ Аѳанасьевъ положилъ передъ урядомъ королевскимъ листы урядниковъ воеводства кіевскаго для подтвержденія принадлежащихъ къ церкви Трехъ-святительской и Крестовоздвиженской вотчинъ со всѣми ихъ угодьями и для передачи ихъ потомъ Кіево-Богоявленскому братству“ ¹⁾).

Первые двадцать пять лѣтъ существованія Кіево-братской школы (съ 1589 по 1615 г.),—по словамъ исторіографовъ Кіевской Академіи,—остаются для насъ почти неизвѣстными; но тѣмъ не менѣе они, отчасти въ видѣ вѣроятныхъ предположеній, а отчасти даже и положительныхъ данныхъ, объ этомъ двадцати-пятилѣтіи сообщаютъ нѣсколько свѣдѣній. Первѣе всего исторіографы отмѣчаютъ тотъ фактъ, что до 1615 года кіевская братская школа переживала трудныя времена, испытала много бѣдствій. „Въ тотъ самый годъ—говоритъ преосвященный Макарій,—какъ положено было начало Кіевской школы, зародилась уже, по крайней мѣрѣ въ умахъ главныхъ виновниковъ ея, такъ называемая *Унія*—источникъ безчисленныхъ золъ для западной Руси и православной церкви; въ тотъ же годъ на сеймѣ польскомъ ограничены были права и вольности запорожскихъ козаковъ, которые, желая отстоять ихъ и вмѣстѣ защитить вѣру православную отъ папистовъ и уніатовъ, подняли оружіе противъ своихъ притѣснителей. Война продолжалась почти непрерывно около семи лѣтъ, война упорная и свирѣпая, не разъ съ обѣихъ враждовавшихъ сторонъ доходившая до варварскаго ожесточенія. Можно представить состояніе Кіевскаго училища въ это семилѣтіе, когда все воеводство

¹⁾ Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академію. Кіевъ, 1856 г. ч. I. стр. 57, 60. 61.

кіевское принимало дѣятельнѣйшее участіе въ дѣлахъ брани и всѣ умы въ Малороссіи заняты были до высочайшей степени одною ужасною мыслію о бѣдствіяхъ, уже постигшихъ родину, и о новыхъ, собиравшихся надъ нею. Сеймъ 1597 года, объявившій народъ русскій отступнымъ, вѣроломымъ, бунтливимъ, далъ полную волю изступленному фанатизму ревнителей папскаго престола и скоро вся Украина запылала страшною непремиримою войною. Это продолжалось до 1607 года, когда новымъ сеймомъ ограждены были нѣсколько права христіанъ православныхъ. Легко представить себѣ, каково должно было быть состояніе Кіевскаго училища и въ это десятилѣтіе. Тогда какъ всѣ православные храмы въ Кіевѣ были запечатываемы или отдаваемы въ аренду жидамъ, могла-ли не подвергнуться той же участи и церковь, при которой оно находилось? Тогда какъ всѣ православныя училища были всячески тѣснимы и разрушаемы іезуитами—главнѣйшими дѣятелями въ сихъ гоненіяхъ,—могло-ли оно укрыться отъ ихъ преслѣдованія? Если они старались довести до совершеннаго упадка училища Острожское, Львовское и Стратинское, то не упускали, безъ сомнѣнія, ничего ко вреду училища братскаго, которое, находясь въ самой столицѣ православія, служило оплотомъ правой вѣры. Наконецъ къ довершенію бѣдствій, претерпѣнныхъ симъ училищемъ,—огонь испепелилъ *въ концѣ* 1614 года и его и Богоявленскую церковь, такъ что теперь трудно опредѣлить даже мѣсто, гдѣ оно находилось¹⁾. Другой исторіографъ Кіевской Академіи—В. Аскоческій рисуеъ такую картину бѣдственнаго положенія Кіево-Богоявленской братской школы за рассматриваемое время: „Не успѣла Кіевская школа выдти изъ младенческаго состоянія, какъ на нее обрушились такія бѣдствія, которыя трудно было бы перенести и окрѣпшему въ силахъ училищу. Отступничество кіевскаго митрополита Михаила Рагозы и фанатическое изувѣрство преемника и клеветника его Ипатія Поцѣя, повергнувъ весь юго-западный край въ бездну золь и кровавыхъ междуусобій, неизбѣжно должно было отразиться неблагопріятнымъ образомъ и на всѣ вообще училища, существовавшія въ Кіевѣ. Не могли миловать и щадить ихъ отступники православія.... Но главнѣйшее изъ нихъ Богоявленское болѣе всѣхъ

¹⁾ Исторія Кіев. Академіи. 1843 г. Спб. стр. 15—16.

должно было испытать гоненій отъ лжепастырей. Оно было возведено на степень первенствующаго училища тѣмъ самымъ патріархомъ, котораго отступники ославили клеветникомъ, мздоимцемъ, возмутителемъ и бродягою. Оно, за неимѣніемъ православныхъ митрополитовъ, состояло подъ покровительствомъ Кіево-Печерской Лавры, отказавшейся повиноваться Рагозѣ и не согласившейся признать его своимъ архимандритомъ; оно считало въ числѣ первыхъ своихъ благодѣтелей и заступниковъ Никифора Тура, ревностнѣйшаго противника католиковъ и уніатовъ, силою своей власти и вліянія затворившаго для лже-пастырей святыхъ врата Кіево-Печерской Лавры. Не мудро послѣ этого, что враги православія обрушили на Богоявленское училище всевозможныя бѣдствія. Рагоза, отнявъ у Лавры знатнѣйшія владѣнія, лишилъ ее чрезъ то способовъ быть полезною училищному братству; уніатское духовенство, вторгаясь во всѣ православныя монастыри, отнимало у обителей средства не только къ подаіію помощи другимъ, но даже къ своему собственному существованію. Если даже народъ, собиравшійся на молитву въ полевые шалаши, не имѣлъ спокойствія и безопасности и былъ разгоняемъ вѣроотступниками: то тѣмъ болѣе долженствовало подвергнуться такому насилію братство, образовавшееся съ цѣлію совершенно противоположною законопреступнымъ видамъ враговъ православія. Въ 1604 году, по ходатайству Ипатія Поцѣя, королевскимъ указомъ отдана кіевскому бискупу цѣлая часть Кіево-подола за канавою на горѣ Щекавицѣ; затѣмъ бискупъ самъ уже собою отнялъ изъ подъ магистратскаго вѣдомства и все пространство съ дворами до бывшей іорданской обители; наконецъ захватилъ и это мѣсто и все урочище кожевники. Значитъ католики заняли тѣ мѣста, гдѣ преимущественно жили ближайшіе члены братства; а съ этимъ вмѣстѣ, какъ властители, они конечно стѣснили прежнихъ благодѣтелей въ ихъ усердствованіи къ училищу. Иезуиты, доминиканцы, соревнуя другъ другу, заводили въ самомъ Кіевѣ училища, гдѣ съ свойственнымъ только имъ искусствомъ внушали ненависть ко всему русскому и любовь и уваженіе къ западному. Этимъ они искусно подготовляли упадокъ ненавистнаго имъ Богоявленскаго училища, и конечно, не безъ тайной радости смотрѣли на пламя страшнаго пожара, истребившаго въ 1614 году Богоявленскую церковь“ 1).

1) Кіев. съ древ. училищемъ Академію. ч. I. 61—62.

Не смотря на столь „бурное существованіе“, Кіево-Богоявленская братская школа не прекращала своей педагогической дѣятельности и за рассматриваемой двадцати-пятилѣтній періодъ успѣла выпустить немалое число высокообразованныхъ ревнителей православія. Исторіографы Кіевской Академіи, не желая „распространять своихъ догадокъ на счетъ тѣхъ знаменитыхъ своихъ просвѣщеніемъ лицъ“, которыя могли получить свое образованіе въ означенной школѣ, указываютъ только на тѣхъ, которыя несомнѣнно получили его въ ней. Къ числу такихъ лицъ преосвященный Макарій относитъ: *Кирилла Транквилона — Ставровецкаго, Захарію Копытенскаго и Богдана Хмѣльницкаго*, ¹⁾ а Аскоченскій прибавляетъ еще къ нимъ: *Емсея Плетенецкаго, Леонтія Карповича, Кассіана Саковича* и сподвижниковъ *Хмѣльницкаго Павла Тетерю и Якимъ Сомка* ²⁾.

Такъ постепенно укоренялось, распространялось и приумножалось новыми наслоеніями древнее якобы преданіе о возникновеніи Кіево-Богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI столѣтія.—Сводя все сказанное относительно этого преданія, получаемъ нижеслѣдующія положенія о первомъ якобы двадцати-пятилѣтнемъ (1589—1614 г.) существованіи Кіевскаго братства и школы при немъ:

1) Братство существовало до 1588—1589 гг., ибо посѣтившій въ это время Кіевъ константинопольскій патріархъ Іеремія уже засталъ его сформировавшимся.

2) Начало Кіевской Академіи слѣдуетъ полагать въ 1589 году, потому что въ этомъ году означенный патріархъ возвысилъ братскую школу, преобразовавъ ее въ высшее правительственное училище, по образцу другихъ существовавшихъ въ литовско-русскихъ областяхъ.

3) Внѣшнее положеніе братской школы, за первое двадцати-пятилѣтіе ея существованія, было крайне бѣдственное, но, не смотря на это, она и въ означенный періодъ выпустила изъ своихъ стѣнъ не малое число высокообразованныхъ ревнителей православія.

4) Братство за рассматриваемое время владѣло дворомъ въ Кіевѣ, земельными угодьями и вотчинами, какъ это видно изъ двухъ документовъ 1593 и 1594 гг.

5) Въ 1614 году пожаръ истребилъ братскую церковь и быв-

¹⁾ Исторія Кіев. Акад. 31—32.

²⁾ Кіевъ съ древ. училищемъ Академ. I. 64—67.

шую при ней школу; но въ слѣдующемъ году братство со школою же перешло на новое, „сосѣднее“ мѣсто,—во дворъ, пожертвованной ему Галшкою Гулевичевою, женою мозырскаго маршалка,—съ каковаго времени для братской школы начинается новый періодъ ея существованія.

Укрѣпленное и формулируемое такимъ образомъ мнѣніе о существованіи Кіево-Богоявленскаго братства со школою еще въ концѣ XVI стол. заняло твердую позицію въ нашей исторической литературѣ и долго безъ колебаній господствовало въ ней. Но спустя ровно сто лѣтъ послѣ того, какъ положено было первое звѣно означенному мнѣнію, противъ него начинаютъ появляться серьезныя возраженія. Въ 1865 году М. А. Максимовичемъ напечатаны были *записки о первыхъ временахъ Кіево-Богоявленскаго братства*, гдѣ почтенный изслѣдователь, касаясь вопроса о начальныхъ временахъ братской школы, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Къ двумъ съ половиною вѣкамъ исторической жизни Кіево-братскаго училища добавляется еще 25-лѣтнее бытіе прежней Богоявленской школы, которая съ 1589 года, благословеніемъ патріарха Іереміи, была возвышена предъ прочими приходскими школами кіевскими. Но объ ней еще не открыто, кажется, тоговременныхъ извѣстій, ни объ томъ пожарѣ, которымъ она истреблена, какъ полагаютъ, 1614 года.—Печальная пустота этого пожараща восполняется нынѣ знаменитыми именами предполагаемыхъ тамъ наставниковъ и питомцевъ (слѣдуетъ перечень тѣхъ и другихъ по исторіямъ Кіевской Академіи преосвященнаго Макарія и Аскоченскаго). Но для признанія неотъемлемой принадлежности ихъ всѣхъ къ прежней Богоявленской школѣ надобно тоговременное свидѣтельство о каждомъ, начиная съ Елисея Плетенецкаго, который скончался въ октябрѣ 1624 г. семидесятилѣтнимъ старцемъ и съ 1595 года былъ уже архимандритомъ“... „Нельзя и подумать,—продолжаетъ уважаемый изслѣдователь,—чтобы въ Кіевской школѣ, получившей патріаршее благословеніе 1589 года, не принималъ дѣятельнаго участія святопамятный князь Константинъ Острожскій, будучи воеводою кіевскимъ до кончины своей въ 1608 году. Но объ этомъ не нашлось еще и намека въ тоговременной письменности, такъ же какъ не видно изъ нея и прежней Богоявлен-

ской церкви, при которой находилась та братская школа. Единственный слѣдъ ихъ—купчая запись 1594 года, данная кievскимъ земляникомъ Андреемъ Обухомъ и его женою Наталіею Сверщовскою—на ихъ Сверщовскій домъ на Подолѣ и сѣножать на Оболони. Но и той купчей записи не имѣемъ мы въ подлинникѣ; а говорится о ней уже чрезъ сто лѣтъ, въ царской грамотѣ 1694 года, что проданъ дворъ и сѣножать въ братскій монастырь. Словомъ сказать, 25-лѣтнее бытіе первоначальной Богоявленской школы требуетъ новаго историческаго изслѣдованія и удостовѣренія.—Приведши небольшія выдержки изъ начальной части Кіево-братскаго уписа и дарственной записи Галшки Гулевичевны, Максимовичъ по поводу ихъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „*Начинаемъ*—говорятъ обыватели кievскаго воеводства—церковное братство въ Кіевѣ. Видно, что оно было тутъ дѣло новое, а не продолженіе прежняго братства, состоявшаго при Богоявленской церкви, сгорѣвшей въ предыдущемъ году, вмѣстѣ со школою и шпиталемъ. Братство, какъ общество людей, не прекратилось бы отъ пожара; оно только озаботилось бы о возобновленіи погорѣвшихъ зданій. Но въ предисловіи реестра и въ записи Гулевичевны нѣтъ и помину о нихъ и объ ихъ возобновленіи, которое въ ту пору было бы надежнѣе, чѣмъ построеніе ихъ вновь, отъ новаго православнаго братства церковнаго. Это умолчаніе не даетъ-ли намъ разумѣть, что Кіевское братство учредилось само по себѣ, безъ отношенія къ прежнему?“ 1).

Спустя четыре года послѣ появленія означенной статьи Максимовича, профессоръ И. И. Малышевскій въ своей *Исторической запискѣ о состояніи Кіевской духовной Академіи*, читанной имъ на юбилейномъ академическомъ актѣ, еще рѣшительнѣе старается доказать несостоятельность мнѣнія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства и школы при немъ со времени пріѣзда въ Россію патріарха Іереміи. Сущность его доказательствъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Никто не извѣстно, что Іеремія на пути-ли въ Москву или обратно былъ въ Кіевѣ: въ первомъ и другомъ случаѣ онъ ѣхалъ на Замостье, Вильну, Смоленскъ, посѣщая на этомъ пути и другіе города, въ числѣ коихъ ни въ какомъ актѣ не упоминается Кіевъ. 2) О грамотѣ

1) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Кіевъ 1877 г. т. II. 172—176.

и благословеніи Іереміи не упоминается ни въ одномъ изъ начальныхъ и вполне достовѣрныхъ актовъ Кіевскаго братства, что—буде таковая грамота и благословеніе даны—представляется дѣломъ необъяснимымъ. 3) Купчая запись Андрея Обуха неизвѣстна намъ ни въ подлинникѣ, ни въ выписи: мы знаемъ о ней только по ссылке въ царской грамотѣ 1694 года. 4) Мнѣніе о пожарѣ 1614 г., истребившемъ якобы братскій монастырь и школу, не могло быть доселѣ подтверждено никакимъ историческимъ документомъ. 5) Самыя выраженія записи Галшки Гулевичевны 1615 года и братскаго уписа начала 1616 г. даютъ прямое заключеніе, что братство со школою только теперь начиналось. Галшка Гулевичевна говоритъ, что даетъ дворъ съ землею на монастырь ставропигіи патріаршей, т. е. *на будущій* монастырь, *будущую* ставропигію, *будущую* школу, иначе она назвала бы этотъ монастырь, упомянула бы объ учрежденіи ставропигіи; далѣе она выражается, что только вводитъ монашествующихъ и школу въ жертвуемый ею для нихъ дворъ съ землею. А члены уписа говорятъ еще прямѣе: *начинаемъ* сей душеспасительный союзъ—братство церковное, *начинаемъ* по благословенію святѣйшаго патріарха Тимоѳея и прочихъ патріарховъ и согласно съ уставами, которые даны отъ святѣйшихъ патріарховъ братствамъ городовъ: Львова, Вильны, Могилева и церквамъ другихъ городовъ.—Можно ли было бы не упомянуть тутъ о братствѣ и школѣ, получившихъ благословеніе отъ патріарха Іереміи, если бы то и другое дѣйствительно было? ¹⁾

Замѣчанія Максимовича и Малышевскаго, не смотря на недостаточность аргументаціи нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣютъ весьма существенный характеръ. Но особенно цѣннымъ мы считаемъ указаніе на братскій упись, какъ документъ несомнѣнный, имѣющій прямое отношеніе къ разсматриваемому вопросу и—если откинуть предвзятая мысли—рѣшающій этотъ вопросъ съ положительною точностію. Въ виду особенной важности означеннаго документа для нашей цѣли, мы считаемъ умѣстнымъ привести изъ него большія выписки, чѣмъ какія сдѣланы Максимовичемъ и Малышевскимъ. „Господь нашъ Іисусъ Христосъ—читаемъ въ уписѣ,—по своему великому и человѣколюбивому милосердію, устроая на землѣ все къ нашему спасенію, и

¹⁾ Труды Кіев. Духов. Академіи 1869 г. т. IV. (юбилейный номеръ).

идя на вольное, спасительное для людей, страданіе, говорилъ своимъ ученикамъ: сіе заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга... и мы грѣшныя, послѣдуя сему божественному и спасительному и челоуѣколюбному наставленію.... *хотя и поздно, пробудившись отъ довременнаго нерадѣнія и лѣности и мрачной суеты мірской, восхотѣли прозрѣть къ свѣту благоразумія.* И предстательствомъ Пречистыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, силою честнаго и животворящаго креста и молитвами всѣхъ святыхъ: *по благословенію и повелѣнію святѣйшаго Вселенскаго Константинопольскаго патріарха, господина Тимофея, главнѣйшаго во Христѣ пастыря нашего и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ: Александрійскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго, начинаемъ сей душе-спасительный дружескій союзъ, братство церковное, въ богоспаемоемъ городѣ Кіевѣ...* Для чего,—какъ существенное основаніе предпринимаемаго того святого братства милосердія, по волѣ Вседержителя Бога,—составляется упись и присяжный союзъ и соединеніе неразрывной братской любви, *согласно съ уставами, которые даны отъ святѣйшихъ патріарховъ братствамъ городовъ: Львова, Вильна, Могилева и церквамъ другихъ городовъ Короны Польской, освящены ихъ благословеніемъ и утверждены.*“¹⁾ Такимъ образомъ, въ самомъ древнѣйшемъ, дошедшемъ до насъ памятникѣ, имѣющемъ отношеніе къ Кіеву-Богоявленскому братству, мы не только не видимъ ни малѣйшаго намека на издавна якобы существовавшее преданіе, приурочивающее возникновеніе сего братства еще къ концу XVI стол., но находимъ прямыя и ясныя указанія, что оно сформировалось только около 1615 года. Мы можемъ сослаться еще на другой тоговременный памятникъ, въ которомъ находится не менѣе ясное и определенное указаніе на то, что братство въ Кіевѣ началось только съ указаннаго времени. Уніатскій митрополитъ Вельяминъ Рутскій въ составленномъ имъ около 1618—1619 гг. проектѣ относительно введенія уніи въ Кіевѣ, между прочимъ, говоритъ: „большимъ препятствіемъ для уніи въ томъ городѣ (Кіевѣ) служитъ новое братство, основанное здѣсь схизматиками три года тому назадъ, безъ привилегіи короля, гдѣ происходятъ сходки и совѣщанія, которыхъ послѣдствіемъ

¹⁾ Памят. Кіев. комм. т. II. № 2.—Прилож. № 1.

было то, что митрополичій офіціалъ былъ утопленъ, потомъ слуга, взимавшій двойной поборъ, схваченъ былъ съ деньгами, выведенъ въ степь и прикованъ къ пушкѣ, а теперь схваченъ также попъ уніатъ, который одинъ только и былъ здѣсь, и неизвѣстно куда запрятанъ“, и проч. ¹⁾. Къ этому нелишне прибавить, что и въ другихъ начальныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ письменныхъ памятникахъ, касающихся Кіево-Богоявленскаго братства, мы не находимъ никакихъ указаній на его существованіе съ конца XVI столѣтія: напротивъ, встрѣчаемъ выраженія, дающія основаніе предполагать, что братство въ Кіевѣ—явленіе еще очень недавнее (напр. извѣстное уже намъ выраженіе въ грамотѣ патріарха Теофана 1620 г. — *новодруженное братство*).

Но не смотря на серьезное значеніе приведенныхъ нами замѣчаній и возраженій М. А. Максимовича и И. И. Малышевскаго, ими было только *поколеблено*, но не *подорвано въ корнѣ* установившееся въ нашей исторической литературѣ мнѣніе о первоначальномъ основаніи Кіево-Богоявленскаго братства еще во второй половинѣ XVI столѣтія. И это естественно. Доказывая несостоятельность древняго преданія о началѣ означеннаго братства, ученая критика, въ лицѣ Максимовича и Малышевскаго, почти вовсе не коснулась главной опоры, которая преимущественно и даетъ жизненные соки этому преданію. Мы разумѣемъ тѣ единственныя документальныя данныя, въ которыхъ находятся якобы положительныя указанія относительно существованія братства въ Кіевѣ въ 90-хъ годахъ XVI столѣтія. Данныя эти, какъ мы видѣли, составляютъ: *листы урядниковъ воеводства кіевскаго 1593 года*, и *купчая Андрея Обуха 1594 г.* — О первомъ изъ этихъ документовъ поименованные изслѣдователи, возражавшіе противъ достовѣрности древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства, вовсе не упоминаютъ (по всей вѣроятности потому, что на него ссылается одинъ только Аскоченскій и ссылается—какъ увидимъ — неосновательно); относительно же второго ограничиваются краткимъ замѣчаніемъ, что онъ (купчая Андрея Обуха) неизвѣстенъ ни въ подлинникѣ, ни въ копіи, а говорится о

¹⁾ Подлинникъ хранится въ Архивѣ Греко-уніатс. митроп. при св. Синодѣ; напечатанъ (въ переводѣ) въ *Осноть* 1861 г. № 8, и *Вѣстникѣ Запад. Россіи*, 1862 г., октяб.

немъ уже спустя сто лѣтъ въ царской грамотѣ 1694 г. Очевидно, такимъ замѣчаніемъ изслѣдователи имѣли въ виду подорвать историческое значеніе этого, по видимому, весьма важнаго въ данномъ случаѣ письменнаго памятника. Но эта цѣль была ими не вполне достигнута. Вскользь высказанное замѣчаніе не есть еще доказательство, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ указаніе на поименованные документы 1593 и 1594 гг., хотя принадлежитъ сравнительно и позднему времени, но оно сдѣлано—какъ увидимъ—при обстоятельствахъ, не дающихъ основаній для предположенія о какомъ либо подлогѣ или ошибочномъ обозначеніи даты. Поэтому, хотя нѣкоторые изслѣдователи, по достоинству оцѣнивши вышеприведенныя замѣчанія Максимовича и Малышевскаго, и приняли ихъ мнѣніе объ основаніи Кіево-Богоявленскаго братства и школы при немъ въ 1615 г. (какъ, наприм., это сдѣлалъ преосв. Макарій, отказавшійся отъ своего прежняго мнѣнія о существованіи Кіево-братской школы въ XVI стол.)¹⁾; но вмѣстѣ съ тѣмъ нашлось немало и такихъ знатоковъ кіевской старины, которые все таки продолжали держаться по данному вопросу древняго преданія, утверждая, что купчая Андрея Обуха „служить несомнѣннымъ доказательствомъ существованія Кіевского братства еще въ концѣ XVI столѣтія“²⁾. Въ отвѣтъ на замѣчаніе Максимовича и Малышевскаго объ означенной купчей сторонники древняго преданія не безъ основанія заявляли, что нельзя отвергать свидѣтельства этой купчей потому только, что она не дошла до насъ въ подлинникѣ. „Достаточно—говорили они—и того, что до насъ дошла въ подлинникѣ царская грамота (1694 г.), въ которой приведена эта выпись; такъ какъ безъ надлежащей провѣрки выпись не могла быть помѣщена въ царской грамотѣ“³⁾.

Послѣ сказаннаго представлялась ясною задача изслѣдователя, желавшаго установить опредѣленное мнѣніе о времени основанія Кіево-Богоявленскаго братства. Онъ естественно долженъ былъ заняться рѣшеніемъ слѣдующихъ двухъ вопросовъ: *во-первыхъ*, дѣйстви-тельно-ли занесены были въ городскія книги воеводства кіевского

¹⁾ Исторія Рус. Церкви т. X. стр. 473—474.

²⁾ Описаніе Кіева, *Н. Закревскаго*.—Москва, 1868 г. т. I. стр. 150.

³⁾ Кіевская Старина, 1884 г. № 10-й. стр. 228—230.

упоминаемые въ царской грамотѣ 1694 года документы и притомъ съ обозначенною-ли въ ней датую? и, *во-вторыхъ*, если въ указанное время такіе документы дѣйствительно существовали, то Кіевскому ли братству они выданы были или же какимъ либо другимъ лицамъ и учрежденіямъ?

Рѣшеніемъ этихъ вопросовъ мы преимущественно и занялись въ упомянутыхъ нашихъ статьяхъ о началѣ Кіевской Академіи. Рѣшеніе это, въ настоящее время дополняемое нѣкоторыми новыми данными и соображеніями, состоитъ въ слѣдующемъ.

На первый изъ поставленныхъ вопросовъ долженъ быть данъ отвѣтъ утвердительный. Хотя указанія на поименованные документы 1593 и 1594 гг. и принадлежатъ сравнительно позднему времени, но они сдѣланы—какъ мы замѣтили—при обстоятельствахъ, не дающихъ основаній для предположенія о какомъ либо подлогѣ. Первое указаніе на рассматриваемые нами документы сдѣлано было, сколько намъ извѣстно, въ 1691 году. Во второй половинѣ этого года посланъ былъ въ Москву игуменомъ Кіево-братскаго монастыря и ректоромъ Кіевской Коллегіи Пахоміемъ Подлужскимъ префектъ и учитель философіи Силуанъ Озерскій вмѣстѣ съ учителями риторическимъ, пѣтическимъ и грамматическимъ, а также съ тремя студентами, для челобитья царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и поднесенія имъ отъ Академіи пышнаго панегирика ¹⁾. Это посольство отправлено было съ вѣдома кіевского митрополита Варлаама Ясинскаго и гетмана Ивана Мазепы. Послѣдній въ своей грамотѣ (отъ 4 авг. 1691 г.) цѣль посольства объясняетъ преимущественно желаніемъ со стороны Кіево-братскихъ иноковъ выразить пресвѣтлымъ государямъ „досто-должное желательство и благопривѣтство: ибо всѣ они разсудили сіе быти належащею и непремѣнною должностію, понеже подъ высокодержавною Царскаго Величества рукою благополучно живутъ и въ высокихъ наказаніяхъ, кромѣ всякихъ препятствій, расширяются“.

¹⁾ Панегирикъ этотъ представлялъ собою огромный шелковый платъ, на которомъ отгравированы портреты Іоанна и Петра Алексѣевичей, Кіевская Академія, студенты и нѣсколько аллегорическихъ картинъ. Внизу напечатано посвященіе царямъ и, такъ называвшаяся въ то время, *комплюзія* (рядъ тезисовъ). Въ настоящее время панегирикъ этотъ находится въ Императорской Публичной Библиотекѣ (въ Петровской залѣ), а фотографическая копія съ него есть и въ Церковно-Археологическомъ музеѣ при Кіевской Академіи.

Но, разумѣется, не послѣднею цѣлю посольства было желаніе снизить расположеніе государей и получить подтвержденіе академическихъ привилегій, исходатайствовать закрѣпленіе за Коллегією, находящихся въ ея владѣніи помѣстій, и т. п. Съ этою цѣлю и представлены были префектомъ С. Озерскимъ въ Малороссійскій Приказъ „на маестности Братскаго монастыря данныя королевскія привилея и выписи зъ книгъ грацкихъ и гетманскія универсалы.“ Въ Малороссійскомъ Приказѣ сдѣланъ былъ реестръ представленнымъ отъ имени Братскаго монастыря „крѣпостямъ“, съ краткимъ обозначеніемъ содержанія каждой изъ нихъ. Въ этомъ реестрѣ на первомъ планѣ и значатся рассматриваемые нами документы, причемъ въ описаніи перваго (королевскихъ листовъ) *ни единымъ словомъ не упоминается о братствѣ*, а говорится о подтвержденіи разныхъ маестностей церквамъ Трехъ-святительской и Кресто-воздвиженской, при описаніи же другаго (купчей Обуха) дѣйствительно рѣчь идетъ о Братскомъ монастырѣ: *Въ купчей Андрея Обухова (читаемъ здѣсь), землянина кievскаго, 1594 года написано: что онъ Андрей съ женою своею Натальею Сверцовскою продали въ Братской монастырь дворовое свое мѣсто Сверчевское і зъ сѣножатью, которое дворовое мѣсто противъ дворовъ кievскихъ мѣщанъ Сидора і Телепкина, а сѣножатъ на Оболони, прозваніемъ Сверцовская, издавна къ тому дворовому мѣсту належитъ: за 30 копъ литовскихъ* ¹⁾.—Поѣздка въ Москву префекта С. Озерскаго, кажется, была не особенно удачна: дѣло о царской жалованной грамотѣ почему-то затянулось, такъ что въ 1693 году новый ректоръ Кіевской Коллегіи Іоасафъ Краковскій счелъ необходимымъ лично отправиться въ Москву и снова ходатайствовать о подтвержденіи монастырскихъ привилегій и крѣпостей, причемъ послѣднія снова представлены были имъ въ Малороссійскій Приказъ, гдѣ, *по справкѣ съ прежнимъ дѣломъ*, доставленнымъ документамъ опять сдѣланъ былъ реестръ, почти дословно сходный съ реестромъ 1691 года. Поѣздка Іоасафа Краковскаго была удачнѣе: результатомъ ея была жалованная царская грамота (11 января 1694 г.), подтверждающая Кіево-братскому монастырю право владѣнія прежними вотчинами и угодьями ²⁾. Въ этой грамотѣ въ полномъ видѣ и помѣщенъ былъ

¹⁾ Архив. Минист. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ. Дѣла Малоросс., годъ 1691, связка № 93.

²⁾ Напечатана въ *Памят. Кіевс. Ко.м.* т. II, отд. I. № XXIX.

означенный реестръ крѣпостямъ Кіевской Коллеги, на который, какъ на безусловно точное свидѣтельство, ссылаются сторонники древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI столѣтія.—Повторяемъ, нѣтъ никакого основанія заподозривать подлинность представлявшихся въ Малороссійскій Приказъ отъ имени Братскаго монастыря крѣпостныхъ документовъ: дѣло шло не о полученіи какихъ либо спорныхъ угодій, а о закрѣпленіи помѣстій, находившихся уже въ монастырскомъ владѣніи. Но независимо отъ этого есть и положительныя данныя, удостовѣряющія дѣйствительность существованія поименованныхъ документовъ и при томъ съ датою, обозначенною въ царской грамотѣ ¹⁾. Въ библиотекѣ Кіево-печерской Лавры находится довольно объемистая рукопись конца прошлаго столѣтія, содержащая опись всѣмъ документамъ на имѣнія, принадлежавшія кіевскимъ монастырямъ. Въ этой „описи“ подъ рубрикою— „документы, на состоящіе въ городѣ Кіево-подолѣ, Кіево-братскому монастырю принадлежащіе пляцы“, подъ №№ 1 и 2, значится: 1) „Выпись съ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго, 1593 года, марта 20-го дня, данная бывшему священнику церкви верхне-кіевской Трехъ-святительской Филиппу Аеанасіевичу съ упоминкомъ данныхъ ему прежнихъ на оную церковь разныхъ привилегій, правъ и принадлежностей къ той церкви; оная выпись въ книгу оправлена и во многихъ мѣстахъ подклеивана“; и 2) „Купчая жителя кіевскаго Андрея Обухова на состоящій въ городѣ Кіево-подолѣ пляць, называемый Сверчановскій, *съ уступкою оною кіевскому Богоявленія Господня братству*; 1594 года сентября 5 дня; на двухъ листахъ, одинъ изъ коихъ писанный, а другой порожній.“

Такимъ образомъ, дѣйствительное существованіе поименованныхъ документовъ и притомъ съ датою, обозначенною въ царской грамотѣ 1694 г., не можетъ подлежать сомнѣнію; но вопросъ о томъ, могутъ-ли эти документы служить доказательствомъ существованія Кіево-Богоявленскаго братства въ концѣ XVI стол., долженъ быть рѣшенъ въ строго отрицательномъ смыслѣ. Къ такому рѣшенію насъ приводятъ нижеслѣдующія данныя и соображенія.

¹⁾ Пресв. Макарій, отказавшись—какъ мы замѣтили выше—отъ прежняго своего мнѣнія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства еще въ XVI стол., предполагаетъ, что при описаніи купчей Андрея Обухова *безъ всякаго сомнѣнія допущена описка въ означеніи года*. (Исторія рус. церкви, т. X. стр. 274).

Начнемъ съ купчей Андрея Обуха, какъ документа наиболѣе важнаго.

Кромѣ реестровъ 1691 и 1693 гг., занесенныхъ въ царскую грамоту 1694 г., упоминаніе объ этой купчей—какъ мы видѣли—находится въ рукописной *описи* монастырскихъ имѣній. Но указаніе описи, дѣлая несомнѣннымъ существованіе купчей Андрея Обуха съ датою 1594 г., вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ основаніе для предположенія, что *въ указанное время дворовое Сверчевское мѣсто продано было какому либо частному лицу, а не Кіевскому братству и, такимъ образомъ, къ послѣднему перешло уже впоследствии*. Основаніе для такого предположенія находится въ слѣдующихъ словахъ описи: „купчая Андрея Обухова на пляцъ, называемый Сверчановскій... *съ уступкою онаго Кіевскому Богоявленія Господня братству*.“ Подчеркнутыя нами слова—*съ уступкою онаго*,—очевидно, находятся въ противорѣчьи какъ съ обозначеніемъ описываемаго документа купчею, такъ и съ выраженіемъ реестровъ, занесенныхъ въ царскую грамоту, гдѣ говорится, что Андрей Обухъ съ женою своею Наталіею Сверщовскою *продали* въ братскій монастырь дворовое свое мѣсто Сверчевское... за тридцать копъ литовскихъ“. Слово *уступка* заключаетъ въ себѣ понятіе о подаркѣ, безденежной отдачѣ какого либо предмета другому лицу и потому въ указанныхъ нами мѣстахъ является несообразностію, вызывающе недоумѣніе. Если Андрей Обухъ продалъ братству свой дворъ за тридцать копъ литовскихъ, то могъ-ли составитель описи сказать, что этотъ дворъ перешелъ во владѣніе братства посредствомъ уступки?—Думаемъ, что не могъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ своемъ обширномъ трудѣ, при описаніи документовъ, онъ строго различаетъ *продажу отъ уступки*, вездѣ разумѣя подъ послѣднею *пожертвованіе, дарственную запись*,—какъ можно, напр., видѣть изъ слѣдующихъ выписокъ изъ описи: 1) *уступной листъ*, данный Николаемъ Макаровичемъ пану Пукаловичу на вѣчное владѣніе „Совкою“; 2) *уступка* части мельницы въ Бѣлгородкѣ Кіево-Софійскому монастырю отъ Михаила Мысниченка, и т. п.

Но какъ же, въ такомъ случаѣ, можетъ быть объяснено указанное нами противорѣчіе въ „реестрахъ“ и „описи“ относительно купчей Андрея Обуха?

Думаемъ такъ: въ 1594 году Андрей Обухъ дѣйствительно продалъ свой Сверчевскій дворъ, но продалъ не въ Кіево-братскій

монастырь, а какому либо частному лицу, а это послѣднее, провла-
дѣвъ извѣстное число лѣтъ купленнымъ мѣстомъ, *уступило*, т. е. по-
жертвовало его Кіево-Богоявленскому братству, въ то время уже
существовавшему. Когда судебнымъ порядкомъ закрѣплялось означен-
ное пожертвованіе, братству вручена была съ уступочною надписью
и купчая 1594 года, какъ основной документъ на владѣніе означен-
нымъ мѣстомъ. Можно допустить, что дворъ, принадлежавшій до
1594 г. Андрею Обуху съ женою, былъ перепродаваемъ нѣсколько
разъ и могъ перейти въ братству чрезъ третьи, четвертыя руки;
но, очевидно, сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. Въ
1691 и 1693 гг. купчая Андрея Обуха,—какъ мы видѣли,—въ
качествѣ основнаго документа на владѣніе Сверचेковскимъ дворомъ,
представляема была вмѣстѣ съ прочими крѣпостными документами
Кіево-братскаго монастыря въ Москву для исходатайствованія подт-
вердительной царской грамоты на всѣ имѣнія и угодія, издавна при-
надлежавшія этому монастырю. Въ Москвѣ, въ Малороссійскомъ При-
казѣ, при *краткомъ* изложеніи содержанія документовъ, содержаніе
купчей Андрея Обуха, надо полагать, изложено было *не совсѣмъ*
точно, именно ошибочно пріуроченъ переходъ Сверчековскаго двора
къ братству къ 1594 году. Эту неточность объяснить не трудно.
Для лицъ, служащихъ въ Малороссійскомъ Приказѣ, документъ, на-
писанный на южно-русскомъ нарѣчій и притомъ сто лѣтъ тому на-
задъ, представлялъ при чтеніи не мало затрудненій. Входить въ под-
робности при изложеніи содержанія подобныхъ документовъ не было
дѣломъ легкимъ и пріятнымъ и поэтому писцы въ такихъ случаяхъ
ограничивались самимъ краткимъ и общимъ экстрактомъ, причемъ,
естественно, не рѣдко впадали и въ ошибки. Въ данномъ случаѣ
писцу предстояло изложить содержаніе купчей 1594 года.... *Кто* про-
даетъ?—Андрей Обухъ съ своею женою Наталіею Сверцовой.—
Что?—такой-то дворъ и сѣножать.—*Засколько?*—за тридцать вошь
литовскихъ.—*Кому?*—Документъ представленъ былъ отъ имени Кіево-
братскаго монастыря, владѣвшаго въ то время означеннымъ дворомъ
и ходатайствовавшего о подтвержденіи своихъ правъ на это владѣ-
ніе, — слѣдовательно *братскому монастырю*. Очевидно, послѣднее
могло быть и не совсѣмъ точно: во владѣніе братскаго монастыря
могло перейти и не отъ Андрея Обуха проданное имъ въ 1594 году
дворовое мѣсто съ сѣножатью, а чрезъ другія или третьи руки (какъ

на самомъ дѣлѣ и случилось); но входитъ въ такія подробности не было большой охоты, тѣмъ болѣе, что отъ не совсѣмъ точныхъ выраженій дѣло въ сущности страдало мало. Объясненіе, представленное нами, получаетъ еще ббольшую вѣроятность въ виду того, что подобныя неточности писцы Малороссійскаго Приказа допустили и по отношенію къ другимъ, описывавшимся ими въ то же время Кіево-братскимъ крѣпостямъ. Напримѣръ: „Въ привилегіи *Владислава Короля Польскаго 1582 года* написано“, и проч.; „въ листу *Владислава Короля Польскаго* въ Тризнѣ Архим. Печерскому 1657 г. писано“ и т. д. ¹⁾. Но составитель упомянутой нами *описи* изложилъ—какъ мы видѣли—содержаніе разсматриваемаго документа иначе. Указавъ на фактъ продажи (т. е., назвавши описываемый документъ *купчей*), онъ не говоритъ—какъ это дѣлаютъ малороссійскіе писцы,—что Сверचेковскій дворъ съ сѣножатю были проданы именно *братству*, но только заявляетъ, что въ данное время, во время составленія описи, означенные дворъ и сѣножатъ находились *во владѣннн братства* и что послѣднее пріобрѣло ихъ *посредствомъ уступки*, т. е. пожертвованія. И если принять во вниманіе, что составитель описи, постоянно имѣя дѣло съ древними южно-русскими документами, безъ сомнѣнія, пріобрѣлъ большой навыкъ при ихъ чтеніи и потому рѣже, чѣмъ всякій другой, могъ впадать въ ошибки при подобныхъ занятіяхъ,—то его изложенію содержанія купчей Андрея Обуха должно отдать предпочтеніе предъ изложеніемъ того же документа писцами Малороссійскаго Приказа ²⁾.

Разумѣется, съ нашей стороны было бы слишкомъ смѣло обосновывать высказанное нами предположеніе о передачи Кіево-Бого-

¹⁾ Король Владиславъ IV избранъ былъ на польскій престолъ въ концѣ 1632 г., а скончался въ 1648 г.

²⁾ Предвидимъ слѣдующее возраженіе. Въ Малороссійскомъ Приказѣ описъ документамъ на маестности, принадлежавшія Кіево-братскому монастырю, составляема была—какъ видно изъ вышесказаннаго—*два разн:* въ 1691 и 1693 гг., и въ *обоихъ реестрахъ* при описаніи купчей А. Обуха сказано, что Сверчековскій дворъ съ сѣножатю *проданъ въ Братскій монастырь*, слѣдовательно нужно предполагать уже *двукратно* повторенную ошибку составителей описи, что можетъ представляться не совсѣмъ правдоподобнымъ. —Возраженіе это совершенно ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что вторая, позднѣйшая опись представляетъ дословное повтореніе первой: очевидно, что въ 1693 г. документы въ Малороссійскомъ Приказѣ не вновь описывались, но просто были переписаны съ описи, прежде (въ 1691 г.) составленной.

явленскому братству купчей Андрея Обуха значительно спустя послѣ 1594 г. единственно только на предпочтеніи, какое мы отдаемъ *описи* предъ *реестрами* малороссійскихъ писцовъ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ и самая опись особенною обстоятельностью не отличается. Но мы въ подтвержденіе своего предположенія можемъ привести и *положительное, документальное свидѣтельство, не оставляющее сомнѣній, что Сверчковскій дворъ перешелъ къ братству не непосредственно отъ Андрея Обуха съ женою, и не чрезъ покупку, а черезъ пожертвованіе.*

Въ 1693 году, мая 17-го въ Кіевскую ратушу пришли іеромонахи Богоявленскаго братскаго монастыря Рафаилъ Васильевичъ да Парфеній Радовичъ и просили именемъ своего игумена, ректора Іоасафа съ братією, чтобы войтъ, бурмистръ и лавники назначили комиссію для осмотра и описи земель и дворовъ, издавна (посредствомъ купли или пожертвованій) прибрѣтенныхъ братскимъ монастыремъ. Такая провѣрка монастырскихъ усадебныхъ мѣстъ вызвана была желаніемъ ректора съ братією, „чтобы монастырскіе дворы, мѣрою размежеваны суще, впредь отъ порубежныхъ сосѣдъ не были уцерблены.“ Просьба ректора и монастырской братіи была уважена. Ратушею назначены были урядники, которые вмѣстѣ съ братскими старцами „дворы осматривали и описали ихъ,“ — причемъ относительно *каждаго двора* сдѣлано было указаніе, *какимъ именно путемъ онъ прибрѣтенъ братскимъ монастыремъ.* Такъ въ описи значится, что первый дворъ, прозываемый *Кучинскій, купленъ былъ братствомъ за тысячу копъ литовскихъ* отъ Катерины Кучинской; второй, прозваніемъ *Выповскій, данъ* (т. е. пожертвованъ) въ монастырь гетманомъ Юріемъ Хмѣльницкимъ; четвертый—*Вороничовскій, взятъ за долгъ, за шесть тысячъ золотыхъ, у Данила Воронича, скарбника кіевскаго, и т. д.* Подъ № 7-мъ *описи* находится весьма важное для насъ свѣдѣніе и о *Сверчковскомъ* дворомъ мѣстѣ,—именно, здѣсь говорится, что „сѣдмой (по счету означенной описи) *дворъ Сверчковскій данъ въ монастырь отъ Крестины Лишневичевой и отъ Алафѣи Козичанки; имѣеть онъ три стороны*“; и проч.—(далѣе слѣдуетъ вычисленіе границъ и размѣровъ двора ¹⁾).

¹⁾ Архив. Минист. Иностр. Дѣлъ.—дѣла Малоросс. 1593 г., связ. № 93.—Также рукоп. *Введеніев. сборникъ Кіев. Акад.*, гдѣ помѣщена—*выписъ размѣренія площадей монастыря Богоявленскаго братства.*

Итавь не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ 1594 году Андрей Обухъ и его жена продали свой Сверचेковскій дворъ не Кіево-Богоявленскому братству, а кому-то другому (можетъ быть даже Крестинѣ Липневичевой и Агафѣѣ Козичанкѣ, или ихъ родичамъ) и только впослѣдствіи означенный дворъ перешель во владѣніе братства, *будучи подаренъ ему* двумя упомянутыми женщинами,—причемъ купчая 1594 года передана была братскому монастырю, какъ *основной документъ* на владѣніе подареннымъ мѣстомъ. Что купчая 1594 года была именно такимъ *основнымъ документомъ* (т. е. первою запродажною крѣпостію) это, между прочимъ, ясно видно изъ дѣвичей фамиліи жены Андрея Обуха,—фамиліи, сходной съ названіемъ проданнаго мѣста. *Сверчековскій*, или—какъ значитъ въ нѣкоторыхъ документахъ—*Свершковскій, Сверчановскій* дворъ, очевидно былъ родою собственностію Наталіи *Сверцовской*.

Что касается втораго документа, древняя дата котораго приводится, какъ доказательство существованія Кіево-Богоявленскаго братства въ концѣ XVI столѣтія, именно „*королевскихъ листовъ...*“, то въ реестрахъ, занесенныхъ въ царскую грамоту,—какъ мы уже сказали,—при изложеніи этого документа ни однимъ словомъ не упоминается о Кіевскомъ братствѣ; тоже самое и въ Лаврской описи монастырскимъ имѣніямъ. Приведенное нами выше заглавіе означенныхъ листовъ *съ указаніемъ на братство* принадлежитъ историографу академіи Аскоченскому и есть не болѣе, какъ собственное его измышленіе. Такимъ образомъ, сторонники древняго преданія о первоначальномъ основаніи Кіевскаго братства еще въ XVI стол. могутъ ссылаться на рассматриваемый документъ, исключительно руководствуясь слѣдующими собраніями: въ 1691—1693 гг. братскій монастырь, ходатайствуя предъ московскимъ правительствомъ о закрѣпленіи за нимъ находившихся въ его владѣніи помѣстій, представилъ, между прочимъ, для доказательства своихъ правъ на имѣнія, прежде принадлежавшія двумъ кіевскимъ церквамъ, документъ отъ 1593 года; *слѣдовательно въ означенномъ году братство уже существовало*. Но такой выводъ, не сильный и самъ по себѣ, окончательно падаетъ въ виду слѣдующихъ соображеній и положительныхъ данныхъ.

Во первыхъ, извѣстно, что въ рассматриваемое время частныя лица и общественныя учрежденія, приобрѣтая (посредствомъ-ли дара

или чрезъ покупку) какія либо помѣстья, угодыя и т. п., всегда старались получить первоначальные основные документы на эти помѣстья, и когда хлопотали объ утвержденіи своихъ правъ на пріобрѣтенную собственность, то представляли въ судебныя и другія правительственныя мѣста эти документы. Такъ, наприм., Кіево-печерская Лавра получила въ даръ село Сѣраково отъ князя Воронежскаго въ 1588 году, но когда впоследствии началось тяжбное дѣло по поводу владѣнія Лаврою означеннымъ селомъ, то печерскіе повѣренныя предъявляли для судебного утвержденія документъ отъ 1541 года ¹⁾. Точно также поступалъ и Кіево-братскій монастырь. Въ извѣстной царской грамотѣ 1694 г. говорится, что у братскихъ иноковъ есть крѣпости на разныя, принадлежащія имъ, угодыя еще отъ польскаго короля Генриха, (1573—1574 г.) ²⁾, между тѣмъ, имѣя въ виду перечень этихъ угодій, документально можно прослѣдить, что они перешли во владѣніе братства уже въ позднѣйшее время. Такимъ образомъ, предъявленіе какими либо учрежденіями и лицами документовъ съ древнею датою еще не можетъ служить доказательствомъ, что эти документы находились у означенныхъ учрежденій и лицъ *со времени самаго ихъ составленія*,—а слѣдовательно и выводы, дѣлаемые изслѣдователями на основаніи означенныхъ датъ не всегда можно считать состоятельными. (Сказаннымъ вполне объясняется также и то обстоятельство, почему Кіево-братскій монастырь, испрашивая подтвержденія своихъ правъ на владѣніе Сверчевскимъ дворомъ, предъявлялъ купчую 1594 года, не смотря на то, что означенный дворъ сдѣлался его собственностію уже впоследствии).

Во вторыхъ,—и это, разумѣется, самое главное,—по актамъ можно прослѣдить, что имѣнія церквей Трехъ-святительской и Кресто-воздвиженской перешли во владѣніе Кіево-Богоявленскаго братства не въ 1593 году, а гораздо позже. Такъ въ 1615 году на владѣнія имѣніями означенныхъ церквей выхлопоталъ привилей священникъ Моисей Ивановичъ ³⁾. Въ слѣдующемъ году церковь св. Воздвиженія съ принадлежащими въ ней землями была въ вѣденіи свя-

¹⁾ Рукопись Кіево-печ. Лавры, содержащая копіи съ лаврскихъ документовъ (№ 205).

²⁾ Памят. Кіевской Ком. т. II., отд. I., № XXIX.

³⁾ Евгеніевскій сборникъ (Рук. Кіев. Акад.)

щенника Филиппа ¹⁾; но затѣмъ опять перешла къ прежнему владѣльцу. Что же касается до Кіево-Богоявленскаго братскаго монастыря, то онъ сталъ пользоваться доходными статьями поименованныхъ церквей *только съ 1638 года*. Прямое указаніе на это находится въ универсалѣ короля Владислава IV, утверждающаго за братствомъ уступочную запись на имѣнія церквей поименованнаго священника Моисея Ивановича ²⁾.

Изъ сказаннаго, надѣмся, достаточно ясно видно, что какъ купчая Андрея Обуха 1594 года, такъ и „королевскіе листы“ 1593 г., первоначально были выдаваемы не Кіево-Богоявленскому братству и вообще никакого отношенія къ нему въ означенное время не имѣли; слѣдовательно и ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на указаные документы, какъ на неопровержимое доказательство существованія братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI стол., теряетъ всякое значеніе.

Между тѣмъ изъ представленнаго нами выше очерка постепенно слагавшихся сказаній о первоначальныхъ временахъ Кіево-Богоявленскаго братства можно видѣть, что главная опора, которая преимущественно давала жизненные соки древнему преданію о началѣ означеннаго братства со школою еще въ XVI столѣтіи, заключалась именно въ указаніи на рассмотрѣнные нами документы. Съ уничтоженіемъ этой единственной, по видимому, прочной опоры, упомянутое преданіе, не имѣя болѣе никакого для себя научнаго устоя (и въ виду нѣкоторыхъ, противорѣчащихъ ему, положительныхъ данныхъ), неизбѣжно должно быть оставлено. Объ этомъ мы заявляли еще въ первой своей статьѣ, посвященной разъясненію разсматриваемаго вопроса. Но заявленію нашему не суждено было исполниться. До настоящаго времени,—какъ мы говорили,—находятся ревностные защитники древняго преданія о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іеремією (въ 1589 г.) и учрежденіи имъ при здѣшнемъ братствѣ высшей школы, будущей Академіи, которые достовѣрность этого преданія стараются подкрѣпить *новыми данными и соображеніями*, по ихъ мнѣнію, столь существенными, что въ 1889 году, въ сентябрѣ или октябрѣ,

¹⁾ Матеріалы для исторіи Кіевск. митрополіи, изд. П. Г. Лебединцевымъ. (Оттискъ изъ Кіев. Епарх. Вѣд. за 1873 годъ).

²⁾ Универсалъ Владислава отъ 12 мая 1638 г. помѣщенъ въ упоминаемой выше исторической запискѣ (1773 года) о состояніи Кіевск. Академіи (*Рукоп. Ежен. сборн.*).

Кіевская духовная Академія смѣло можетъ праздновать трехсотлѣтіе своего существованія.

Посмотримъ, что это за новыя данныя и соображенія и дѣйствительно ли вновь выдвигаемая аргументація сторонниковъ древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства и братской школы не позже 1589 г. имѣетъ серьезное, научное значеніе.

Защита „древняго преданія“ о началѣ Кіевскаго братства преслѣдуетъ двѣ задачи: *во первыхъ*, подорвать всякое историческое значеніе тѣхъ положительныхъ данныхъ, которыя находятся въ противорѣчій съ этимъ преданіемъ; и, *во вторыхъ*, „путемъ сопоставленія прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ свидѣтельствъ“ упрочить положенія прежнихъ изслѣдователей, которыя находятся съ нимъ въ полномъ согласіи.

Мы видѣли, что самымъ важнымъ, несомнѣннымъ доказательствомъ существованія Кіево-Богоявленскаго братства не ранѣе 1614 года служитъ *Упись означеннаго братства*, гдѣ находятся прямыя указанія, что это есть первый, начальный, при самомъ возникновеніи учрежденія составлявшійся актъ. Сторонники „древняго преданія“ думаютъ объ *уписи* иначе, они считаютъ его положительно не имѣющимъ никакого историческаго значенія при рѣшеніи вопроса о началѣ братства. — Свое мнѣніе они доказываютъ слѣдующимъ образомъ: „упись кіевскихъ братчиковъ, помѣщенный во II томѣ Памятниковъ Кіевской Коммиссіи, помѣченъ 1631 годомъ, на самомъ же дѣлѣ принадлежитъ даже позднѣйшему времени, но отнюдь не 1615 году. Тутъ въ числѣ вписавшихся въ братство нѣтъ ни Елисея Плетенецкаго, ни Исаи Копинскаго, ни Юва Борецкаго, которые, безъ сомнѣнія, принадлежали къ братству 1615 года, а между тѣмъ есть подписи Исаи Трофимовича Козловскаго и Сильвестра Коссова, которые въ 1631 году находились еще во Львовѣ и въ это время только еще приглашались прибыть въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей, и притомъ не въ братской, а въ Лаврской школѣ Петра Могилы.“ На основаніи представленныхъ данныхъ слѣдуетъ естественный выводъ, что фраза, употребленная въ *уписи*: *начинаемъ братство церковное*, — „была стереотипною фразою не только первыхъ, но и послѣдующихъ дополнительныхъ уписовъ“ ¹⁾.

¹⁾ Кіевс. Старина, 1885 г., № 2, стр. 272—273.

Разумѣтся, еслибы вышеприведенныя разсужденія о времени составленія братскаго *уписа* были справедливы, то ими дѣйствительно въ основѣ подрывалось бы всякое значеніе этого документа въ смыслѣ рѣшенія вопроса о началѣ Кіевскаго братства. Но дѣло въ томъ, что всѣ означенныя разсужденія не болѣе, какъ плоды недомыслия и неосмотрительности и потому разсѣваются при первомъ же научномъ къ нимъ прикосновеніи.

Братскій уписъ не дошелъ до насъ въ подлинникѣ; вѣроятно онъ погибъ 29 февраля 1780 года, когда въ братскомъ монастырѣ „невѣдомо съ чего занялась горѣть на трапезной св. Глѣба и Бориса церкви средняя глава, отъ чего и другіе два верха, а притомъ *находящаяся при той же церкви въ горѣ, подъ верхними сводами, Академическая на разныхъ языкахъ библіотека, состоящая изъ восьми тысячъ шести сотъ тридцати двухъ книгъ, также и начальническія келии, совсѣмъ погорѣли*“ ¹⁾. Но въ 1773 году уписъ былъ еще цѣлъ. Въ этомъ году составители извѣстной исторической записки объ Академіи имѣли его подъ руками и, вмѣстѣ съ прочими братскими документами, снявши съ него копію, приложили ее къ изготовленной ими запискѣ, отосланной затѣмъ въ св. Синодъ, гдѣ она и по настоящее время находится ²⁾. Съ означенной записки, по приказанію митрополита Евгенія, снята была (съ нѣкоторыми, впрочемъ, иногда весьма существенными пропусками, а нерѣдко и ошибками) копія, которая въ 1827 году преосвященнымъ Евгениемъ передана была въ Кіевскую духовную Академію ³⁾. Археографическая коммиссія для своего изданія заимствовала братскій уписъ изъ этого Евгениевскаго сборника.— Составители исторической записки, снимая копіи съ братскихъ документовъ, тщательно провѣряли ихъ съ подлинниками ⁴⁾. Къ сожалѣнію, разсматриваемый нами уписъ или, точнѣе, подписи подъ этимъ уписомъ братчиковъ воспроизведены означенными копіистами *не въ*

¹⁾ Донесеніе Св. Синоду Кіевс. митрополита Гавріила, отъ 29 марта 1780 г., (Арх. Св. Синода, годъ 1780, № 416).

²⁾ Арх. святѣйшаго Синода, дѣло 1773 г.

³⁾ Хранится—какъ мы сказали—въ библіотетѣ Кіевской дух. Академіи подъ № j. 26; цитруется нами подъ заглавіемъ: *Рукоп. Евгениевскій сборникъ*.

⁴⁾ Провѣркою занимались учитель философіи іеромонахъ Кассіанъ и намѣстникъ іеромонахъ Іеронимъ.

попомъ видѣть. Обозначивъ подписи *двадцати* лицъ, вступившихъ въ братство, относительно остальныхъ копійсты ограничиваются (по недомѣнью считая это дѣломъ неважнымъ) общимъ замѣчаніемъ: *и прочихъ въ братство безчисленно вписавшихся*. Сказаннымъ объясняется неполнота списка братчиковъ въ его конечныхъ частяхъ. Но неполнота эта (какъ увидимъ ниже) простирается и на начало братскихъ подписей,—что, безъ сомнѣнія, зависѣло уже не отъ копійстовъ, но отъ дефекта въ самомъ подлинникѣ. Такъ какъ въ самомъ *уписѣ* нѣтъ даты (или, можетъ быть, она не прочитана была копійстами вслѣдствіе порчи подлинника), то данныхъ для опредѣленія, хотя приблизительнаго, времени составленія разсматриваемаго памятника должно искать въ немъ самомъ: во первыхъ, въ его текстѣ (точнѣе предисловіи), и, во вторыхъ, въ дошедшихъ до насъ подписяхъ подъ нимъ лицъ, вступившихъ въ братство.—Въ предисловіи къ *упису*—какъ мы видѣли,—между прочимъ, говорится, что братство кіевское *начинается* „по благословенію и повелѣнію Святѣйшаго вселенскаго Константинопольскаго патріарха *Тимоѳея*.“ Патріаршество Тимоѳея относится къ 1614—1622 гг. ¹⁾; слѣдовательно возникновеніе братства не можетъ быть приурочено ко времени ранѣе 1614 г. Предполагать, что указаніе на благословеніе, данное патріархомъ Тимоѳеемъ, есть тоже *стереотипная* фраза дополнительнаго якобы уписа 1631 года,—будетъ произвольною и странною натяжкой. При томъ въ послѣдней не представляется ни малѣйшей и надобности, такъ какъ дѣло достаточно уясняется нѣкоторыми подписями, вступившихъ въ братство лицъ. Правда,—какъ мы видѣли,—на подписи подъ разсматриваемымъ документомъ сторонники древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства и указываютъ именно какъ на доказательство составленія уписа не ранѣе (даже позднѣе) 1631 года,—но какое мѣсто должно быть отведено этому указанію, могутъ съ достаточною ясностію показать нижеслѣдующія наши объясненія.

Кіево-Богоявленское братство, подобно многимъ другимъ церковнымъ братствамъ въ юго-западной Руси, существовало нѣсколько десятилѣтій и, какъ коллективное учрежденіе, имѣло свой ростъ, вы-

¹⁾ Историческій списокъ епископовъ и потомъ патріарховъ св. и великой церкви Христовой, находящейся въ Константинополѣ, отъ 66 года по Р. Х. по 1834. Спб. 1862 г. (Переводъ съ греческаго сочин. Захарія Маенъ, изд. 1837 г. въ Навплѣ).—стр. 115—116.

ражавшійся, между прочимъ, въ постепенномъ увеличеніи числа его членовъ. Въ началѣ братство состояло изъ извѣстнаго числа лицъ, образовавшихъ между собою братскій союзъ; это были—употребляемъ современный терминъ—*члены учредители*. Они первые внесли свои имена въ братскій упись. Но спустя извѣстное время послѣ возникновенія братства—мѣсяць, годъ, два, три, и т. д.,—въ него могли вступать, и дѣйствительно постоянно вступали, и другія лица, которыя также вносили свои имена въ тотъ же упись. Послѣдній, такимъ образомъ, представлялъ собою длинный реестръ лицъ, *въ разное время* вписывавшихся въ братство. Очевидно, что подобные братскіе реестры, особенно сохранившіеся въ полномъ видѣ, могутъ служить, при отсутствіи другихъ данныхъ, весьма важнымъ источникомъ для рѣшенія вопроса о времени, къ которому должно быть отнесено самое основаніе братства. Хотя разсматриваемый нами упись, къ сожалѣнію, и не дошелъ до насъ въ полномъ видѣ, тѣмъ не менѣе часть начальныхъ подписей, занесенныхъ въ него при самомъ основаніи Кіево-Богоявленскаго братства или, по крайней мѣрѣ, во время *очень близкое къ нему*, уцѣлѣла. Очевидно, что эта именно часть и имѣетъ значеніе для рѣшенія вопроса о началѣ какъ братства, такъ и уписа. Между тѣмъ лица, считающія Кіево-братскій упись составленнымъ не ранѣе 1631 года,—древнѣйшія подписи въ немъ упускаютъ изъ вида. Они упускаютъ изъ вида, что подъ уписомъ находятся подписи не только Исаи Трофимовича Козловскаго и Сильвестра Коссова, которые дѣйствительно могли вступить въ члены братства не ранѣе 1631 года, но находится также подпись *Архимандрита Трехтемировскаго монастыря Іезекииля Куневича* (Курцевича), который съ января 1621 года былъ уже *епископомъ*, ¹⁾ слѣдовательно вписался въ братство *ранѣе означеннаго года*; но—что особенно важно—находится еще слѣдующая, съ вполне опредѣленною датой, запись Захаріи Копыстенскаго: „Во иноцѣхъ Захарія Копыстенскій исповѣдникъ, яко и ненавидящи злое, прилѣпляющесе благому, составленное въ Кіевѣ градѣ братство приимаю и облобизаю, повинующесе апостолу глаголющу: братолюбіемъ же другъ къ другу любезни. На

¹⁾ См. наше сочиненіе—*Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники*. Кіевъ, 1883 г., т. I. стр. 303.

сіе же и руку мою подписую. *Писанъ дня 4 генваря по старому правдивому року 1616*“.

Но какимъ же образомъ произошелъ такой странный недосмотръ относительно записей уписа, дозволившій относить его ко времени не ранѣе 1631 года?—Объясненіе подобной неосмотрительности можетъ быть только одно: невнимательное отношеніе къ разсматриваемому памятнику, представляющему въ печатномъ изданіи нѣкоторыя особенности. Дѣло въ томъ, что копія Кіево-братскаго уписа дошла до насъ не только не въ полномъ видѣ, но и самыя подписи въ ней расположены не въ хронологическомъ порядкѣ. Вслѣдъ за предисловіемъ къ упису слѣдуетъ запись Петра Могилы, въ то время еще Кіево-печерскаго архимандрита, отъ 11 марта 1631 года,—а за тѣмъ слѣдуютъ записи: Аванасія Пузины, епископа Луцкаго и Острожскаго, Андрея Литинскаго, Исаи Трофимовича (Козловскаго), Сильвестра Коссова, Софронія Почасскаго и другихъ лицъ; записи же Захаріи Копыстенскаго и Трехтемировскаго архимандрита Іезекіиля Курцевича занимаютъ по счету 15-е и 17-е мѣста.—Выходя изъ того положенія, что подписи въ братскіе реестры заносились въ строго хронологическомъ порядкѣ, сторонниками древняго преданія о началѣ братства и обращено было вниманіе *только на первыя записи*. А между тѣмъ эти записи, какъ оказывается, вовсе не были первыми по времени записями въ уписѣ.... Остается объяснить, какимъ образомъ могло произойти такое, по видимому, странное обстоятельство?—

Объясненій можно представить нѣсколько.

Во первыхъ, можно предположить, что послѣ предисловія къ упису оставленъ былъ пробѣлъ для подписей наиболѣе почетныхъ лицъ, которыя могли вступить въ братство впослѣдствіи, и что на этомъ пробѣлѣ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ основанія братства, и сдѣланы были записи Петра Могилы и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Что подобные пробѣлы оставлялись въ братскихъ уписахъ и что они дѣйствительно предназначались для указанной нами цѣли, это можно видѣть изъ реестра виленскихъ братчиковъ, начинающагося подписью Кіевскаго митрополита Михаила Рогозы, посвященнаго въ этотъ санъ патриархомъ Іереміею въ 1589 году, между тѣмъ какъ Виленское братство основано въ 1584 году и въ братскомъ уписѣ встрѣчаются

лица, безъ сомнѣнія вписавшіяся въ него ранѣе 1589 года ¹⁾. Впрочемъ, какъ ни естественно предположеніе, что именно на подобномъ пробѣлѣ въ Кіево-братскомъ уписѣ записали свои имена нѣкоторыя лица, начиная съ Петра Могилы,—тѣмъ не менѣе это предположеніе мы затрудняемся признать вполне правдоподобнымъ по слѣдующему соображенію: запись Петра Могилы, уже и въ то время лица вліятельнаго и притомъ принявшаго на себя, со времени вступленія въ братство, званіе главнаго опекуна и непосредственнаго начальника братской школы,—его запись въ началѣ уписа вполне понятна и естественна. Но какъ объяснить прочія позднѣйшія записи на томъ же пробѣлѣ многихъ другихъ лицъ, изъ коихъ нѣкоторыя не были людьми столь почетными и вліятельными?... Да притомъ и самый пробѣлъ нужно предполагать чрезвычайно уже большимъ.

Другое предположеніе можетъ быть таково. Въ подлинникѣ (до насъ не дошедшемъ) подписи членовъ Кіевского братства расположены были въ хронологическомъ порядкѣ; но копиисты, считая излишнимъ переписывать всѣхъ лицъ, въ разное время вступившихъ въ братство, ограничились перечнемъ только тѣхъ, которыхъ считали по своимъ соображеніямъ наиболѣе важными, причемъ, дѣлая выборку изъ реестра, нарушили его хронологію. Но это предположеніе представляется намъ еще менѣе состоятельнымъ. Во первыхъ, самое расположеніе подписей въ копіи исключаетъ мысль объ ихъ преднамѣренной группировкѣ: такъ мы нерѣдко видимъ, что подписи лицъ, менѣе извѣстныхъ или, точнѣе, менѣе чиновныхъ, помѣщены въ сохранившейся копіи уписа выше записей лицъ, занимавшихъ болѣе видное іерархическое положеніе (напр., простые иноки—выше архимандрита). Во вторыхъ, указаніе на точное, буквальное воспроизведеніе записей именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были распо-

¹⁾ Реестръ уписыванья братій братства церковнаго святой Живоначальной Троицы (напеч. въ *Ученіяхъ въ Импер. Общ. Истор. и древн. при Москов. Университетѣ*. 1859 г. книга 3, отд. 3, стр. 29 и слѣд.).—Что Виленское братство основано въ 1584 году, объ этомъ есть прямое свидѣтельство въ изданной означеннымъ братствомъ брошюрѣ—*Synopsis albo krotkie opisanie praw, swiebod y wolnosci.... Ruskiemu Narodu.... nadanych* (изд. 1632 г.). Указанный реестръ Виленскихъ братчиковъ тоже помѣченъ 1584 годомъ,—что отсюда не слѣдуетъ считать опискою, какъ думалъ прежде преосв. Макарій, имѣя въ виду начальную запись *митрополита* Михаила Рогозы. Послѣдній, очевидно, подписался на пробѣлѣ, оставленномъ въ началѣ уписа.

ложены въ подлинномъ уписѣ, находится въ самой копіи. Списавши предисловіе къ упису и приступая къ перепискѣ относившихся къ нему записей, копіисты замѣчаютъ: „Въ подлинномъ по окончаніи братской обовязки, вынесши на другой листъ, въ заглавіи вписнаго реестра написано *такъ*: (слѣдуютъ самыя записи 1).

Самое естественное и правдоподобное объясненіе указанной нами хронологической путаницы въ записяхъ на копіи съ братскаго уписа, по нашему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ: записи въ братскомъ уписѣ, безъ сомнѣнія, велись въ хронологическомъ порядкѣ. Со времени основанія братства до 1631 года такихъ записей вѣроятно накопилось уже нѣсколько листовъ. Въ это время кіево-печерскій архимандритъ Петръ Могила вступаетъ въ близкія отношенія къ братству, дѣлается его опекуномъ, соединяетъ свою Лаврскую школу съ Братскою „и любовнѣ“ вписывается въ братскій уписъ. Одновременно съ Могилою, очевидно, могли вписаться и другія лица, находившіяся въ близкихъ отношеніяхъ и подъ непосредственнымъ начальствомъ кіево-печерскаго архимандрита. Что дѣйствительно эти лица вслѣдъ за своимъ архимандритомъ вступили въ братство, это видно при первомъ же взглядѣ на уписъ: нѣсколько ниже записи Петра Могилы мы видимъ записи Исаи Трофимовича, *инока монастыря Печерскаго Кіевскаго*, Сильвестра Коссова, префекта школъ кіевскихъ братскихъ (оба приглашены Могилою изъ Львова, какъ искусные педагоги), *иноковъ тогоже монастыря* (и—добавимъ—учителей Могилянской Лаврской школы) Антонія Пацевскаго и Аѳанасія Ивашковскаго, а также и другихъ лицъ изъ подвѣдомой Могилѣ братіи. Очевидно, что записи столь многихъ, одновременно вступившихъ въ братство членовъ, могли занять въ братскомъ уписѣ цѣлый листъ (если не болѣе) и мы имѣемъ полное основаніе думать, что для этой цѣли новымъ братчикамъ предложень былъ *новый листъ*. Предполагать, что это сдѣлано по недостатку мѣста въ послѣднемъ изъ занятыхъ подписями листовъ братскаго уписа было-бы натяжкой

1) Буквальное копированіе подлинниковъ у нашихъ копіистовъ доходило до того, что они помѣщали даже скрѣпы, находившіяся въ концѣ послѣднихъ строкъ лицеваго листа, не смотря на то, что отъ этого происходилъ (вслѣдствіе сторонней вставки) временный перерывъ текста описываемаго памятника. То обстоятельство, что реестръ не весь списанъ, не можетъ служить доказательствомъ неточнаго воспроизведенія подлинниковъ уже потому, что этотъ пропускъ копіистами оговорень.

(хотя возможность недостатка мѣста въ означенномъ листѣ и можетъ быть допущена), но думать, что поступлено такъ въ виду особеннаго почета къ Петру Могилѣ вполне естественно. Вполне естественно также думать, что вслѣдствіе самихъ близкихъ, покровительственныхъ отношеній Могилы къ братству, съ означеннаго времени этотъ листъ въ глазахъ братчиковъ получилъ исключительное значеніе и помѣщенъ былъ въ самомъ началѣ реестра. Отсюда само собою понятно, почему въ копіи уписа записи Могилы и нѣкоторыхъ другихъ лицъ *не первыя по времени занимаютъ первыя мѣста по порядку.*

Мы предвидимъ нѣкоторыя возраженія относительно нашего предположенія, что подчиненныя Могилѣ лица вписались въ братскій уписъ одновременно съ своимъ начальникомъ. Хотя въ сущности дѣло, по поводу котораго у насъ идетъ рѣчь, не можетъ пострадать отъ допущенной нами неточности, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя разъясненія далеко нелишни.

Намъ могутъ быть сдѣланы слѣдующія два возраженія. *Первое:* Петръ Могила вписался въ братство *11 марта 1631 года.* Между тѣмъ въ это время Исаія Трофимовичъ и Сильвестръ Коссовъ не были еще въ Кіевѣ: они были приглашены сюда Могилою изъ Львова только въ іюнѣ означеннаго года, тѣмъ болѣе тогда не могъ Коссовъ подписаться префектомъ школъ кіевскихъ братскихъ.—Совершенно справедливо. Но мы думаемъ, что въ копію уписа вкралась описка: Могила вписался въ братство въ мартѣ *не 1631-го, а 1632 года.* Свое предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ данныхъ. Въ началѣ 1631 года Могила отправился изъ Кіева во Львовъ, приглашенный туда мѣстнымъ братствомъ для освященія братской успенской церкви. О его пребываніи во Львовѣ сохранились слѣдующія хозяйственныя замѣтки въ братской приходо-расходной книгѣ за 1631 годъ: „1631 року генваря 15.... въ субботу предъ посвященіемъ церкви учта (угощеніе) рыбы и хлѣба.... отцу архимандриту печерскому Петру Могилѣ коштуеть 2 злот. и 6 грошей.“ „Въ субботу великую учта его милости отцу архимандриту печерскому коштуеть 4 злот. 27 грошей“ ¹⁾. Если къ сказанному прибавимъ, что отъ 31 янв.

¹⁾ Указанная приходо-расходная книга хранится въ Архивѣ Львовскаго ставроп. Института во Львовѣ; выдержки изъ нея см. въ прилож. къ I тому нашего сочиненія—*Кіев. митр. Петръ Могила*, № LXX.

дошла до насъ грамота П. Могилы, писанная во Львовѣ, ¹⁾ что Говъ Борецкій 1-го марта означеннаго года въ своемъ духовномъ завѣщаніи ²⁾ даетъ знать, что его друга—кіево-печерскаго архимандрита—въ то время въ Кіевѣ не было, что о продолжительномъ отсутствіи нашего іерарха изъ Кіева, продолжавшемся даже до іюля 1631 года находится тоговременное свидѣтельство въ автобіографической запискѣ (помѣщаемой въ *прилож.*) Игнатія Іевлевича,—то мы не безъ основанія можемъ предполагать, что отсутствіе П. Могилы изъ Кіева въ началѣ 1631 года продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ ³⁾—и 11 марта этого года его здѣсь не было. Разумѣется, основанное на указанныхъ данныхъ, предположеніе не есть еще неоспоримое доказательство: хотя трудно, но все-таки возможно допустить, что Могила, извѣщенный о тяжелой болѣзни своего друга митрополита Борецкаго († 3 марта 1631 г.), поспѣшилъ въ Кіевъ, куда и прибылъ не позже 11 марта, и затѣмъ *вскорѣ вторично отправился во Львовъ*. Но предположеніе наше объ опискѣ копистовъ въ годѣ указанной записи, независимо отъ приведенныхъ данныхъ, находитъ *прочную* опору въ сопоставленіи содержанія самой записи Могилы съ другими положительными свидѣтельствами. Запись Могилы гласитъ слѣдующее: „*За згодною прозьбою всѣхъ ихъ милостей и отцовъ нашихъ духовныхъ и стану шляхетскаго обывателей кіевскихъ всякаго стану, вписныхъ братства церьви и монастыря Богоявленіе въ Кіевѣ, Ставропигіи Святѣйшаго Вселенскаго прирожнаго отца и пастыря Россійской церкви Патріарха Константинопольскаго, старшимъ братомъ, опекуномъ и фундаторомъ того святаго братства, обители и школы любовнѣ въ тотъ братскій реестръ подписуюсь*“ (слѣдуетъ подпись и дата—1631 г., мѣсяца марта 11-го). Между тѣмъ извѣстно, что въ близкія отношенія къ Кіево-Богоявленскому братству сталъ Могила и принялъ на себя званіе *старшаго брата, опекуна и фундатора* братской школы только въ началѣ 1632 года. Объ этомъ мы имѣемъ точныя и положительныя свидѣтельства,—а именно: 1) Актъ братства отъ 30 декабря 1631 года. Здѣсь говорится, что Петръ Могила началъ фундовать школы въ Кіево-печерскомъ монастырѣ, но братчики просили его

¹⁾ Прилож. къ I т. сочиненія.—*Кіев. митр. Петръ Могила*, № IXX.

²⁾ Ibid. № LXXI.

³⁾ Едва-ли въ это время онъ не былъ также въ Молдо-Влахіи—своей родинѣ.

милость архимандрита печерскаго, дабы онъ эти школы и находящихся при нихъ учителей перевелъ на братскій грунтъ, къ Кіево-Богоявленской церкви, и здѣсь навсегда основалъ ихъ, какъ при ставропигіи константинопольскаго патріарха и какъ на мѣстѣ самомъ удобномъ для воспитанія учащихся. Петръ Могила согласился исполнить просьбу братчиковъ, но подѣлъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ, считаясь *старшимъ братомъ*, былъ *дозорцею и оборонцею* уфундованныхъ имъ на братскомъ грунтѣ школъ. Братство приняло эти условія, что и было заактировано разсматриваемымъ документомъ ¹⁾. 2) Грамота митрополита Исаи Копинскаго съ прочими епископами и духовными отъ 5 января 1632 г.. Здѣсь дается митрополитомъ благословеніе на заведеніе Могилою школъ на братскомъ грунтѣ, причемъ излагается, согласно съ предшествующимъ актомъ, весь ходъ дѣла по этому предмету: просьба братчиковъ и условія Могилы (быть *старшимъ братомъ*, *дозорцею*, *оборонцею* и *опекуномъ* братства) ²⁾. 3) Войсковой листъ Гетмана Петржицкаго и всего войска запорожскаго, отъ 12 марта 1632 года. Здѣсь повторяется текстъ двухъ предшествовавшихъ документовъ, съ добавленіемъ, что и войско запорожское обрацалось къ Петру Могилѣ съ просьбою о перенесеніи своихъ Лаврскихъ школъ на братскій грунтъ, и что оно даетъ слово и обѣщаніе фундуемые школы „отъ всякихъ непріятелей, непріятностей и препятствій твердо защищать” ³⁾. — Такимъ образомъ, несомнѣнно, что въ близкія отношенія къ Кіево-Богоявленскому братству П. Могила сталъ только въ началѣ 1632 года и что его запись въ братскомъ уписѣ была слѣдствіемъ переговоровъ съ братствомъ о соединеніи школъ Лаврской съ Богоявленскою и условій, на которыхъ состоялось это соединеніе; а отсюда несомнѣнно также, что самая запись П. Могилы не могла быть сдѣлана 11 марта 1631 г., когда онъ еще не былъ *старшимъ братомъ*, *опекуномъ* и *фундаторомъ* братства, а только въ началѣ слѣдующаго года, когда эти званія братствомъ были ему усвоены; слѣдовательно описка въ копіи уписа относительно обозначенія года разсматриваемой записи несомнѣнна: 1631 годъ долженъ быть замѣненъ 1632-мъ. Послѣ

¹⁾ Памятникъ Кіевской Комм. т. II, отд. I. № VIII.

²⁾ Ibid. т. II, отд. I. № IX.

³⁾ Ibid. т. II, отд. I. № X.

сказаннаго, понятнымъ становится и то, почему Сильвестръ Коссовъ подписался на уписѣ префектомъ школъ *киевскихъ братскихъ*. Хотя фактическое соединеніе Лаврской Могилянской школы, гдѣ учительствовалъ Коссовъ съ Богоявленскою братскою состоялось только въ концѣ учебнаго 163 $\frac{1}{2}$ года, но временемъ оффиціального ихъ соединенія было заактированное согласіе Могилы на означенное соединеніе и Коссовъ съ этого времени могъ уже именовать себя префектомъ школъ *братскихъ*, въ данномъ же случаѣ такъ поступить ему было тѣмъ естественнѣе, что свою запись онъ дѣлалъ *на братскомъ уписѣ*.

Второе возраженіе. Непосредственно послѣ записи Могилы въ братскомъ уписѣ слѣдуетъ запись Аванасія Пузины, епископа Луцкаго и Острожскаго, архимандрита Жидичинскаго. Между тѣмъ извѣстно, что на Луцкую епископію Пузина (прямо изъ свѣтскаго званія) избранъ былъ на конвокаціонномъ сеймѣ *въ концѣ 1632 года*; слѣдовательно запись на уписѣ имъ не могла быть сдѣлана 11 марта 1631 года.—Замѣчаніе вѣрное. Но въ данномъ случаѣ необходимо допустить позднѣйшую вставку на занятомъ уже подписями листѣ, объяснимую слѣдующимъ образомъ. Братскіе реестры не представляютъ собою листовъ, такъ же симметрично исписанныхъ, какъ пишутся обыкновенныя рукописи, гдѣ строки расположены приблизительно въ одиноковомъ и близкомъ разстояніи одна отъ другой. Въ реестрахъ нерѣдко можно встрѣтить, что одни записи примыкаютъ чрезвычайно близко къ предшествующимъ имъ записямъ, а другія стоятъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, иногда настолько значительномъ, что въ интервалѣ можетъ быть сдѣлана и еще запись, особенно краткая ¹⁾. Случалось, что на подобныхъ пробѣлахъ (все равно по какимъ бы то ни было соображеніямъ) дѣйствительно новые братчики и записывали свои имена, каковыя записи представляютъ естественное нарушеніе хронологическаго восполненія уписовъ. (Заносились иногда записи также на обычныхъ пробѣлахъ въ начальныхъ и конечныхъ частяхъ исписаннаго листа, что—разумѣется—тоже нарушало хронологію за-

¹⁾ Такъ, наприм., въ упомянутомъ выше реестрѣ Виленскихъ братчиковъ послѣ записи Фалка Бычина, подеоморія пинскаго, находится пробѣлъ приблизительно въ четыре строки. (*Чтен. въ Импер. Общ. Истор. и Древ. при Москов. Univ.*, 1859. к. 3. отд. 3. стр. 30).

писей) ¹⁾. Подобные пробѣлы въ братскихъ уписахъ большею частію были дѣломъ случайнымъ. Но, по отношенію къ разсматриваемымъ нами записямъ, пробѣлъ послѣ записи Могилы могъ быть и неслучайнымъ. Петръ Могила былъ лицомъ высокопоставленнымъ. Весьма естественно допустить, что послѣ его записи на братскомъ уписѣ, подчиненныя Кіево-печерскому архимандриту лица, вслѣдствіе известнаго рода скромности, стали заносить свои имена нѣсколько ниже записи своего начальника, оставивъ такимъ образомъ болѣе или менѣе значительный пробѣлъ въ реестрѣ. Подобные приемы доселѣ нерѣдко практикуются въ средѣ нашей академической корпораціи. На подлежащей къ общей подписи бумагѣ—подпись ректора Академіи стоитъ почти всегда одиноко: прочіе академики пріючиваютъ свои имена большею частію на концѣ листа и, во всякомъ случаѣ, на почтительномъ разстояніи отъ ректорской подписи, такимъ образомъ почти всегда сопровождаемой значительнымъ интерваломъ. Похвальная скромность настоящей академической корпораціи могла, разумѣется, быть и у корпораціи Могилянскихъ школъ и кіево-печерскихъ иноковъ времени, нами разсматриваемаго. Какъ бы то ни было, но пробѣлъ въ Кіево-братскомъ уписѣ послѣ записи Могилы былъ: невозможно допустить, чтобы Исаія Трофимовичъ и Сильвестръ Косовъ,—одинъ ректоръ, а другой црефектъ Кіево-братскихъ школъ,—съ начала *учебнаго 1632 года* несомнѣнно уже обучавшіе въ нихъ,—невозможно, повторяемъ, чтобы они внесли свои имена въ братскій уписъ послѣ Аѳанасія Пузины (т. е. *не ранѣе 1633 года*). Что же касается этого послѣдняго, то его запись на братскомъ уписѣ, непосредственно за записью П. Могилы, въ предполагаемомъ нами пробѣлѣ, можетъ быть объясняема желаніемъ Пузины, какъ князя по рожденію, а епископа по сану, занять въ уписѣ почетнѣйшее мѣсто (а можетъ быть, по указанной причинѣ, оно предложено было ему самими братчиками).

Итакъ дошедшіе до насъ въ копіи записи на Кіево-братскомъ уписѣ состоятъ изъ двухъ частей: 1) листа изъ братскаго реестра,

¹⁾ Подтверженіемъ сказаннаго могутъ служить находящіеся въ бібліотекѣ Кіевской дух. Академіи братскіе реестры, поступившіе изъ Почаевской Лавры. Въ этихъ реестрахъ позднѣшнія записи на пробѣлахъ встрѣчаются нерѣдко и замѣтить эти вставочныя записи опытному глазу очень не трудно

наполненаго записями Петра Могилы и подчиненной ему корпораціи 11 марта 1632 года и 2) изъ записей времени болѣе ранняго, хотя въ копіи и занимающихъ послѣднее мѣсто. Является вопросъ: гдѣ оканчиваются записи 1632 года и начинаются записи болѣе раннія?— Думаемъ, что первая часть уписа кончается записями іеромонаховъ *Ѳеодосія Оранскаго* и *Антонія Горбацкаго*, а вторая—начинается известною уже намъ, съ датою 4 января 1616 г., записью Захаріи Копыстенскаго. Независимо отъ другихъ соображеній, это довольно ясно видно, при внимательномъ разсмотрѣннн копіи уписа и сличеніи характера записей въ обоихъ частяхъ. Копируя подлинникъ уписа, писцы не только съ буквальною точностію воспроизводили самыя записи, но старались сохранить также внѣшній порядокъ и расположеніе (не вездѣ одинаковые) этихъ записей. Это расположеніе записей сохранено, какъ археографическою комиссіею, при изданіи братскаго уписа, такъ и нами (см. *прилож.* № 1).—Что же мы видимъ? До записи Захаріи Копыстенскаго Кіево-братскій реестръ (за исключеніемъ первой записи Могилы и второй, вставочной, Пузины) ведется въ два столбца: параллельно съ одною записью находится другая. Начиная же съ записи Копыстенскаго, этотъ внѣшній порядокъ нарушается, уступая обыкновенному, обще-принятому расположенію записей—во всю строку. Затѣмъ, обращая вниманіе на самое содержаніе записей, нельзя не замѣтить рѣзкаго отличія между тѣми, которыя помѣщены до Копыстенскаго, и тѣми, которыя начинаются съ него. До Копыстенскаго всѣ записи (за исключеніемъ одного Могилы) ограничиваются внесеніемъ въ упись имени, фамиліи, иногда званія—и только; напр. „Сильвестръ Коссовъ префектъ школъ Кіевскихъ братскихъ рукою властною“, „Софроній Почаскій инокъ монастыря Печерскаго“, „Антоній Поцевскій инокъ монастыря Печерскаго“, „Іоиль іеромонахъ рукою власною“, и т. д. Между тѣмъ, начиная съ Копыстенскаго, вписывавшіяся въ упись лица дѣлаютъ свои записи съ болѣею обстоятельностью, то высказывая свои благожеланія братству, то указывая на дѣль его основанія, то заявляя о принимаемыхъ на себя обязательствахъ по отношенію къ нему. Такъ, напр., первая послѣ Копыстенскаго запись (съ записью самого Копыстенскаго мы уже знакомы) гласитъ слѣдующее: „Азь во іеромонасѣхъ худѣйшій Тарасій .І. Земка братствъ православныхъ Кіевское при храмѣ святыхъ Богоявленій похваляю, и

самъ въ немъ быти и при немъ стояти желаючи, въ реестръ имя свое вписую рукою“. Слѣдующая за симъ запись: „Азъ треокаянный Іезекиель Куневичъ, Архимандритъ монастыря Трехтемировскаго, видя яко врагъ и ненавистникъ спасенія нашего пакоститъ во благочестіи нашемъ, и сего ради видихъ вещь зѣло добру составленія братства въ градѣ Кіевѣ и того ради всегда есмь готовъ съ ними пострадати добро и зло и кровь свою за благочестіе дати, и для того и руку мою подписую, власною рукою“.—Дальнѣйшая запись: „Даниель Стрибыль рукою власною, повиненъ буду на каждый рокъ по десяти золотыхъ такъ тежъ и легумены давать“.—Въ томъ же родѣ и остальные двѣ въ копіи уписа записи—Григорія Дигиловскаго и Ивана Путяты. Безъ объясненій понятно, почему записи въ древнѣйшей части уписа носятъ иной характеръ, чѣмъ записи позднѣйшія: тогда братство только что возникало, было явленіемъ новымъ, возбуждавшимъ большія надежды, требовавшимъ особенной поддержки и сочувствія. Вопросъ о задачахъ и значеніи братства былъ вопросомъ столь важнымъ и животрепещущимъ, что всецѣло поглащалъ вниманіе лицъ, сочувствовавшихъ этому учрежденію, и это сочувствіе естественно должно было обнаружиться въ самыхъ братскихъ записяхъ. И если бы до насъ не дошло даже предисловія къ упису Кіево-Богоявленскаго братства, гдѣ —какъ мы видѣли—находится опредѣленное указаніе на его возникновеніе (*начинаемъ* и проч.),—а дошли только приведенныя записи, то и тогда мы имѣли бы твердое основаніе думать, что это были записи *первыхъ братчиковъ*. Выраженіе, напр., Куневича: „видихъ вещь зѣло добру *составленія братства во градѣ Кіевѣ*“,—не было-ли бы трудно объяснимымъ анахронизмомъ, если предположить, что братство въ то время существовало уже болѣе четверти столѣтія?

Мы сказали, что съ записи Захарія Копыстенскаго слѣдуетъ въ копіи уписа древнѣйшая его часть; но эта запись не составляетъ еще самаго начала братскаго реестра: къ сожалѣнію, оно должно считаться утеряннымъ. Захарія Копыстенскій—лице очень извѣстное въ исторіи западно-русской церкви,—но извѣстность имъ пріобрѣтается только съ 1620-хъ годовъ, когда онъ начинаетъ обращать на себя вниманіе, сперва какъ авторъ „Книги о вѣрѣ“ „Палинодіи“ и другихъ ученыхъ трактатовъ, а затѣмъ, какъ дѣятельный архимандритъ Кіево-печерской Лавры. Въ началѣ же 1616 года онъ былъ еще простымъ, малоизвѣстнымъ инокомъ и невозможно предположить, чтобы

этотъ простой инокъ удостоился чести первымъ внести свое имя въ реестръ новообразовавшагося братства. Точно такъ же невозможно допустить, чтобы въ числѣ первыхъ лицъ не внесли въ братскій упись свои имена такія вліятельныя и всею душою сочувствовавшія образовавшемуся братству лица, каковы, напр., кіево-печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій, Іовъ Борецкій и друг. Словомъ, при первомъ же взглядѣ на кіево-братскій реестръ, утрата начальныхъ его листовъ (или, по крайней мѣрѣ, листа) становится дѣломъ очевиднымъ и длинныхъ доказательствъ не требующимъ.

Такимъ образомъ мы устанавливаемъ слѣдующіе факты: 1) Братскій упись, сохранившійся только въ копіи, не дошелъ до насъ въ полномъ видѣ. До насъ дошли только: часть древнѣйшаго братскаго реестра (1616 г.),—но не начало его,—и листъ съ братскими записями отъ 11 марта 1632 г. 2) Въ копіи уцѣлѣвшія части братскаго реестра помѣщены не въ хронологическомъ порядкѣ: сначала слѣдуютъ записи 1632 года и уже послѣ нихъ болѣе древнѣйшая часть уписа (1616 г.). 3) Реестръ 1632 года оканчивается записями іеромонаховъ Θεодосія Оранскаго и Антонія Горбацкаго, а древнѣйшая часть уписа начинается записью Захаріи Копыстенскаго.—4) Древнѣйшія записи, относимыя къ началу 1616 г., сдѣланы были, если не при официальномъ открытіи братства, то, по крайней мѣрѣ, во время самое ближайшее къ нему.

Еще одно небольшое замѣчаніе и мы покончимъ съ вопросами, вызванными невѣрными замѣчаніями о кіево-братскомъ уписѣ. Лица, относящія составленіе означеннаго уписа къ 1631 году,—какъ мы видѣли,—утверждаютъ, что къ этому году онъ приурочивается и Археогр. комиссіею. Это несправедливо. Правда, въ оглавленіи II тома Памятниковъ Кіевской Коммиссіи, гдѣ изданъ разсматриваемый упись, онъ помѣченъ 1631 г.; но это *очевиднѣйшая типографская опечатка*. Напечатанные въ указанномъ изданіи Археогр. комиссіи документы расположены въ строго хронологическомъ порядкѣ,—и братскій упись, если-бы относимъ былъ комиссіею къ 1631 году, не былъ бы ею помѣченъ подъ № 2, вслѣдъ за дарственной записью Галшки Гулевичевны 1615 г.,—такъ какъ слѣдующіе за *уписомъ* документы относятся къ 1620-му, 1621-му и 1628 годамъ. Но что всего замѣчательнѣе, въ самомъ же изданіи *Памятниковъ* Археогр. комиссіею сдѣлано примѣчаніе, дословно состоящее въ слѣдующемъ:

„изъ предисловія въ упису, гдѣ упоминается о Константинопольскомъ патріархѣ Тимоѳеѣ, и изъ подписи Захаріи Копыстенскаго, учиненной въ 1616 году, видно, что этотъ упись составился вскорѣ по заведеніи братства и школъ на мѣстѣ, подаренномъ братству Анною Гулевичевою. Но въ началѣ уписа (*какъ видно изъ замѣчанія, сдѣланнаго въ копіи,*) вѣроятно оставленъ былъ пробѣлъ, и здѣсь-то, впоследствии, вписали свои имена Петръ Могила и нѣсколько другихъ лицъ.“ Къ сказанному прибавлять нечего: дѣло говоритъ само за себя. Ошибка издателей уписа состояла только въ томъ, что они не замѣтили утраты самаго начала братскаго реестра, которое признано ими сохранившимся,—и въ предположеніи, что именно къ этому, якобы дѣйствительному началу реестра, на пробѣлѣ передъ нимъ, присоединены были впоследствии записи Могилы и нѣкоторыхъ другихъ лицъ (какихъ не указано),—причемъ для оправданія этого предположенія допущена неточная ссылка на замѣчаніе копистовъ, якобы гласящее, что запись Могилы сдѣлана была въ началѣ другой *страницы* уписа (кописты—какъ мы видѣли—говорятъ, что запись Могилы сдѣлана была на другомъ *листѣ* уписа, а это далеко не то же, что на другой *страницѣ*). При болѣе тщательномъ отношеніи къ разсматриваемому памятнику, комиссія могла бы также исправить и ошибку въ годѣ записи П. Могилы.

Все доселѣ сказанное нами о кіево-братскомъ уписѣ, кажется, достаточно разъясняетъ тѣ недоумѣнія, которыя могутъ являться при внимательномъ разсмотрѣніи этого, дошедшаго до насъ только въ копіи и притомъ неполномъ видѣ, памятника, а вмѣстѣ съ тѣмъ вполне уясняетъ и то, какое мѣсто должно быть отведено усиліямъ защитниковъ древняго преданія о началѣ Кіевского братства подорвать всякое историческое значеніе упомянутаго уписа, какъ начальнаго документа братства, на томъ основаніи, что якобы этотъ упись былъ составленъ только не ранѣе 1631 года.

Второй документъ, на который обращаютъ особенное вниманіе защитники древняго преданія о возникновеніи Кіево-Богоявленскаго братства еще въ XVI столѣтіи,—есть дарственная запись Галпки Гулевичевны, въ которой говорится, что она „свой собственный домъ и землю въ городѣ Кіевѣ“ жертвуетъ „подъ монастырь Ставропигіи Патріаршей, по чину Василія великаго, также подъ школу дѣтей, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, и на всякій другой способъ бого-

угоднаго житія, а при томъ и на гостинницу для странниковъ духовныхъ“,—жертвуетъ „правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народа Россійскаго, въ повѣтахъ воеводствъ кіевскаго, волинскаго и брацлавскаго состоящимъ, сословія духовнаго и свѣтскаго,“—причемъ жертвовательницею добавляется, что, „дабы ея фундація возымѣла дѣйствіе, она тотчасъ же ввела и вводитъ въ подаренный дворъ духовныхъ и свѣтскихъ, именно правовѣрнаго іеромонаха отца Исаію Купинскаго и другихъ изъ монашествующихъ, а также ввела и вводитъ школу...“¹⁾ Въ этой записи, по мнѣнію означенныхъ защитниковъ, якобы находятся ясныя намекы на существованіе братской школы ранѣе 1615 года. „Въ своей записи,—говорятъ они,—жертвовательница пишетъ, что она свой собственный дворъ отказала подъ монастырь *ставропигии патріаршеской* и что она *тотчасъ* ввела въ этотъ дворъ іеромонаха Исаію Купинскаго и другихъ монашествующихъ, ввела и школу. Спрашивается, о какой патріаршеской ставропигии говорится здѣсь? Неужели о той, которая дана братской обители іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ спустя пять лѣтъ послѣ сего? Но прибытіе его въ Россію не могли предугадывать ни Гулевичева-Лозкина, ни кто-либо изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ г. Кіевѣ. Гдѣ были доселѣ и откуда явились здѣсь цѣлой корпораціей Исаія Купинскій и прочіе монашествующіе, чтобы принять въ свое вѣдѣніе жертвуемый Лозкиной-Гулевичевой дворъ? Лозкина-Гулевичева не открываетъ школу, не собираетъ дѣтей, желающихъ только учиться, а тотчасъ, по учиненіи записи, ввела въ свой дворъ *школу*. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ имѣющей еще составиться школѣ, а о школѣ готовой, существующей уже съ наличнымъ составомъ учащихся и учащихся. И такъ хотя въ записи Галшки Гулевичевой-Лозкиной не упоминается о братской или Богоявленской церкви и существовавшей при ней обители, но такъ какъ школы въ то время существовали и могли открываться только при церквахъ, а равно и монашествующіе, въ составѣ братства, могли имѣть пребываніе также только при церквахъ; то слѣдуетъ признать вполне достовѣрнымъ сообщенное исторіографомъ Миллеромъ и принятое митрополитомъ Евгеніемъ извѣстіе, что кіево-братская обитель, съ братскою при ней

¹⁾ Памят. Кіевской комиссіи, т. II, отд. I. № 1. См. также прилож. № 2.

школой, существовала раньше 1615 года, что здание этой школы сгорѣло въ 1614 году и что Лозкина-Гулевичева своею записью не создала что нибудь новое относительно братской обители и школы, а только поддержала ихъ существованіе и усилила ихъ средства, пожертвовавъ въ ихъ собственность свой дворъ съ готовыми помѣщеніями, замѣнившими собою прежнія, уничтоженныя пожаромъ“¹⁾.

Припоминая замѣчанія проф. Малышевскаго относительно несостоятельности мнѣнія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст. и сопоставляя ихъ съ приведенными сейчасъ разсужденіями объ этомъ предметѣ, мы видимъ, что одинъ и тотъ-же документъ — дарственная запись Галшки Гулевичевны, — по мнѣнію одного изслѣдователя, заключаетъ въ себѣ *прямое* указаніе, что Кіевское братство въ 1615 году *только что начиналось*, а, по словамъ другаго, въ немъ находятся *довольно ясныя намеки* на существованіе братской школы и патриаршей при ней ставропигіи *раньше этого времени*.

Болѣе обстоятельная рѣчь о дарственной записи Галшки Гулевичевны у насъ будетъ впереди. Теперь же мы ограничимся относительно нея только замѣчаніями, имѣющими прямое отношеніе къ разсматриваемому предмету.

Какъ защитники, такъ и противники древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства, различнымъ образомъ истолковывая нѣкоторыя мѣста означенной записи, согласны между собою въ одномъ, именно, что Галшка Гулевичевна подарила свой дворъ и землю *Кіевскому братству*. Только одни изслѣдователи (что непосредственно вытекаетъ изъ ихъ разсужденій) считаютъ запись Гулевичевны *первымъ* по времени документомъ, съ котораго собственно и должно начинать исторію Кіевского братства, другіе же — документомъ, даннымъ сему братству спустя уже нѣсколько десятилѣтій послѣ его возникновенія. Мы думаемъ, что какъ тѣ, такъ и другіе изслѣдователи ошибаются. Въ дарственной записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминается о братствѣ. Здѣсь опредѣленно говорится, что дворъ и земля жертвуются подъ монастырь и школу „правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народу російскаго,

¹⁾ Кіевская Старина 1884 г. № 10 стр. 230.

въ повѣstechъ воеводства кievскаго, волинскаго и брацлавскаго будущимъ“, какого-бы они званія и сословія не были. Скажутъ, что въ составъ западно-русскихъ братствъ и входили именно всѣ православныя разныхъ званій и состояній и что подъ приведенными названіями лицъ, коимъ жертвуется Гулевичевою дворъ съ землею, и должно разумѣть никого иного, какъ только братчиковъ. Но подобное умо-заключеніе будетъ очевидною натяжкой, въ подтвержденіе которой нельзя подыскать ни одного аналогичнаго примѣра во всей довольно обширной западно-русской письменности того времени (т. е. нельзя найти ни одного документа, касающагося братства, гдѣ-бы составлявшіе его члены не назывались этимъ именемъ). Правда, защитники древняго преданія о существованіи Кievскаго братства еще въ XVI стол. заявляютъ, что имъ извѣстны три подобныхъ документа, гдѣ будтобы члены братства не называютъ себя этимъ именемъ. Именно, указываютъ на письмо кievскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 10 апрѣля 1625 года, письмо ихъ же къ московскому думному дяку Ивану Грамматину отъ того же числа и письмо ихъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 17 января 1626 года ¹⁾. Но болѣе неудачной ссылки для подтвержденія своего мнѣнія трудно и представить. Не говоря уже о самомъ содержаніи поименованныхъ писемъ, гдѣ кievскіе братчики, между прочимъ, объясняютъ—*что есть еже въ нашей земли братство православное*, и для чего подобное братство учреждено ими въ Кievѣ,—не говоря уже о самомъ содержаніи писемъ, достаточно прочесть только одни подписи подъ ними, чтобы уразумѣть всю силу упомянутой ссылки. Такъ въ подписи подъ первымъ письмомъ значится: „*Вси о Христѣ братіа православныи братства церковнои Кievскои, духовныи купно и мирстии*“; во второмъ: „*Вси братіа православныи братства церковнои Кievскои, духовныи и свѣтскіи*“; въ третьемъ: „*всѣ о Христѣ братіа церковнои соединенія при храмѣ Богоявленія... въ Кievѣ*“ ²⁾.

Не касаясь пока вопроса о тѣхъ побужденіяхъ, какими руководствовалась Галшка Гулевичевна, жертвуя свой дворъ на богоугодныя дѣла, а также вопроса о томъ, откуда пригласила она монаше-

¹⁾ Кievская Старина, 1885 г. № 2, стр. 273.

²⁾ Архивъ юго-запад. Россіи ч. I, т. VI, №№ ССХХ, ССХХI и ССХХIХ.

ствующих и какую школу вводила въ свой фундушъ,—мы констатируемъ только тотъ фактъ, что *на самыхъ первыхъ порахъ фундація Гулевичевны къ Кіевскому братству никакого отношенія не имѣла.* Мыслимо-ли, чтобы въ записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминалось о пожарѣ 1614 года и вообще о матеріальномъ состояніи братства, если-бы вѣрно было предположеніе сторонниковъ древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства, что фундаторша своею жертвою *замѣнила прежнія братскія зданія, уничтоженныя пожаромъ?* Мыслимо-ли также, чтобы въ означенной записи ничего не говорилось о значеніи церковныхъ братствъ и побужденіяхъ къ устройенію таковаго братства въ Кіевѣ, если-бы справедливо было мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые полагаютъ, что рассматриваемый письменный памятникъ есть первый документъ, съ котораго должно начинать исторію Кіевскаго братства?... Очевидно, фундушъ Гулевичевны и братство хотя возникли почти одновременно, но независимо другъ отъ друга, и только впоследствии (спустя, впрочемъ, весьма не много времени) слились въ одно учрежденіе. Таково общее положеніе, непосредственно вытекающее изъ сличенія дарственной записи Гулевичевны съ братскимъ уписомъ. Поэтому, если запись Гулевичевны, рассматриваемая сама по себѣ, не можетъ служить доказательствомъ существованія братства съ 15 октября 1615 года (дата записи), то тѣмъ менѣе можно сослаться на нее въ подкрѣпленіе мнѣнія о существованіи братства еще въ XVI столѣтіи. Въ частности, относительно несостоятельности послѣдняго рода ссылокъ замѣтимъ слѣдующее: слова дарственной записи Галшки Гулевичевны—*жертвую все сіе на монастырь патриаршей ставропигіи* — защитники древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства, какъ мы видѣли, объясняютъ такъ, что здѣсь заключается указаніе на Кіево-братскій монастырь, якобы имѣвшій уже патриаршую ставропигію, ибо нельзя же разумѣть въ данномъ случаѣ ставропигію, данную братской обители патриархомъ Теофаномъ, пріѣздъ котораго въ Кіевъ нельзя было предвидѣть. Но подобныя разсужденія представляютъ натяжку, положительно ничѣмъ не оправдываемую.

Во первыхъ, приведенныя выраженія въ записи Гулевичевны вовсе не означаютъ, что она жертвуетъ дворъ съ землею на *ставропигіальный* монастырь, *уже существующій*, въ такомъ случаѣ она неизбѣжно должна была бы поименовать его. Гулевичевна въ своей

залиси (чему аналогичныхъ примѣровъ указать можно достаточное количество въ тоговременныхъ памятникахъ) выражаетъ только желаніе или, точнѣе, ставитъ условіе, чтобы устрояемый на ея фундушѣ монастырь подчиненъ былъ непосредственно патріарху, былъ *ставропигіальнымъ*. Другого вывода изъ рассматриваемой записи сдѣлать нельзя.

Во вторыхъ, если признать за достовѣрный фактъ, что Гулевичевна дѣйствительно пожертвовала свой дворъ съ землею Кіевскому братству, а послѣднее въ то время имѣло уже патріаршую ставропигію (отъ Іереміи), то объясненіе дальнѣйшей исторіи означеннаго братства представить затрудненія непреодолимыя. А именно: въ 1620 году пріѣзжаетъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ и въ память пребыванія своего въ семь городѣ, на грунтѣ братскомъ, при церкви святаго Богоявленія и Благовѣщенія, водружаетъ крестъ, *признавая достойнымъ быть здѣсь ставропигіи патріаршей*. Но если Кіевское братство съ своимъ монастыремъ имѣло патріаршую ставропигію, то какъ же объяснить означенное дѣйствіе Теофана? Онъ могъ подтвердить, благословеніемъ своимъ упрочить прежде существовавшую ставропигію: это было бы естественно, подобные примѣры можно видѣть въ тоговременной исторіи зап.-русской церкви. Но о существованіи ставропигіальныхъ правъ въ Кіевскомъ братствѣ въ грамотѣ Теофана нѣтъ нисколько упоминанія, а напротивъ есть прямое указаніе, что этими правами братство еще не пользовалось: *признаю*—говоритъ Теофанъ—*достойнымъ быть на братскомъ грунтѣ ставропигіи*; слѣдовательно ее до того времени здѣсь не было. Очевидно, Теофанъ первый изъ патріарховъ водружаетъ крестъ на братскомъ грунтѣ; очевидно, онъ первый даетъ братству ставропигіальныя права... Извѣстно, какъ братства дорожили патріаршими ставропигіями: патріаршее благословеніе они считали „перломъ неоцѣненнымъ, клейнотомъ наидражайшимъ.“ Между тѣмъ ни въ одномъ изъ начальныхъ документовъ, дошедшихъ до насъ отъ первой половины XVII стол. и имѣющихъ отношеніе къ Кіево-Богоявленскому братству, ни единымъ словомъ даже не упоминается объ Іереміи. Возможно-ли это дѣло, если признать справедливымъ, что этимъ патріархомъ даны были ставропигіальныя права означенному братству?... Желая ослабить значеніе вышеприведенныхъ данныхъ и соображеній, защитники древняго преданія о началѣ Кіевского братства, говорятъ,

что будто-бы „патріархи, митрополиты и епископы въ благословенныхъ грамотахъ братствамъ нерѣдко давали благословеніе и утвержденіе братствамъ, не только существовавшимъ раньше времени грамотъ, но и утвержденнымъ ихъ предшественниками, *безъ упоминанія о томъ и другомъ*“,—причемъ въ примѣръ приводятъ слѣдующій фактъ. „Въ 1606 году львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ благословенною грамотою утвердилъ Замостьское братство, учрежденное при церкви св. Николая славетнымъ паномъ Ѳедоромъ Волосовичемъ до вступленія Гедеона на Львовскую кафедру и имѣвшее уже грамоту патріаршую на греческомъ языкѣ, *служащую братству св. Николая*. Грамота эта, какъ полагаетъ профессоръ Петровъ, дана несомнѣнно въ 1588—1589 гг. константинопольскимъ патріархомъ Іеремією; но объ ней въ грамотѣ Балабана вовсе не упоминается“¹⁾.—Разумѣется, если-бы приведенный примѣръ былъ исторически достовѣренъ, если-бы Балабанъ, утверждая Замостьское братство, основанное патріархомъ Іеремією, ни слова не упомянулъ объ этомъ,—то это было бы явленіемъ въ высшей степени страннымъ, скажемъ болѣе—необъяснимымъ, такъ какъ находилось бы въ противорѣчій съ укоренившеюся практикою,—въ противорѣчій съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ къ патріаршимъ грамотамъ, о которомъ мы говорили выше. Но дѣло въ томъ, что указываемый примѣръ подкрѣпляется не положительными историческими данными, а основывается единственно на предположеніи проф. Петрова. Профессоръ Петровъ, дѣйствительно, полагаетъ, что Замостьское Никольское братство учреждено патріархомъ Іеремією во время одного изъ пріѣздовъ его въ Замостьѣ, т. е. въ 1588 или 1589 г.; но, приводимыя имъ въ подкрѣпленіе этого предположенія, сображенія болѣе чѣмъ сомнительны, а главное находятся въ противорѣчій съ положительными данными. Доказательства профессора Петрова въ подкрѣпленіе мнѣнія о существованіи Замостьскаго Никольскаго братства въ 1588—1589 г. состоятъ въ слѣдующемъ: Въ *суммаріумъ* (описи) Замостьскаго монастыря, составленномъ 20 ноября 1775 года, находится указаніе на „привилей“ какого-то восточнаго патріарха, писанный погречески, съ печатью на массѣ, въ жестянкѣ, служацій

¹⁾ Кіевская Старина, 1885 г. № 2, стр. 273—274.

братству св. Николая. Такъ какъ извѣстно, что цареградскій патриархъ Іеремія проѣзжалъ черезъ Замостье въ 1588—1589 годахъ, то *вѣроятно* эта греческая грамота дана была отъ него Замостьскимъ жителямъ православнаго исповѣданія на основаніе братства. Доказательствомъ существованія послѣдняго во время, близкое къ приѣзду Іереміи въ Замостье, служить привилей канцлера Яна Замойскаго, отъ 28 мая 1601 г., данный *гrecини* Яну Константиновичу. Въ привилеѣ говорится, что означенный гречинъ купилъ у одного православнаго священника половину его пляца *на постройку и учрежденіе госпиталя для убогихъ греческой и русской религии*. Это намѣреніе гречина Яна Константиновича канцлеръ Замойскій утверждаетъ своимъ листомъ, причемъ, ограждая—согласно волѣ жертвователя—фундушъ отъ могущихъ быть притязаній со стороны разныхъ лицъ, между прочимъ, выражается: „никто не будетъ имѣть права завѣдывать тѣми имѣніями, которыя бы даны были Яномъ на тотъ госпиталь, кромѣ самого означеннаго Яна *съ братією его религии греческой*; и потомки его, по смерти его, не могутъ распорядиться безъ воли *братіи*...“ Ясно названная говоритъ профессоръ Петровъ—замостьская братія, завѣдывающая дѣлами благотворенія, есть вѣроятно православное Замостьское Никольское братство ¹⁾... Мы думаемъ, что изъ приведеннаго документа подобнаго вывода сдѣлать положительно невозможно. Изъ документа видно только, что въ Замостьѣ жили греки, что одинъ изъ этихъ грековъ сдѣлалъ пожертвованіе съ цѣлію устройства для своихъ единовѣрцевъ (грековъ и русскихъ) госпиталя, и что завѣдываніе дѣлами этого госпиталя, совмѣстно съ жертвователемъ и его потомками, предоставлено было *братіи религии греческой*. Подобныя пожертвованія съ благотворительною цѣлію были въ рассматриваемое время дѣломъ довольно нерѣдкимъ и устройство разныхъ благотворительныхъ учрежденій (въ данномъ случаѣ госпиталя) нельзя смѣшивать съ устройствомъ братствъ. Выраженіе документа—*братія религии греческой* нельзя отождествлять съ выраженіемъ—*братство*: подъ братією религии русской и греческой разумѣлись вообще лица, принадлежавшія къ православному вѣроисповѣданію, равнымъ образомъ, какъ подъ братією религии римской—всѣ

¹⁾ Забытыя иноческія обители. (Кіев. Старина, 1882 г. июль, стр. 29—31).

католики. Въ подтвержденіе сказаннаго можно привести цѣлыя сотни цитатъ. Разсматриваемый документъ имѣетъ одну только особенность, впрочемъ, легко объяснимую. Дѣло въ томъ, что въ тогочасныхъ документахъ православные почти всегда называются *братією религіи греческой*. Между тѣмъ, въ привилеѣ канцлера Замойскаго въ одномъ мѣстѣ,—именно, гдѣ идетъ рѣчь объ *устройствѣ госпиталя*,—замѣчается, что онъ предназначенъ для убогихъ религіи *греческой* и *русской*. Такое частнѣйшее раздѣленіе, кажется, зависѣло отъ того, что жертвователемъ былъ *грекъ*. Это частнѣйшее дѣленіе православныхъ на два класса уничтожается, когда рѣчь идетъ о завѣдываніи дѣлами госпиталя: оно предоставляется, совмѣстно съ жертвователемъ, *братіи религіи греческой*. Если-бы въ документѣ для обозначенія принадлежности къ вѣроисповѣданію употреблено было одно только послѣднее выраженіе, то, основываясь на аналогичныхъ выраженіяхъ въ тогочасныхъ памятникахъ, подъ *греческою братією*, которой предоставляется завѣдываніе дѣлами госпиталя, слѣдовало бы подразумевать какъ русскихъ православныхъ, такъ и грековъ. Но, принимая во вниманіе указанное нами частнѣйшее дѣленіе православныхъ—на *русскихъ* и *грековъ*—въ одномъ случаѣ, а также, что жертвователемъ былъ *грекъ*,—мы едва ли ошибемся, предполагая, что въ послѣднемъ случаѣ подъ *греческою братією* разумѣется *греческая братія* въ собственномъ смыслѣ, разумѣются одни *греки*, которымъ только, безъ участія русскихъ, и предоставляется завѣдываніе дѣлами госпиталя, основаннаго ихъ *единоплеменникомъ*. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что привилеѣ канцлера Замойскаго, данный въ 1601 году гречину Яну Константиновичу, не можетъ служить доказательствомъ существованія въ то время Замостьскаго Никольскаго братства. Такимъ образомъ, въ подтвержденіе мнѣнія объ его существованіи остаются только указаніе въ суммаріушѣ 1775 г. на какую-то грамоту какого-то восточнаго патріарха, служащую Замостьскому братству, и предположеніе, что эта грамота *могла быть* дана патріархомъ Іеремією, два раза посѣщавшихъ Замостье въ 1588 и 1589 годахъ. Разумѣется, область возможнаго весьма обширна. Возможность можно бы допустить и въ данномъ случаѣ, хотя она, безъ сомнѣнія, и принадлежала бы къ числу возможностей слабыхъ, такъ сказать, минимальныхъ, и во всякомъ случаѣ такихъ, на основаніи которыхъ нельзя построить твердыя положенія. Но и этой минимальной

возможности по отношенію къ разсматриваемому вопросу допустить нельзя, такъ какъ она находится въ противорѣчїи съ положительными данными. Данныя эти представляетъ собою ничто иное, какъ извѣстная и защитникамъ древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства и профессору Петрову грамота львовскаго епископа Гедсона Балабана на учрежденіе Замостьскаго братства при церкви св. Николая ¹⁾. Въ этой грамотѣ Балабанъ говоритъ, что онъ „по Христову повелѣнію и св. Духа строенію, послѣдующе апостольскому и св. отцемъ преданію“, въ 1606 г. обозрѣвалъ свою епархію. Въ это время, именно 30 марта, пришелъ къ нему „славетный панъ Феодоръ Волосовичъ, мѣщанинъ Замойскій, ктиторъ храма святаго ерарха Христова Николая, *хотячы братство устроити съединившеся любовію духовною, закона Христова заповѣдемъ послѣдующе, благоугодно Богу въ Троицѣ единому и Пречистой Его Матере, въ честь и въ хвалу Его святому угоднику ерарху Николѣ. Того ради мы, смиренный Гедионъ, епископъ по дару св. Духа, паптырскимъ строениемъ повелѣваемъ и благословляемъ ихъ на сіе братство духовное, утверждающе ихъ евангельски жити, составляюще любовь по закону Христовы церкви*“, и т. д. (слѣдуетъ длинный перечень братскихъ обязанностей)... Неужели столь точныя и опредѣленныя выраженія грамоты Балабана нуждаются въ какихъ либо особенныхъ комментаріяхъ? Не ясно-ли, что Замостьское Никольское братство учреждается только въ 1606 году и указанная грамота отъ 30 марта есть первый документъ, съ котораго только и начинается это братство?... Утверждать противное, по нашему мнѣнію, значитъ игнорировать достовѣрные историческіе факты, предпочитая имъ на зыбной почвѣ построенныя предположенія.

Обращаемся къ разбору тѣхъ „прежнихъ и новыхъ свидѣтельствъ“, чрезъ „сопоставленіе которыхъ“ защитники древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства еще въ XVI стол. думаютъ доказать „полную достовѣрность“ этого преданія. Усилія защиты въ данномъ случаѣ вращаются главнымъ образомъ около двухъ пунктовъ: 1) *посѣщенія* (въ 1588 или, точнѣе, 1589 гг.) *Кіева константинопольскимъ патріархомъ Теремію, въ связи съ „учрежде-*

¹⁾ Напеч. въ Кіев. Старинѣ, 1882 г. іюль стр. 153 и слѣд.

ніемъ“ имъ здѣсь братской школы, и во 2-хъ, времени построения Кіево-Богоявленской братской школы, а также братскаго монастыря.

О посѣщеніи патриархомъ Іереміею Кіева. — „Что патриархъ Іеремія—говорять защитники означеннаго преданія—дѣйствительно былъ въ Кіевѣ, подтвержденіе сему находимъ въ описаніи путешествія антиохійскаго патриарха Макарія, составленномъ спутникомъ его діакономъ Павломъ. Послѣдній пишетъ, что въ 1654 г., бывши въ софійскомъ домѣ кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова вмѣстѣ съ патриархомъ, онъ видѣлъ здѣсь портретъ константинопольскаго патриарха Іереміи во весь ростъ, съ красивымъ лицомъ и бородою, между портретами антиохійскаго патриарха Іоакима, александрійскаго Мелетія и іерусалимскаго Теофана. При этомъ онъ говоритъ, что всѣ эти четыре патриарха пріѣзжали въ Кіевъ непосредственно одинъ за другимъ и что въ Кіевѣ издревле ведется обычай списывать портретъ всякаго патриарха, посѣтившаго эту страну, для того, чтобы сохранить память о немъ на вѣчныя времена“ ¹⁾.— Въ подкрѣпленіе этого свидѣтельства Павла Алепскаго дѣлается ссылка на извѣстную намъ историческую записку о Кіевской Академіи, составленную академическою корпораціею въ 1765 г., и на „Старину и Новизну“ Миллера и Рубана, 1773 г. „Тѣ нѣкоторыя обстоятельства—разсуждаютъ защитники разсматриваемаго преданія,—которыя соображали, но о которыхъ умолчали составители записки 1765 г., понятны сами собою. Они, безъ сомнѣнія, имѣли подъ рукою неоспоримыя доказательства существованія братства и школы еще въ 1588--1589 гг.“ ²⁾. „На чемъ нибудь основывалъ свое мнѣніе (о пріѣздѣ патриарха Іереміи въ указанное время въ Кіевъ) російскій исторіографъ Миллеръ, который въ 1725 году былъ уже адъюнктомъ исторіи въ с.-петербургской академіи наукъ; на что нибудь опирался въ своихъ историческихъ трудахъ извѣстный Василій Рубанъ, который самъ обучался въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. Оба они—Миллеръ и Рубанъ, безъ сомнѣнія, могли имѣть документы о началѣ Кіево-братскаго монастыря и училища, не дошедшіе до насъ, и кое-

¹⁾ Кіев. Старина, 1884 г. № 10, стр. 229.

²⁾ Кіев. Старина, 1885 г. № 2, стр. 278.

что могли слышать о семъ отъ Теофана Прокоповича и другихъ старѣйшихъ воспитанниковъ и учителей Кіевской Академіи...“ 1).

Относительно этой защиты древняго преданія о пріѣздѣ въ Кіевъ патріарха Іереміи можно сказать слѣдующее. Во первыхъ, защита *неточно передаетъ самое существенное* въ данномъ случаѣ мѣсто изъ приведеннаго разсказа Павла Алепскаго. У послѣдняго въ его „Описаніи путешествія антиохійскаго патріарха Макарія“ означенный разсказъ дословно состоитъ въ слѣдующемъ: „Наконецъ мы (патріархъ Макарій съ своею свитою, въ составѣ которой былъ и авторъ записокъ Павелъ Алепскій)... отправились къ св. Софіи съ визитомъ митрополиту. Мы вошли въ его покои и видѣли тамъ изображенія четырехъ прежнихъ патріарховъ на холстѣ во весь ростъ. *Въ этой странѣ* (in this country) издавна ведется такой обычай, что если какой нибудь патріархъ посѣтитъ ихъ, то они снимаютъ съ него портретъ, точно (въ томъ видѣ), какъ онъ появляется среди нихъ, чтобы они могли сохранить память о немъ навсегда. Всѣ четыре патріарха изображены въ св. облаченіи съ жезлами, въ митрахъ, съ панагіями и крестами. Первый изъ нихъ, пріятно поразившій насъ, былъ Іоакимъ, патріархъ антиохійскій, прозванный *Свѣтъ*. У него смуглое лицо и сѣдая остроконечная борода. На портретѣ имя его подписано по гречески, а по датѣ (времени написанія) мы высчитали, что этому портрету 72 года; рядомъ съ нимъ находится Мелетій, патріархъ александрійскій, съ длинною бѣлою бородою; близъ него Іеремія, патріархъ константинопольскій, съ красивымъ лицомъ и бородою, а тотчасъ за нимъ Теофанъ, патріархъ іерусалимскій, съ длинною черною бородою. Всѣ четверо около одного и того-же времени *пріѣзжали въ эту страну*, непосредственно слѣдуя одинъ за другимъ (All four about the same time came to this country, the one immediately following the other)“ 2).

Такимъ образомъ Павелъ Алепскій не говоритъ, что всѣ поименованные патріархи *были въ Кіевѣ*, но заявляетъ только, что *они пріѣзжали въ эту страну*, т. е. литовско-русское государство,

1) Ibid. стр. 271.

2) The travels of Macarius, Patriarch of Antioch; изд. въ Лондонѣ 1846 г., т. 2, стр. 308.

въ которомъ находился и Кіевъ. И мы думаемъ, что указанное различіе (замѣна страны городомъ) въ данномъ случаѣ имѣетъ не маловажное значеніе. Правда, портреты четырехъ восточныхъ патріарховъ Павелъ Алепскій видѣлъ въ Кіевѣ, но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, чтобы эти портреты и были написаны именно въ этомъ городѣ и притомъ писаны съ оригиналовъ. Въ западно-русскихъ областяхъ дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ діаконъ Павелъ, существовалъ обычай списывать портреты, посѣщавшихъ Русь восточныхъ патріарховъ, причемъ — добавимъ мы — списываніе производилось въ весьма обширныхъ размѣрахъ и портреты іерарховъ во многихъ экземплярахъ распространялись между разными лицами и учрежденіями на всемъ пространствѣ западно-русскихъ областей. Вслѣдствіе этого портреты восточныхъ патріарховъ зачастую можно было встрѣчать въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ они никогда не бывали. Когда въ 1620 г. прибылъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ, то съ него снято было здѣсь значительное количество портретовъ, которые тогда же и разсылались по разнымъ литовско-русскимъ городамъ — братствамъ и наиболѣе значительнымъ лицамъ изъ православной южно-русской аристократіи. Въ какомъ количествѣ распространялись подобные портреты и съ какимъ уваженіемъ смотрѣли на нихъ православные, видно, наприм., изъ судебного позова Виленскому православному братству отъ 1624 года. Изъ этого позова узнаемъ, что Виленскіе братчики портретъ Теофана (*въ Вильнѣ никогда не бывшаго*) „точно какъ-бы образъ (на kształt prawie chorągwi), написали на каменной стѣнѣ братства, выходящей на улицу, дабы всѣ на него смотрѣли и почитали за святыню“, — что подобные портреты были и въ частныхъ домахъ у православныхъ, гдѣ относились къ нимъ съ такимъ же почетомъ, — что портретами патріарха производился даже открытый торгъ, для каковой цѣли они во множествѣ отгравированы были въ нѣмецкой землѣ ¹⁾... Что же удивительнаго, если у кіевскаго митрополита половины XVII стол. можно было встрѣтить подобные портреты восточныхъ патріарховъ? И неужели можно такое обстоятель-

¹⁾ Судеб. позовъ напечатанъ въ приложеніяхъ къ сочиненію М. О. Кояловича. — *Литовская церковная унія* (т. II. стр. 353—359).

ство поставляют въ неизбѣжную связь съ прїѣздомъ этихъ патріарховъ въ Кіевъ? 1).

Но если-бы у Павла Алепскаго и дѣйствительно было указаніе на посѣщеніе Кіева четырьмя восточными патріархами, въ томъ числѣ и Іереміею константинопольскимъ, то и такому указанію нельзя было бы придавать серьезнаго историческаго значенія, какъ несогласному (за исключеніемъ одного случая—посѣщеніи Кіева Теофаномъ) съ достовѣрными фактами. Не касаясь пока прїѣзда въ Кіевъ Іереміи, замѣтимъ, что антиохійскій патріархъ Іоакимъ, какъ положительно извѣстно, при своемъ посѣщеніи земли россійской не доѣзжалъ до Кіева, а александрійскій—Мелетій Пигасъ не только никогда не былъ въ этомъ городѣ, но и *вовсе не посѣщалъ западно-русскія области* 2).

1) Въ конгрегаціонной залѣ Кіевской Духовной Академіи находится, между многими другими портретами, и портретъ іерусалимскаго патріарха Теофана. Портретъ этотъ списанъ съ изображенія патріарха, находившагося на таѣхъ называемыхъ *діаконскихъ дверяхъ въ одной изъ церквей города Пскова*.

2) По поводу этого замѣчанія, высказаннаго нами еще прежде (*Древнія и новыя сказанія о началѣ Кіевской Академіи*, Кіевъ, 1885 г. стр. 24), нашими учеными противниками по разсматриваемому вопросу сдѣлано было слѣдующее возраженіе: „Г. Голубевъ говоритъ, что о посѣщеніи Кіева патріархами антиохійскимъ Іоакимомъ и александрійскимъ Мелетіемъ нѣтъ вовсе письменныхъ свидѣтельствъ; но, скажемъ мы, нѣтъ и тогочасовременныхъ указаній на то, что они не были здѣсь“ (*Кіевская Стар.*, 1885 г. № 2, стр. 271).—Это возраженіе, по нашему мнѣнію, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія. Ученая критика должна знать, что молчаніе молчанію рознь. Молчаніе источниковъ объ извѣстномъ событіи иногда неизбѣжно должно быть принимаемо какъ доказательство того, что самаго событія не существовало. Для большей наглядности пояснимъ свою мысль примѣромъ. Путешествуетъ нашъ Русскій Императоръ. Этимъ событіемъ, какъ касающимся лица своего Монарха, интересуется вся Россія. Наша пресса тщательно отмѣчаетъ какъ мѣстности, которыя были осчастливлены посѣщеніемъ Государя, такъ и вообще наиболѣе выдающіеся факты, соединенные съ этимъ посѣщеніемъ... Спрашиваемъ: если со временемъ историкъ, почему либо интересующійся означеннымъ путешествіемъ, будетъ пересматривать съ этою цѣлію наши періодическія изданія, то неужели для него молчаніе современной прессы о посѣщеніи Государемъ какого либо города не будетъ служить доказательствомъ, что этого событія на самомъ дѣлѣ не было? Нашъ Государь, во время своего послѣдняго путешествія, не посѣтилъ—положимъ—Казани. Неужели послѣдующій историкъ можетъ сказать: „о посѣщеніи Казани въ 1885 году Императоромъ Александромъ III нѣтъ вовсе письменныхъ свидѣтельствъ; но—должно замѣтить—нѣтъ и тогочасовременныхъ указаній на то, что его не было здѣсь; слѣдовательно“... и проч. А въ юго-западной Россіи разсматриваемаго нами времени интересовались путешествіями патріарховъ не менѣе, чѣмъ интересуются въ настоящее время путешествіемъ Высочайшихъ Особъ. Возможно-ли, поэтому, допустить, что о посѣщеніи Россіи, напр., на-

Относительно втораго указанія, приводимаго защитниками древняго преданія о посѣщеніи патріархомъ Іереміею Кіева,—именно ссылки на *историческую записку* 1765 г. о состояніи Кіевской Академіи и на *Старину и Новизну* Миллера и Рубана, гдѣ говорится объ этомъ посѣщеніи, и говорится будто-бы не голословно, а на основаніи документальныхъ данныхъ, которыя *могли имѣть* подъ руками лица, писавшія объ Іереміи,—замѣтимъ слѣдующее:

1) Если-бы составителямъ упомянутой записки извѣстны были документальныя данныя о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іереміею, то они—что выше всякаго сомнѣнія—и указали бы на нихъ. Но мы усматриваемъ совершенно другое. Первымъ, извѣстнымъ документомъ, имѣющимъ отношеніе къ Кіево-Богоявленскому братству, составители записки—какъ мы видѣли—считаютъ дарственную записку Галшки Гулевичевны. О началѣ этого братства еще въ 1588 г. они говорятъ только въ видѣ предположенія: *по нѣкоторымъ обстоятельствамъ разсуждать можно, что* и проч. Правда, подъ этими нѣкоторыми обстоятельствами, безъ сомнѣнія, разумѣется ничто иное, какъ пріѣздъ въ Россію патріарха Іереміи; но, во первыхъ, о посѣщеніи этимъ патріархомъ именно Кіева составители записки не говорятъ ни слова (въ данномъ случаѣ съ ихъ стороны возможно только предположеніе); во вторыхъ, о самомъ посѣщеніи патріархомъ Россіи они говорятъ не на основаніи какихъ либо документальныхъ данныхъ, *въ настоящее время намъ неизвѣстныхъ*, а на основаніи тѣхъ же данныхъ, которыя дошли и до нашего времени. Такъ на поляхъ черновой записки, противъ того мѣста, гдѣ идетъ рѣчь о пріѣздѣ въ Россію Іереміи, выставляются слѣдующіе цитаты: *Supplementum Synopsis, fol. 5, Апокрисисъ* (Христофора Филалета) и разныя грамоты изъ самаго *Апокрисиса*.—Возможно-ли допустить, чтобы составители исторической записки 1765 г. не упо-

тріархомъ Мелетіемъ не сохранилось никакихъ извѣстій, когда одно только *намѣреніе* (не осуществившееся) этого патріарха прибыть сюда производило радостное волненіе среди православныхъ южно-русцевъ и они спѣшили дѣлиться этимъ пріятнымъ извѣстіемъ другъ съ другомъ? (Къ сказанному не лишне прибавить, что *извѣстныя по годамъ обстоятельства жизни александрійскаго патріарха Мелетія*,—по замѣчанію И. И. Милышевскаго, написавшаго специальное, обстоятельнѣйшее сочиненіе объ этомъ патріархѣ,—*исключаютъ всякую мысль о возможности его поѣздки въ Россію*),

мянули о прїѣздѣ Іереміи именно въ Кіевъ (такъ какъ это имѣло ближайшее отношеніе къ разсматриваемому ими вопросу), если-бы они имѣли подѣ руками документальныя данныя объ этомъ прїѣздѣ? Возможно-ли также допустить, чтобы эти данныя ими не были процитированы?.. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду и того обстоятельства, что въ 1773 году, спустя только 8 лѣтъ послѣ составленія первой исторической записки о состояніи Кіевской Академіи академическою же корпораціею составлена была вторая записка о томъ же предметѣ, въ которой—какъ мы видѣли—опровергается прежнее мнѣніе о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства въ 1588 г., а также (въ связи съ этимъ) и о прїѣздѣ въ Кіевъ патріарха Іереміи,—причемъ мнѣніе это называется, не оправдываемою документальными данными, *догадкою*. Такимъ образомъ, если мы допустимъ, что у составителей первой исторической записки о состояніи Кіевской Академіи были подѣ руками въ 1765 г., положительныя данныя о прїѣздѣ въ Кіевъ п. Іереміи,—то куда они могли исчезнуть въ самомъ непродолжительномъ времени, такъ что въ 1773 г. и самой памяти о нихъ не сохранилось?... Необъяснимо; тѣмъ болѣе, что въ указанный 8-лѣтній промежутокъ Кіевская Академія не испытывала никакихъ внѣшнихъ бѣдствій въ родѣ нашествія иноплемениковъ, труса, потопа, огня, и т. п.

2) Что касается до Миллера и Василія Рубана, которые „въ своихъ историческихъ трудахъ на чемъ же нибудь опирались“, утверждая о прїѣздѣ въ Кіевъ (1588—1589 гг.) патріарха Іереміи, которые, „безъ сомнѣнія, могли имѣть документы о началѣ Кіево-братскаго монастыря и училища, не дошедшіе до насъ“, и т. п.,—то относительно нихъ, во первыхъ, слѣдуетъ замѣтить тоже самое, что сказано и о составителяхъ исторической записки 1765 г. о состояніи Кіевской Академіи: *если-бы имѣли документы, то, безъ сомнѣнія, и указали бы на нихъ*. Во вторыхъ, защитники прїѣзда въ Кіевъ п. Іереміи *ошибаются*, думая, что Миллеръ и Рубанъ о началѣ Кіевской Академіи написали ученое и самостоятельное изслѣдованіе: статья объ этомъ предметѣ, помѣщенная въ „Старинѣ и Новизнѣ“ 1773 г.,—что нами вскользь уже и замѣчено,—есть ничто иное, какъ, въ большинствѣ случаевъ, дословное воспроизведеніе той же исторической записки 1765 г. Чтобы убѣдиться или, точнѣе, убѣдить въ этомъ

кого слѣдуетъ, представляемъ параллельныя выдержки изъ упомянутыхъ записки и статьи.

Выдержки изъ исторической записки (1765 г.) о состояніи Кіевской Академіи. (Рукоп. Кіев. Акад.).

1.

„Изъ выписи подлинной урядовой земскихъ Кіевскихъ книгъ, въ Кіевобратскомъ училищномъ Богоявленскомъ монастырѣ находящейся, знать совершенно можно, что въ 1615 году, монастырь Кіевобратскоучилищный Богоявленскій уже былъ, и состоялъ въ вѣдомствѣ святѣйшаго Патріарха Константинопольскаго, и при немъ была школа: ибо въ томъ году по той выписи послѣдовала отъ Гальшки Гулевичевны (Анны Гулевиной дочери), жены маршалка Мозырскаго, надача двора ея собственнаго, въ Кіевѣ состоявшаго, на монастырь Ставропигіонъ Патріаршеской, общаго житія по Висилію великому, такожь на школу для дѣтей шляхетскихъ и мѣщанскихъ, и на гостинницу странныхъ духовныхъ вѣры церкви восточной, и оной дворъ тогожь года отданъ въ совершенное владѣніе священноиноку Исаи Купинскому и прочимъ монахамъ; а какъ изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ

Выдержки изъ статьи: „О кіевскихъ училищахъ“, — помѣщенной въ „Старинъ и Новизнъ.“ Спб. ч. II 1773 г. стр. 107—108.

1.

„Изъ подлинной урядной выписи, земскихъ Кіевскихъ книгъ, въ Кіевобратскомъ училищномъ Богоявленскомъ монастырѣ имѣющей, знать совершенно можно, что въ 1613 ¹⁾ году монастырь Кіевобратскоучилищный Богоявленскій уже былъ, и состоялъ въ вѣдомствѣ Константинопольскаго Патріарха. При ономъ была школа; ибо въ томъ году по той выписи послѣдовала отъ Гальшки Гугулевичевны, то есть Анны Гулевичевой дочери, жены Маршалка Мозырскаго, надача собственнаго ея двора, состоявшаго въ Кіевѣ, на монастырь Ставропигіальный Патріаршій, общаго житія братіи, по чину великаго Василія, такожь на школу, для дѣтей шляхетныхъ и мѣщанскихъ и на гостинницу странныхъ духовныхъ, вѣры восточной православной церкви, и оный дворъ того же года отданъ въ совершенное владѣніе священноиноку Исаи Купинскому, бывшему потомъ Митрополитомъ

¹⁾ Очевидно опечатка.

разсуждать можно, то оной монастырь съ школою заложенъ въ 1588 году, когда Іеремія Архієпископъ Константина града и вселенскій Патріархъ былъ въ Россіи для поставленія перваго Патріарха на Москву.“

2.

„1620 году мая 17 дня Феофанъ Патріархъ Іерусалимскій, возвращаяся изъ Великороссіи, при томъ же монастырѣ братство младшее заложилъ и въ вѣчные роды грамотою патріаршескою утвердилъ.“

3.

Тотъ же Патріархъ тогоже года мая 26 дня при томъ же монастырѣ новозаложенную церковь святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія Пресвятія Богородицы, страннопріемной дворъ братства церковнаго, и школу наукъ еллинословенского и латинополского писма, такожъ и братство церковное старѣйшее благословилъ, и при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія крестъ водрузилъ, и Ставропигіонъ патріаршеское достойно быти судилъ, и на то далъ свою грамоту вышеписаннаго года и числа.“

въ Кіевѣ, и прочимъ монахамъ и братіямъ. А какъ изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ разсуждать можно, то оный монастырь со школою заложенъ въ 1588 году, когда Константинопольскій патріархъ Іеремія былъ въ Россіи для поставленія перваго Патріарха Іова Москвѣ.“

2.

„1620 году Маія 17 дня Іерусалимскій Патріархъ Теофанъ, возвращаясь изъ великой Россіи, при томъ же монастырѣ братство младшее заложилъ, давъ на то, въ память потомству, свою грамоту.“

3.

Оный же Патріархъ тогоже года Маія 26 дня, при томъ же монастырѣ новозаложенную церковь во имя Богоявленія Господня и Благовѣщенія Богородицы, страннопріемный дворъ братства церковнаго и школу наукъ Славено-греко-Латино-Польскаго языка, такожъ и братство церковное старѣйшее и при вышереченной церкви крестъ водрузя, Ставропигією Патріаршею достойну ея быти судилъ, утвердя оное своею грамотою.“

4.

„Оной монастырь, церковь, школы и домъ, по причинѣ разныхъ случаевъ, были разорены, но въ 1622 г. апрѣля 10 Петромъ Канашевичемъ Сагайдачнымъ, гетманомъ войска запорожскаго, создана вновь церковь Богоявленія Господня и домъ Братской обновленъ“, ¹⁾ и т. д.

4.

„Оный монастырь, церковь, школа и домъ, по причинѣ разныхъ злоключеній и непріятельскихъ нашествій, были разорены, но въ 1622 году, Апрѣля 10 дня, Петромъ Конашевичемъ, т. е. Кононовымъ сыномъ, Сагайдачнымъ, войскъ запорожскихъ гетманомъ, церковь сооружена вновь и домъ братскій обновленъ“, и т. д.

Разумѣется, все сказанное нами относительно посѣщенія константинопольскимъ патриархомъ Іереміею Кіева имѣеть, такъ ска-

¹⁾ Очевидно, что статья о кіевскихъ училищахъ, помѣщенная въ „Старинѣ и Новизнѣ“, есть почти дословное воспроизведеніе исторической записки (1765 г.) о состояніи Кіевской Академіи. При печатаніи, по мѣстамъ, исправленъ только слогъ. Но въ 4 параграфѣ встрѣчается небольшое измѣненіе текста исторической записки, интересное въ томъ отношеніи, что даетъ нѣкоторый ключъ къ представленію, какимъ образомъ создаются въ исторіи искусственныя наслоенія. Составители записки, допустивъ предположеніе, что Кіево-Богоявленское братство основано было въ 1588 году, естественно должны были призадуматься надъ вопросомъ—почему же за 25-лѣтній промежутокъ существованія братства (до 1615 года) не сохранилось никакихъ документальныхъ извѣстій о немъ?—Отсюда естественно было придти—какъ нами уже замѣчено (стр. 3—4)—и къ другому предположенію, что документы почему-либо погибли. Но почему именно? Составители записки даютъ относительно этого отвѣтъ неопредѣленный: по причинѣ разныхъ случаевъ. Но редакторъ „Старини и Новизны“, печатая историческую записку, пожелалъ выразиться объ этомъ опредѣленнѣе; означеное мѣсто (разумѣется, не на основаніи какихъ либо положительныхъ данныхъ, а по собственнымъ соображеніямъ) передается имъ такъ: „по причинѣ разныхъ злоключеній и непріятельскихъ нашествій“. Послѣдующіе историографы, принявъ за достоверный историческій фактъ непріятельскія нашествія, которымъ якобы въ указанное время подвергалось братство, рѣшили что подъ разными злоключеніями непремѣнно должно разумѣть именно пожаръ. Дарственная запись Гулевичевны, по мнѣнію всѣхъ, будтобы данная Кіевскому братству, относится къ 1615 г.; отсюда является естественный выводъ, что пожаръ былъ не задолго передъ этимъ,—именно въ 1614 г. Такова, кажется, дѣйствительная исторія мнѣній о кіевскомъ пожарѣ 1614, якобы истребившемъ братскія зданія. При этомъ разыгравшаяся фантазія давала нѣкоторымъ историкамъ Академіи (разумѣемъ Аскочепскаго) видѣть даже іезуитовъ, будтобы съ тайною радостію взиравшихъ на страшное пламя, уничтожавшее братство.

зять, отрицательное значеніе: мы дѣлали замѣчанія относительно несостоятельности тѣхъ указаній и соображеній, которыя приводятся въ подтвержденіе достовѣрности этого событія. Но можно представить болѣе вѣскія и положительныя доказательства по данному вопросу: двух-кратный переѣздъ Іереміи по территоріи юго-западной Россіи (въ Москву и обратно) можно прослѣдить почти по пятамъ со всѣми, иногда довольно длинными остановками, при чемъ до очевидности будетъ ясно, что этотъ іерархъ ни въ 1588 году, когда ѣхалъ въ Москву, ни въ слѣдующемъ 1589 году, когда возвращался изъ нея, *въ Кіевъ не заѣзжалъ*. Именно, путь патріарха Іереміи въ Москву и обратно чрезъ польское королевство, въ составъ котораго—какъ извѣстно—входили и западно-русскія области, былъ слѣдующій:

Путь патріарха въ Москву.—Патріархъ Іеремія II Транось отправился въ свое путешествіе чрезъ Молдо-Влахійскія земли, куда прибылъ еще въ зимніе мѣсяцы 1588 г. ¹⁾. Отсюда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ имъ послано было письмо во Львовъ къ греку Арсенію, архіепископу Элассонскому, два года занимавшемуся обученіемъ въ здѣшней братской школѣ ²⁾. Патріархъ извѣщалъ Арсенія о своемъ намѣреніи посѣтить московское государство и на пути заѣхать въ Замостье къ канцлеру Замойскому, чтобы выхлопотать у него и польскаго ко-

¹⁾ Объ этомъ сообщаетъ Іерофей Монеувасійскій въ сочиненіи, изданномъ подъ именемъ Дороея, митроп. Монеувасійскаго—*Βιβλίον ιστορικόν, περιέχον ἐν σύνοψει διαφόρων καὶ ἐξόχων ιστορίας*. Ἐνετίησι, 1684 г. Время пребыванія Іереміи въ Молдо-Влахійскихъ земляхъ опредѣляется замѣчаніемъ Іерофея, что въ то время стоялъ еще *сильный холодъ* — *ψύχρα ὑπερβολικῆ* (стл. 446). Изъ разсказа Іерофея видно, что патріархъ Іеремія не малое время прогостилъ у очень почтившаго его воеводи молдавскаго Петра, такъ что только въ концѣ апрѣля отправился далѣе къ границамъ Польши. Довольно продолжительное пребываніе Іереміи въ Молдо-Влахіи не лишено значенія для уясненія нѣкоторыхъ начальныхъ дѣйствій патріарха, касавшихся южно-русской церкви, въ частности Львовскаго братства. И. И. Малышевскій въ своей „Замѣткѣ“ о патріархѣ Іереміи (о ней сказано будетъ ниже), основываясь на упомянутомъ сочиненіи Іерофея, говоритъ, что патріархъ проѣзжалъ чрезъ Молдо-Влахію весной 1588 г. *въ сильныя жары*. Но это былъ недосмотръ со стороны автора, имъ же самимъ замѣченный, о чемъ онъ письменно намъ и заявилъ, съ просьбою исправить вкравшуюся въ его статью неточность. Съ удовольствіемъ исполняемъ желаніе уважаемаго изслѣдователя.

²⁾ Объ учительствѣ Арсенія Элассонскаго въ львовской братской школѣ въ теченіи двухъ лѣтъ, начиная съ конца 1-й половины 1586 года, находится тогочасное свидѣтельство въ предисловіи къ изданной Львовскимъ братствомъ въ 1591 г. „*Грамматикъ добромъмоливатаго еллино-славенскаго языка*“.

роля пропускныя грамоты для безпрепятственнаго слѣдованія чрезъ Польшу и Литву. Безъ сомнѣнія, въ этомъ же письмѣ патриархомъ сдѣланы были Арсенію какія либо порученія, имѣвшія отношеніе къ путешествію, и выражено было желаніе свидѣться съ нимъ (вѣроятно Іеремія приглашалъ его въ Замостье). Письмо получено было Арсеніемъ *перваго мая*. Элассонскій архіепископъ чрезвычайно обрадовался представившейся возможности увидѣть патриарха и поспѣшно сталъ приготовляться въ путь: купилъ лошадей, повозку, необходимые припасы и уложилъ всѣ свои вещи. Между тѣмъ въ первыхъ же числа мая (μερὶ ἡμέρας οὐ πολλὰς,—разумѣется послѣ перваго мая) патриархъ прибылъ къ границамъ Польши. Канцлеръ Замойскій послалъ къ нему почетныхъ людей, убѣдительно приглашая его къ себѣ. Узнавши объ этомъ, Арсеній поспѣшно отправился въ Замостье, куда (выѣхавши изъ Львова въ пятницу 10 мая) прибылъ въ Воскресенье, 12 мая. „Тогда—говоритъ Арсеній—видѣлся я съ патриархомъ, поклонился ему до земли съ великимъ почтеніемъ и привѣтствовалъ его; поцѣловалъ у него голову и колѣна“. Въ слѣдующее воскресенье, 19 мая, патриархъ довольно долго бесѣдовалъ съ Арсеніемъ, рассказывая ему скорбныя событія изъ своей жизни. Тогда же онъ спросилъ Элассонскаго архіепископа, какъ ему живется здѣсь, въ Польшѣ?—„Хорошо, отвѣчалъ Арсеній, благодаря твоимъ святымъ молитвамъ“. Тѣмъ не менѣе, Арсенію хотѣлось посѣтить Москву и онъ сталъ просить Іеремію, чтобы онъ дозволилъ ему ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ великому и сильному царю русскому. Патриархъ отнесся къ этой просьбѣ благосклонно,—и совмѣстная поѣздка въ Москву была рѣшена ¹⁾

¹⁾ Свидѣнія о всемъ вышеозначенномъ заимствованы изъ описанія самаго Арсенія Элассонскаго о путешествіи патриарха Іереміи въ Москву. Это описаніе написано на новогреческомъ языкѣ пятнадцати-сложными стихами и въ подлинникѣ носитъ такое заглавіе: Κόποι καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου, γράφει καὶ τὴν προβίβασιν τοῦ Πατριάρχου Μοσχολίας. Сказаніе Арсенія было издано нѣсколько разъ. Первыми его издателями были итальянскіе ученые: *Пазино* (Pasinus), *Ривотелла* (Rivautella) и *Берта*. Они помѣстили сказаніе его въ *Codices manuscripti Bibliothecae Turinensis Athenaei* (изд. 1749 г., т. I, стр. 438 и слѣд.). Къ новогреческому тексту присоединенъ и латинскій переводъ. Это первое изданіе описанія Арсенія было очень неудовлетворительно. Г. Соболевскій, имѣвшій возможность въ 1848 году сличить рукопись Арсенія съ упомянутымъ изданіемъ, говоритъ, что „издатели каталога Туринской бібліотеки напечатали текстъ па-

Вскорѣ послѣ этого, въ послѣднихъ числахъ того же мая, когда получены были отъ короля пропускныя грамоты, патріархъ съ своею свитою отправился въ дальнѣйшій путь. Ъхаль онъ чрезъ Подляхію

мятника *очень небрежно*: ибо, по сличеніи мною переписанной первой страницы съ печатнымъ текстомъ нашлось нѣсколько ошибокъ и даже пропущенныхъ словъ“ (Библиограф. Зап. 1858 г. № 3, стр. 81). Тоже самое о недостаткахъ итальянскаго изданія описанія Арсенія Элассонскаго говорить и Сава, добавляя, что издатели приняли это сочиненіе за прозаическое и такимъ (безъ раздѣленія на строфы) помѣсти и его въ *Codices* (Νεοελληνική Φιλολογία. ἐν Ἀθήναις, 1868. σελ. 206—207). Въ 1809 г. Бекманъ перепечаталъ латинскій переводъ описанія Арсенія (изъ *Codices*) въ изданіи: *Literatur der ältern Reisebeschreibungen* (т. I. стр. 404—420). Слѣдующія тоже неисправныя изданія латинскаго перевода *Описаніи* принадлежатъ *B. Franz Wichmannu* (*Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur ältern Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs*. Berlin. 1820 г. (стр. 60—122) и *Старчевскому* (*Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI, Berolini et Petropoli, 1841—1842 an.* (т. II № 10). Нѣкоторыми изъ этихъ изданій главнымъ образомъ и пользовались наши изслѣдователи въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ объ *Описаніи* Арсенія Элассонскаго (Арсеній Элассонскій и его Описаніе путешествія въ Московію, *И. Оглоблина*, въ *Историч. Библиотекѣ*, изд. Полежаевымъ, 1877 г.), такъ и въ сочиненіяхъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ нему. Отсюда ошибки и неточности переводовъ переходили и въ самыя изслѣдованія. Лучшими изданіями *Описанія* Арсенія въ настоящее время считаются—*Замѣтка* и *Сава*. Оба они сдѣланы на новогреческомъ языкѣ, т. е. языкѣ подлинника, и въ нихъ восстановленъ стихотворный размѣръ. Все это считаемъ не лишнимъ сообщить въ виду того, что изложенныя нами въ текстѣ свѣдѣнія о путешествіи Іереміи до Замостья, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, рѣзко (иногда до противоположности) расходятся съ замѣткою объ этомъ же предметѣ *И. И. Малышевскаго*, основанною, между прочимъ, на *Описаніи* Арсенія по изданію Старчевскаго. Хотя отъ неточностей, допущенныхъ въ упомянутой замѣткѣ (*Труды Кіев. Дух. Акад.*, 1885 г. декабрь, стр. 657—658), суть дѣла (былъ-ли п. Іеремія въ Кіевѣ?) ни мало не страдаетъ, тѣмъ не менѣе, въ виду общаго историческаго интереса, мы сочли нужнымъ въ текстѣ исправить эти неточности, а для провѣрки выписываемъ здѣсь соответствующее мѣсто изъ *Описанія* Арсенія по изданію Сава (приложеніе къ книгѣ: *Βιογραφικὸν σχεδιάσμα περὶ τοῦ πατριάρχου Ἱερεμίου*, Ἐν Ἀθήναις, 1870 г. стр. 36—81).

Γίνωσκε πάλιν, ἀδελφέ, τῇ πρώτῃ τοῦ Μαΐου
ἐν κάστρῳ Λόβι ἤλθε μοι γράμμα τοῦ Πατριάρχου
Ἱερεμίου τοῦ σοφοῦ, τοῦ νέου τε Ἰώβου,
τοῦ Κωνσταντινουπόλεως τοῦ παναγιωτάτου,
καὶ ὁμοτρόπου τρόποις τε προφήτου Ἱερεμίου
καὶ ἔγραψέ με νὰ ἐλθῆ ἀπ' ἔκει νὰ πηγαίνῃ
εἰς μέγαν Ἰωάννην τε Λεχίας καὶ τζηλέρην,
νὰ λάβῃ γράμμα ἐξ αὐτοῦ καὶ τοῦ ῥηγὸς Λεχίας,
νὰ εὔγῃ ἐκ τὰ σύνορα Λεχίας, Λιθάνιας,

на Брестъ, куда прибылъ около 28 мая ¹⁾, а за тѣмъ, чрезъ пять дней (εις πέντε ἡμέραις), 3 июня былъ уже въ Вильнѣ. Эдѣсь Iеремія

νὰ πορευθῆ πρὸς μέγιστον Ῥωσσίας βασιλέα,
 Θεόδωρον ὀρθόδοξον τὸν κράτιστον καὶ μέγαν.
 Καὶ ὡς τὸ γράμμα εἶδα ᾿γὼ λίαν πολλὰ ἐχάρην,
 ἀνέστην ἐκ τῆς κλίνης μου, ταχέως ἐτοιμάσθην,
 ἵππους, ἀμάξι ἀγόρασα καὶ ὅσα κάμνουν χρεῖα,
 τὰ πράγματά μου ἔβαλα ὅλα εἰς ὀρδινίαν.
 Καὶ μεθ' ἡμέρας οὐ πολλὰς ἦλθεν ὁ πατριάρχης
 εἰς τῆς Λεχίας σύνορον, κ' ἔστειλε καντζηλέρης
 ἀνθρώπους του καὶ γράμματα εἰς αὐτὸν νὰ πηγαίνουν,
 εἰς τὸ Ζαμόσκι κάστρον του αὐτὸν νὰ προσκαλέσουν.
 Ἦκουσα πῶς ἀπέρασε, ᾿ς τὸν καντζηλέρην πάγει,
 ἐγὼ καὶ ἐδιάστηκα κ' ἔφθασα ᾿ς τὸ Ζαμόσκι.
 Παρασκευῆ ἐκίνησα μέσα ἀπὸ τὸ Λόδι,
 ἡμέρᾳ τῇ Κυριακῇ ἔφθασα ᾿ς τὸ Ζαμόσκι.
 Ἀντάμωσα μαὶ ἔβαλα τότε τὸν πατριάρχην
 μετάνοιαν ἔδαφιήν, μ' εὐλάβειαν μεγάλην
 προσκύνησα, ἐφιλησα τὴν κεφαλὴν καὶ γόνα'
 τῇ εἰκοστῇ Μαΐου τε Κυριακῇ ἡμέρᾳ
 εὐλόγησε, συγχώρησεν, εἶπέ μοι νὰ καθίσω,
 καὶ λόγους εἶπε λυπηροὺς, καὶ ἦλθέ μοι νὰ κλαύσω,
 πάθη τὰ πολυφήγητα πῶπαθε ᾿ς τὴν Τουρκίαν,
 εἰς Πόλιν, εἰς τὴν Ῥόδον τε ἐκεῖ ᾿ς τὴν ἔξοριαν.
 Εἶπε κ' ἐμένα, πῶς ἔχεις ἐδῶ εἰς τὴν Λεχίαν;
 Ὡ δέσποτα, καλῶς, εἶπα, μ' εὐχὴν σου τὴν ἀγίαν.
 Τότε καὶ τὸν ἀνήγγειλα διὰ νὰ πάγω μ' αὐτὸν
 εἰς μέγαν τὸν ὑπέρτατον τὸν βασιλέα Ῥοῦσον.
 Αὐτὸς μὲ ἀποκρίθηκε μὲ εὐμορφον τὸ σχῆμα,
 ἔλθέ, παιδί μου, μετ' ἐμὲ νὰ πᾶμε ᾿ς τὴν Ῥωσίαν.

¹⁾ Луцкій лативо-польскій епископъ Бердартъ Мацѣвскій въ письмѣ своемъ (напеч. у *Тейнера*, *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuanae*, t. III, № 46) говоритъ, что онъ находился въ одномъ изъ городовъ Подляхїи въ тотъ самый день, когда чрезъ него проѣзжалъ патриархъ Iеремія. Мацѣвскій, желая видѣться съ патриархомъ, поспѣшно слѣдовалъ за нимъ до Бреста, но приѣхалъ туда, когда ужъ Iеремія выѣхалъ изъ этого города по направленію къ Вильнѣ. Мацѣвскій замѣчаетъ, что патриархъ проѣзжалъ Подляхїю *въ началѣ іюня*; но очевидно онъ ведетъ счетъ по новому стилю, разнящемуся въ то время отъ стараго на 10 дней.

пробыль 12 дней (*ἡμέρας δύο καὶ δέκα*), задержанный ласковым приемомъ православныхъ горожанъ и нѣкоторыми іерархическими распоряженіями ¹⁾. Изъ Вильны около 14 іюня патріархъ отправился въ Оршѣ, тогда пограничному городу Литвы, куда прибыль около 23 іюня, совершивъ переѣздъ въ 10 дней (*εἰς ἡμέρας δέκα*). Отсюда, переѣхавъ границу, направился „въ знаменитому и многолудному городу Смоленску“, куда прибыль 24 числа тогоже мѣсяца ²⁾. Здѣсь патріархъ прожилъ болѣе недѣли, ожидая дозволенія отъ московскаго царя прибыть въ его столицу. Получивъ это дозволеніе, 3 іюля выѣхаль изъ Смоленска, а спустя 10 дней, 13 числа, достигъ конечной цѣли своего путешествія—Москвы ³⁾.

Въ виду указанныхъ моментовъ и мѣсть проѣзда патріарха Іереміи, подкрѣпляемыхъ положительными и несомнѣнными данными, дѣлается очевиднымъ, что этотъ іерархъ въ первый свой проѣздъ чрезъ польско-литовское государство, по пути въ Москву, не посѣщаль Кіева. Впрочемъ, и сами защитники древняго преданія объ означенномъ посѣщеніи не особенно сильно настаиваютъ на 1588 годѣ,

¹⁾ Описание Арсенія Элассонскаго; *Акты Зап. Рос.* IV, № 5; *Supplementum ad Histor. Rus. Moum.* № 60; (таже грамота, что и въ предшествовавшей цитатѣ, но на греческомъ языкѣ); *Собрание древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковна, Троку,* и проч. ч. II, № 3. Въ послѣдней грамотѣ, данной патріархомъ Виленскому братству, по видимому, точно обозначается день его пріѣзда въ Вильну: „Пришедшу ми,—говорится здѣсь отъ лица Іереміи—во богоспасаемый градъ вильню в лето по воплощеніи Гда Бога и спаса ижего Иса Хса **ѡ**фнн мца іюня третьего дня; за архиепископства Ионисифора митрополита Кіевскаго.... Вто время пришли предъ насъ граждане места виленскаго братія братства црковнаго.... и вдаша намъ во разсмотрение и исправление книгу чинъ братства своего церковнаго“, и проч. Это обозначеніе немного, дня на два—три, не сходится съ вычисленіями о времени переѣздовъ Іереміи въ *Описаніи* Арсенія Элассонскаго. Разумѣется, со стороны послѣдняго нѣкоторая неточность въ обозначеніи времени весьма возможна (онъ не велъ подневныхъ записокъ во время самаго путешествія, а написалъ свое *Описаніе* нѣсколько позднѣе). Но указанное несогласіе можетъ быть также объясняемо предположеніемъ (и притомъ весьма вѣроятнымъ), что числовое указаніе грамоты (3 іюня) относится не ко дню *самого пріѣзда* въ Вильню патріарха, а ко дню, когда виленскіе братчики „вдаша ему во разсмотрение и исправление“ *чинъ* своего братства.

²⁾ Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ. -- *Дѣла Греч.* № вл. 3. — Сравни. Рукон. Кіево-соф. библ. № 160.

³⁾ Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. Свѣ. 1859 т. стр. 192 (Статейный списокъ).

какъ времени пребыванія въ Кіевѣ Іереміи, чаще всего приурочивая оное къ обратному пути патріарха въ слѣдующемъ 1589 году.

Посмотримъ, насколько состоятельно это, второе предположеніе.

Обратный путь патріарха Іереміи.—Въ Москвѣ патріархъ прогостилъ гораздо долѣе, чѣмъ предполагалъ: онъ отпущенъ былъ царемъ только 19 мая слѣдующаго 1589 года ¹⁾. Ъхалъ онъ въ обратный путь тѣмъ же трактомъ, по которому и пріѣхалъ, т. е., на Смоленскъ и Оршу. Въ самыхъ первыхъ числахъ іюня мы видимъ его въ Смоленскѣ (4 іюня онъ принималъ здѣсь отъ приставовъ присланные ему запасы для путешествія ²⁾); около 8—10 чиселъ іюня остановился въ Оршѣ, принятый гражданами „съ честію и благодатію и съ великою радостію“; здѣсь (или вблизи этого города) патріархомъ получены были письма отъ царя и Бориса Годунова; отсюда-жъ посланы имъ отвѣтныя грамоты къ этимъ лицамъ ³⁾. 7 іюля мы видимъ Іеремію въ Вильнѣ: этимъ числомъ датирована грамота короля предоставляющая патріарху право чинить „духовныя sprawy“ въ западно-русской церкви ⁴⁾); но очевидно, что самый пріѣздъ Іереміи въ означенный городъ состоялся за нѣсколько дней до указаннаго числа: грамота дана была патріарху по ходатайству собравшихся въ Вильнѣ (по случаю пріѣзда сюда короля) знатныхъ русскихъ пановъ, членовъ королевской рады. Для всего этого требовалось время и, можно думать, не малое, такъ какъ королю не особенно хотѣлось давать просимой патріархомъ грамоты. Во всякомъ случаѣ, не возможно допустить, чтобы Іеремія, доѣхавъ до Орши, около 10 іюня своротилъ съ прямого пути на Вильну и совершилъ поѣздку въ Кіевъ и оттуда уже, къ концу того же іюня или, въ крайнемъ случаѣ, къ самому началу іюля, прибылъ въ Вильну. Подобная поѣздка, помимо отсутствія о томъ какихъ либо свидѣтельствъ, сама по себѣ дѣло невысказанное.—Въ Вильнѣ патріархъ пробылъ весь іюль

¹⁾ Архивъ Минист. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ.—*Дѣла Греческія*, № кн. 3-й.

²⁾ Древняя Рос. Библиотека, изд. 2-е, ч. XII. стр. 341.

³⁾ Ibid. стр. 334—342. Срав. сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. 1. стр. 225 и слѣд.

⁴⁾ *Акты южной и Зап. Рос.* т. 1., № 191.

мѣсяць, предсѣдательствовалъ на бывшемъ здѣсь соборѣ западно-русскихъ іерарховъ, совершилъ посвященіе новаго митрополита Михаила Рогозы и издалъ нѣсколько грамотъ, имѣвшихъ отношеніе къ разнымъ дѣламъ западно-русской церкви ¹⁾; затѣмъ около 1-го августа выѣхалъ отсюда опять тѣмъ же трактомъ, по какому ѣхалъ и прежде, т. е., на Брестъ, куда—послѣ посѣщенія на пути Супрасльскаго монастыря—прибылъ къ 6 августа ²⁾. Въ Брестѣ патриархъ пробылъ не долго: 14 августа мы видимъ его уже въ Замостьѣ ³⁾; въ окрестностяхъ этого замка—г. Красноставѣ, видимъ его и въ концѣ означеннаго мѣсяца ⁴⁾, а также и въ слѣдующемъ—сентябрѣ, до 20 числа включительно ⁵⁾. Такимъ образомъ, со второй половины мая 1589 г., когда патриархъ Іеремія выѣхалъ изъ Москвы, до 20-хъ чиселъ сентября того же года, мѣста и моменты пребывания этого іерарха настолько очевидны, что предположеніе о посѣщеніи имъ въ указанные мѣсяцы Кіева оказывается положительно невозможнымъ.

Съ 20 сентября документальныя указанія о мѣстопробываніи патриарха прекращается до 31 октября. За указанное время мы не имѣемъ ни одной грамоты съ именемъ патриарха. Вотъ этотъ-то промежутокъ времени, когда Іеремія какъ бы скрывается отъ нашихъ глазъ, защитники древняго преданія и приурочиваютъ преимуществен-

¹⁾ *Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-зап. Руси*, II, № 43, стр. 58; *Ак. Зап. Рос.* IV, №№ 17, 20.

²⁾ *Акты Зап. Рос.* IV, № 20, 2); *Архивъ юго-зап. Рос.* ч. I, т. I. № 60, стр. 254—255. (грамот. выдан. въ Вильнѣ, датирована 1 августа).

³⁾ *Акты Зап. Рос.* IV, № 21.

⁴⁾ *Лѣтопись львов. братства, Зубрицкаго*, подъ 1589 г. (цитруется патриаршая грамота отъ 26 августа означеннаго года, выданная львовскимъ братчикамъ въ *Красноставѣ*).

⁵⁾ И. И. Малышевскій послѣднею извѣстною грамотою патриарха Іереміи за время его пребывания у канцлера Замоискаго считаетъ вышеупомянутую грамоту отъ 26 августа (см. предшествующее примѣчаніе); но Петрушевичемъ издана (по всей вѣроятности во *Временникъ Львовскаго ставропигиальнаго братства*; у насъ подъ руками отдѣльный оттискъ) грамота патриарха Іереміи, утверждающая уставъ церковнаго братства въ Красноставѣ и писанная въ этомъ же городѣ, съ датой отъ 20 сентября 1589 года.—Красноставъ находится въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ Замостья (на сѣверо-западъ). Поѣздка Іереміи въ означенный городокъ и довольно продолжительное пребываніе въ немъ, кажется, должна быть объясняема отсутствіемъ въ то время изъ Замостья канцлера, отвлеченнаго отъ мѣста своей постоянной резиденціи государственными заботами.

но къ посѣщенію симъ іерархомъ Кіева, хотя, разумѣется, въ подтвержденіе своего мнѣнія и не представляютъ никакихъ документальныхъ данныхъ. Но въ самое недавнее время извѣстный знатокъ исторіи западно-русской церкви проф. И. И. Малышевскій помѣстилъ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ замѣтку по поводу мнѣнія, „будто патріархъ Іеремія посѣщалъ Кіевъ въ 1588 или въ 1589 гг.,“ гдѣ преимущественно занялся разъясненіемъ мѣстопробыванія патріарха въ указанные мѣсяцы ¹⁾. Выводъ, къ которому пришелъ уважаемый изслѣдователь состоитъ въ томъ, „что Іеремія, прибывшій въ Замостье около 14 августа, остававшійся здѣсь до конца августа, *здесь же оставался безотлучно весь сентябрь и октябрь*, въ концѣ котораго выѣхалъ въ обратный путь по направленію къ границѣ Молдавіи“.

Укажемъ, въ общихъ чертахъ, на тѣ основанія, которыя привели автора къ такому, вполне справедливому заключенію.

Документально извѣстно, что патріархъ ѣхалъ въ обратный путь на Тарнополь и Каменецъ, останавливался въ этихъ городахъ, чинилъ здѣсь духовный судъ, издавалъ грамоты. Судъ патріарха, начавшійся 31 октября 1589 г. въ Тарнополь, закончился 13 ноября въ Каменцѣ-Подольскомъ. „Такимъ образомъ—говоритъ проф. Малышевскій—патріархъ ѣдетъ съ сѣверо-запада на Каменецъ чрезъ Тарнополь, находящійся почти по прямой дорогѣ между Замостью и Каменцемъ, слѣдовательно онъ ѣдетъ изъ того же Замостья, гдѣ мы видѣли его въ концѣ августа ²⁾, слѣдовательно онъ жилъ въ Замостьѣ и предъ своимъ выѣздомъ въ обратный путь въ концѣ октября, приблизительно около 25 числа, ибо 31 ч. былъ уже въ Тарнополь и чинилъ здѣсь духовный судъ. Это документальное указаніе о пребываніи патріарха въ Замостьѣ, предъ выѣздомъ въ обратный путь на Тарнополь и Каменецъ, находитъ подтвержденіе въ рассказѣ спут-

¹⁾ И. И. Малышевскій конечными пунктами промежутка времени, къ которому защитники „древняго преданія“ преимущественно приурочиваютъ посѣщеніе патріархомъ Іереміею Кіева, считаетъ *26 августа и 30 сентября*. Какъ видно изъ предшествующаго примѣчанія, этотъ промежутокъ долженъ быть сокращенъ почти на цѣлый мѣсяць.

²⁾ Какъ видно изъ вышесказаннаго выраженіе не совсѣмъ точное, но отъ этого суть дѣла неизмѣняется, или, лучше сказать, измѣняется, но далеко не въ пользу мнѣнія о посѣщеніи Іереміею Кіева.

ника Іереміи Іероея Монемвасійскаго, который говоритъ, что патріархъ, по приѣздѣ въ Ляхію, остановился въ Замостьѣ у канцлера Іоанна Замойскаго и отсюда же выѣхалъ и въ обратный путь на Каменецъ, до котораго провожалъ патріарха, данный канцлеромъ отрядъ въ 200 человекъ. Поэтому совершенно немислимо предположеніе, чтобы патріархъ оставался въ Замостьѣ до конца августа, за тѣмъ, совершивъ поѣздку въ Кіевъ, отсюда, вмѣсто прямой дороги на Каменецъ, опять поѣхалъ въ Замостьѣ, чтобы отсюда отправиться въ обратный путь въ Каменецъ. Остается, какъ необходимое, одно заключеніе—то, что патріархъ, жившій въ Замостьѣ съ половины августа и выѣхавшій отсюда въ концѣ октября, оставался здѣсь и все время между этими двумя сроками, такъ что прожилъ здѣсь долго, а именно около двухъ съ половиною мѣсяцевъ. Это долгое и безотлучное пребываніе патріарха въ Замостьѣ утверждается, какъ фактъ, свидѣтельствомъ автора „Перестроги“, который говоритъ, что патріархъ, по возвращеніи изъ Москвы въ здѣшній край, *часъ долій мѣшквалъ въ Замостьѣ, при вельможномъ панѣ Янѣ Замойскомъ*,—мѣшквалъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа автора, до самаго выѣзда въ обратный путь по направленію къ волошской границѣ. Этотъ долгій часъ, болѣе долгій чѣмъ всѣ другіе сроки остановки патріарха въ предѣлахъ западной Россіи,—и есть тѣ два съ половиною мѣсяца, какіе патріархъ мѣшквалъ (т. е. проживалъ, а не только останавливался) въ Замостьѣ при канцлерѣ Замойскомъ.“

Что касается добрыхъ отношеній канцлера къ патріарху, то достаточно полное объясненіе ихъ находится въ тогочасовыхъ памятникахъ. Авторъ „Перестроги“ замѣчаетъ, что канцлеръ бавилъ при себѣ (т. е. удерживалъ у себя) патріарха „яко человека зачнаго и побожнаго“, что онъ дѣлалъ это изъ уваженія „къ особливимъ его цнотамъ (достоинствамъ), науѣ и побожности“, а также и потому, что патріархъ, какъ зналъ канцлеръ, былъ въ большой чести у султана. Это свидѣтельство автора Перестроги находится въ полномъ соотвѣтствіи съ извѣстнымъ намъ характеромъ канцлера, отличавшагося любовію къ просвѣщенію и, въ частности, къ просвѣщеннымъ грекамъ, съ его вѣротерпимостію и наконецъ общественнымъ положеніемъ, какъ государственнаго дѣятеля—„канцлера и наивысшаго гетмана“, желавшаго воспользоваться приѣздомъ Іереміи для распросовъ о дѣлахъ Турціи, войны съ которою въ данное время добивались въ

Польшѣ, а также о дѣлахъ Молдавіи и Волахіи, съ воеводами которыхъ хорошо былъ знакомъ Іеремія, и дѣлами которыхъ, какъ извѣстно, очень интересовался Замоискій.—Разумѣется, все сказанное, объясняя ласковый пріемъ, встрѣченный патріархомъ у канцлера, не выясняетъ вполнѣ причинъ *долгаго и безотлучнаго* пребыванія Іереміи въ Замоисѣ. Но авторъ указываетъ на обстоятельства, которыя достаточно уясняютъ и эти причины. „Спутникъ Іереміи Героей Монеувасійскій замѣчаетъ, что тогда, какъ патріархъ пріѣхалъ изъ Московіи въ Ляхію, *ἦσαν πολέμοι τῶν Ταρτάρων καὶ Λεχῶν*. Это были извѣстные въ польской и южно-русской исторіи набѣги татаръ, простиравшіеся въ 1589 г. до самаго Львова, наводившіе панику на Львовъ и Подолье, тѣмъ болѣе что рядомъ съ этимъ ожидалось вторженіе турокъ и нападеніе ихъ на самый Львовъ. Замоискій, въ качествѣ наивысшаго гетмана, собирался отражать враговъ, для чего прибылъ во Львовъ, поднимая ополченіе въ окрестныхъ мѣстностяхъ. Паника прошла, когда нападенія турокъ на Львовъ не состоялось. Но опасенія касательно бродячихъ шаекъ татарскихъ хищниковъ улеглись не ранѣе осени 1589 г. Понятно, что заботливый канцлеръ, радушно принявъ высокаго гостя—патріарха, не желалъ отпускать его въ обратный путь къ югу въ такое опасное время, когда онъ могъ натолкнуться на отрядъ татарскихъ хищниковъ. Да и самъ патріархъ, ѣхавшій съ большимъ обозомъ и съ большимъ запасомъ цѣнныхъ даровъ и денегъ на возстановленіе патріархіи, не рѣшался подвергнуться опасности нападенія со стороны татарскихъ хищниковъ, умѣвшихъ подстергать подобныхъ путешественниковъ. Вотъ почему не прежде, какъ осенью 1589 г., когда слухи о татарскихъ набѣгахъ затихли, Замоискій счелъ возможнымъ отпустить патріарха, давъ ему однакоже охранный отрядъ въ 200 человекъ“. Къ сказанному проф. Малышевскій считаетъ не лишнимъ присовокупить еще извѣстіе о свирѣпствовавшемъ въ то время въ Галицкой области моровомъ повѣтріи, которое не дозволило патріарху посѣтить даже Львова, не смотря на просьбы о томъ Львовскаго братства. (Свое дѣла братство чрезъ избранныхъ лицъ представило на судъ патріарха уже при слѣдованіи его въ обратный путь, мимо Львова,—тотъ именно судъ, который начался 31 октября въ Тарнополь и окончился 13 ноября въ Каменцѣ-Подольскомъ).

Сопоставляя вышеизложенныя, обоснованныя на положитель-

ныхъ данныхъ соображенія проф. Малышевскаго, относительно долгаго и безотлучнаго пребыванія патріарха Іереміи въ Замостьѣ за разсматриваемый періодъ времени (сентябрь и октябрь 1589 г.),— сопоставляя эти соображенія съ голословнымъ предположеніемъ о посѣщеніи въ означенное время этимъ іерархомъ Кіева,—нетрудно оцѣнить убѣдительность однихъ и совершенную бездоказательность и произвольность вторыхъ ¹⁾).

¹⁾ Кромѣ не совсѣмъ точнаго выраженія И. И. Малышевскаго, не имѣющаго, какъ замѣчено, существеннаго значенія,—именно, что п. Іеремія, начиная съ половины августа, весь сентябрь и октябрь *безотлучно жилъ* въ Замостьѣ (слѣдуетъ сказать: *въ Замостьѣ и ея окрестностяхъ*), мы, слѣдя путь патріарха въ Москву и обратно, допустили еще нѣкоторыя отступленія отъ мнѣній уважаемаго изслѣдователя по данному вопросу, изъ коихъ одно требуетъ объясненія. И. И. Малышевскій, обозначая путь патріарха чрезъ Молдо-Блахійскія земли въ Литовско-польское государство, говоритъ: „Въ маѣ Іеремія *прибылъ во Львовъ*, откуда послалъ извѣщеніе о себѣ канцлеру и гетману Яну Замойскому въ Замостье съ просьбою снабдить его пропускною грамотою для слѣдованія чрезъ польско-литовскія земли въ Москву... Замойскій пригласилъ патріарха въ Замостье, принялъ весьма благосклонно, снабдилъ грамотами, и проч... Между тѣмъ, патріархъ вызвалъ изъ Львова грека Арсенія, Элассонскаго архіепископа, который уже бывалъ въ Москвѣ, а теперь около двухъ лѣтъ жилъ во Львовѣ, занимаясь обученіемъ въ братской школѣ и по этимъ причинамъ казался патріарху полезнымъ въ предстоящей поѣздкѣ въ Москву“.—Что касается того обстоятельства, что не п. Іеремія пригласилъ Арсенія Элассонскаго ѣхать съ нимъ въ Москву, а послѣдній просилъ объ этомъ патріарха,—это не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ все дѣло въ данномъ случаѣ заключается въ невѣрно понятомъ мѣстѣ *Описанія* Арсенія—единственнаго источника объ этомъ предметѣ. Но мнѣніе, что будто бы п. Іеремія прежде посѣщенія Замостья *былъ во Львовѣ*, имѣетъ, повидимому, твердую для себя опору, такъ какъ о своемъ пріѣздѣ въ означенный городъ говоритъ самъ патріархъ; именно, при распросахъ въ Москвѣ „о винѣ своего пришествія, также о странствіи своемъ чрезъ Литовскую землю“,—Іеремія заявилъ: „шелъ же я на Литву, *и какъ пришелъ во Львовъ*, послалъ къ канцлеру (къ) Яну Замойскому въ городъ Замостье, о пропускной грамотѣ, и канцлеръ велѣлъ мнѣ быть у себя“. (*Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ*, изд. 1858 г. ч. I, стр. 198; означенное мѣсто проверено по подлиннику—*Арх. Мин. Иностр. дѣлъ,—дѣла греческія*, № 3., л. 66—и оказалось дословно вѣрнымъ). Но не смотря на столь категорическое указаніе означеннаго памятника, мы имѣемъ основаніе сомнѣваться, чтобы во время своей поѣздки Іеремія заѣзжалъ во Львовъ. *Во первыхъ*, этому противорѣчитъ приведенный нами въ своемъ мѣстѣ рассказъ Арсенія Элассонскаго, не довѣрять которому нѣтъ основанія; *во вторыхъ*, не только не сохранилось ни одной грамоты Іереміи, изданной во Львовѣ, но львовскіе братчики, безъ сомнѣнія желавшіе видѣть у себя патріарха и считавшіе такое посѣщеніе *за особенное счастье*, ни единымъ словомъ не упоминаютъ объ этомъ, хотя не разъ и имѣли къ тому случай. Такъ, напр., въ 1591 г. львовскимъ братствомъ издана была *Грамматика добромогилваго Еллиннославянскаго языка*, въ предисловіи къ которой тщательно отмѣчаются посѣщенія, коихъ удостоивали братчиковъ и ихъ школу высокопоставленныя іерархическія лица. Именно, здѣсь говоритъ

Дальнѣйшій путь патріарха изъ Каменца къ границамъ Молдавіи не требуетъ разъясненій, такъ какъ возможность поворота его съ этого пути на Кіевъ никѣмъ не предполагается.

Сказаннымъ исчерпывается и уясняется вопросъ о предполагаемомъ нѣкоторыми изслѣдователями посѣщеніи Кіева патріархомъ Іеремією,—уясняется, надѣмся, въ такой степени, что дальнѣйшія разсужденія и препирательства по этому вопросу, слѣдуетъ считать навсегда поконченными.

О времени построения Кіево-Богоявленской церкви.—Такъ какъ Кіевское братство называлось *Богоявленскимъ* по имени церкви, около которой оно группировалось, то защитники древняго преданія о началѣ этого братства съ 1588 года, стараются доказать, что въ то

ся о приѣздѣ во Львовъ въ генварѣ 1586 г. *антиохійскаго патріарха Іоакима*, о прибытіи сюда въ томъ же году (въ іунѣ мѣсяцѣ) *митрополита Димонитскаго и Элассонскаго Арсенія*, „иже школьное ученіе наченше пребысть зде во Львовѣ уча 2 лѣтъ,“ о посѣщеніи львовскаго братства 17 генваря 1591 года *кіевскимъ митрополитомъ Михаиломъ Рогозою*. Что же касается до патріарха Іереміи, то о немъ говорится только, что онъ, во первыхъ, грамотою своею изъ Константинополя подтвердилъ распоряженія п. Іоакима, касающіяся львовскаго братства, и, во вторыхъ, „и самъ зде въ страны *россійскія* пришедши року 1588 мѣсяца мая, совершилъ, неразрушно и неподвижно во вся роды симъ (т. е. братскимъ порядкамъ) такъ быти, повелѣ“.—Немыслимо допустить, чтобы братство не упомянуло о посѣщеніи Львова Іеремією, если бы такое событие имѣло мѣсто. (Разумѣется, можно выраженіе „въ *россійскія* страны“ объяснять въ томъ смыслѣ, что здѣсь имѣется въ виду, между прочимъ, и г. Львовъ, но это будетъ очевидно натяжкой). Къ сказанному нелишне прибавить и то, что п. Іеремія въ грамотѣ своей, данной львовскому братству въ ноябрѣ 1589 г. въ Каменцѣ Подольскомъ, упомянувъ о прежнемъ своемъ привилеѣ, подтверждающемъ братскіе порядки (очевидно, разумѣется грамота патріарха отъ 1 дек. 1587 г.)—прямо заявляетъ: „нигдѣ же тѣлесне будучи намъ въ королевствѣ польскомъ не моглимы прибыти до Львова для мороваго повѣтрія въ немъ будучаго.“ Это заявленіе патріарха, хотя ближайшимъ образомъ относится къ обратному его пути, но, очевидно, приложимо и къ первому переѣзду его черезъ литовско-русскія области,—въ противномъ случаѣ, означенное заявленіе не было бы выражено въ такой опредѣленной формѣ и негармонировало съ общимъ содержаніемъ грамоты („и пришли до насъ нѣкіе отъ предреченнаго братства и моляще насъ извѣстити вся имъ: како подобаеть братству имѣти“ и проч.)... Но если, такимъ образомъ, п. Іеремія во время своего переѣзда черезъ литовско-русскія области, не былъ во Львовѣ, то какъ же подобное извѣстіе занесено было—и притомъ со словъ патріарха—въ статеинный списокъ?—Едва ли не самое правдоподобное объясненіе этого заключается въ ошибкѣ переводчиковъ, при посредствѣ которыхъ велись переговоры съ Іеремією,—ошибкѣ, тѣмъ болѣе возможной, что въ числѣ спутниковъ патріарха былъ Арсеній Элассонскій, приѣхавшій въ Москву изъ Львова и безъ сомнѣнія не мало говорившій, какъ объ этомъ городѣ, такъ и о своихъ близкихъ отношеніяхъ къ Іереміи.

время—и даже значительно ранѣе—существовала въ Кіевѣ (Кіево-Подолѣ) *Богоявленская* церковь.—Прежде всего замѣтимъ, что если бы старанія защитниковъ упомянутаго преданія и увѣнчались полнымъ успѣхомъ, то отъ этого ихъ мнѣніе по данному вопросу не получило бы сильнаго подрѣпленія. Существованіе въ Кіевѣ Богоявленской церкви въ XVI стол. не есть еще доказательство существованія въ то время и Кіево-Богоявленскаго братства. Совершенно справедливо, что братства сосредоточивались около церквей, но постройки послѣднихъ могли предшествовать и дѣйствительно предшествовали образованію при нихъ братскихъ союзовъ за многія, иногда даже очень многія десятилѣтія. Примѣровъ этому можно указать немало: ихъ представляетъ исторія почти cadaго братства. Впрочемъ, сами защитники древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства не придаютъ особенно большаго значенія существованію въ Кіевѣ, въ указываемое ими время, Богоявленской церкви. Они смотрятъ на свое указаніе какъ „на одно изъ сопровождающихъ обстоятельствъ, хотя такихъ, отъ разъясненія которыхъ зависитъ рѣшеніе главнаго вопроса о началѣ самой академіи или Кіево-братской школы“. Разумѣется, при историческихъ изысканіяхъ и „сопровождающія обстоятельства“ имѣютъ значеніе. Но, во первыхъ, степень этого значенія зависитъ отъ того, въ какомъ согласіи они находятся съ другими болѣе положительными и болѣе надежными свидѣтельствами (въ данномъ же случаѣ выводы, дѣлаемые защитниками древняго преданія о началѣ Кіево-Богоявленскаго братства, находятся въ полномъ противорѣчій со всѣми исторически достоверными фактами). Во вторыхъ,—чтоо разумѣется само собою,—„сопровождающія обстоятельства“, приводимыя въ подрѣпленіе спорныхъ вопросовъ, должны быть исторически достоверны. Между тѣмъ, относительно разсматриваемаго „сопровождающаго обстоятельства“ сказать этого нельзя: существованіе Богоявленской церкви въ Кіевѣ въ XVI стол. не есть фактъ *несомнѣнный*, доказанный.

Защитники древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства въ доказательство существованія Кіево-Богоявленской церкви въ XVI ст. приводятъ одно положительное, по ихъ мнѣнію, свидѣтельство, а затѣмъ указываютъ на нѣкоторыя историческія данныя, прямо не говорящія объ этомъ, но чрезъ взаимное свое сопоставленіе дающія право сдѣлать благопріятный въ указанномъ смыслѣ выводъ.

Положительное свидѣтельство о существованіи Богоявленской церкви въ Кіевѣ находится въ „Описаніи Кіевского замка“, составленномъ въ началѣ 1555 г. Именно здѣсь будто-бы есть упоминаніе о священникѣ Богоявленской церкви ¹⁾. Означенная опись находится въ литовской метрикѣ (книга переписей, № 6, листы 28—44), откуда извлечена П. Г. Лебединцевымъ—нашимъ ученымъ противникомъ по вопросу о началѣ Кіевского братства—и передана имъ въ Кіевскую Археографическую комиссію. Въ настоящее время означенную комиссію опись уже напечатана въ одномъ изъ томовъ издаваемого ею Архива Юго-западной Россіи ²⁾.

Въ указанномъ памятникѣ находится слѣдующее, имѣющее отношеніе къ разсматриваемому нами вопросу, мѣсто: „поповскіе дома въ мѣстѣ (т. е. городѣ Кіевѣ)—Пречистенскаго домъ, Никольскаго, Демидовскаго, Оскресенскаго, Никольскаго, Набережнаго, Спасскаго, Борисоглѣбскаго, *Бѣлицкаго* (sic), Рождественскаго, Опанасьевскаго“.— Не находя въ этомъ мѣстѣ никакого указанія относительно Богоявленской церкви, мы за разъясненіемъ своего недоумѣнія обратились къ лицу, сообщившему комиссіи памятникъ,—причемъ оказалось, что въ литовской метрикѣ слово *Бѣлицкаго* написано крайне неразборчиво: можно читать и *Бѣлицкаго* и *Богоявленскаго*, но такъ какъ Бѣлицкой церкви быть не можетъ, то, по всей вѣроятности, слѣдуетъ принять послѣднее чтеніе... Кажется, дальнѣйшія разсужденія относительно этого вопроса излишни. Достаточно замѣтить, что положительное будто бы свидѣтельство Описи Кіевского замка 1555 г. о существованіи въ то время въ Кіевѣ Богоявленской церкви при повѣркѣ оказывается болѣе чѣмъ сомнительнымъ ³⁾.

¹⁾ *Кіевская Стар.* 1884 г., октябрь, стр. 229,—Срав. *Кіевск. Стар.* 1885 г. февр. стр. 276.

²⁾ Этотъ томъ Архива озаглавивается: *Акты, относящіеся къ исторіи заселенія юго-западнаго края*. Онъ имѣетъ выйти въ свѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Описаніе Кіевского замка, помѣщенное здѣсь, помѣчено 1552 г. февралемъ—мартомъ. Такъ какъ въ самомъ памятникѣ даты нѣтъ, то, кажется, она выставлена по соображеніямъ самой редакціи. Отмѣчаемъ это обстоятельство исключительно въ виду того, чтобы не явилось сомнѣніе—ту ли опись мы цитуемъ, на которую ссылаются защитники древняго преданія о началѣ Кіевского братства. (Послѣдніе, какъ мы видѣли, относятъ *Опись* къ 1555 году).

³⁾ Считаемъ не лишнимъ сдѣлать небольшое замѣчаніе относительно приведеннаго нами мѣста изъ напечатанной Описи „о поповскихъ домахъ въ мѣстѣ“. Здѣсь мы читаемъ: Пречистинскаго (священника) домъ, *Никольскаго*, *Демидовскаго*, Оскресенскаго, *Николь-*

Косвенныя соображенія, которыя приводятъ въ подтвержденіе существованія Кіево-Богоявленской церкви въ XVI стол., состоятъ въ слѣдующемъ: М. А. Максимовичъ въ своей статьѣ „О первыхъ временахъ Кіевского Богоявленскаго братства“ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „О построеніи братской церкви была современная замѣтка въ старомъ ея синодифѣ, который къ сожалѣнію не сохранился. Ириной Фальковскій, ссылаясь на 121 листъ того синодика, въ своемъ Кіевскомъ мѣсяцословѣ на лѣто 1799 говоритъ: „церковь бывшаго Кіево-братскаго монастыря Богоявленій Господнихъ, деревянная, создана запорожскимъ гетманомъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ 1620 года (стр. 40)“¹⁾.—Это приведенное въ братскомъ памятникѣ, указаніе принимается Максимовичемъ за достовѣрное²⁾. Но защитники древняго преданія о началѣ Кіевского братства въ XVI столѣтіи съ этимъ несогласны. „Съ мнѣніемъ Максимовича—говорятъ они—надлежало бы согласиться тѣмъ болѣе, что создателемъ не только этой церкви, но и обители Кіево-братской Богоявленской призналъ того же Сагайдачнаго и Антиохійскій патріархъ Паисій въ своей грамотѣ, данной послѣ посѣщенія Кіева въ 1649 году (*Памят. Кіев. Коммис.* т. II, отд. 1 стр. 189). Но письмо духовныхъ и мірскихъ братій къ царю Михаилу Теодоровичу отъ 10 апрѣля 1625 года, сохраняю-

скаго, *Набережскаго*, Сласкаго, и проч. Мы думаемъ, что подчеркнутыя нами попарно слова не должны быть отдѣлены запятыми, а соединены чрезъ тире,— т. е., мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ составителями Описи обозначаются не *четыре церкви*, а только *два*—*Никольско-Демидовская* и *Никольско-Набережская*. При внимательномъ разсмотреніи указаннаго мѣста дѣло представляется яснымъ. Во первыхъ, если допустить чтеніе комиссіи, то выйдетъ повтореніе двухъ церквей, безъ отличія одной отъ другой (домъ священника Никольскаго, домъ священника Никольскаго); во вторыхъ, въ Описи всѣ священники обозначаются не по именамъ или фамиліямъ, а по принадлежности ихъ къ той или другой церкви. Между тѣмъ, допустивъ чтеніе комиссіи, мы встрѣчаемся съ трудно объяснимымъ исключеніемъ: домъ священника Демидовскаго (мы не говоримъ о священникѣ Бѣлицкомъ, такъ какъ это мѣсто считаемъ дурно прочтеннымъ); въ третьихъ, церковь Николы Набережнаго въ Кіевѣ существовала и она въ тогочасовыхъ памятникахъ всегда называется именно этимъ двойнымъ именемъ, а не просто Никольскою. Что же касается Демидовско-Никольской церкви, то подъ нею, безъ сомнѣнія, разумѣтся церковь въ замковомъ селѣ Демидовцахъ, о которомъ упоминается и въ описаніи Кіевского замка. Въ этомъ селѣ дѣйствительно находилась церковь и такъ какъ оно отстояло отъ замка только въ четырехъ миляхъ (о томъ и другомъ въ *Описи*), то священникъ Демидовскій могъ имѣть домъ и въ Кіевѣ.

¹⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II стр. 182.

²⁾ Ibid.

щеся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, приводитъ къ нѣскольکو иному рѣшенію. Въ этомъ письмѣ кіевскіе братчики просятъ царя о милостыни на украшеніе своей церкви Богоявленія Господня, Благовѣщенія и преподобныхъ Антонія и Θεодосія печерскихъ, возведенной уже до верха съ помощію его царскихъ даровъ, но пребывающей еще безъ покрова и иконнаго украшенія. Изъ этого документа первѣе всего слѣдуетъ, что сооруженная при Сагайдачномъ Богоявленская церковь окончена не задолго до его кончины, послѣдовавшей въ 1632 году, и что Сагайдачный былъ не единственнымъ, а только однимъ изъ главныхъ жертвователей на сооруженіе этой церкви. Если же Кіево-братская Богоявленская церковь въ 1625 году была еще безъ покрова и верха, то, во вторыхъ, слѣдуетъ, что ее нужно отличать отъ той Богоявленской церкви, которую посѣщаль іерусалимскій патріархъ Теофанъ въ 1620 г. и въ которой онъ совершилъ посвященіе Псаи Копинскаго въ санъ епископа перемышльскаго, а Іова Борецкаго въ санъ митрополита кіевскаго. Наконецъ, естественно возникаетъ вопросъ, когда же построена первая Богоявленская церковь, старѣйшая сооруженной при Сагайдачномъ? Безъ сомнѣнія, не въ 1615 году, ибо не могла же она обветшать такъ скоро, что менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ потребовалось замѣнить ее новою церковію. По всей вѣроятности, это была та Богоявленская церковь, о священникѣ которой упомянуто въ описи кіевскаго замка, составленной въ 1555 году¹⁾.

Прежде всего замѣтимъ, что защитниками древняго преданія о возникновеніи Кіевскаго братства допущенъ крупный недосмотръ, который главнымъ образомъ и послужилъ основаніемъ для вышеприведенныхъ разсужденій о времени построенія Богоявленской церкви. Именно, гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный скончался не въ 1632 году, а равно десятилѣтіемъ ранѣе—въ 1622 году, апрѣля 10-го. Объ этомъ имѣются свѣдѣнія положительныя и несомнѣнныя²⁾. Но

¹⁾ *Кіев. Стар.* 1884 г. № 10, стр. 228—229.

²⁾ См. *Прилож.* № VI. Точное опредѣленіе времени кончины Сагайдачнаго находится въ старомъ памятникѣ Кіево-Михайловскаго золотоверхаго монастыря. Здѣсь (на 98 листѣ) читаемъ: *Року дхѣв Апрелья 1̄ дня Благочестивый мужь пань Петръ Конашевичъ Сагайдачный гетманъ войска его милости запорожского. По многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звитязствахъ, на ложь своемъ простеръ позь свои, приложися*

если Гетманъ Сагайдачный умеръ въ 1622 г.,—то, очевидно, еще строящаяся въ 1625 году Богоявленская церковь не могла быть окончена до его кончины и ее слѣдуетъ отличать отъ той, которая, по свидѣтельству помянника, принимаемому Максимовичемъ ¹⁾, основана была означеннымъ гетманомъ. Разумѣется, допущенная защитниками древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства неточность, не противорѣчитъ сдѣланнымъ ими выводамъ. Исправляя неточность, мы видимъ, что братскую церковь, въ которой посвящаль патріархъ Теофанъ Исаію Копинскаго и Іова Борецкаго дѣйствительно должно отличить отъ той, которая еще не была достроена въ 1625 году, и слѣдовательно послѣдняя не была первою по времени церковію Кіевскихъ братчиковъ. *Но въ этомъ никто и никогда не сомнѣвался.* Такимъ образомъ суть дѣла заключаются въ слѣдующихъ двухъ вопросахъ: первая братская церковь, или точнѣе первая церковь, около которой сосредоточивалось Кіевское братство при самомъ началѣ своего существованія, была ли устроена на подаренномъ Галшкою Гулевичевою грунтѣ? и—затѣмъ: если братство имѣло свою церковь ранѣе дарственной записи Гулевичевны, то была ли эта церковь древняя, требовавшая по своей обветшалости замѣны новою, словомъ—церковь ли эта Богоявленская, упоминаемая въ извѣстной нами *описи* (1555 г.) кіевскаго замка?

Первый вопросъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть рѣшаемъ отрицательно, хотя совершенно по другимъ соображеніямъ, чѣмъ какія имѣются въ виду у защитниковъ древняго преданія о началѣ Кіевскаго братства. Мы уже замѣтили, что фундація Галшки Гулевичевны *на первыхъ порахъ* никакого отношенія къ братству не имѣла ²⁾.

ко отцемъ своимъ съ добрымъ исповданіемъ исполнивъ благихъ дѣлъ и милости въ Кіеве. Погребенъ при церкви школы словенское въ мѣсте на подольчестно въ дому братства церковного.

¹⁾ Указаніе помянника невѣрно понято Максимовичемъ. Но объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ ошибка уважаемаго изслѣдователя въ данномъ случаѣ существеннаго значенія не имѣетъ.

²⁾ Когда мы говоримъ, что фундація Галшки Гулевичевны на первыхъ порахъ никакого отношенія къ братству не имѣла, то разумѣемъ исключительно самый фактъ возникновенія братства, имѣвшій мѣсто независимо отъ означеннаго фондуша. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи братство,—что будетъ разъяснено въ 2 главѣ,—должно было до извѣстной степени сообразоваться съ тѣми желаніями, какія заявлены были фундаторшею въ ея дарственной записи.

Послѣднее возникло независимо отъ первой. Соединеніе ихъ случилось въ послѣдствіи, хотя и очень скоро. Такимъ образомъ, братство нѣкоторое, очень не продолжительное впрочемъ время (о всемъ этомъ подробнѣе скажемъ ниже), существовало, не владѣя дворомъ, подареннымъ Гулевичевою,—и очевидно должно было сосредоточиваться около церкви, построенной не на этомъ дворѣ. Но что же это была за церковь и гдѣ она находилась? Нѣкоторыя соображенія относительно этого мы выскажемъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь же замѣтимъ, что считать означеную церковь древнею, обветшавшею потому только, что братство около 1620 г. приступило къ постройкѣ новой, рѣшительно нѣтъ основаній. Постройка послѣдней находить для себя достаточное объясненіе какъ въ увеличившихся средствахъ братства, такъ въ особенности въ самомъ фактѣ соединенія его съ фундушемъ Гулевичевны, въ избраніи постоянного мѣста для своей—если можно такъ выразиться—осѣлости. При этомъ, мы не считаемъ церкви, начатой постройкою около 1620 г., первую по времени церковью на грунтѣ Гулевичевны. Фундаторша, жертвуя свой дворъ подъ монастырь и школу, непосредственно послѣ своей дарственной записи—дабы фундація ея возымѣла дѣйствіе—ввела туда монашествующихъ. Можно ли допустить, чтобы при такихъ условіяхъ на фундушѣ Гулевичевны въ теченіи цѣлыхъ 10 лѣтъ (церковь, начатая постройкою около 1620 г., еще не была окончена около 1625 г.) не было молитвеннаго храма, хотя-бы и не обширныхъ размѣровъ? А если мы должны допустить существованіе церкви во дворѣ Гулевичевны на первыхъ же порахъ послѣ ввода въ него монашествующихъ, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы не въ этой, а въ другой церкви (Богоявленской 1555 г.) совершенно было патриархомъ Теофаномъ посвященіе нѣкоторыхъ южно-русскихъ іерарховъ.

Доселѣ мы имѣли дѣло съ *данными и свидѣтельствами*, которыми защитники древняго преданія о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патр. Іереміею, придаютъ въ большинствѣ случаевъ значеніе *документальныхъ доказательствъ* по вопросу о существованіи Кіевскаго братства въ концѣ XVI столѣтія. Но въ подкрѣпленіе послѣдняго мнѣнія ими приводятся еще и нѣкоторыя историческія соображенія. Соображенія эти могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ: „Если возникновеніе Кіево-Богоявленскаго братства

со школою при немъ дѣйствительно относится по времени не ранѣе 1615 года, то какъ объяснить, что Кіевъ, бывшій центромъ просвѣщенія и главною святынею въ юго-западной Россіи, такъ долго не имѣлъ братства и высшаго училища, когда таковыя учрежденія давно уже существовали въ Львовѣ, Вильнѣ и многихъ другихъ городахъ?—По мнѣнію защитниковъ древняго преданія, эти соображенія не могутъ быть разъяснены въ смыслѣ благопріятномъ для рѣшенія вопроса о существованіи Кіевского братства только съ 1615 года и потому служатъ прочнымъ основаніемъ для предположенія о болѣе раннемъ возникновеніи означеннаго учрежденія. Но мы думаемъ, что и въ данномъ случаѣ защитники означеннаго преданія ошибаются: сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства и высшаго училища *не представляетъ ничего страннаго и не объяснимаго*; напротивъ означенное явленіе находится *въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ церковно-исторической жизни этого города.*

Для уясненія своего мнѣнія предварительно считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно происхожденія братствъ, ихъ организаціи и постепеннаго распространенія въ западно—русскихъ областяхъ.

Вопросъ о происхожденіи братствъ въ юго-западной Руси до настоящаго времени не можетъ считаться вполнѣ уясненнымъ. Мнѣнія нашихъ ученыхъ по этому вопросу разнорѣчивы. Одни смотрятъ на западно-русскія братства, какъ учрежденія чисто отечественныя, возникшія на народной почвѣ, самостоятельныя по формѣ и содержанію, причемъ ставятъ ихъ въ неразрывную связь съ древне-русскими братчинами¹); другіе, напротивъ, считаютъ оныя явленіемъ чужеземнымъ, заимствованнымъ, допуская самобытность братскихъ союзовъ только со стороны ближайшихъ поводовъ къ ихъ возникновенію (разумѣется борьба южно-руссовъ съ иновѣрною пропогандою), что же касается внѣшнихъ формъ и даже самаго духа братствъ, то первыя—думаютъ—перешли къ намъ отъ западно-европейскихъ цеховъ, а основа послѣдняго коренится въ многочисленныхъ заповѣдяхъ Спасителя и Апо-

¹) Таковъ, наприм., взглядъ С. М. Соловьева (см. его статью о Братчинахъ въ Рус. Бесѣдѣ за 1856 г. (кн. 4, смѣсь 108 и слѣд. стр.)

столовъ о любви и примѣрахъ древне-христіанской жизни ¹⁾); третьи, соглашаясь, что западно-русскіе братства „вышли изъ цеховаго устройства“, что „иноземныя формы ремесленниковъ неоспоримо были въ нихъ“, тѣмъ не менѣе считаютъ ихъ „самостоятельнымъ, мѣстнымъ явленіемъ западно-русской православной жизни, основываясь на думѣ, который всецѣло проникалъ и оживлялъ эти формы“ ²⁾); есть, наконецъ мнѣніе, стремящееся до извѣстной степени какъ бы примирить всѣ означенныя взгляды: братства не суть явленія *строго самобытныя* или исключительно *заимствованныя*. „Нѣтъ сомнѣнія, что они имѣли историческую подкладку въ западно-русской жизни, не были учрежденіями, навязанными извнѣ чисто механическимъ образомъ: на это указываютъ, съ одной стороны, нѣкоторыя черты бытовой жизни языческой и христіанской Руси, съ другой—фактъ чрезмѣрной популярности и распространенности братствъ.“ Но вмѣстѣ съ тѣмъ „нельзя также оспаривать сходства братствъ, особенно того типа, который преобладалъ въ западной Россіи до 80-хъ годовъ XVI стол., съ нѣкоторыми западно-европейскими учрежденіями.“ Только, по означенному мнѣнію, этими иноземными учрежденіями, имѣвшими вліяніе на оживленіе и постановку западно-русскихъ братствъ, были не ремесленныя цехи, а духовныя гильдіи, съ устройствомъ которыхъ наши западно-русскія братства имѣютъ существенное сходство ³⁾).

Намъ нѣтъ нужды вдаваться въ критическій разборъ разнорѣчивыхъ мнѣній о происхожденіи западно-русскихъ братствъ. Но мы считаемъ не лишнимъ указать на одно явленіе въ исторіи южно-русской церкви, которое почему-то игнорируется изслѣдователями, занимавшимися вопросомъ о происхожденіи братствъ, хотя, по нашему мнѣнію, оно имѣетъ существенное значеніе при рѣшеніи этого вопроса, или—по крайней мѣрѣ—при выясненіи ближайшихъ поводовъ, содѣйствовавшихъ развитію и процвѣтанію въ юго-западной Руси братскихъ союзовъ. Мы имѣемъ въ виду такъ называемое *право*

¹⁾ *Г. Флеровъ*. О православныхъ церковныхъ братствахъ, противоборствовавшихъ униі въ юго-зап. Россіи въ XVI, XVII и XVIII стол.—Спб. 1857 г.

²⁾ *М. О. Колятовичъ*. Чтенія о церковныхъ зап.-русскихъ братствахъ. (*День*, 1882 г., №№ 36—42; есть и отдѣльные оттиски).

³⁾ *Н. Скабаланоичъ*. Западно-европейскія гильдіи и западно-русскія братства (*Христ. чтен.* 1871 г. ч. II, стр. 271—327).

патронатства, составляющее одно изъ выдающихся явленій церковно-исторической жизни нашего юго-запада, особенно за XV—XVII стол.

Право это выражалось здѣсь разнообразно и пользовались имъ многія лица.

Во первыхъ, *верховными патронами* и при томъ всей вообще южно-русской церкви были литовско-польскіе государи. Этотъ патронатъ опирался на прерогативахъ государственной власти и выражался главнымъ образомъ въ томъ, что, считая себя „верховными подателями столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ“, польскіе короли пользовались неограниченными правами при раздачѣ епископій, архимандрій и вообще наиболѣе видныхъ іерархическихъ мѣстъ. Вытекая какъ бы изъ обязанности верховной власти заботиться о всѣхъ сторонахъ государственной жизни, а въ частности и церковной, на самомъ дѣлѣ означенный видъ патроната составлялъ одну изъ доходныхъ статей литовско-польскихъ государей, раздававшихъ іерархическія мѣста или за извѣстныя приношенія, или въ отплату за разнаго рода услуги ¹⁾).

Во вторыхъ, патронами были вообще всѣ южно-русскіе князья и паны, владѣвшіе болѣе или менѣе значительными земельными имуществами. Всѣ монастыри и церкви, находившіеся во владѣніяхъ того или другого лица, считались какъ бы его собственностію. Князья и паны заботились о поддержаніи и благолѣпіи, находившихся въ ихъ помѣстьяхъ, храмовъ Божіихъ,—нерѣдко, при своемъ благочестіи, щедро надѣляли ихъ утварью и угодыями; но вмѣстѣ съ тѣмъ они считали себя во всѣхъ дѣлахъ, касающихся *изъ* церквей, *безконтрольными хозяевами*: назначали, по своему усмотрѣнію, настоятелей и другихъ

¹⁾ Корыстныя цѣли, преслѣдовавшіяся литовско-польскими королями при раздачѣ высшихъ іерархическихъ мѣстъ, фактъ достаточно извѣстный. До какой степени подобный взглядъ королей на свои патронатскія права по отношенію къ южно-русской церкви былъ дѣломъ обычнымъ и *незазорнымъ* по понятіямъ того времени, краснорѣчивымъ доказательствомъ тому служить слѣдующее обязательство, данное польскому королю Владиславу (въ 1398 г.) луцкимъ епископомъ Іоанномъ: „А се азъ владыка Иванъ, изъ Луцка, *знаемо чинно всмь*, аже далъ ми господарь мой, великій король, митрополью Галицкую, хочеть ми помочи на поставленье митрополитомъ. А коли Богъ дастъ, стану митрополитомъ, я за то слобую и хочю дати, оже Богъ дастъ, моему милому господарю королю *двѣсти гривенъ Рускихъ, а тридцать коней, безъ хитрости*; и того не хочу иступити. *И на то емь свой листъ далъ*, и проч. (Акты Зап. Россіи, т. I. № 12).

членовъ влира, по собственному желанію, безъ всякаго суда и вѣдома о томъ мѣстнаго епископа, смѣщали ихъ, распоряжались церковною собственностію, и т. п. ¹⁾).

Патронатъ господарскій, обнимая всю южно-русскую церковь, имѣлъ практическое примѣненіе собственно къ болѣе или менѣе обильнымъ духовнымъ хлѣбамъ (епископіямъ и важнѣйшимъ монастырямъ); владѣльческій патронатъ простирался на помѣстья ихъ собственниковъ. Но въ западно-русскихъ областяхъ были церкви, находившіяся на территоріи, такъ сказать, нейтральной, не принадлежавшей къ помѣстьямъ землевладѣльческимъ. Мы говоримъ о церквахъ, находившихся преимущественно въ городахъ и нѣкоторыхъ мѣстечкахъ. Вотъ по отношенію къ этимъ-то церквамъ мы и встрѣчаемся съ новымъ, имѣвшимъ особенно важное значеніе въ церковно-исторической жизни нашего юго-запада, видомъ патронатства — *патронатомъ коллективнымъ*. Патронами въ данномъ случаѣ являются всѣ прихожане церкви. Этотъ видъ патронатства въ общихъ чертахъ имѣлъ сходство съ патронатомъ владѣльческимъ. Какъ магнаты и паны заботились о благоустройствѣ своихъ церквей, такъ подобную же заботу о своихъ храмахъ имѣли и горожане; какъ первые считали себя полноправными хозяевами въ церковныхъ дѣлахъ, такъ стремились къ этому и послѣдніе. Но, какъ коллективное явленіе, совмѣстный патронатъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ принять въ своемъ развитіи теченіе, рѣзко отличающее его отъ патроната владѣльческаго — единоличнаго. Послѣдній, имѣя въ основѣ преимущественно права *собственника* и находясь въ зависимости отъ единоличной только его *воли*, не могъ быть строго регламентированъ какими либо точными опредѣленіями. Напротивъ, въ патронатѣ коллективномъ это являлось дѣломъ необходимымъ, неизбѣжнымъ. Совмѣстное участіе въ общемъ дѣлѣ вело къ болѣе или менѣе точному опредѣленію правъ каждаго участника, его обязанностей, установленію взаимныхъ отношеній между членами, и т. п., — словомъ, вело къ выработкѣ того или другаго устава, тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ правилъ. Древне-русскій порядокъ народнаго самоуправленія, вѣро-

¹⁾ Факты, подтверждающіе сказанное, въ достаточномъ количествѣ собраны въ статьѣ. — *О правѣ патронатства въ юго зап. Россіи въ XVI в.*, — помѣщенной въ *Литов. Вѣстн. Вѣдомостяхъ* за 1878 г.

ятно, еще не исчезнувшая память о прежнихъ братчинахъ, преимущественно же господствовавшее въ то время въ литовско-польскомъ государствѣ нѣмецкое право и западно-европейскія гильдіи, знакомство съ которыми было возможно,—совокупность всего этого, безъ сомнѣнія, могло имѣть не малое вліяніе на выработку означенныхъ порядковъ. Но все это скорѣе были питательные соки, дававшіе жизнь означенному корпоративному учрежденію, группировавшемуся около церквей, чѣмъ корнями этого учрежденія, развившагося впоследствии до широкихъ размѣровъ и получившаго названіе церковныхъ братствъ.

Такимъ образомъ церковныя братства—по нашему мнѣнію—суть ничто иное какъ развившійся подъ вліяніемъ благоприятныхъ для сего условій коллективный патронажъ. Разумѣется, развитіе это имѣло свою исторію,—и хотя крайняя скудость дошедшихъ до насъ данныхъ о братствахъ разсматриваемаго періода и не позволяетъ прослѣдить эту исторію даже въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣмъ не менѣе кое-какіе *слѣды* могутъ быть указаны и въ этомъ отношеніи.

Первоначальныя извѣстія о западно-русскихъ братствахъ восходятъ къ первой половинѣ XV стол.; первыми пунктами, гдѣ они появились, были города: *Лвовъ* (1439 г.) и *Вильно* (1458 г.). Последнее обстоятельство обыкновенно объясняютъ, съ одной стороны, сравнительно большою опасностію, какой подвергалось православіе именно въ этихъ городахъ, а съ другой—болѣе широкимъ развитіемъ въ нихъ цеховаго устройства, изъ котораго будто бы „вышли братства“¹⁾. Но что касается до перваго изъ этихъ положеній, то съ нимъ мы положительно не можемъ согласиться. Ставить первоначальное возникновеніе братствъ въ связи съ противодѣйствіемъ ино-вѣрной пропаганды, мы не имѣемъ никакихъ основаній. Не говоря уже о томъ, что довольно распространенное мнѣніе о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ православными еще *въ половинѣ XV столѣтія*, преувеличено,—указанному положенію противорѣчатъ дошедшія до насъ свѣдѣнія о дѣятельности братствъ за первоначальный періодъ ихъ существованія. Вся дѣятельность братствъ, носящая характеръ религіозный, ограничивалась (и то въ лучшихъ братствахъ) исключительно

¹⁾ *М. О. Кояловичъ. Чтенія о церковныхъ западно-русскихъ братствахъ. (День. 1862 г., № 37, стр. 13).*

ихъ заботами о благолѣпіи церквей, участиі въ избраніи духовныхъ лицъ и контролѣ надъ ними, обязательномъ присутствіи братчиковъ при торжественныхъ церковныхъ службахъ и процессіяхъ и учрежденіи нѣкоторыхъ благотворительныхъ учреждений. О борьбѣ братствъ съ иновѣріемъ за разсматриваемое время не находимъ и помина. Мало того, мы имѣемъ свѣдѣнія, что на братскіе пиры, дававшіеся ежегодно въ опредѣленные дни, приглашались въ качествѣ гостей *духовныя и свѣтскія лица „римскаго“ вѣроисповѣданія; едва-ли* даже не были случаи,—разумѣется исключительные, но тѣмъ не менѣе многозначительные,—что въ братства принимались и иновѣрцы¹⁾.—Что касается, до втораго положенія,—именно, вліянія на развитіе братствъ цеховаго устройства,—то отрицать подобное вліяніе нельзя. Объ этомъ довольно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ нѣкоторыя сходныя черты братскихъ порядковъ съ цеховыми, усвоенныя братствами,—какъ можно думать съ бѣльшимъ основаніемъ,—благодаря цехамъ. Но не слѣдуетъ преувеличивать размѣры этого вліянія,

¹⁾ „Которые бы люди духовные якого колвек стану *римское веры* и крещное, будучи вписаные в тое (Виленское кушнерское) ихъ братство, хотя бы тежъ не вписаные, до оного братства ихъ приходили прошонны от кого на свою учту, Або се хто на ден закупит хочечи меду ихъ братского напити, и беседу з братею мети, и придалобы се ему скимъ в том ихъ братстве ростырк албо зваду почати, тогда о тыхъ делехъ таковыя духовные люди яко римское веры до князя бискупа а грецкое до митрополита и до владниковъ их, якъ вписаные так и невписаные в братство, не мають се от судовъ ихъ отзывать, Ани жадное помочи з урадовъ своихъ на то себе брати одно мусить тамъ у томъ братстве“, и проч. (*Собр. древн. грам. и актовъ городовъ: Вильны, Ковна, Трокъ, и проч. ч. II, № 16, стр. 36*).—Изъ приведеннаго мѣста, разумѣется, ясно видно, что лица латинскаго вѣроисповѣданія приглашались въ качествѣ гостей на братскіе пиры. Можно бы, повидимому, сдѣлать столь же положительное заключеніе и относительно принятія лицъ означеннаго вѣроисповѣданія въ самые члены братства,—чему можно найти и нѣкоторое объясненіе (вписываются въ братство извѣстныя улицы, населенныя тѣмъ или другимъ цехомъ, при этомъ вліятельный или дружелюбный соремесленникъ и другаго вѣроисповѣданія изъявляетъ желаніе принять участіе въ братчинѣ, хотя бы только преимущественно на правахъ полноправно участвующаго въ *пиршествахъ*),—но, будучи достаточно ознакомлены съ содержаніемъ тоговременныхъ документовъ со стороны литературы, мы не рѣшаемся высказать своего мнѣнія по данному вопросу съ положительною увѣренностію. Возможно, что слова въ приведенной выдержкѣ: „вписаные“ исключительно относятся къ лицамъ „веры крещное“—и только неопытное перо составителя грамоты не сумѣло въ данномъ случаѣ придать рѣчи надлежащій смыслъ (примѣровъ подобной неопытности, прямо искажающей смыслъ и значеніе текста, можно въ тоговременныхъ памятникахъ указать много).

въ особенности же видѣть въ цеховомъ устройствѣ первое звено, положенное въ основу братствъ. Возникновеніе братскихъ союзовъ съ оттънкомъ религіознымъ *первѣ всего въ большихъ городахъ*, имѣвшихъ наиболѣе развитое цеховое устройство, находить для себя достаточное объясненіе въ сравнительномъ обилии въ означенныхъ городахъ церквей, свободныхъ отъ владѣльческаго патроната и непосредственно подлежащихъ вѣдѣнію многочисленныхъ прихожанъ, составлявшихъ то среднее сословіе, которое въ значительной степени пользовалось правами автономіи и самоуправленія. При этомъ не должно особенно смущать то обстоятельство, что братства,—если *не всегда*, то довольно *часто*,—получали свое названіе по имени цеховъ (напр. братство кушнерское, купецкое, кожемяцкое, и т. д.). При объясненіи этого факта нужно имѣть въ виду, что ремесленники извѣстнаго цеха жили почти всегда совмѣстно, занимая цѣлыя улицы, и потому естественно могли принадлежать къ одному приходу,—притомъ названіе извѣстнаго прихода, а отсюда и патроновъ церкви —братчиковъ, по имени того или другаго цеха не слѣдуетъ понимать въ безусловно точномъ значеніи этого слова: подобное названіе могло быть усвоено приходу и братству по *преобладающему числу* входившаго въ ихъ составъ однороднаго по ремеслу или общественному положенію¹⁾ народонаселенія (аналогичные примѣры чему можно видѣть и по сіе время).

Въ исторіи братствъ за первоначальный періодъ ихъ существованія дѣйствительно едва-ли не самымъ крупнымъ явленіемъ, содѣйствовавшимъ ихъ развитію, должно признать ихъ *борьбу*,—но только борьбу не съ пропагандистами иновѣрія, а со своимъ собственнымъ православнымъ духовенствомъ.—Мы уже сказали, что характеристическою чертою *патронатства* какъ *единоличнаго*, такъ и *коллективнаго* было стремленіе къ полному заправленію дѣлами церковными. Стремленіе это, естественно, не могло быть желательно и пріятно для духовенства, которое вправѣ было считать себя обиженнымъ контролемъ надъ нимъ и стѣснительнымъ, а въ иныхъ случаяхъ и несправедливымъ, вмѣшательствомъ въ дѣла, исключительно принадлежащія его вѣдѣнію. Поэтому мы видимъ довольно многочисленныя

¹⁾ Напр. въ Вильнѣ было братство *паксовъ*, состоявшее изъ *бурмистровъ, радцы и лавниковъ* означеннаго города.

попытки, какъ со стороны высшей южно-русской іерархіи, такъ и со стороны бѣлаго духовенства, ограничить участіе мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ. Дѣянія Виленскаго собора 1509 г.¹⁾, на которомъ было опредѣлено, чтобы „князи и панове“ (патроны) у священника, владыкою поставленнаго, „церкви не отнимали до живота его безъ святительскаго вѣдома“, а также, чтобы не захватывали по свосму произволу церковныхъ имѣній, не однократно заносимыя южно-русскими іерархами. Жалобы правительству о злоупотребленіяхъ свѣтскихъ лицъ, которыя незаконно творять судъ и расправу по дѣламъ духовнымъ и надъ духовными особами²⁾, грамоты, испрашиваемыя у королей митрополитомъ и владыками о неприкосновенности святительскаго суда и церковныхъ имуществъ³⁾,—всѣ эти факты краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ указанной нами борьбѣ іерарховъ съ магнатами и панами, считавшими себя полноправными хозяевами, находившихся подъ ихъ патронатомъ церковей.—Въ частности, ясны слѣды подобной борьбы духовенства видны и по отношенію къ патронату коллективному. Въ концѣ 1541 г. „протопопъ и вси священники въ мѣстѣ Виленскомъ“ (т. е. городѣ Вильнѣ) били челомъ королю Сигизмунду I и „обтяжливе велико жаловали о томъ, штожь дей бурмистръ и радцы и мѣщане мѣста нашего Виленскаго, закону греческого, упросили собе листъ у митрополита Кіевскаго и Галицкаго и всея Руси Макарія, къ великой обтяжливости и легкости ихъ, беручи ихъ всѣхъ подъ справу и послушенство свое и хотечи мѣти ихъ во всемъ поволнымъ собѣ, и, што бы таковымъ къ нимъ быти не хотѣлъ, тыхъ они отъ церковей Божіихъ выставляти, а иншимъ ихъ подавати мѣти⁴⁾. Подобные же „листы“ (грамоты), въ интересахъ своей корпорации, не разъ испрашивались у кіевскихъ митрополитовъ и львов-

¹⁾ Впервые напечатаны въ концѣ книги *О священствѣ* Іоанна Златоустаго (Львовъ 1614 г.); затѣмъ въ нынѣшнемъ столѣтіи нѣсколько разъ: въ *прилож. къ Описанію Кіево-Соф. Собора* (Кіевъ. 1825 г.), подъ № 10; *Актахъ Историч.* т. I, № 289, *Памят. Рус. Стар. въ запад. губер., вып. IV*, и *Руск. Истор. Библ.* т. IV.—Въ рукописи, принадлежащей намъ и относящейся къ половинѣ XVI стол., означенное соборное *Дѣяніе* имѣетъ небольшое дополненіе, очевидно составленное на какомъ либо изъ послѣдующихъ соборовъ.

²⁾ А. З. Р. т. III №№ 22, 43. Архивъ Юго-Зап. Рос. т. I, №№ 83, 85, 86, 88, 92.

³⁾ А. Зап. Рос. т. I № 168, *ibid.* т. II № 109 и друг.

⁴⁾ Акты Зап. Рос. т. I, № 219.

кими мѣщанами, что вызывало протесты не только со стороны, бѣлаго духовенства, но и мѣстнаго епископа. Извѣстная борьба со Львовскимъ братствомъ епископа Гедеопа Балабана, къ концу XVI столѣтія достигшая обширныхъ размѣровъ и такъ много смущавшая православныхъ, ведетъ свое начало отъ половины означеннаго столѣтія. Митрополитъ Макарій въ 1551 году писалъ львовскому владыкѣ Арсенію Балабану, что львовскіе мѣщане принесли ему жалобу въ томъ, что „его милость забороняетъ во отцамъ ихъ давнымъ (т. е. къ собственнымъ, избраннымъ ими священникамъ) приходити“, а приказываетъ „у иншихъ поповъ имъ сповѣдыватися, до которыхъ, они не хотятъ“,—причемъ за ослушаніе своего приказанія „не благословляетъ мѣщанъ, клятвы на нихъ налагаетъ и на соборахъ клянеть“¹⁾.

Каковы были послѣдствія указанныхъ пререканій духовенства съ патронами?

Борьба высшаго духовенства (іерарховъ) съ патронами—владѣльцами при томъ общественномъ строѣ, который господствовалъ въ разсматриваемое время въ литовско-польскомъ государствѣ, не могла имѣть для него желаемаго успѣха. Грамоты и разнаго рода привиллегіи, испрашиваемыя іерархами съ цѣлію ограниченія патронатскихъ правъ владѣльцевъ, на дѣлѣ оставались мертвою буквою. Магнаты и паны не переставали смотрѣть на церкви и обители, находившіяся въ ихъ помѣстьяхъ, какъ на свою собственность, и продолжали распоряжаться ими по своему усмотрѣнію.—Что касается до коллективнаго патроната, въ ограниченіи правъ коего наиболѣе заинтересовано было бѣлое духовенство, то борьба и съ нимъ не представляла благопріятныхъ для успѣха данныхъ. Не говоря уже о томъ, что городское народонаселеніе (средоточіе коллективнаго патроната), пользуясь значительными привиллегіями относительно самоуправленія и автономіи, естественно стремилось увеличивать сіи привиллегіи, а не умялять ихъ,—независимо отъ этой, такъ сказать, основной причины, въ неуспѣхѣ борьбы духовенства съ патронами—прихожанами не мало повинны и сами верховные представители южно-русской церкви, иногда дѣйствовавшіе вопреки собственнымъ своимъ (или прежнихъ соборовъ) опредѣленіямъ о невмѣшательствѣ

¹⁾ Архивъ Львов. ставроп. Института, № Гаяс. 411.

свѣтскихъ лицъ въ дѣла церковныя. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ видно, что кіевскіе митрополиты иногда, безъ сомнѣнія въ личныхъ своихъ интересахъ, предоставляли мірянамъ (горожанамъ) широкое участіе въ дѣлахъ церковныхъ и при несогласіяхъ ихъ по сему предмету съ духовенствомъ поддерживали сторону свѣтскихъ лицъ, притомъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этихъ несогласіяхъ съ ними дѣйствующимъ лицомъ являлся мѣстный епископъ.—Естественно, что подобная борьба духовенства съ городскими прихожанами побуждала послѣднихъ тщательнѣе охранять присвоенныя себѣ права и должна была содѣйствовать усиленію автономіи коллективнаго патроната,—автономіи, достигшей еще къ концу перваго періода существованія патронатскихъ (или, по входившему постепенно въ употребленіе выраженію—братскихъ) союзовъ до значительныхъ размѣровъ.

Достигши значительной автономіи, братства, какъ мы замѣтили, до 80 гг. XVI столѣтія не только не проявляютъ своей дѣятельности въ интересахъ охраненія своей религіи отъ враждебныхъ посягательствъ на нее со стороны иновѣрія, но и вообще религіозная и даже благотворительная дѣятельность ихъ за указанное время не достигаетъ значительныхъ размѣровъ, уступая довольно видное мѣсто дѣламъ чисто житейскимъ.—Въ общихъ чертахъ организація братствъ къ концу разсматриваемаго періода была слѣдующая:

Братства назывались (чаще всего) по роду занятій и состоянію большинства членовъ, входившихъ въ ихъ составъ, или же по имени церкви, около которыхъ они группировались.—Главный составъ членовъ братства составляли прихожане извѣстной церкви, но могли, по желанію и согласію на то братчиковъ, вступать въ него и иноприходныя лица. При поступленіи въ братство требовался извѣстный денежный взносъ; подобные же взносы братчики обязаны были дѣлать и въ теченіе года въ опредѣленные дни, во время собраній (сходокъ). Собранія эти происходили въ братскомъ дому и подраздѣлялись на торжественныя и обыкновенныя. Первые приурочены были къ тѣмъ или другимъ большимъ праздникамъ и продолжались обыкновенно три дня. Послѣ литургіи собравшіеся братчики вели разсужденія о дѣлахъ, касавшихся братства, и затѣмъ пировали. Пиршество устраивалось на общую складчину, въ которой могли принимать участіе и стороннія лица, даже—какъ мы

уже замѣтили—и неправославнаго вѣроисповѣданія. Главное угощеніе, о которомъ всегда довольно подробно говорится въ братскихъ уставахъ, состояло въ сыченомъ медѣ, безошплинное приготовленіе котораго на опредѣленный промежутокъ времени (три дня) составляло привилегію братчиковъ, даруемую имъ правительствомъ. Братскіе уставы съ особенною подробностію говорятъ именно объ означенныхъ пиршествахъ. Во время пира братчикамъ вмѣнялось въ обязанность вести себя чинно и благопристойно: не напиваться до-пьяна, на столѣ не ложиться, непотребныхъ, срамныхъ рѣчей не произносить, „розтырокъ“ не заводить и вообще другъ друга не оскорблять. Безъ сомнѣнія, въ предупрежденіе болѣе крупныхъ столкновеній „до братское свѣтлицы“ не дозволялось приходиться съ какимъ либо оружіемъ. Кромѣ торжественныхъ собраній въ братствахъ происходили еще сходки обыкновенныя, о времени которыхъ братчики заблаговременно извѣщались, подъ угрозой штрафа за неприбытіе. Здѣсь рѣшались текуція дѣла, касающіяся братства.—Братчики подраздѣлились на старшихъ и младшихъ; изъ числа первыхъ избирались, срокомъ на одинъ годъ, старшины, называвшіеся „старостами“ или „рочными справцами“. Они были представителями братства и завѣдывали его судебнo-административными дѣлами и братскою казною. По окончаніи года старшины обязаны были давать остальнымъ членамъ подробные отчеты относительно своей дѣятельности.—Пользуясь правами автономіи и самоуправленія, братства особенно ревниво охраняли ихъ. Всѣ проступки братчиковъ (исключая дѣлъ уголовныхъ) рѣшались судомъ братскимъ¹⁾: уклоненіе отъ братскаго суда (обращеніе къ обыкновеннымъ судамъ—духовнымъ или свѣтскимъ) строго возбранялось.—Что касается до религіозно—благотворительной дѣятельности братствъ, то она выражалась въ заботахъ о благолѣпнѣи церквей (на каковой предметъ, между прочимъ, шла выручка отъ пиршествъ), контролѣ надъ церковными дѣлами, простиравшемся и на лицъ духовныхъ, вспоможеніи обѣднѣвшимъ членамъ, содержаніи „шпиталя“ для убогихъ, присутствіи при торжественныхъ богослуженіяхъ, въ особенности же при погребеніи умершихъ братчиковъ и ихъ

¹⁾ Виновные преимущественно наказывались денежными штрафами, шедшими въ братскую казну.

поминовеніи (на похоронахъ умершаго братчика обязаны были присутствовать всѣ члены).—Къ сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что братства имѣли собственную печать, писанные „порядки“, санкціонированные свѣтскимъ правительствомъ, а иногда и высшею духовною властію, и „реэстръ“ куда заносились имена, вступавшихъ въ составъ его членовъ¹⁾.

Съ 80 гг. XVI столѣтія въ исторіи братствъ происходитъ крупный переворотъ: они вступаютъ въ новую фазу своего развитія и существенно видоизмѣняютъ характеръ своей дѣятельности, становясь братствами религіозными, церковными, въ полномъ значеніи сихъ словъ. Этотъ переворотъ стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ положеніемъ южно-русской церкви, въ какомъ она очутилась къ концу XVI столѣтія. Въ это время религіозное движеніе, вызванное борьбою съ иновѣріемъ, преимущественно же католицизмомъ и его излюбленнымъ дѣтищемъ—унією,—достигаетъ самыхъ широкихъ размѣровъ. Южно-русскому народоселенію приходилось напрягать всѣ свои силы, чтобы отстоять свою вѣру и народность, подвергавшіяся серьезной опасности отъ напора искусно организованной и располагавшей громадными средствами латино-польской пропаганды. Въ этой охранѣ праотцовой вѣры и своей народности самое живое участіе принимаютъ и братства, причемъ они естественно должны были видоизмѣнить и расширить характеръ своей дѣятельности. Уже не время было думать о пирахъ съ латинянами. Нужны были необычныя усилія совершенно въ иномъ направленіи,—и мы дѣйствительно видимъ подобныя усилія: братствами заводятся школы и типографіи, приглашаются въ свою среду извѣстныя своимъ просвѣщеніемъ лица, выпускаются въ свѣтъ сочиненія религіознаго и преимущественно религіозно—полемическаго содержанія, пишутся и рассылаются призывающія къ единодушію и твердости въ вѣрѣ посланія, заносятся передъ сеймами и королями прошенія о свободѣ религіозной совѣсти

¹⁾ *Собраніе древ. грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковна, Трокъ, и проч.*; изд. 1843 г. въ Вильно ч. II. №№ 1, 2, 16 и 17. *Акты Зап. Рос.*, т. III. № 131. *Архивъ Львов. Статроп. Института*, Fasc. 418. *Архивъ Перемышльскаго собора Иоанна Крестителя*. (Копія съ одной изъ грамотъ означеннаго архива, касающихся братствъ, съ датой 1563 г., передана нами въ Кіевс. Археогр. Коммиссію, гдѣ и напечатана въ издаваемомъ ею *Архивъ*, ч. I, т. VI, № XXII

и охранѣ правъ православной церкви,—словомъ предпринимаются всевозможныя мѣры, чтобы, съ одной стороны, парализировать успѣхи иновѣрной пропаганды, а съ другой—дать своимъ соотечественникамъ надежныя средства для борьбы съ этою пропагандою. Насколько вслѣдствіе таковой дѣятельности братство видоизмѣнилась ихъ организація, мы увидимъ, когда будемъ говорить объ уставѣ Кіево-Богоявленскаго братства, въ существенныхъ чертахъ сходномъ съ уставами прочихъ церковныхъ братствъ. Теперь же ограничимся слѣдующими краткими замѣчаніями объ этомъ новомъ и важнѣйшемъ періодѣ братствъ:

1) Братства реформируются въ религіозно—оборонительныя учрежденія первѣе всего въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православію угрожала наибольшая опасность. Такими городами были—*Вильно* и *Львовъ*. Здѣсь вырабатываются самыя обстоятельныя братскіе уставы, служившіе образцомъ для уставовъ другихъ братствъ, начавшихъ довольно быстро разпространяться по разнымъ городамъ юго-западной Руси (*Брестъ*, *Минскъ*, *Бѣльскъ*, *Могилевъ*, и друг.).

2) Стремленіе къ автономіи въ средѣ братчиковъ, весьма замѣтное уже въ начальной періодѣ ихъ существованія, достигаетъ теперь самыхъ широкихъ размѣровъ (полное, ничемъ не стѣснявшееся заправленіе церковными дѣлами), чему весьма много содѣйствовало недовѣріе къ духовенству и особенно къ высшей іерархіи, запятнавшей себя, за малыми исключеніями, измѣною праотцевской вѣрѣ.

3) Значеніе и сила братствъ заключалась въ ихъ коллективности. И единоличный патронатъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей (князь К. К. Острожскій), оказалъ въ рассматриваемое время православной церкви большія услуги. Но это былъ мечъ обоюдоострый. Сегодня, когда патронъ—ревнитель православія: онъ „столпъ“ и „пособникъ“ церкви; завтра онъ попадаетъ въ сѣти іезуитовъ,—и тотчасъ же дѣлается врагомъ ея, и зачастую—злѣйшимъ врагомъ (Скуминъ-Тышкевичъ). Правда, измѣнники находились и между братчиками, но они не могли нанести учрежденію и цѣлямъ, имъ преслѣдуемымъ, существеннаго вреда: „предатель“ вычеркивался изъ братскаго реэстра и мѣсто его восполнялось именами вновь поступавшихъ членовъ, доступъ въ которые для лицъ, ревнующихъ о вѣрѣ, широко былъ открытъ (болѣе широко, чѣмъ въ періодѣ предшествовавшій).

Переходя къ предмету, непосредственно насъ интересующему (возможно-ли отрицать существованіе братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI стол.), мы, имѣя въ виду сказанное нами о происхожденіи и постепенномъ развитіи братствъ, находимъ наиболѣе естественнымъ поставить два вопроса: *во первыхъ*, могъ-ли существовать въ Кіевѣ *коллективный патронатъ* надъ церквами, представлявшій собою братскіе союзы въ ихъ первоначальномъ, такъ сказать, зачаточномъ видѣ, и были-ли здѣсь благоприятныя условія для прогрессивнаго развитія этого патроната,—и, *во вторыхъ*, насколько къ концу XVI столѣтія подготовлена была въ Кіевѣ почва для возникновенія здѣсь братства церковнаго, съ характеромъ религіозно—оборонительнымъ?

Долгое время въ нашей исторической литературѣ господствовало мнѣніе, что Кіевъ послѣ Батыева разгрома и неоднократныхъ нашествій татаръ въ XV стол. пришелъ въ запустѣніе и пересталъ принимать какое-бы то ни было участіе въ политической и культурной жизни Руси. Но извѣстный знатокъ южно-русской исторіи В. Б. Антоновичъ въ своемъ изслѣдованіи: „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI стол. (1362—1569)“¹⁾, опровергаетъ это мнѣніе, называя его не болѣе какъ историческимъ миражемъ. Почтенный изслѣдователь, на основаніи сгруппированныхъ имъ извѣстій о Кіевѣ и кіевской землѣ, приходитъ къ выводу, что Кіевъ за разсматриваемое имъ время „принималъ дѣятельное участіе въ исторической жизни западной половины Руси, по большей части руководилъ развитіемъ этой жизни и, во всякомъ случаѣ, занималъ въ ея теченіи весьма почетное мѣсто“. Хотя этотъ выводъ г. Антоновича, по отношенію къ XIV и XV столѣтіямъ исторической жизни означеннаго города, значительно ослабленъ А. И. Соболевскимъ²⁾, а по

1) Помѣщено впервые въ *Кіевской Старинѣ* за 1882 г. (№ 1), и затѣмъ въ 1 т. *Историческихъ Монографій по Юго-зап. Россіи*. (Кіевъ. 1884 г.).

2) „Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева“,—критическая статья, помѣщенная въ августовской книжкѣ „*Университетскихъ Извѣстій*“ за 1885 г. Общій выводъ, къ которому пришелъ авторъ, выраженъ имъ въ слѣдующихъ словахъ: „Такимъ образомъ, безпристрастное разсмотрѣніе извѣстій о Кіевѣ за XIV—XV в., говорящихъ исключительно о неоднократномъ взятіи Кіева, о разорѣніи его области и о назначеніи и удаленіи его князей литовскими государями, приводитъ насъ къ взгляду, противоположному взгляду г. Антоновича. По нашему мнѣнію, если Кіевъ подъ властію Литвы и при-

отношенію къ XVI стол. можетъ быть тоже значительно ослабленъ указаніями на крайне тревожное время, которое приходилось испытывать кіевлянамъ въ виду постоянныхъ опасеній отъ нападеній со стороны татаръ¹⁾),—тѣмъ не менѣе и кіевская область и главный въ ней городъ далеко не находились въ запустѣніи; въ частности, въ самомъ Кіевѣ,—что имѣетъ прямое отношеніе къ нашимъ разсужденіямъ,—было среднее сословіе—мѣщанская община, пользовавшаяся, по примѣру другихъ городовъ, значительною автономіею. А такъ какъ въ Кіевѣ были церкви, не находившіяся подъ патронатомъ единоличнымъ,—то весьма естественно допустить по отношенію къ этимъ церквамъ существованіе *патроната коллективнаго*. Этотъ апріорный выводъ, до извѣстной степени, можетъ быть подтвержденъ и документальными данными²⁾. Но что касается до условій, благоприятныхъ и вообще содѣйствующихъ развитію въ Кіевѣ означеннаго патроната, то ихъ мы не усматриваемъ. О какихъ либо пререканіяхъ патроновъ съ духовенствомъ,—что какъ нами замѣчено, должно считать одною изъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ развитію коллективнаго патроната,—нѣтъ (за разсматриваемое время) и помина. Высшіе іерархи, какъ извѣстно, въ Кіевѣ не жили; притомъ

шелъ въ лучшее состояніе, чѣмъ былъ подъ властію татаръ (особенно въ концѣ XIV в., когда онъ оказался въ состояніи уплатить 3000 р. окупа), то тѣмъ не менѣе онъ оставался по прежнему городомъ, *славнымъ по имени и прошлому, но ничтожнымъ, не имѣвшимъ значенія въ литовско-русскомъ государствѣ и не игравшимъ никакой видной роли въ его судьбахъ*⁴⁾.

1) Что Кіевъ, находившійся на окраинѣ государства, подвергался опасности со стороны татарскихъ нападеній и въ теченіе почти всего XVI стол., а жители его были въ постоянной тревогѣ,—относительно этого имѣются документальныя данныя. Изъ позднѣйшихъ—укажемъ на сдѣланное отъ имени кіевского воеводы князя К. К. Острожскаго заявленіе на луцкомъ сеймѣ 1576 г. о томъ, что не смотря на многократныя представленія воеводы о крайней опасности г. Кіева со стороны непріятельскихъ вторженій (*великое небезпеченство Кіева*), правительство не заботится объ укрѣпленіи этого города, почему онъ, воевода, слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность, если кіевлянъ постигнетъ какое либо бѣдствіе. (*Кіев. Центр. Арх.*, № кн. 2050, л. 2).

2) *Центральный Архивъ Царства Польскаго*; Sub literis Q. Z, № 71, л. 64 и слѣд. Въ помѣщенной здѣсь грамотѣ Сигизмунда III (отъ 1616 г.) приведены рѣчи представителей мѣщанскаго кіевского общества, отстаивавшихъ свои права относительно патронатства надъ Воскресенскою церковію въ Кіевѣ, (*Powodowie*—т. е. представители означеннаго общества—*powiedzieli, iż ta cerkiew na placu y gruncie przez parafiany mieszczany dla ney kupionym zbudowana iest y zdawna mieszczanie parafianie w podawaniu tej cerkwi byli y onym jus patronatus własnie nalezy*).

ихъ стремленія направлены были на усиленіе своей власти по отношенію къ учрежденіямъ г. Кіева наиболѣе богатымъ (монастыри). Что же касается до блага духовенства, первѣе всего заинтересованнаго въ ограниченіи патронатскихъ правъ своихъ прихожанъ, то оно въ означенномъ городѣ, какъ безъ-епископальномъ, имѣло менѣе прочную организацію и едва-ли изобиловало вліятельными въ средѣ своей членами. Поэтому мы имѣемъ основаніе думать, что коллективный патронатъ въ Кіевѣ прогрессивно не развивался и не достигъ къ концу XVI столѣтія до той организаціи, какую мы встрѣчаемъ въ наиболѣе видныхъ и населенныхъ городахъ того времени—(Вильно, Львовъ и друг.), а отсюда и полное отсутствіе документальныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о такой организаціи (напр., исходатайствование передъ свѣтскимъ правительствомъ привилегій) объясняемъ не истребленіемъ ихъ, а просто—ихъ несуществованіемъ.

Что касается втораго и главнѣйшаго вопроса,—*насколько Кіевъ къ концу XVI столѣт. подготовленъ былъ къ появленію въ немъ церковнаго, религіозно-оборонительнаго братства*,—то онъ можетъ быть рѣшенъ только въ отрицательномъ смыслѣ. Кіевъ, бывшій религіознымъ центромъ въ древній періодъ русской исторіи, со времени Батыева разгрома утратилъ свое прежнее церковное значеніе и до начала XVII столѣтія *не возстановилъ его*. Правда, главная святыня города—кіево-печерская обитель, привлекая къ себѣ богомольцевъ и щедро надѣляемая благочестивыми даятелями, быстро оправлялась отъ постигавшихъ ее въ XV столѣтіи непріятельскихъ разореній и къ концу слѣдующаго столѣтія владѣла уже громадными имуществами. Но, богатѣя, означенная обитель очень долгое время не имѣла возможности достойнымъ образомъ пользоваться своими громадными матеріальными средствами. Этому мѣшали постоянныя неурядицы, происходившія здѣсь почти въ теченіе всего XVI столѣтія и зависѣвшія главнымъ образомъ отъ корыстныхъ отношеній къ обители ея архимандритовъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Кіево-печерскіе архимандриты въ большинствѣ случаевъ были люди, не стоявшіе на высотѣ своего положенія: они смотрѣли на занимаемое ими мѣсто не болѣе, какъ на доходную статью. Такого взгляда не чужды были даже лучшіе изъ нихъ. Кіево-печерская обитель была лакомою приманкою для лицъ, желавшихъ улучшить свое матеріальное положеніе, однимъ изъ краснорѣчивыхъ доказательствъ чего можетъ служить са-

мый списокъ ея архимандритовъ за разсматриваемое время. Такъ съ конца XV столѣтія, именно (съ 1494 г.), по конецъ третьей четверти слѣдующаго вѣка (до 1574 года), слѣдовательно въ теченіе 80 лѣтъ, въ кіево-печерской обители смѣнилось до тридцати-пяти настоятелей. Неудивительно поэтому, что не смотря на громадныя свои матеріальныя средства, эта обитель даже въ концѣ XVI стол. не имѣла еще ни типографіи, ни школы, ни хорошей библіотеки, ни больницы, ни богадѣльни¹⁾... Чего не дѣлала богатая Лавра, того еще труднѣе было ожидать отъ самыхъ кіевлянъ, не видѣвшихъ передъ собою добраго примѣра. Трудно было ожидать отъ кіевлянъ разсматриваемаго времени заведенія религіозно-просвѣтительныхъ учрежденій, когда они не находили нужнымъ поддерживать благолѣпіе своихъ, уже существовавшихъ, храмовъ. Одинъ католическій бискупъ, посѣтившій въ 1596 г. Кіевъ, упрекаетъ мѣстныхъ горожанъ за крайне пренебрежительныя ихъ отношенія къ такой давней святынѣ, какъ Кіево-софійскій соборъ. По словамъ бискупа, этотъ храмъ не только лишень всякихъ украшеній, но и стоитъ безъ крыши, не имѣетъ дверей; не службы Божіи въ немъ совершаются, а безпрепятственно бродятъ внутри его псы, свиньи, и т. п. животныя (*Ks. Poz. Wereszczyńskiego, Osada Kijowa*)... Отзывъ этотъ могутъ найти преувеличеннымъ; въ такомъ случаѣ послушаемъ самихъ кіевлянъ—современниковъ. „Писано есть нѣгде,—писали въ 1626 году кіевскіе братчики къ царю Михаилу Ѳеодоровичу,—разсмотри сущихъ прежде тебе и тогда разумѣши, яже по тебѣ. Всегда видяще, разсмотримъ древняго благолѣпія созданныи драгоцѣнныя храмы, прославленна ради всесилнаго имени единосущныя преестественныя Троица, отъ прародителей благочестиемъ равнѣдвѣтушимъ великодержавнаго величества ваша царскія милости в Кіевѣ, нынѣ же точию едва сѣнь ихъ обрѣтающихся зримъ, тяжцѣ и неутѣшимѣ жаляще, яко мы послѣдній родъ сихъ зрѣти достигомъ, на мѣстѣ, идеже первѣй начало просвѣщеніемъ родъ российский истиннаго Бога позна, отнюду же по всѣмъ странамъ, яко отъ источника благоструйнаго, извѣстное всѣмъ спасение истече и про-

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія о состояніи Кіево-печерской обители за указанное время можно найти въ нашемъ сочиненіи: *Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники* (т. I стр. 241—256).

цвѣте, идеже богодуховеннии отци пречуднымъ житиемъ и чудеса просияша, ихъ же телеса доннѣ в петлѣнии, чудодѣйствуя, пребываютъ: zde нынѣ зримъ изсыхающе, всякая же бѣды, гонения и укоризны исполненъ, горцѣ рыдающе, слезимъ, съ пророкомъ Іезекеилемъ глаголюще: горе намъ, увы намъ, Аддонаю Господи! сіе отчаяніе Ты твориши остатковъ израилевыхъ“¹⁾... Послѣ сказаннаго вполнѣ понятными становятся намъ и слова Кіево-братскаго уписа, выражающія собою не обычное (какъ думаютъ) смиреніе братчиковъ, но правдивое сознаніе,—сознаніе въ своемъ *многомъ нерадѣніи и мнотности и мрачной суетѣ мірской*,—въ каковыхъ они пребывали до 1615 г. (до времени учрежденія братства).

Настоящая глава разрослась до размѣровъ большихъ, чѣмъ предполагалось самимъ авторомъ. Но снимать искусственныя наслоенія и распутывать тщательно запутанное—дѣло нескорое. Впрочемъ, авторъ не посѣтуетъ о своихъ длинныхъ разсужденіяхъ, если будетъ признана справедливость слѣдующихъ, вытекающихъ изъ нихъ, положеній:

1) Сказаніе о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею въ 1588—1589 гг. и объ учрежденіи имъ здѣсь высшаго училища при Богоявленскомъ братствѣ не есть древнее преданіе, а сравнительно недавнее историческое мнѣніе, впервые высказанное профессорами Кіевской Академіи въ объяснительной запискѣ, составленной въ 1765 году по требованію начальства. Хотя спустя 8 лѣтъ профессорами той-же Академіи означенное мнѣніе, какъ несогласное съ документальными данными, и было опровергнуто, тѣмъ не менѣе оно тогда-же перешло въ нашу историческую литературу и пустило въ ней глубокіе корни, съ теченіемъ времени приукрашавъ новыми легендарными подробностями.

Но несостоятельность означеннаго мнѣнія не подлежитъ сомнѣнію; ибо:

2) Относительно созданнаго „догадкою“ и украшеннаго легендами перваго якобы 25-ти лѣтняго существованія Кіево-Богоявленскаго братства и школы при немъ (1589—1615 гг.) не находится ни

¹⁾ Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. VI, № ССХХІХ.

малѣйшаго указанія во всей тоговременной письменности. Ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на купчую Андрея Обуха (1594 года) и „королевскіе листы урядниковъ воеводства кіевскаго (1593 г.)“, какъ на несомнѣнное доказательство существованія въ Кіевѣ братства еще въ концѣ XVI ст., оказывается, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, не состоятельною: поименованные документы въ разсматриваемое время къ Кіевскому братству никакого отношенія не имѣли, перешли-же къ нему впослѣдствіи вмѣстѣ съ земельными имуществами, значащимися въ сихъ документахъ.

3) Въ „Уписѣ“,—начальномъ, вполне достовѣрномъ документѣ, касающемся Кіево-богоявленскаго братства,—находится прямое и опредѣленное указаніе на то, что означенное братство сформировалось только около 1615 г.—Мнѣніе, что этотъ „Упись“ относится ко времени позднѣе 1631 года, и что фраза въ немъ: „начинаемъ братство церковное“—есть только стереотипная фраза,—не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго значенія.

4) Ставропигіальныя права Кіевское братство получило въ 1620 году, во время пребыванія въ Кіевѣ іерусалимскаго патріарха Теофана, какъ опредѣленно говорится объ этомъ въ грамотѣ послѣдняго. Мнѣніе-же, якобы означенныя права братство получило еще отъ патріарха Іереміи, не находятъ подтвержденія въ дарственной записи Гулевичевой (на которую въ данномъ случаѣ ссылаются) и стоитъ въ явномъ противорѣчьи какъ съ поименованною грамотою Теофана, такъ и съ нѣкоторыми другими документальными данными (письма братчиковъ къ царю Михаилу Теодоровичу).

5) Изъ дошедшихъ до насъ достовѣрныхъ документальныхъ данныхъ видно, что патріархъ Іеремія ни въ 1588 году, когда ѣхалъ черезъ западно-русскія области въ Москву, ни въ 1589 г., когда возвращался изъ нея, въ Кіевѣ не былъ: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ путь его лежалъ далеко отъ этого города. Ссылка на описаніе путешествія Павла Алепскаго, гдѣ якобы говорится о посѣщеніи Кіева означеннымъ патріархомъ, оказывается неточною; также несостоятельнымъ оказывается мнѣніе, будто-бы Миллеръ и Рубанъ имѣли подъ руками документальныя данныя о приѣздѣ въ Кіевъ того же патріарха.

6) Существованіе въ Кіевѣ въ XVI столѣтіи Богоявленской церкви не можетъ служить доказательствомъ образованія при ней въ

томъ же столѣтїи и Богоявленскаго братства; притомъ самый фактъ существованїя означенной церкви—фактъ весьма сомнительный.

7) Наконецъ, сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства и высшаго училища не представляетъ ничего страннаго и необъяснимаго: напротивъ, означенное явленіе находится въ полномъ соотвѣтствїи съ общимъ ходомъ церковно-исторической жизни этого города.

Примѣчаніе къ главѣ первой.

Изслѣдователи, приурочивающіе возникновеніе Кіево-Богоявленскаго братства со школою при немъ къ 1588—1589 гг., указываютъ—какъ мы видѣли—на „знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ лицъ“, которыя якобы несомнѣнно получили свое образованіе въ Кіево-братской школѣ еще до 1615 г. Къ такимъ лицамъ они причисляютъ: *Елисея Плетенецкаго, Леонтія Карповича, Захарію Копытенскаго, Кирилла Транквиліона-Ставровецкаго, Кассіана Саковича, Богдана Хмельницкаго* и сподвижниковъ послѣдняго—*Павла Тетерю и Якимъ Сомка*. Мы въ своемъ мѣстѣ замѣтили, что еще М. А. Максимовичъ скептически отнесся къ означенному сообщенію исторіографовъ относительно неотъемлемой принадлежности поименованныхъ лицъ (по воспитанію) къ прежней Богоявленской школѣ (до 1615 г.), заявивъ, что „для признанія этого необходимо тоговременное свидѣтельство о каждомъ изъ нихъ“. Но подобныхъ свидѣтельствъ не имѣется. Такимъ образомъ все дѣло сводится къ однимъ только догадкамъ и предположеніямъ. Но насколько состоятельны въ данномъ случаѣ догадки и предположенія исторіографовъ Кіевской Академіи, это достаточно могутъ уяснить даже и тѣ не многія біографическія свѣдѣнія о несомнѣнныхъ якобы воспитанниковъ Кіево-братской школы, которыя дошли до нашего времени. Такъ какъ многія изъ этихъ мнимыхъ воспитанниковъ дѣйствительно могутъ быть отнесены къ числу знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ лицъ, то біографическія свѣдѣнія о нихъ (въ нашей исторической литературѣ или мало, или же и вовсе неизвѣстныя, не лишены и общаго церковно-историческаго интереса. Послѣднимъ обстоятельствомъ и вызывается главнымъ образомъ настоящее примѣчаніе,

Елисей Плетенецкій. — Елисей, по отечеству *Михайловичъ* ¹⁾, Плетенецкій происходилъ изъ шляхетской фамиліи и былъ сынъ православныхъ родителей, на что, по обычаю того времени, не разъ указывали его панегиристы.

„Певными суть свѣдками“ (говорится въ панегирикѣ, поднесенномъ Плетенецкому въ 1618 г.) ²⁾.

„небесные знаки:

Сличный мѣсяць з' звѣздою, з' ними крестъ
чворокій, ³⁾.

Уроженя твоего, Отче, цнотъ великихъ,
Жесь вышоль з фамиліи предковъ знаменитыхъ,
Которымъ о недармо тотъ клейнотъ даровано,
Кгдыжъ ихъ вѣры и цноты завше дознавано“.

И въ другомъ мѣстѣ:

„Отъ корня добраго овоць особливый:
Быль родитель побожный, сынъ есть святобливый“.

О жизни Елисея Плетенецкаго до его поступленія на кіево-печерскую архимандрію извѣстно весьма немного. Знаемъ только, что онъ, переступивши уже сороколѣтній возрастъ, „въ року 1595 въ Пинску, въ монастыру Лещинскомъ, насталь быти архимандритомъ“ ⁴⁾ и въ начальные уже годы управленія сею обителію съу-

¹⁾ Въ актахъ того времени духовныя лица рѣдко назывались по отечеству, но иногда все-таки назывались. *Михайловичемъ* Е. Плетенецкій именуется въ актѣ, находящемся въ *Архивъ Греко-ун. митр.*, подъ № 3381.

²⁾ *Възерунжъ цнотъ превелебного въ Бозѣ Ею милости Господина Отца Елисея Плетенецкого Архимандрита Кіевскою*, и проч. 1618., изд. въ Кіевѣ. (Единственный извѣстный экземпляръ этой старопечатной брошюры находится въ Московскомъ Публ. Румянцевскомъ Музеѣ).

³⁾ Гербъ Е. Плетенецкаго, нерѣдко изображавшійся на тогочасныхъ книгахъ лаврской печати (см., напр., *Іоанна Златоустаго, бесѣды на 14 посл. апос. Павла*, изд. 1623 г.) и портретахъ означеннаго архимандрита (см., напр., портретъ его, находящійся въ конгрегаціонной залѣ Кіев. Дух. Академіи), имѣлъ эмблемами — *полумѣсяць, окруженный звѣздами, и четвероконечный крестъ*.

⁴⁾ *Казанье на честномъ погребѣ блаженнаго мужа и превелебного отца, Кръ Елисея въ Геромонастьхъ Евгеимія Плетенецкого, Архимандрита монастыря Печерского*

мѣлъ зарекомендовать себя, какъ ревностный борець за дѣло православія въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ для него годинъ.

„Подчасъ правѣ утисковъ, подчасъ бѣдъ церковныхъ,
Подчасъ еи (православной вѣры) турбацій и
невчасу полныхъ“,

Былъ онъ „вѣрный служебникъ у Пана своего
В день и въ ночи вставичне чуючій до него“ ¹⁾.

Слава о благочестивой жизни Лещинскаго архимандрита и объ его заботахъ о благѣ церкви дошла до лаврской братіи и она, послѣ смерти Никифора Тура, въ сентябрѣ 1599 г. избрала его своимъ настоятелемъ ²⁾. Въ концѣ этого года мы видимъ Елисея Плетенецкаго уже въ Лаврѣ, въ званіи ея архимандрита ³⁾, причемъ онъ, если не до конца своей жизни, то, во всякомъ случаѣ очень долгое время, продолжалъ завѣдывать, въ качествѣ настоятеля, и Лещинскою обителию ⁴⁾.

Кіево-печерская братія не ошиблась въ своемъ выборѣ. Съ именемъ Е. Плетенецкаго соединены самыя существенныя начинанія, имѣвшія цѣлю „возвеличеніе св. обители печерской“, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ посредство ея, „и всего народонаселенія православно-русскаго“. Со времени этого архимандрита собственно и начинается религіозно-нравственное обновленіе обители, утратившей было въ

Кіевского, преставленнаго въ року въ 1624, въ Октобру дня 29, презъ іеромонаха Захарію Копистенского, тогды нареченого, а теперъ милостію Божією Архимандрита тою же монастыря Печерского Кіевского, творенное и проповѣданное. Кіевъ 1625 г.

¹⁾ Вѣзерункъ цнотъ, изд. 1618 г.

²⁾ „Въ року 1599—говорится въ тогочасномъ памятникѣ объ Е. Плетенецкомъ—въ Септемврїи на архимандритство Печерское обранний, на которомъ благостію Божією жилъ лѣтъ 25“ (*Казанье на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкаго*, 1625).

³⁾ Выпись съ книгъ гродскихъ воеводства Кіевского отъ 22 декабря 1599 г. (*Рукоп. Кіево-выдубицкаго мон.*, заключающая крѣпостные акты Кіево-печерской обители).

⁴⁾ *Арх. Греко-уніат. митроп.* связка № 39.—Отъ имени Елисея Плетенецкаго, какъ архимандрита Лещинскаго монастыря, ведутся дѣла еще въ 1611 г. (*Арх. Греко-уніат. митр.* №№ 3627, 3629); намѣстникомъ означеннаго монастыря въ то время былъ Германъ Тышкевичъ (*ibid.*), измѣнившій вполнѣдствїи православію и извѣстный, сначала какъ претендентъ на архимандрію кіево-печерскую (по смерти Захарїи Копистенского; см. наше сочиненіе—*Кіевскій митр. Петръ Мочила и его сподвижники*, стр. 556—558); а затѣмъ на Кіево-михайловскую (по смерти Іова Борецкаго; *Арх. Греко-ун. митр.* № 79).

предшествовавшія столѣтія значеніе релігіозно-просвѣтительнаго центра. Въ этомъ отношеніи дѣятельность многопопечительнаго архимандрита была весьма разнообразна и—что особенно важно—вполнѣ соотвѣтствовала настоятельнымъ потребностямъ времени. Къ наиболѣе выдающимся явленіямъ, вызваннымъ релігіозно-просвѣтительною дѣятельностію Елисея Плетенецкаго, должно отнести: 1) *возстановленіе въ обители общежитія по чину св. Василія и вообще умноженіе иноческой жизни*; 2) *заведеніе Лаврской типографіи и устройство бумажной фабрики (въ Радомыслѣ)*; 3) *вызовъ въ Лавру ученыхъ людей, а также лицъ, хорошо знакомыхъ съ типографскимъ дѣломъ*; 4) *изданіе книгъ (богослужебныхъ, свято-отеческихъ, каноническихъ и релігіозно-полемическихъ)*; 5) *образованіе института проповѣдниковъ*; и 6) *устройство школъ*.—Если къ этому присовокупимъ, что Е. Плетенецкій за время своего управленія Кіево-печерскою обителью окончательно упрочилъ автономію послѣдней, „зрядилъ“ женскій монастырь около Лавры, благоустроилъ Дятеловецкій монастырь, реставрировалъ печерскую церковь, въ нѣкоторыхъ кіево-печерскихъ помѣстьяхъ воздвигъ новые храмы ¹⁾,—то мы поймемъ справедливость и значеніе слѣдующихъ словъ, произнесенныхъ Зах. Копытенскимъ въ годовщину смерти Плетенецкаго: „Отцемъ былъ (почившій архимандритъ) не только для Лавры, но и для всего народа російскаго, и такъ ся тому святому заслужилъ мѣсту (Кіево-печерской обители), ижъ штося колвекъ по немъ за помощью Божію въ томъ Пречистой Богородицы монастыру дѣть и дѣяти будетъ: *все на его основъ, на его фундаментъ, на его будованіи починатися и кончатися будетъ*“.

Кромѣ указанной релігіозно-просвѣтительной дѣятельности Е. Плетенецкаго, онъ во время своего управленія Кіево-печерскою обителью много заботился о матеріальномъ благосостояніи послѣдней,—много заботился—выразился словами Захаріи Копытенскаго—„о цѣлости дому Божого монастыря Печерского и о всѣхъ Кіевскихъ, здавна до того монастыря належачыхъ монастырей, цалымъ разумомъ и силами боронячи его отъ тыхъ, которыи ялмужнѣ, то есть,

¹⁾ О релігіозно-просвѣтительной дѣятельности Елисея Плетенецкаго см. подробнѣе въ нашемъ сочиненіи—*Кіевскій митроп. Петръ Могила и его сподвижники* (т. I. 1883 г., стр. 265—282).

мастностямъ того святого мѣста кривды и безправя чинять и ихъ гвалтомъ одеютъ и отдаляютъ, венць и измышленными и потварными реиляціями и позвами неслухными труднятъ и обтяжаютъ, до кошту и шкѣды приводятъ и зле удаютъ, препомнѣвши, же такимъ своимъ незбожнымъ поступкомъ, значне сумнѣне свое гвалтять, Богу ся противять, проеяцтво святой памяти того мѣста фунда-торовъ на себѣ наволокаютъ, и Пречистой Богородицы кривду въ томъ чинять, которая не замолчитъ о томъ предъ Сыномъ своимъ и Божимъ на судѣ страшномъ, ба и въ семъ животѣ силна есть всѣхъ своихъ противниковъ поразити, а свое отнять и оборонити".—

Что эти слова не суть извѣстное риторическое украшеніе, а также, какъ и вышеприведенныя, дышать правдою,—въ подтвержде-ніе сего достаточно указать на тѣ многочисленныя процессы, которые въ теченіе своего настоятельства надъ монастырями Печерскимъ и (совмѣстно) Дятеловецкимъ приходилось вести Елисею Плетенецкому съ разными лицами, посягавшими на монастырское имущество. Такъ, за означенное время нашимъ архимандритомъ велись тяжебныя дѣла изъ за маетностей съ слѣдующими лицами: уніатскимъ митрополитомъ Ипатіемъ Поцѣмъ (*Арх. Греко-уніат. митр. при святѣйш. Синодѣ*, № 3381), уніатскимъ митр. В. Рутскомъ (*ibid.* №№ 704, 2259, 3272, 3334, 3346, 3444, 3555, 3556 и 3558), настоятелемъ Виленскаго уніатскаго (Троицкаго) монастыря Іосафатомъ Кунцевичемъ (*ibid.* №№ 3375, 3376, 3379), княземъ Іоакимомъ Корецкимъ и его женою Анною Ходкевичевою (*Рукоп. принад. Кіево-печ. Лавръ*, № 236; см. выписи съ книгъ воеводства Кіевскаго отъ 22 декабря 1599 г., 23 іюня 1600, 29 іюля того же года, 22 сентября того же года, 24 ноября того же года, 4 мая 1601 г., 5 мая того же года, 30 октября того же года, 24 декабря того же, года 7 марта 1602 г., 5 мая 1604 г., и 27 декабря 1609 г.), Томою Замойскимъ (*Арх. Греко-ун. митр.* № 3655), наслѣдниками князя Острожскаго (*ibid.* №№ 3070, 3657, 3618, 3666, 3941 и 3942), панами Ельцами (*ibid.* № 3107; *рукопись принад. Лавръ*,—гдѣ см. выписи съ книгъ воеводства Кіев. отъ 15 октября 1609 г. и 26 апрѣля 1613 г.), съ паномъ Велятницкимъ (*Арх. Греко-ун. митр.* №№ 3627, 3630, 3631 и 3632), съ п. Боговитиномъ (*ibid.* № 3668), съ п. Линкевичами (*ibid.* №№ 3515, 3518, 3523), съ п. Юріемъ Лясо-

тою (*ibid.* № 3669), п. Елинскимъ (*ibid.* № 1009), п. Станиславомъ Харлыньскимъ (*ibid.* №№ 3514, 3671 и 3672), п. Николаемъ Ивановичемъ Иващенко-Иващенко-Иващенко и его сыновьями (*ibid.* №№ 3509, 3513, 3536, 3670, 3675) съ п. Лавриномъ Лозвою и его женою Анною Гулевичевою (*ibid.* №№ 3620, 3664, 3673, 3911), и ихъ наслѣдниками (*ibid.* связка № 29), земскимъ писаремъ Велетницкимъ (*ibid.* № 3627) и кіевскими мѣщанами (*Рукоп. принадл. Лавръ*, № 236, *Центр. Арх. Царства польск. Liber Tribun. Palat. Kijov.* № 71, л. 355—359), *Архивъ Юозап. Рос.* ч. I, т. VI №№ (LXXX и LXXXI).

Изъ сказаннаго видно, что Елисей Плетенецкій не только можетъ быть причисленъ къ числу „знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ лицъ“, но и къ числу ревностныхъ администраторовъ ввѣреннаго ихъ управленію учрежденія. Не видно только, чтобы онъ могъ принадлежать къ числу воспитанниковъ Кіево-Богоявленской братской школы, якобы существовавшей еще въ концѣ XVI столѣтія. Аскоченскій, за неимѣніемъ данныхъ, отнесъ вступленіе Елисея Плетенецкаго к. пещерскую архимандрію ко времени около 1615 года¹⁾,—и отсюда, хотя и съ очевидною натяжкой, могъ (разумѣется, безъ всякихъ документальныхъ доказательствъ) пріурочивать его воспитаніе ко времени непосредственно послѣ 1588 г. Но теперь когда положительно извѣстно, что избраніе Плетенецкаго на означенную архимандрію состоялось еще въ 1599 г., что и ранѣе того, съ 1595 г., онъ былъ настоятелемъ Лецинскаго монастыря и притомъ уже переступившимъ сороколѣтній возрастъ,—воспитаніе нашего архимандрита должно быть отнесено къ 1563—1575 гг., слѣдовательно ко времени, за десятилѣтіе слишкомъ предшествовавшему возникновенію Кіево-братской школы даже по мнѣнію самихъ защитниковъ древняго преданія о пріѣздѣ въ Кіевъ константинопольскаго патріарха Іереміи.

Намъ остается только добавить, что Елисей Плетенецкій скончался 29 октября 1624 и что ясное указаніе на возрастъ, въ какомъ постигла его смерть находится въ упомянутомъ *назани* Захаріи Копыстенскаго, произнесенномъ при погребеніи почившаго архимандрита. „Воистинну“,—говоритъ, между прочимъ, здѣсь проповѣдникъ,—„и тотъ отецъ нашъ завитнулъ яко яблонь въ маю, т. е.

¹⁾ *Кіевъ съ его древ. училищемъ Академію.* Кіев. 1856 г. ч. I. стр. 66.

въ благословенной старости. Прощѣль и сѣдинами честными, яко снѣгъ бѣлого волоса и цнотами духовными, Богу и людямъ любими. *Жилъ абовѣмъ всего вѣку своего лѣтъ 70 и надто*“¹⁾.

Леонтій Карповичъ.—Аскоченскій, приурочивая Леонтія Карповича къ несомнѣннымъ воспитанникамъ Кіево-братской школы конца XVI стол., дословно говоритъ о немъ слѣдующее: „По окончаніи курса наукъ въ Кіевскомъ училищѣ, онъ принялъ монашество въ Кіево-печерской Лаврѣ, гдѣ и проходилъ всѣ степени послушанія. Свыше одаренный великими талантами, онъ не зарывалъ ихъ въ землю, и явился ревностнымъ защитникомъ угнетеннаго тогда православія. Будучи еще іеродіакономъ Лаврскимъ, Карповичъ въ 1608 году написалъ „Обличеніе на унію“, обратившее на него вниманіе какъ поборниковъ, такъ и противниковъ истины. Быстро вслѣдъ за симъ пошелъ онъ по степенямъ іерархическимъ, и въ 1615 году былъ уже архимандритомъ виленскаго святодуховскаго монастыря. По духу проповѣдничества современники называли Карповича „подобнымъ Златоусту“. Леонтій скончался въ 1626 году епископомъ владимірскимъ и берестенскимъ на Волини, заключивъ собою рядъ православныхъ архипастырей этой епархіи, захваченной уніатами“²⁾.

Здѣсь почти каждое слово—историческая невѣрность или неточность. Мнѣніе о принятіи Л. Карповичемъ монашества до 1608 г. и пребываніи его около этого времени въ санѣ іеродіакона въ Кіево-печерской лаврѣ—невѣрно. Оно произошло вслѣдствіе слѣдующихъ ошибочныхъ соображеній. Въ началѣ указываемаго Аскоченскимъ сочиненія—*Обличеніе на унію* (въ настоящее время напечатано II т. А. Ю. и З. Р.) сказано, что оно составлено въ 1608 г. *іеродіакономъ Кіево-печерской лавры Леонтиемъ*. Этотъ іеродіаконъ, какъ соименникъ Леонтія Карповича, и былъ смѣшанъ нѣкоторыми историками съ симъ послѣднимъ, и, такимъ образомъ, біографическія данныя изъ жизни одного лица приурочены были къ жизни другаго. Что означенное соединеніе двухъ лицъ въ одно дѣй-

¹⁾ Предъ смертію Елисей Плетенецкій принялъ схиму, съ именемъ *Евѣмлія*, и назначилъ себя преемника—Захарію Копыстенскаго (*Казанье на честномъ погребѣ*, 1625 г.). Надгробная надпись Плетенецкому помѣщена въ *Тераторурѣ* А. Кальнофойскаго, изд. 1638 г.

²⁾ Кіевъ съ древн. его училищемъ—Академію, ч. I. стр. 64—65.

ствительно ошибочно, это, независимо отъ нѣкоторыхъ другихъ соображеній, ясно видно изъ того, Леонтій Карповичъ принялъ монашество не ранѣе 1609 года: экзархъ Кіевской митрополіи, подляшскій протопопъ Несторъ Кузменичъ въ своемъ посланіи пинскому духовенству (А. З. Р. IV. № 179) говоритъ, что виленскіе послы, отправлявшіеся на сеймъ въ началѣ января 1609 года, заѣзжали къ нему, и что въ числѣ этихъ пословъ былъ панъ Логинъ (свѣтское имя Леонтія) Карповичъ.

Невѣрно также мнѣніе, что Леонтій Карповичъ въ 1616 году былъ хиротонисанъ въ епископа владимірскаго и брестскаго. Л. Карповичъ былъ только избранъ православными южно-руссами на означенную епископію и притомъ избранъ уже въ 1620 году, т. е. въ то время, когда пріѣхавшимъ въ юго-западную Русь іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ возстановляема была здѣсь православная іерархія; но самое посвященіе, по причинѣ болѣзни и вскорѣ послѣдовавшей за нею смерти Карповича, не состоялось. Доказательствомъ сказаннаго, между прочимъ, служитъ проповѣдь (казанье) М. Смотрицкаго, произнесенная надъ гробомъ Карповича ¹⁾. Здѣсь проповѣдникъ называетъ почившаго не епископомъ, но только номинатомъ епископа владимірскаго и берестейскаго, заявляя, что на означенную епархію Леонтій былъ избранъ „единомыслными всѣхъ православныхъ голосами“. Смерть Карповича послѣдовала не въ 1626, а въ 1620 году. Доказательствомъ этого служитъ, между прочимъ, упомянутая проповѣдь М. Смотрицкаго произнесенная въ ноябрѣ означеннаго (1620) года.

Изъ сказаннаго Аскоченскимъ о Леонтіѣ Карповичѣ справедливо только то, что онъ дѣйствительно былъ однимъ изъ передовыхъ людей своего времени — знаменитымъ проповѣдникомъ ²⁾ и

¹⁾ Единственный экземпляръ этого *казанья*, изд. въ Вильнѣ въ томъ же 1620 году: находится въ библиотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря.

²⁾ Изъ проповѣдей Карповича наиболѣе извѣстны два слова—одно на *Преображеніе Господне*, а другое на день *Успенія Пресв. Богородицы*. Они изда ны были впервые въ 1615 г. въ Евю, совмѣстно, подъ заглавіемъ: „*Казанье двое одно*“, и проч.—Проповѣди эти не разъ обращали на себя вниманіе изслѣдователей церковнаго краснорѣчія, причемъ изъ нихъ дѣлались иногда очень большія извлеченія (см. напр., *Маякъ*, 1843 г. т. XI). Въ полномъ видѣ означенныя проповѣди перепечатаны о. архимандритомъ Леонидомъ въ *Чтен. Импер. Общ. Истор. и Древ. Росс.* за 1878 г. (к. III); изданіе снабже-

„ревностнымъ защитникомъ угнетеннаго тогда православія“.—Какъ на доказательство высокаго уваженія, какимъ пользовался Карповичъ въ средѣ своихъ современниковъ, можно указать на слѣдующее мѣсто въ поздравительной рѣчи Петру Могилѣ, возвращавшемуся въ Кіевъ послѣ коронаціоннаго сейма въ санѣ митрополита: „Теперь, преосвященный митрополитъ, пожелай только отправиться до виленскихъ и другихъ мѣстъ русскаго и литовскаго міра,—ты увидишь, какъ встрѣтятъ тебя радостно на пути тѣ, которыми полны были темницы, полны ратуши, полны темничныя подземелья за пречистую восточную вѣру, воистину встрѣтятъ и покажутъ *своего предводителя еъ терпѣніи, предшественника въ святости, по краснорѣчію подобнаго Златоусту—Леонтія Карповича*. Увидавъ нетлѣнныя мощи его, увидавъ ближнихъ за вѣру пострадавшихъ, можешь ты убѣдиться, какимъ великимъ дѣломъ услужилъ ты опечаленному народу нашему“, и т. д.—Кромѣ приведенной выдержки важнымъ матеріаломъ для характеристики Л. Карповича служатъ: упомянутая нами *протѣда* Мелетія Смотрицкаго, сказанная при погребеніи почившаго архимандрита, и *собственноручныя записки Петра Могилы*. Извлечение изъ той и другихъ сдѣланы нами въ замѣткѣ о Леонтіи Карповичѣ, помѣщенной въ *Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ* за 1880 г. (№ 3). Тамъ же сообщены нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія о фамиліи (шляхетской и довольно древней) Карповичей.

Остается замѣтить, что такъ какъ единственное,—притомъ само по себѣ не особенно убѣдительное обстоятельство (пребываніе Карповича въ 1608 г. въ Лаврѣ въ званіи іеродіакона), ¹⁾ на основаніи котораго Аскоченскій причислялъ Леонтія Карповича къ *несомнѣннымъ* воспитанникамъ Кіево-братской школы конца XVI в., *оказывается несомнѣнно* не имѣвшимъ мѣста,—то и сдѣланный изъ него выводъ не можетъ имѣть серьезнаго значенія.

но и переводомъ на современный рус. языкъ.—Менѣе извѣстно слѣдующее казаніе Карповича: *Ляментъ у свѣта убогихъ, на жалостное преставленіе святобливого*.—Проповѣдь эта издана была въ годъ смерти Карповича (1620 г.) на русскомъ и польскомъ языкахъ.—Единственный извѣстный экзем. этой брошюры на рус. языкѣ находится въ Варшавѣ въ бібліотекѣ *Красинскихъ*, а на польскомъ—въ *Импер. Публ. Библіотекѣ*.

¹⁾ Какъ самъ онъ заявляетъ въ одномъ изъ примѣчаній къ своей книгѣ (Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищ. Академіею. ч. I. примѣч. 59.

Захарія Копыстенскій. Біографическія свѣдѣнія о З. Копыстенскомъ, сообщаемыя историками, скудны и разнорѣчивы. Нѣсецкій говоритъ, что Захарія принадлежалъ къ фамиліи перемышльскихъ дворянъ, имѣвшихъ гербомъ Леливу ¹⁾. Вишневскій, считаетъ его, не указывая источника, откуда заимствуетъ свѣдѣнія, сыномъ извѣстнаго перемышльскаго епископа Михаила Копыстенскаго ²⁾, а Стебельскій—роднымъ или двоюроднымъ братомъ послѣдняго ³⁾. Г. Завитневичъ, написавшій довольно обстоятельное изслѣдованіе о самомъ выдающемся сочиненіи Захарія Копыстенскаго—Палинодіи, отдастъ предпочтеніе мнѣнію Стебельскаго, имѣя въ виду то обстоятельство, что Захарія пережилъ Михаила только 15 годами. Затѣмъ г. Завитневичъ, основываясь на документѣ, изданнымъ нами (прилож. къ 1 т. сочиненія—*Петръ Могила и его сподвижники*, N LI), гдѣ идетъ рѣчь о Дятеловецкомъ игуменѣ Василии Копыстенскомъ, „съ нѣкоторою вѣроятностію“ полагаетъ, что и это лице находилось въ родственной связи съ Захарією. Тоже самое онъ предполагаетъ „и объ Исаакіѣ Копыстенскомъ, бывшемъ (около 1628 г.) владыкою Промышльскимъ ⁴⁾).

Всѣ означенныя предположенія уясняются однимъ, дошедшимъ до насъ письменнымъ памятникомъ, представляющимъ собою чрезвычайно важный матеріалъ для біографіи Копыстенскихъ.—Нужно замѣтить, что въ разсматриваемое время въ юго-западной Россіи было „необычне дѣлу, художествомъ типографскимъ произведенному, безъ заступника въ свѣтъ исходити“... Тогда было въ обыкновеніи почти каждую, выпускаемую въ свѣтъ, книгу посвящать какой либо знатной свѣтской или духовной особѣ, а иногда и нѣсколькимъ, причемъ перемѣнялись только выходные и посвятительные листы книги. Посвященіе обыкновенно состояло въ слѣдующемъ: на оборотѣ заглавнаго листа отгравировывался гербъ той особы, которой посвящалась книга, внизу его помѣщалась эпиграмма (стихотвореніе), гдѣ изъяснялись эмблеммы герба, въ большинствѣ случаевъ въ примѣненіи къ лицу, ихъ имѣвшему; затѣмъ слѣдовала посвятительная предмова,

¹⁾ *Herbarz polski*, т. V, изд. 1840 г. стр. 219.

²⁾ *Histor. pols. liter.*, т. VIII. (см. нашъ переводъ въ *Кіев. Епарх. Вѣд.* 1877 г. № 5).

³⁾ *Dwa wielkie swiatła*, т. I. см. лит. К.

⁴⁾ *Палинодія Захаріи Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-рус. поэмники XVI и XVII вв.* Варшава. 1883 г. стр. 253—254.

состоящая изъ восхваленій патрона, которому приподносилась книга. Изготавливаемая услужливою рукою панегиристовъ, подобныя произведенія въ основѣ свой имѣютъ сервиллизмъ и преувеличеніе и потому съ большою осторожностію нужно относиться къ тому реестру достоинствъ, которыми изобилуютъ посвящительныя предмовы. Но послѣднимъ нельзя отказать и въ значительномъ историческомъ интересѣ, причемъ въ данномъ случаѣ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить біографическія свѣдѣнія, нерѣдко встрѣчающіяся въ подобныхъ произведеніяхъ, какъ относительно лицъ, которымъ приподносилась книга, такъ и относительно ихъ родственниковъ. Правда и къ этимъ свѣдѣніямъ нужно относиться съ осторожностію. Въ то время знатность и родовитость были весьма цѣнными качествами въ глазахъ западно-русской аристократіи. Поэтому всѣ знатныя лица того времени любили возводить начало своей родословной ко временамъ самымъ отдаленнымъ и уснащали свои генеологіи небылицами. Панегирики, писанныя главнымъ образомъ съ корыстными цѣлями, льстили честолюбію знати и въ свою очередь изобиловали подобными генеологическими небылицами. Но сказанное приложимо главнымъ образомъ къ отдаленной древности; что же касается періода, сравнительно близкаго ко времени панегириста, а тѣмъ болѣе современнаго ему, то въ данномъ случаѣ біографическія свѣдѣнія, сообщаемыя панегиристами о своемъ патронѣ (въ особенности генеологическія), заслуживаютъ въ извѣстныхъ пунктахъ полной вѣры. Думаемъ, что обстоятельное знакомство съ указанными панегирическими произведеніями не мало пролило бы свѣта относительно исторіи родовъ нашей южно-русской аристократіи.

Въ 1623 году Кіево-печерскою Лаврою, гдѣ въ то время архимандритомъ былъ Захарія Копыстенскій, издана была книга подъ заглавіемъ: *Жизне въ святыхъ отца нашего Иоанна Златоустаго Архіепископа Константинограда, патріарха вселенскаго, Бесѣды на 14 посланій апостола Павла*. Одни экземпляры этой книги (сравнительно довольно извѣстные) посвящены князю Святополку Четвертинскому; другіе же, составляющіе въ настоящее время величайшую бібліографическую рѣдкость,—выпущены въ свѣтъ съ посвящательною (отъ имени Памвы Берынды) предмовою Θεодору Копыстенскому. Эта посвящительная предмова и есть тотъ упомянутый нами письменный памятникъ, въ которомъ заключается весьма важный біографическій

матеріаль относительно фамиліи Копыстенскихъ. Матеріаль этотъ заключается въ нижеслѣдующемъ мѣстѣ посвятительной предмовы:

„Если бо вѣмъ поизру на зацность и старожитность дому Ваш: Мил: (т. е. Θεодора Копыстенскаго), тая давная и явная есть: або вѣмъ еще отъ Лва князя Росскаго, а потомъ отъ королей полскихъ волности, прерогативы и данины свои маеть. а нешто разводячи славы жаглѣ, мовлю: кто бо вѣмъ не видитъ же въ томъ цномъ старожитномъ шляхецкомъ дому Копыстенскихъ зъ ласки Божей находится мітра и копѣя, то есть, станъ Архіерейства и Воинства, находится и Философія и Θεологіа і есть политика и Етіка. Суть бо вѣмъ въ немъ Философове, суть и Богословове и Проповѣдници, суть и воинове дѣлныи мужеве Рицерскіи. Кто прошу не зналъ въ духовныхъ Боголюбезного и превелеб: отца куръ Михаила Копыстенскаго; который для своеи знаменитой годности науки усмотреный отъ Его Крол. Мил. за залепенемъ и жаданемъ пречестныхъ отцовъ, и ихъ мил. пановъ шляхты, а згола, истинну реку, Бозскимъ смотреніемъ или зряженіемъ подвышпенъ на епископію Премыслскую, а на томъ достоинствѣ годне и правилне найдуючися, великими здорова и кошту значными отвагами оное справовалъ. Истинный то пастырь былъ, и знаки благодати Божей на немъ бывшии и нынѣ намъ вѣдомы суть: Благословеніе Божіе презъ него Епископіи Премыслской дарованое, и до нынѣ дѣйствуетъ: особливе: гды по смерти его жаденъ отъ паствы его отступникомъ вѣры не нашолся, хранилъ Богъ молитвами его всѣхъ. Другая, такъ много зацныхъ ихъ милости пановъ шляхты Росской землѣ Премыслской и Самборской находится и немаль и всѣ, же о вѣру великое старане чинять, и на сеймикахъ за ню ся заставляють, и на сеймъ посылають кошты великіи важачи, а зъ апостагоу и зъ всѣми отступниками жадной сполечности не мають. Свѣтитъ еще той епископъ не толко въ епископіи Премыслской, але въ всѣхъ въ народѣ Росскомъ церквахъ двѣма своими сыновцами велебными *Захарією* и *Василіємъ* освященными въ чину святоангелскаго иноческаго званія: которые такъ правою Богословією якъ и животомъ побожнымъ и прикладнымъ сияють. которыхъ я ту нынѣ не заллицаю для ихже самыхъ благоговѣнства, же ся о себѣ похвалами не рачать. Ревность и подвги ихъ свидѣлствуютъ о нихъ, и разумѣю кождый зъ духовныхъ сумнѣнемъ своимъ нудится въ ползу и въ съ-

зиданіе правовѣрныхъ, онымъ признати добродѣтели, ревность въ благочестіи, любовь спокойного живота. При томъ и то, же въ вѣку своемъ не прожнютъ и же церкви Божой суть велце потребными: даруй Боже въ каждомъ зъ насъ дому таковыхъ. И которуюжъ Епископію такъ Богъ ублагословилъ и утѣшилъ; которого жъ, мовлю, епископа такъ прославилъ и такъ плодоносного показалъ; заисте Боголюбезного Куръ Михаила Копыстенского, епископа Премыслского, нынѣ отъ овецъ паствы его знамените весь народъ Россій утѣшается, и церковь Христова и благочестіе заступленіе пріймуетъ. Розумѣю, же не здрожне реку, ижъ гдыбы ведлугъ постановленія и остатнеи его волѣ по смерти оногъ приняли были наречонного и благословенного отъ него наступцу на престолъ епископіи, певне бы нынѣ не апостата, але православный сѣдѣлъ на ней епископъ. Прекословили страстныи Самоилови, для того жъ Богъ Саула такового допустилъ, въ которомъ не благоволить и который вѣрныхъ смущаетъ. Лечъ Богъ епископа своего правовѣрного Михаила и по смерти прославляетъ, гды, якомъ реклъ, оногъ овечки пастырни посвятилъ и учителми и книготворцами поставилъ, гды статечне въ вѣрѣ Епархія тая стоитъ.

Венць и о святобливомъ и законномъ того епископа животе вѣдомо есть всѣмъ, окомъ духовнымъ взирающимъ! Яко въ цѣломудріи, въ справедливости, въ стремежливости, въ трезвости, и въ покорѣ жилъ и въ частомъ прочитываню книгъ забавлялся, чому и я ся время не малое присмотрѣлъ и долгимъ его постомъ, частымъ и горячимъ молитвамъ, всенощному бденію и инымъ працамъ духовнымъ, праве всѣ цноты стану своего такъ ведлугъ свѣта, якъ и ведлугъ Бога достойне проходилъ. а часу отступеня нѣкоторыхъ именемъ толео владыкъ, марностью свѣта того и роскошу и славою зведеныхъ, ставился въ духу и ревности Иліи Пророка. и що о Осіи цари речено есть, и о немъ речися можетъ: въ дни беззаконникъ укрѣпи правовѣріе. (*Сир.* 48, 49). Такъ то въ немъ духъ благочестія и правды былъ, же гды митрополить и килка владыкъ отъ вѣры и пастыря своего патріарха вселенского отступили, а оногъ Богъ утвердилъ и за оными хотъ много кротъ розными способы лщенный былъ не пошолъ. И такъ то добрый пастырь былъ. же гды на него отъ соборища тыхъ отступниковъ неправедныи суды, якъ тежъ и отъ звѣрхностей свѣцкихъ розныи выроки выдавано и погрожки и насилства

чинено, а онъ правцею зъ высокости покрѣплены, не устрашился и не убоился: але ревно и мужественно ставаль, епископіи боронилъ. Дароваль му тежъ Богъ и то, же на столиці своей свято и преподобно и памяти годно живота и бѣгу своего докончилъ. Припомяну еще и то, що знамените святобливість живота его и вѣры певность показуеть и освѣдчаеть, же гды предъ постомъ великимъ зъ тымъ ся свѣтомъ розсталъ, тѣло его презъ постъ ажъ до недѣли свѣтлой (спрѣчь воскресенія Господня) хотяжъ яко есть обычай ни одною матерією земною не было обваровано, цѣло и ненарушне пребывало, ажъ до часу погребенія, которого часу всѣ элемента навывкли ся рушати и отмѣняти, а тѣло того блаженного епископа яко православное вѣры визнавецъ, и за благочестіе трудившагося, цѣло и ненарушно зъ добрымъ запахомъ пребыло, што часу погребу всѣмъ тамъ правовѣрнымъ яко многихъ становъ людемъ было въ подивеню. Есть же и иныхъ добродѣтельныхъ повѣстей о немъ и справъ и трудовъ побожныхъ, которыи на сесь часъ мяю. Штожъ ту помыслить и речеть нѣкогда дерзнувый на святителя и пастыря такового; въ себѣ не возрѣвъ, ниже поминая онаго преподобнаго святыхъ отшелникъ Піора: о немъ же въ отецницѣ пишеть. Тѣмъ же да кається сипцевый, да не прекнется ему и да не испытанъ будетъ въ свое время, о немъ же и азъ блакости Божей молюся проститися и намъ вся, обаче онъ (простивъ мене о помянутіи) да бѣжитъ къ гробу того прощенія прося, и якоже на начало вознеся пришедъ вся смѣрится, дерзнутая и осужденія отвергъ, лучшая впишеть и ублажить достойна и о писаніихъ ублаженія

Обертаюся до Рицерскихъ, зъ той то презадной Ваш. мил. фамилии мужей дѣлныхъ много выходило. Припомяну межи иными прадѣда Ваш. мил. Іосифа Бѣдона Копистенского мужа валечного и сильного, яко оныи Самаіа и Авеса, которыхъ Давидъ похваляеть. Припомяну за удѣльную речъ и ростропного и справедливого и повинныхъ своихъ зъ душѣ любячого Его мил. п. Іоанна Копистенского брата роженого епископова, а стрья Ваш. мил. который на дворѣхъ четырехъ кролей полскихъ при велможныхъ былъ и служилъ, и въ чужихъ земляхъ Рицерскимъ ся дѣломъ забавлялъ. Припомню тыжъ и оного благородного и удатного мужа Гермогена Копистенского роженого ваш. мил. который въ цнотахъ и должности свѣтилъ такъ, же для дознанныхъ своихъ въ рыцерствѣ справъ Рот-

мистровства булаву одержалъ, где якъ чуле и пристойне Речи-Посполитой услугуючи вѣкъ свой проводилъ явно есть всѣмъ. Якъ зась былъ въ добротности гоной, исповѣдять тыи, которыи добродѣйствъ его ласки гоине заживали, чого и я участникомъ оныхъ бывши насмотрилемъ ся.

Штожь былъ рекль и о задной особѣ Ваш: Мил: бывалость въ чужихъ земляхъ, и языковъ умѣтность, яко то по нѣмецкого и Угорского, гдѣ седмь лѣтъ на рыцарскомъ дѣлѣ управилесь, особливе въ Нѣмцехъ и въ Уграхъ, въ ротахъ цесара Родолфа жолнѣрскую служилъ, где дѣлне себе за помочу Божею поступоваль зъ татары и турки гарцы зводячи, и поединки щасливе чинячи. Венць и ту въ отчизнѣ на розныхъ экспедиціяхъ служилесь, яко и подь часъ свѣжо страшной войны зъ Турки и Татары, посполу зъ Ихъ Мил. п.п: обывателми року прошлого на посполитое рушене досыть охендожне и зъ охотою ставилесья. а нынѣ зась въ законѣ Божомъ и побожности квітнешь. Вспомню еще и оного мужа преважного благородного п. Павла Копыстенского, стрычного брата Ваш. Мил., который южь ту повторе въ татарахъ енцомъ есть, которого Богъ якъ вѣрного вызнавцу освободи, не на приватнахъ але на службахъ Речи Посполитой, на публичныхъ войнахъ въ ротахъ кварталныхъ, коштовне показаль служачи. а сталсья енцомъ въ Волопехъ и зъ иными многими велможными на той часъ, вгды и Гетманъ Великій Коронный Станиславъ Жолковскій зъ немалымъ войскомъ року 1620 полегль“.

Болѣ извѣстные экземпляры *Бесѣдъ I. Златоустаго на 14 посл. апостола Павла* посвящены—какъ мы сказали—князю Стефану Святополку Четвертинскому. Въ посвятителной предмовѣ князю, составленной самимъ Захаріею Копыстенскимъ, есть тоже нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся фамиліи Копыстенскихъ. Именно, здѣсь кіево-печерскій архимандритъ, упомянувши объ „особливой ласкѣ и пріязни“ Святополка Четвертинскаго лично къ нему, говоритъ вообще о добрыхъ отношеніяхъ князя къ фамиліи Копыстенскихъ, съ которою онъ состоитъ въ родствѣ. „Поглядаючи“—читаемъ здѣсь—„на съплеменничество з Пресвѣтлымъ Ваш. Княж. Мил. домомъ домовства нашего, яко того, который кождую речъ уважати умѣешь, держу же и то Ваш. Княж. Мил. до милости и любви насъ потягати будетъ. Не мнѣй, маючи вѣдомыи тебѣ цноты дѣлнои въ

справахъ рицерскихъ мужа, славной памяти Ермогена Копыстенского, Ротм. Его Корол. милости, брата моего и швагра Ваш. Княж. милости, которому самъ Вапа Княж. Мил. знамениты въ томъ давати рачишь данки и хвалы, и не безъспоболѣнія, же люсь того свѣта палъ на него въ крвавой насть жаглѣ жалосне пожегнати. Тымъ же побожнымъ взглядомъ и позосталыхъ оного двоихъ потомковъ, сына и цорки, годныхъ политованья, якъ и оныи Плакиды и Еустафіа два отроки, рачъ въ ласце своей ховати и онымъ милостивымъ добродѣемъ быти“ ¹⁾...

Изъ приведенныхъ выдержекъ, не зависимо отъ другихъ данныхъ, уясняющихъ генеологию фамиліи Копыстенскихъ, точно устанавливается тотъ фактъ, что кіево-печерскій архимандритъ Захарія Копыстенскій былъ сыномъ извѣстнаго перемышльскаго епископа Михаила; а предполагаемый его родственникъ—*Василій* Копыстенскій,—сначала игумень Дятеловецкій, а впоследствии настоятель Перемышльскаго троицкаго монастыря,—былъ роднымъ его братомъ ²⁾.

Такъ какъ Захарія Копыстенскій былъ уроженецъ земли перемышльской, то уже на основаніи этого естественно предположить, что первоначальное образованіе (законченное до 1608 г.) ³⁾ получе-

¹⁾ Для лицъ, интересующихся фамиліею Копыстенскихъ, укажемъ еще на кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2088, (л. л. 326—328), гдѣ помѣщенъ „декретъ межи паномъ Яномъ Копыстенскимъ и Богушемъ Заяцемъ“. Здѣсь „шляхетный панъ Янъ Копыстенскій“ обвиняетъ Богуша и его жену Катерину Костюшковичевну въ томъ, что недавнихъ часовъ (4 марта 1597 г.) въ селѣ Гуляницахъ, „з воли, росказаня и направи“ означенныхъ лицъ „немилостиве замордованъ былъ“ панъ *Стефанъ* Копыстенскій, братъ „рожонный“ *Яна* Копыстенскаго.—Въ актов. книгѣ того же Архива, № 2117, л. л. 493, 494, (1613 г.) упоминается *Николай Копыстенскій*, жившій въ повѣтѣ Кременецкомъ.

²⁾ О немъ см. наше сочиненіе—*Кіев. митроп. Петръ Могила и его сподвижники* т. I. стр. 70—72, 558, и прилож. № LII.—Также *Архивъ Юго-Зап. Рос.* ч. I. т. VI. № ССLX.—*Гермогенъ Копыстенскій*, котораго Захарія въ посвяtitельной предмовѣ до князя Четвертинскаго называетъ своимъ братомъ, былъ, по всей вѣроятности, сыномъ Іоанна Копыстенскаго, слѣд. приходился Захаріи братомъ двоюроднымъ (на чтѣ указываетъ и отсутствіе въ упомянутой предмовѣ прибавки къ слову братъ—*рожонный*). Что касается до Перемышльскаго епископа Исаакія Копыстенскаго (1628 г.) о родствѣ котораго съ нашимъ Захаріею говоритъ г. Завитневичъ, слѣдуя Нѣсецкому,—то это прямое недоразумѣніе. Въ 1628 г. Перемышльскимъ владыкою былъ не *Исаакій Копыстенскій* а *Исаія Копинскій*. Этотъ недосмотръ очевидно и далъ основаніе для означеннаго, не оправдываемаго документальными данными, предположенія.

³⁾ Около этого времени Захарія Копыстенскій прожилъ „время не мало“ у основателя Скитской обители (въ Станиславскомъ округѣ нынѣшней Галиціи) схимонаха Іова

но имъ въ ближайшемъ въ мѣсту жительства его отца городѣ, имѣвшемъ въ то время одно изъ лучшихъ училищъ, т. е. въ средѣ львовскаго братства. Дѣйствительно къ числу воспитанниковъ, львовскаго братства Захарія и причисляется нѣкоторыми историками ¹⁾, и хотя послѣдніе не приводятъ въ подтвержденіе своего мнѣнія никакихъ данныхъ и даже соображеній, но едва ли справедливость означеннаго мнѣнія можетъ подлежать сомнѣнію. Мы укажемъ на то, что отецъ Захаріи перемышльскій епископъ Михаилъ имѣлъ тѣсныя связи со львовскимъ братствомъ, и именно—по вопросу о воспитаніи юношества, не рѣдко обращаясь къ братчикамъ съ просьбами о присылкѣ къ нему учителей ²⁾. При этомъ имѣетъ немаловажное значеніе и то обстоятельство, что самъ Захарія Копыстенскій въ своихъ сочиненіяхъ обнаруживаетъ не только обстоятельное знакомство съ нѣкоторыми историческими событіями, имѣвшимися мѣсто во Львовѣ (въ концѣ XVI стол.), но и съ планомъ самаго города ³⁾. Впрочемъ, можно думать, что образованіе Захаріи Копыстенскаго не ограничилось львовскою братскою школою, но, по укореившемуся въ то время между южно-русскою аристократіею обычаю, онъ для завершенія его посѣтилъ и западно-европейскія учебныя заведенія. Вообще же это былъ образованнѣйшій человекъ своего времени,—и къ нему болѣе, чѣмъ къ другимъ мнимымъ воспитанникамъ Кіево-братской школы (XVI столѣт.) приложимо названіе „знаменитаго своимъ просвѣщеніемъ“ лица.—Изъ произведеній Захаріи Копыстенскаго извѣстны: *Палинодія* (1621—1622 гг.),—обширное сочиненіе, до самаго послѣдняго времени остававшееся къ рукописи (о ней есть упомянутое изслѣдованіе г. Завитневича, а также двѣ довольно слабыя впрочемъ статьи М. Флоренсова въ *Кіев. Епарх. Вѣдом.* за 1873—1874 гг.),—*Книга о вѣрѣ единой святой соборной*

Княгиницкаго „въ величѣ смиреніи, утѣшающагося отъ дѣлъ и словесъ его“ (см. житіе Іова Княгиницкаго, помѣщ. въ сборникѣ: *Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860 г.*, изд. во Львовѣ, стр. 225—251).

¹⁾ Начало и дѣйствованіе Ставропигійскаго братства во Львовѣ по отношенію историко-литературному, Я. Головацкаго. (*Зоря Галицкая 1860*, стр. 431—476)

²⁾ См. прилож. къ I. т. нашего сочиненія: *Кіевс. митроп. Петръ Могила и его сподвижники*, №№ VII—IX.

³⁾ Палинодія Захаріи Копыстенскаго (Русс. Историч. Библ. т. IV), ч. I, разд. III, артикуль 2; ч. III, раз. I, артик. 2.

Апостольской церкви, изд. 1619 г. (о ней см. наши *Библиографическія замѣч. о старопеч. книгахъ XVI—XVIII столѣт.*, и статью о. арх. Леонида—*замѣтка объ одной старопеч. книгѣ*,—оттискъ изъ *Чтен. Имп. Общ. Истор. и Древ. Росс.*), *Книга о правдивой едности православныхъ христіанъ церкви восточной, такъ же и противъ апостатовъ и о ихъ лживой униі*, (около 1623 г.), до настоящаго времени не изданная (списки есть въ бібліотекахъ: графа Уварова, *Москов. Синодальной* и *Кіев. дух. Академіи*),—и двѣ, замѣчательныя по ораторскимъ приемамъ, проповѣди: *Казанье на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкаго* (Кіевъ, 1625 г.) и *Омилія албо казанье на роковую память Е. Плетенецкаго* (Кіевъ, 1625 г.). Кромѣ того З. Копыстенскому принадлежатъ (въ сотрудничествѣ съ другими лицами) переводы нѣкоторыхъ богослужебныхъ и свято-отеческихъ книгъ, изданныхъ какъ при его предшественникѣ по управленію кіево-печерскою архимандріею, такъ и при немъ; а также нѣкоторыя предисловія и предмовы къ симъ книгамъ. (Изъ таковыхъ предисловіи одно, за смертію Захаріи, не было напечатано; оно находится въ рукопис. экземплярѣ приготовленныхъ къ печати Поученій Аввы Дороея. Означенный экзем. наход. въ *Москов. Синод. Библіотекѣ*).

Захарія Копыстенскій не только не былъ воспитанникомъ Кіево-братской школы XVI стол., но и самое появленіе его въ Кіевѣ относится только къ половинѣ втораго десятилѣтія слѣдующаго вѣка (около 1614 г.) Онъ прибылъ сюда, будучи вызванъ Елисеемъ Плетенецкимъ (см. *Омилію на роковую память*, 1625 г.), заботившимся о привлеченіи въ Лавру ученыхъ мужей. Одною изъ лучшихъ рекомендацій Захаріи Копыстенскому служить уже и то обстоятельство, что Е. Плетенецкій не задолго до своей кончины,—имѣя въ виду, съ одной стороны, обычныя при выборахъ новаго настоятеля неурядицы, а съ другой—черезъ передачу въ надежныя руки кормила правленія желая упрочить начатое имъ и стойвшее многолѣтнихъ трудовъ дѣло религіозно-нравственнаго обновленія обители,—избралъ своимъ „суцессоромъ“ (преемникомъ) нашего Захарію. Управленіе послѣдняго обителию было не продолжительно (1624—до 21 марта 1627 г.), но тѣмъ не менѣе плодотворно. О его дѣятельности въ санѣ архимандрита см. наше сочиненіе о *Кіевскомъ митроп. Петрѣ Мошѣ* (т. I, стр. 283—288). Изъ необнародованныхъ актовъ, важныхъ для характеристики З. Копыстенскаго, собственно какъ адми-

нистратора, уважемъ на рукописный сборникъ, находящійся въ *Московской типографской Синодальной Библ.* (№ 442).

Кирилль Транквилліонъ - Ставровецкій. — Кирилль Транквилліонъ-Ставровецкій довольно извѣстенъ своими учено-литературными трудами (*Зерцало Богословія*, впервые изд. 1618 г. въ Почаевѣ, *Евангеліе учительное*—собраніе проповѣдей—изд. 1619 г. въ Рахмановѣ, *Перло многоцѣнное*, изд. 1646 г. въ Черниговѣ), но біографическія свѣдѣнія о немъ скудны. Категорически высказываемое исторіографами Кіевской Академіи мнѣніе о томъ, что Ставровецкій былъ воспитанникомъ Кіево-братской школы XVI столѣтія основывается на позднѣйшемъ предположеніи объ этомъ нѣкоторыхъ историковъ. Но послѣднее не имѣетъ за собою не только никакихъ документальныхъ данныхъ, но даже и правдоподобныхъ соображеній. Напротивъ, имѣются положительныя свѣдѣнія о пребываніи Кирилла Ставровецкаго въ концѣ XVI и началѣ XVII стол. въ странахъ Галицкихъ и Виленскихъ,—причемъ мы застаемъ его въ это время уже человѣкомъ, закончившимъ свое образованіе. Такъ около 1589 г. мы видимъ Ставровецкаго учителемъ львовской школы. Въ октябрѣ означеннаго года онъ, по порученію братства, ѣздилъ въ Тарнополь, гдѣ находился въ то время константинопольскій патріархъ Іеремія. Передъ нимъ Транквилліонъ говорилъ рѣчь (апологию) въ защиту братства, угнетаемаго мѣстнымъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, за что послѣдній вырвалъ апологету бороду ¹⁾. Преслѣдованія со стороны Балабана побудили Кирилла удалиться въ Вильно (1592 г.) ²⁾. Спустя нѣсколько лѣтъ мы видимъ его опять въ предѣлахъ Галицкихъ.—Что Кирилль Транквилліонъ можетъ быть причисленъ къ числу „знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ лицъ“,—съ этимъ отчасти можно согласиться; но отнюдь нельзя назвать его ревнителемъ православія. Уже первыя его произведенія, вслѣдствіе нѣкоторыхъ не вполне согласныхъ съ ученіемъ православной церк-

¹⁾ *Льтов. Львов. Братства, Зубрицкаго*, см. годы 1589, 1590. Что упоминаемый здѣсь учитель Львовской школы есть *Кирилль Транквилліонъ* (а не *Кирилль Лукарисъ*, котораго нѣкоторые безъ всякихъ основаній считаютъ учителемъ львовской школы того времени), на это указываетъ—помимо другихъ соображеній—насмѣшливое прозваніе, данное Транквилліону—*Безбородый*.

²⁾ *Акты Зап. Росс.* т. IV. № 33., стр. 43.

ки мнѣній, неодобрительно встрѣчены были въ юго-западной Руси (см. въ высшей степени любопытный разборъ его *Зерцала Богословія*, сдѣланный основателемъ скитской обители схимонахомъ Іовомъ, — помѣщ. въ приложеніяхъ къ нашему сочиненію—*Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники*, № XXXV; какъ недоброжелюбно встрѣчено было *Евангеліе Учительное* Транквилліона, объ этомъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи ко 2 изд. его),—что вызывало съ его стороны протесты „полные ярости и злобы“ (*Кіев. митр. Петръ Могила и его сподвижники*, т. I. примѣч. стр. 233) и едва-ли не было главною причиною перехода въ унию. „Развѣ Кирилль Безбродый—читаемъ въ одномъ тоговременномъ памятникѣ—ради спасенія души обратился къ расколу развратныхъ униатовъ? Развѣ не потому, что сшивъ изъ чужихъ кусковъ книгу *Евангеліе Учительное*, т. е. воскресныя и праздничныя проповѣди, противныя науки восточной вѣры, пустилъ ихъ посредствомъ печати въ міръ? Ибо когда получилъ выговоръ въ духовномъ синодѣ и отъ него требовали, чтобы онъ свою книгу подвергнулъ духовному разбору и цензурѣ, и только послѣ одобренія ея въ свѣтъ издалъ, онъ этого никоимъ образомъ допустить не хотѣлъ и непокорный присоединился къ расколу, гдѣ вмѣстѣ съ этими книгами принять за праведнаго“¹⁾.—(Сочиненія К. Транквилліона—какъ извѣстно—подверглись осужденію и въ Москвѣ).—Перешедши въ унию, Кирилль получилъ „отъ короля“ игуменство въ Черниговѣ, гдѣ и скончался въ 1646 году (по выраженію на одной рукописи въ бібліотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ: „здохъ року 1646“).

О *Кассіанѣ Саковичѣ*, бывшемъ ректорѣ (но отнюдь не воспитаникѣ) Кіево-братской школы, біографическія свѣдѣнія будутъ сообщены въ III главѣ. О прочихъ же мнимыхъ воспитаникахъ означенной школы (*Б. Хмѣльницкомъ* и его сподвижникахъ) говорить считаемъ излишнимъ.

¹⁾ *Indicium, to iest pokazanie cerkwie Prawdziwey...* (Рукоп. 1638,—ведержки изъ нея см. въ *Библіографическихъ находкахъ во Львовѣ*, Я. О. Головацкаго).

II.

Фундаторша Кіево-братскаго монастыря Галшка Гулевичевна; ея настоящее имя (Елисавета); біографическія свѣдѣнія объ ея второмъ мужѣ мозырскомъ маршалкѣ Стефанѣ Лозкѣ и его родственникахъ; біографическія свѣдѣнія о самой фундаторшѣ и ея родичахъ.—Дарственная запись Галшки Гулевичевны и обстоятельства, при которыхъ она была дана (случайность дара).—Причины, содѣйствовавшія возникновенію въ Кіевѣ братства; старанія объ учрежденіи его кіевлянъ, предшествовавшія по времени датѣ дарственной записи Гулевичевны; предположеніе о первой церкви, гдѣ сосредоточивалось непродолжительное время ново-формировавшееся братство.—Соединеніе братства съ фундашемъ Гулевичевны.—Уставъ, принятый братствомъ въ руководство.—Данныя уясняющія исторію к. братства за періодъ 1615—1632. Пріѣздъ въ Кіевъ іерусалимскаго патріарха, дарованіе имъ братству ставропигіальныхъ правъ, возстановленіе западно-русской іерархіи—самыя крупныя событія даннаго времени. Мнимое разореніе братства въ 1621 и слѣд. годахъ.—Игумены Кіево-братскаго монастыря за рассматриваемое время.

Мы не признаемъ Галшку Гулевичевну основательницею Кіевскаго братства, но ей неотъемлемо принадлежитъ почетное титуло фундаторши монастыря, около котораго сосредоточилось почти одновременно съ нимъ возникшее Кіево-Богоявленское братство со своею школою—впослѣдствіи Академію,—причемъ дальнѣйшая исторія обоихъ учреждений долгое время соединена была тѣснѣйшимъ образомъ, а внѣшне, хотя уже и въ самой слабой степени, соединена и донынѣ. Поэтому на историкѣ Кіевской Академіи лежитъ обязанность сообщить возможно полныя свѣдѣнія объ означенной фундаторшѣ, доселѣ съ доброю памятью чтимой нашею *Alma Mater*. Но едва ли въ ряду нашихъ историческихъ дѣятелей рассматриваемаго времени можно указать много именъ, свѣдѣнія о которыхъ были бы столь скудны и отрывочны, какъ они скудны по отношенію къ нашей фундаторшѣ. Свѣдѣнія эти до настоящаго времени исключительно огра-

ничивались сообщеніемъ, что Галшка Гулевичевна, подарившая въ 1615 году дворъ на основаніе монастыря въ Кіевѣ, была женою мозырскаго маршала Стефана Лозки,—и только. Мало того, съ Гулевичевою случилось то, что въ исторіи не часто и случается: самое имя ее, ясно обозначенное въ извѣстныхъ записяхъ того времени, переведено было на русскій языкъ—неточно, и она перѣдко была смѣшиваема съ другою Гулевичевою, мнимою своею соименицею, а нѣкоторыя недавно сообщенныя свѣдѣнія объ ея мужѣ не только не послужили къ уясненію его личности, но даже создали нѣкоторыя недоразумѣнія.

Относительно настоящаго имени Гулевичевны, мы имѣли уже случай говорить въ нашемъ сочиненіи—*Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники*. Намъ остается повторить сказанное прежде.

Жертвователеница фундуша, перешедшаго во владѣніе братства, всѣми изслѣдователями называется *Анною* (Гулевичевою), подъ каковымъ именемъ она до настоящаго времени поминается и въ Кіево-братскомъ монастырѣ. Это несправедливо. Во всѣхъ извѣстныхъ документахъ означенная фундаторша называется Галшкою (*Памят. Кіевск. Комм. т. II, №№ 1, 6*); такъ и собственноручно подписывалась она подъ дѣловыми бумагами (одна изъ нихъ сохранилась и находится въ музеѣ церковно-археологическаго общества при Кіев. дух. Академіи). Но имя Галшка въ переводѣ означаетъ не *Анну*, а *Елисавету*. Въ подтвержденіе этого ссылаемся на любой польско-русскій словарь (см., напр., *Słownik języka polskiego, przez Samuela Bogumiła Linde. 1856 г. т. II. str. 168*).—Когда означенное исправленіе въ имени Гулевичевны предложено было нами въ одномъ изъ засѣданій церковно-археологическаго общества при Кіевской дух. Академіи, то оно встрѣчено было съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, причемъ высказано было предположеніе, что, по всей вѣроятности, прежде—въ XVI и XVII стол.—имя Галшки соотвѣтствовало русскому названію *Анны*, такъ какъ иначе трудно допустить, чтобы подобная ошибка въ имени Гулевичевны не была замѣчена прежними изслѣдователями, въ числѣ коихъ не мало находилось хорошихъ знатоковъ южно-русской старины. Смѣемъ увѣрить, что и въ прежнее время имя Галшки никогда не означало русскаго—*Анна*, и что фундаторша Гулевичевна дѣйствительно называлась (не *Анною*, а) *Елиза-*

ветою. Въ доказательство этого приводимъ слѣдующія данныя: *во первыхъ*, въ древнихъ документахъ не рѣдко встрѣчаются тяжбы дѣла между женщинами, причемъ случается, что одни изъ нихъ (въ одномъ и томъ же актѣ) носятъ названіе *Анны*, а другія *Галички* (напримѣръ: у *załowała sławetna pani Halszka Razkiewiczowna... na panią Hannę Samuełową,...* et caet.),—отсюда естественно предполагать, что эти имена имѣютъ не тождественныя значенія; *во вторыхъ*, въ документахъ, писанныхъ на польскомъ языкѣ или южно-русскомъ нарѣчьи, одно и тоже лице называется *Halszka*, *Галичкою*; а въ другихъ, изложенныхъ по-латыни, или въ тѣхъ же самыхъ документахъ, но переведенныхъ на латинскій языкъ, это же самое лице называется *Елизаветою*. Такъ, напр., извѣстная своею трагическою судьбою дочь князя Иліи Острожскаго и его жены Беаты называется въ однихъ документахъ (польскихъ) *Галичкою*, въ другихъ (латинскихъ) *Елизаветою*, а въ нѣкоторыхъ (южно-русскихъ) то *Галшкою*, то *Алжбетою*. Приводимъ нѣсколько примѣровъ: 1) „*Postawwszy się obliczne xieżna Helszka, czurka niebożczyka kxiążenczia Iiego Ostroskiego*“... et caet. (*изъ гродскаго познанскаго архива, докум., приводимый у Przedzielskiego въ сочиненіи—Jagellonki polskie w XI wieku, т. V, стр. 268—279*); 2) „*Quia Demetrius Sanguszkowicz ob stuprum illustri virgini Elisabethae duci Ostrogiensi per vim oblatum*“... et caet.—„*Desponsata est in nostra praesentia illustris Elisabetha Dux Ostroschensis*“... et caet. (*ibid.*) 3) „и дочку ея милости (Беаты) княжну *Галичку*“ (*Луцкая град. книга № 2037, л. 18*; въ другихъ, дальнѣйшихъ документахъ той же книги дочь Беаты иногда называется *Алжбетою*); наконецъ, *въ третьихъ*, въ нѣкоторыхъ документахъ и сама наша фундаторша Галшка Гулевичевна называется *Алжбетою*. Такъ въ 1618 году нѣкто Діонисій Лумаревскій заносилъ въ гродскія житомирскія книги жалобу „на урожоную ея мил. панію *Галжбиту* Гулевичевну Лозчиную, маршалковую мозырскую“ (*Житом. грод. книга, хранящаяся въ Киев. Центральномъ архивѣ; № книги 13, л. 1411*). Думаемъ, что послѣ сказаннаго вопросъ о русскомъ имени Галшки Гулевичевны можетъ считаться достаточно уясненнымъ. Замѣтимъ, что вопросъ этотъ имѣетъ нѣсколько большее значеніе, чѣмъ это представляется съ перваго взгляда: рѣшеніе его разшатываетъ часть тѣхъ легендарныхъ свѣдѣній, которыми такъ изобильна первоначальная исторія Кіево-Богоявленскаго братства. Слѣдуетъ припомнить, что свѣдѣ-

нія, сообщаемыя историками о постройкѣ въ 1615 году домовой церкви при братскомъ монастырѣ во имя *св. Анны*, о составленіи братскаго уписа 9 декабря 1615 г., въ день зачатія *св. Анны*, о долголѣтнемъ торжественномъ празднованіи братствомъ этого дня (см. сочиненія М. А. Максимовича II. 180—181),—эти свѣдѣнія, не имѣющія для своего оправданія никакихъ фактическихъ данныхъ, единственно основывались на имени нашей фундаторши, доселѣ именовавшейся *Анною*.... Еще нѣсколько словъ. То обстоятельство, почему ошибка въ русскомъ имени Галшки Гулевичевны была допущена и не была замѣчена нашими историками, разумѣется, всего естественнѣе объясняется недосмотромъ. Но могъ быть здѣсь и не одинъ недосмотръ. Дѣло въ томъ, что одновременно съ Галшкою Гулевичевою въ Кіевѣ и его окрестностяхъ проживала ея родственница *Анна Гулевичевна*, о дѣятельности которой сохранилось сравнительно большее количество документовъ, чѣмъ о Галшкѣ Гулевичевнѣ. Вотъ эти то документы, кажется, и вводили изслѣдователей въ заблужденіе¹⁾: они относили ихъ къ Галшкѣ Гулевичевнѣ (чему могло еще способствовать и то обстоятельство, что обѣ Гулевичевны были въ замужествѣ за Лозками,—одна за Стефаномъ а другая за Лавриномъ) и, вслѣдствіе этого, считали имена: Галшка, Анна,—тождественными.

Желая восполнить существующій у нашихъ историковъ Кіев. Академіи пробѣлъ по отношенію къ біографіи и родословной фундаторши Кіево-Богоявленскаго монастыря, мы обратились къ тогочаснымъ актамъ. Извлеченныя нами изъ нихъ по крупицамъ свѣдѣнія, имѣющія то или другое отношеніе къ данному предмету, хотя и не особенно изобильны, тѣмъ не менѣе вносятъ довольно значительный свѣтъ въ темную исторію рода Гулевичей и Лозокъ,—во всякомъ случаѣ представляютъ нѣчто новое, доселѣ въ нашей литературѣ неизвѣстное и потому уже заслуживающее обнародованія.

¹⁾ Вводили въ заблужденіе даже изслѣдователей наиболѣе точныхъ и осмотрительныхъ въ выводахъ. Такъ, напр., уважаемый И. И. Малышевскій въ одномъ изъ засѣданій Историч. Общества Нестора Лѣтописца, дѣлая сообщеніе о новыхъ матеріалахъ для біографіи фундаторши Кіево-братскаго монастыря, исключительно сообщилъ свѣдѣнія объ *Аннѣ Гулевичевнѣ, жемъ Лаврина Лозки*.

Поведемъ сначала свою рѣчь о мозырскомъ маршалкѣ *Стефанъ Лозка*, мужѣ Елизаветы Гулевичевны.

Положительныя свѣдѣнія о панахъ Лозкахъ восходятъ къ началу XVI столѣтія, въ какое время мы встрѣчаемъ эту фамилію достаточно богатою, а ея представителей занимающими довольно видныя общественныя должности. Въ 1508 году три родные брата: *Андрей* Лозка, войскій брестскій, *Олехно* Лозка, городничій кievскій, и *Яцко* Лозка, намѣстникъ новгородскій, производили дѣлежъ оставшагося послѣ смерти ихъ отца недвижимаго имущества, причемъ младшій изъ братьевъ—*Яцко* получилъ въ свое владѣніе слѣдующія маетности: „място“ (городъ) *Пуково* съ дворомъ, села: *Батыево* съ монастырищемъ, церковію и островами, наданными на ту церковь княгинею Домейковою, *Забудзино*, *Высокое*, *Ситниковщину*, *Розоево* и нѣкоторыя другія менѣ крупныя населенныя мѣстности¹⁾. У Яцко Лозки было также три сына: *Филонъ*, *Богданъ* и *Василій*. Въ 1522 г. они также дѣлили отцовское наслѣдіе, причемъ на долю младшаго—*Василія*, въ числѣ другихъ маетностей, достались „място“ *Пуково* и значительная часть села *Батыева*²⁾. Этотъ Василій Лозка и былъ отцомъ будущаго мужа Галшки Гулевичевны—*Стефана Лозки*. Послѣдній родился, по всей вѣроятности, не позднѣе пятидесятихъ годовъ означеннаго столѣтія (около 1545 г.); во всякомъ случаѣ, въ 1566 г. онъ былъ уже настолько взрослымъ и опытнымъ человѣкомъ, что отецъ поручалъ ему веденіе въ судахъ тяжбныхъ дѣлъ съ Петромъ Костюшковичемъ, подстаростою житомирскимъ³⁾. Въ одномъ документѣ отъ 1574 г. мы встрѣчаемся со Стефаномъ Лозкою, уже какъ человѣкомъ женатымъ, причемъ находимъ краткое упоминаніе и объ его женѣ, называвшейся *Анною* и происходившей изъ довольно родовой фамиліи *Боговитиновъ - Козирадскихъ*⁴⁾. Служебная

1) *Архивъ греко-уніатскихъ митроп. при св. Синодѣ*; докум. въ связкѣ подъ № 29.

2) *Ibid.*

3) Выпись съ книгъ воеводства кievскаго, 1566 г. іюля 9 дня (*Арх. греко-уніатскихъ митр. при св. Синодѣ*, связка № 29).

4) 1574 года, іюля 18 дня, служебникъ Стефана Лозки, пришедши въ луцкій градскій судъ, заявилъ, „ижь дей будучи я умоцованнымъ и поручоннымъ отъ его милости, водле постановенія и описовъ его мил. пана Стефана Лозки, пана моего, и малжонки егс мил. панее Ганны Боговитиновны зъ его мил. паномъ Михаиломъ Ивановичемъ Козирад-

карьеру Лозки начинается не позднѣе 1577 года: въ сохранившемся отъ этого времени документѣ онъ титулуется подчашимъ кievскимъ¹⁾. Начиная съ 1590 года мы встрѣчаемся со Стефаномъ Васильевичемъ Лозкою уже въ должности мозырскаго маршалка²⁾, въ каковомъ званіи онъ и пребывалъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ концѣ 1617 или началѣ 1618 г.³⁾ Одновременно съ Стефаномъ Лозкою въ началѣ XVII стол. мы встрѣчаемъ еще нѣсколько его однофамильцевъ: *Лаврина* Лозку, подчашаго кievскаго⁴⁾, *Ивана* Лозку, писаря земскаго кievскаго⁵⁾, и *Иосифа* Лозку⁶⁾. По отсутствію положитель-

скимъ, и водле реестровъ промежку ихъ мил. на обѣ стороны подъ печатин и с подписомъ рукъ ихъ мил. розданными, тѣе все речи пана моего мил. на реестрахъ меновите описанные, такъ тежъ ведле выпису кремьянецкаго, отобралъ есми въ замку Шумскомъ, все ведомости до рукъ своихъ отъ умоцованаго и подаючого служебника его мил. пана Михаила Боговитина Григорья Артюховича, мѣсяца іюня четвертогонадцать дня, року теперешняго семдесятъ четвертаго, которые, дей все речи помененые умоцованый его мил. Боговитиновъ Григорій Артюховичъ со мною весполъ ведле описовъ ихъ мил. пановъ нашихъ, тутъ до Луцка препроводивши, все въ целости мне отдалъ "... и проч. (*Книга Гродск. Луцк., хранящ. въ Киев. Центр. Архивъ, подъ № 2048, л. 155 обор.*).—Очень вѣроятно, что въ приведенномъ документѣ рѣчь идетъ о приданномъ Анны Боговитиновны, обыкновенно въ то время обуславливавшемся брачными контрактами и разнаго рода записями, заносимыми въ актовныя книги. Если это предположеніе вѣрно, то бракъ Стефана Лозки съ Боговитиновою—Козирадскою долженъ быть отнесенъ къ тому же 1574 г.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о Боговитинахъ—Козирадскихъ можно находить въ рукописныхъ актахъ, хранящ. въ *Киев. Центр. Арх.* (См. напр. № книг. 925, л. 153, № кн. 2070 лл. 107, 129, 130, 137, 140, 141, 307 об., 308, 315 об. 316, 332, № кн. 2071, лл. 582, 587, об. № кн. 2053, л. 364).

¹⁾ Выпись съ кн. грод. кievск. 1577 г. окт. 20 д. (*Арх. греко-уніатск. митр. при св. Синодѣ, связка № 29*).

²⁾ Акты Ю. и З. Россіи, т. I, 198, стр. 235.

³⁾ Послѣднее упоминаніе о Стефанѣ Лозкѣ, какъ лицѣ еще живомъ, встрѣчается въ выписи изъ кн. земскихъ воеводства кiev. отъ 9 окт. 1617 г.; (*Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ, № 3121*); а первое извѣстіе объ его смерти находится во врученномъ „Галшкѣ Гулевичевнѣ Лозкиной, маршалковой Мозырской“ позывѣ на главный трибунальный судъ отъ 3 марта 1618 г. (*ibid.*, связка связ, № 29).

⁴⁾ Впервые упоминается съ званіемъ подчашаго кievскаго въ 1599 и 1600 годахъ (*Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ, № 3361*). Но, вѣроятно, означенную должность Лавринъ Лозка занялъ значительно ранѣе (непосредственно послѣ Стефана).

⁵⁾ Впервые упоминается съ званіемъ земскаго кievскаго писаря подъ 1602 г. (*Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ, № 3043*. См. того же арх. №№ 3045, 3046, 3047). Скончался до 1611 г.; имѣлъ дочерей: Александру и Магдалину, бывшую за п. Чирскимъ (*Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ, № 29*).

⁶⁾ Въ 1604 г. возникло дѣло между кievо-печерскихъ архимандритомъ Елисеємъ

ныхъ данныхъ нельзя съ точностію опредѣлить, въ какихъ родствен-
ныхъ отношеніяхъ къ Стефану Лозкѣ находились два послѣднія лица,
но что касается до Лаврина, то онъ былъ роднымъ братомъ Степа-
на. Это видно изъ указанія на раздѣльный актъ (1596 г. января 21
дня) между сыновьями Василя Лозки, гдѣ говорится, что изъ остав-
шихся послѣ смерти Василя маетностей—Пуково, Батыево, Рожовѣ,
Мелитыче и Высокое, съ нѣкоторыми другими селищами, достались
въ совмѣстное владѣніе его сыновей—Стефана и Лаврина, но что
первый предложилъ своему брату извѣстную сумму денегъ, равную
стоимости имѣній, приходившихся на его долю, и приобрѣлъ въ свою
собственность братнюю половину¹⁾. Близкими родственными отно-
шеніями между Стефаномъ и Лавриномъ Лозками, безъ сомнѣнія,
должно быть объясняемо и то, что по перемѣщеніи перваго въ Мо-
зырь оставшееся вслѣдствіе этого свободнымъ мѣсто подчашаго кіев-
скаго занято было Лавриномъ. Этою же близостію родства объясня-
ются и послѣдующія пріязненные отношенія Лаврина Лозки въ се-
мейству Стефана²⁾.

Въ Кіевской Старинѣ за прошлый годъ (август. кн.) помѣщена
замѣтка г. Новицкаго о Галшкѣ Гулевичовнѣ, въ которой онъ,
между прочимъ, говоритъ, что мужъ Галшки (Елисаветы) Гулеви-
чевны, мозырскій маршалокъ Стефанъ Лозка, имѣлъ два имени—
Стефана и *Юзефа*. Свое мнѣніе г. Новицкій подтверждаетъ ссыл-
кою на два документа, помѣщенные въ актовъ книгѣ Кіевскаго
Центр. Архива, гдѣ находится упоминаніе объ Юзефѣ Лозкѣ, какъ
мозырскомъ маршалѣ³⁾. Считаая Стефана Лозку и Юзефа Лозку за

Плетенецкимъ и паномъ Іосифомъ Лозкою, причемъ первый обвинялъ послѣдняго въ на-
вѣздѣ со слугами и подданными на монастырскій грунтъ Заболоцкій (*Арх. греко-ун. митр.
при Св. Синодѣ*, связка № 29).

¹⁾ *Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ*, связка № 29.

²⁾ Послѣ смерти Стефана Лозки Лавринъ принималъ самое дѣятельное участіе въ
дѣлахъ вдовы покойнаго брата, велъ отъ имени ея и малолѣтняго племянника (Михайла)
тяжебныя дѣла и вообще охранялъ ихъ интересы (*Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ*,
связка № 29).

³⁾ Первый документъ: позывъ къ суду кіевскаго воеводы Станислава Жолкевскаго
и мозырскаго маршалка *Юзефа Лозки* по жалобѣ на нихъ пана Мартина Бутовича о
невыдачѣ бѣглыхъ крестьянъ, отъ 27 мая 1617 г. (*кн. житом. гродск.* л. 268); второй до-
кументъ: жалоба того же Бутовича объ отказѣ кіев. подвоеводы Михаила Мышки Холо-
нецкаго признать росписки въ уплатѣ ему долга Бутовичемъ, выданныя, по его, Мышки,

одно и тоже лице, авторъ упомянутой замѣтки на основаніи „полонизованной формы“ втораго имени дѣлаетъ заключеніе, что мужъ Галшки Гулевичевны былъ католикомъ. Не вдаваясь въ разборъ этого послѣдняго вывода автора, несостоятельность коего не требуетъ опроверженій¹⁾, обратимъ вниманіе на его указаніе о двуименности Стефана Лозки. Указаніе это, какъ опирающееся на документальныя данныя, съ перваго взгляда можетъ показаться небезъосновательнымъ, тѣмъ болѣе, что въ подкрѣпленіе его можно указать на документы позднѣе 27 мая 1617 года (когда впервые встрѣчаемся съ Юзефомъ Лозкою въ должности мозырскаго маршалка), изъ коихъ видно, что Стефанъ Лозка, мозырскій маршалокъ, былъ въ то время еще живъ. Тѣмъ не менѣе, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, предположеніе г. Новицкаго о двуименности мужа Галшки Гулевичевны, оказывается плодомъ недоразумѣнія. Свое мнѣніе мы основываемъ на слѣдующихъ данныхъ и соображеніяхъ.

Во всѣхъ извѣстныхъ, и притомъ довольно многочисленныхъ актахъ, дошедшихъ до нашего времени, сынъ Василя Лозки, въ слѣдствіи подчасій кievскій, а затѣмъ маршалокъ мозырскій, мужъ Галшки Гулевичевны, всегда называется однимъ только именемъ—*Стефаномъ*. Съ этимъ только именемъ мы встрѣчаемъ его въ 1566 году, когда онъ не занималъ еще никакой должности; съ этимъ же только однимъ именемъ мы видимъ его при занятіи имъ указанныхъ должностей и во все послѣдующее время до самой его кончины²⁾. Равнымъ образомъ и жена его повсюду называется по мужѣ Стефановою Лозчиною, маршалковою мозырскою³⁾, а сынъ ихъ Михайлъ,

довѣренности мозырскимъ маршалкомъ *Юзефомъ Лозкою*, отъ 29 авг. 1618 года (*кн. житомир. град. л. 1205 об.*).

¹⁾ Полонизованная форма имени извѣстнаго лица еще не доказываетъ, чтобы это лице держалось католицизма. Съ именемъ *Юзефа, Езефа, Есифа* мы встрѣчаемъ въ актахъ разсматриваемаго времени не только католиковъ, но и лицъ другихъ исповѣданій: евреевъ (Центр. Арх. при унив. св. Влад. № кн. 2045, л. 170 об.), протестантовъ, въ томъ числѣ и *православныхъ* (*ibid.* № кн. 2035, л. 94). Въ частности, что Иосифъ Лозка, маршалокъ мозырскій, былъ православнымъ, объ этомъ можно заключать изъ упоминаемой нами ниже его подписи подъ актомъ избранія на кievо-печерскую архимандрію Захарія Копыстенскаго.

²⁾ *Памятн., издав. времен. кievск. комм. т. II, отд. 1. № 1. Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ*, связка № 29 (нѣсколько докум.) №№ 3004, 3083, 3111, 3612, 3620, 3621, 3700, 3071. *Кiev. Центр. Арх.* № кн. 2048, л. 155 и др.

³⁾ *Памятн., изд. врем. кiev. комм. т. II, отд. 1. №№ 1. 6. Арх. греко-ун. митр. при*

по отцу—*Стефановичемъ*, маршалковичемъ мозырскимъ ¹⁾). Поэтому, если допустить, что мужъ Галшки Гулевичевны дѣйствительно имѣлъ два имени (аналогичные примѣры чему за рассматриваемое время указать можно), то страннымъ представляется, почему онъ въ *двухъ только* документахъ называется *Иосифомъ*, причемъ обычное, постоянно употребляемое имъ, имя вовсе опускается?—Отсюда естественно возникаетъ вопросъ—*Иосифъ Лозка*, маршалокъ мозырскій, не былъ ли лицомъ, отличнымъ отъ Стефана Лозки и, такимъ образомъ, въ рассматриваемое время не было ли двухъ однофамильцевъ, преемственно занимавшихъ одну и ту же должность мозырскаго маршалка?

Мы думаемъ, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Нами уже было замѣчено, что одновременно со Стефаномъ Лозкою мы встрѣчаемъ въ 1604 году *Иосифа* Лозку, причемъ послѣдній называется просто *паномъ*, безъ указанія на занимаемую имъ должность. Во второй разъ мы встрѣчаемъ *Иосифа* Лозку въ 1611 году тоже не какъ должностное лицо, а просто съ титуломъ *пана* ²⁾. Такъ какъ въ актахъ того времени,—что можно видѣть изъ тысячи примѣровъ,—было принято почти за неизмѣнное правило (особ. съ начала XVII стол.) обозначать *должность* упоминаемыхъ въ нихъ лицъ ³⁾, то отсутствіе такого обозначенія по отношенію къ тѣмъ или другимъ особамъ, служить яснымъ доказательствомъ, что онѣ, во время составленія документовъ, нивакой должности не занимали. Слѣдовательно, панъ *Иосифъ Лозка*, встрѣчаемый подъ 1604 и 1611 гг. безъ обозначенія занимаемой имъ должности, и на самомъ дѣлѣ

Св. Синодъ, связка № 29. *Кіев. Центр. Архивъ*, № кн. 13, лл. 1204, 1206, 1349, *ibid.*; № кн. 2158 л. 362 об. *ibid.* № к. 979 л. 172 об. 173, *ibid.* № 2115 л. 1011 об. 1013, *ibid.* № 30, л. 193 об. и слѣд.

¹⁾ *Архивъ греко-уніат. митр. при Св. Синодѣ*, № 3787.—*Кіев. Центр. Архивъ*, № кн. 2239, л. 914 *ibid.* № кн. 30, л. 193 об. и слѣд.

²⁾ Книга гродская, записочная и поточ. 1611 г. (*Кіев. Центр. Архивъ*, № кн. 12). Здѣсь подъ 28 апрѣля помѣщены два документа, въ которыхъ возные заявляютъ, что панъ Витовскій не допускалъ ихъ ввести *пана Иосифа Лозку* во владѣніе селомъ Бѣликовцами, присужденными ему за долгъ.

³⁾ Напр. — Стефанъ Лозка, *маршалокъ мозырскій*; Захарій Копыстенскій, *архимандритъ монастыря печерскаго*; Василій Гулевичъ, *войскій Владимирскій*, и т. д. безъ конца.

не былъ въ то время лицомъ должностнымъ и, слѣдовательно, его должно отличать отъ *Стефана Лозки*, постоянно съ 1590 г. титулуемаго въ актахъ *маршалкомъ повѣта мозырскаго* (а ранѣе *подчашимъ кievскимъ*).

Но какъ же объяснить упоминаніе въ актахъ Іосифа Лозки въ должности мозырскаго маршалка въ то время (27 мая 1617 года), когда еще живъ былъ Стефанъ Лозка, *мозырскій маршалокъ*,—какая должность, сколько извѣстно, занимаема была только однимъ лицомъ?

Думаемъ такъ: Стефанъ Лозка, какъ мы видѣли, родился около 1545 года, слѣдовательно, въ 20 годахъ XVII стол. былъ уже старцемъ очень преклонныхъ лѣтъ. Семидесятилѣтній возрастъ и сопряженные со старостію болѣзни могли побудить Стефана Лозку сложить съ себя много лѣтъ занимаемую имъ должность и она передана была другому лицу—его однофамильцу (и, безъ сомнѣнія, близкому родственнику),—чѣмъ и объясняется одновременное существованіе въ теченіи нѣкотораго времени *двухъ мозырскихъ маршалковъ*: одного, состоящаго на дѣйствительной службѣ, а другаго, очевидно, находившагося въ отставкѣ. Что Стефанъ Лозка подъ конецъ своей жизни окончательно одряхлѣлъ, относительно этого находятся и положительные данныя. Въ концѣ 1616 г. уніатскій митрополитъ Вельяминъ Рутскій занесъ въ судъ жалобу на Стефана Лозку, маршалка повѣту мозырскаго, его жену Галшку Гулевичевну и ихъ сына Михаила, по поводу наѣзда ихъ подданныхъ на принадлежащія митрополиту грунты Нежиловскіе¹⁾. 3 генваря слѣдующаго года отъ имени позванныхъ лицъ представленъ былъ въ судъ отзывъ, гдѣ говорится, что „пани маршалковая, яко зацная бѣлоглова (женщина) неслупшне до тое акці потягнена“, такъ какъ она, при жизни своего мужа, по дѣламъ, лично его касающимся, не должна быть позываема на судъ, сынъ ея Михаилъ тоже незаконно вызывается, какъ „еще лѣтъ немаючій“, самъ же Стефанъ Лозка не можетъ явиться въ судъ *вслѣдствіе своего нездоровья и преклонной старости* (барзо старый)²⁾. Что въ данномъ случаѣ ссылка на дряхлость Лозки

¹⁾ Арх. греко-ук. митр. при святѣйшемъ Синодѣ, связ. № 29. (*Выпись с книгъ родскихъ кievскихъ, отъ 3 генв. 1617 г.*)

²⁾ Ibid.

не была одною только, обычною въ то время, уверткою уклониться отъ суда или затянуть почему-либо непріятную тяжбу, а должна быть признана фактомъ вполне вѣроятнымъ,—это подтверждаютъ и другія данныя. Отъ 11 генваря того же 1617 г. сохранилось сознаніе вознаго о томъ, что онъ по нѣкоторымъ тяжбынымъ дѣламъ вручилъ еще 12 ноября 1616 г. позовы мозырскому маршалку Стефану Лозкѣ, его женѣ Галшкѣ Гулевичовнѣ и ихъ сыну Михаилу, „зъ бытностію его опекуновъ“¹⁾. Последнее обстоятельство всего лучше свидѣтельствуетъ о томъ безнадежно болѣзненнымъ состояніи, въ какомъ въ рассматриваемое время находился Стефанъ Лозка; оно показываетъ, что мужъ Галшки Гулевичевны самъ уже настолько сознавалъ свою старческую дряхлость и предвидѣлъ близость своей кончины, что, сдѣлавъ предсмертныя распоряженія, счелъ необходимымъ еще при жизни назначить опекуновъ своему сыну.

Но, разумѣется, самымъ лучшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, что *Стефанъ* Лозка, мозырскій маршалокъ, и *Іосифъ* Лозка, тоже мозырскій маршалокъ, суть не одно, а два различныя лица, можетъ служить указаніе на такіе документы, въ коихъ бы было упоминаніе объ *Іосифѣ* Лозкѣ въ означенной должности *послѣ смерти Стефана*. Хотя, къ сожалѣнію, акты мозырскаго повѣта,—безъ сомнѣнія, представлявшіе для подобной справки обильный матеріаль,—не сохранились до нашего времени; но кое что небольшое по данному вопросу (впрочемъ для нашей цѣли вполне достаточное) мы можемъ указать и въ другихъ тоговременныхъ документахъ. Къ такимъ документамъ должно отнести, во первыхъ, уже упомянутую нами (и извѣстную самому г. Новицкому) жалобу Бутовича²⁾ объ отказѣ кіевскаго подвоеводы Мышки-Холоневскаго признать росписки въ уплатѣ ему долга Бутовичемъ, выданныя по его, Мышки, довѣренности мозырскимъ маршалкомъ Юзефомъ Лозкой, *отъ 29 авг. 1618 г.* (слѣдовательно послѣ смерти Стефана Лозки). Внимательно прочитывая эту жалобу, нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Новицкаго, что будто бы здѣсь, между прочимъ, идетъ рѣчь, *объ умершемъ*

¹⁾ Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ, № 3111.

²⁾ Кн. грод. житомирск., хранящаяся въ *Кіевск. Центр. Архивѣ*, подъ № 13, л. 1205 об.

уже мужѣ Галшки Гулевичевны; потому что это обстоятельство (смерть мозырскаго маршалка), безъ сомнѣнія, была бы оговорена (таковая оговорка требовалась самымъ содержаніемъ документа). Далѣе. Въ житомирской гродской записцовой и поточной книгѣ 1630 г., хранящейся въ томъ же Кіевскомъ Центр. Архивѣ (№ 30), помѣщены, подъ №№ 151 и 152 (л. 193 об.—200) двѣ жалобы пана Александра Солтана и его жены на „ее милость паню *Стефановую Лозчиную маршалковую мозырскую* и сына ея пана *Михаила Лозку, маршалковича мозырскаго*“. Первая жалоба касается самовольнаго захвата означенными лицами Рожевскаго млина (мельницы), принадлежавшаго Солтану; вторая—отобранія имущества жалающагося, которое, по его приказанію, перевозимо было его подданными изъ одного помѣстья въ другое. Излагая передъ судомъ свою жалобу по поводу послѣдняго захвата, Солтанъ говоритъ, что его самого въ то время дома не было: „а кгда тогожь року и дня семнадцатога марьца жалуючій былъ въ Ставицахъ у *ее милости пани Юзефовое Лозчиной, маршалковой мозырской*, приехала тамже менованая пани *Стефановая Лозчиная* (т. е. Галшка Гулевичевна, *маршалковая мозырская*), где некоторый челядникъ, ужалившисе такъ великой зневаги и деспекту жалуючого, на которой напатрились, остерегли оного, поведаячи, же пани наша съ тою челядью въ погоню послала, докуль Богъ ведаеть, што се з ними дееть; онъ (Солтанъ), тотъ жалъ оповедивши ея милости паней Юзефой Лозъчиной,.... отъѣхаль“, и проч.—Изъ вышеприведенной документальной выдержки ясно видно, что въ 1630 году были двѣ женщины, носившія званіе „маршалковой мозырской“,—причемъ одна была женою *Стефана Лозки*, а другая—*Юзефа Лозки*,—а отсюда ясно, далѣе, что двухъ послѣднихъ лицъ смѣшивать нельзя. Наконецъ мы имѣемъ одинъ документъ отъ 24 ноября 1624 г.,—слѣдовательно писанный спустя болѣе 6 лѣтъ послѣ смерти *Стефана Лозки*,—гдѣ въ числѣ лицъ, собственноручно скрѣпившихъ означенный документъ, встрѣчаемъ и слѣдующую подпись: *Joseph Łozka, Marszałek Mozyrsky reka swa*. Хотя означенная подпись и сдѣлана по польски,—что свидѣтельствуеть о значительной полонизаціи Юсіфа Лозки, равно какъ и другихъ русскихъ дворянъ, подписавшихся одновременно съ нимъ тоже по-польски,—но такъ какъ подпись эта сдѣлана *подъ актомъ избранія на кіевонечерскую архимандрію Захаріи Копыстенскаго*, то это обстоятель-

ство, независимо отъ указаннаго ошибочнаго мнѣнія (смѣшенія двухъ лицъ въ одно), служить также сильнымъ противовѣсомъ и другому мнѣнію,—именно, что будто бы Іосифъ Лозка былъ католикомъ¹⁾.

Сказаннымъ отчасти восполняются свѣдѣнія о мужѣ фунда-торши Кіево-братскаго монастыря Елизаветы Гулевичевны и его ближайшихъ родичахъ. Думаемъ, что уясняются и тѣ недоразумѣнія, какія привнесены по данному вопросу статьею г. Новицкаго.

Обращаемся къ даннымъ, уясняющимъ біографію самой фунда-торши и ея ближайшихъ родственниковъ.

Паны Гулевичи принадлежали къ числу знатныхъ и родовитыхъ южно-русскихъ фамилій. Въ XVI столѣтіи, къ первой половинѣ ко-тораго восходятъ отрывочныя свѣдѣнія о родѣ Гулевичей, онъ яв-ляется весьма распространеннымъ и, по крайней мѣрѣ, въ нѣкото-рыхъ изъ своихъ вѣтвей владѣющимъ большими земельными иму-ществами, находящимися преимущественно въ волынскомъ воевод-ствѣ. Первымъ выдающимся лицомъ изъ этой фамиліи былъ луцкій епископъ *Теодосій*,—дѣдъ нашей Елизаветы Гулевичевны,—упомина-емый иногда въ актахъ первой половины означеннаго столѣтія²⁾. Онъ не предназначалъ себя съ юныхъ лѣтъ къ духовному званію: состоялъ первоначально на государственной службѣ³⁾, былъ женатъ, имѣлъ довольно многочисленное семейство и только овдовѣвши, въ

¹⁾ Упомянутый актъ, найденный нами въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ, принадлежащихъ Кіево-печерской лаврѣ, напечатанъ въ прилож. къ нашему сочиненію: *Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники*. Кіевъ 1883 г. (подъ № XL).

²⁾ *Жизнь князя А. М. Курбскаго* (Акты, изд. Времен. Кіев. Ком., 1849 г.) т. II № 244; *Памятн. изд. Кіев. комм.* т. IV, отд. II, докум. № 1. Что упоминаемый въ озна-ченныхъ документахъ луцкій епископъ Теодосій Гулевичъ есть то лицо, о которомъ мы говоримъ, это можно видѣть изъ дарственной записи, выданной въ 1573 г. войскимъ Вла-димірскимъ Василіемъ Гулевичемъ луцкому земскому судѣ на усадебное мѣсто въ луц-комъ окольномъ замкѣ. Здѣсь даритель говоритъ, что означенное мѣсто нѣкогда принад-лежало его отцу— „Луцкому владыкѣ Теодосію“. (Луцк. грод. кн., хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивъ*, подъ № 2047; лис. 329 об.).

³⁾ Сынъ еп. Теодосія Григорій Ѳедоровичъ Гулевичъ въ одномъ изъ актовъ (1560 г.) говоритъ, что подворье въ замкѣ луцкомъ, доставшееся ему при раздѣлѣ съ братьями „на полу“ съ братомъ Михаиломъ,—*есть выслуга изъ отца* (Луцкая гродская, записоч-ная, поточная и декретная книга, хранящаяся въ *Кіевскомъ Центр. Архивъ*, подъ № 2038 л. 28 об.).

болѣе или менѣе преклонныхъ лѣтахъ, переменялъ свѣтскую одежду на святительскую мантию—что, въ рассматриваемое время, въ средѣ южно-русской аристократіи было явленіемъ обычнымъ, зауряднымъ. Изъ дѣтей епископа Θεодосія, носившаго въ міру имя *Θеодора*, извѣстны только сыновья. Ихъ было пять: *Григорій, Михаилъ, Романъ, Янушъ* и *Василій*¹⁾.

Григорій Θεодоровичъ Гулевичъ занималъ видную въ то время должность *хорунжаго земли волынской*²⁾; былъ женатъ на дочери кременецкаго старосты *Магдалинъ Дахновкѣ*³⁾; имѣлъ сыновей: *Григорія, Θεодора* и *Ивана*⁴⁾, и дочерей: *Ганну, Богдану, Марушу, Катерину, Софью* и *Настасью*⁵⁾; скончался въ преклонныхъ лѣтахъ въ половинѣ 1596 года⁶⁾.

Михаилъ Θεодоровичъ Гулевичъ, женатый на Наста-

¹⁾ Всѣ они, какъ родные братья (и по сравненію съ другими документами сыновья еп. Θεодосія), перечисляются въ упомянутомъ въ предшествующемъ примѣчаніи документѣ. Въ заставномъ записѣ, данномъ Василиемъ Θεодоровичемъ Гулевичемъ женѣ своей Еленѣ Волчковѣ 10 дек. 1559 г., между прочимъ, говорится, что село Качинъ съ приселками досталось ему, Василю Гулевичу, „дѣломъ равнымъ отъ брата моего рожденого: пана Григорія, Михаила, Романа и Януша Феодоровичовъ Гулевичовъ“. *Прилож. XIII, 1.*

²⁾ Впервые мы встрѣчаемъ его въ этой должности въ 1565 г. (Гродск. Луцк. кн., хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивъ*, подъ № 2040 л. 401).

³⁾ Гродск. Луцк. кн. (въ *Кіев. Центр. Архивъ*), № 2048 л. 149 об. срав. той же книги № 2047 л. 130 об., № 2074, л. 91, и слѣд.

⁴⁾ Акт. кн. въ *Кіев. Центр. Архивъ* подъ № 2078 л. 170—172, № 948 л. 680, 681, № 2101 лл. (зъ счета) 83, 84, № 2074 л. 91 и слѣд.—О *Θеодорѣ* Григорьевичѣ извѣстно, что онъ былъ женатъ на *Θеодорѣ Ивановѣ Курозвонской* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2086 л. 230 об., 231, 378 об., № 2101 л. 150). Изъ дочерей *Θеодора* Григорьевича *Маруша* *Θеодоровна* была замужемъ за княземъ *Юріемъ* зе *Збоража Воронечкимъ* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2125, л. 660—661).

⁵⁾ *Прилож. XIII, 5.* Изъ указанныхъ дочерей Григорія *Θеодоровича* Гулевича: *Маруша* Григорьевна была замужемъ за *Иваномъ Хребтовичемъ-Божуринскимъ* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2101 л. 473 и слѣд.), *Софія* Григорьевна за *Кондратомъ Смыковскимъ* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2078 л. 170--172), *Настасья* Григорьевна за *Кондратомъ Хорошко*, писаремъ „у Поддубцахъ“ (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2078 л. 612—614, № 2101 л. 696, № 2102 л. 243 об.).

⁶⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2102 (зъ счета лл. 118, 192); 12 мая 1596 г. упоминается еще, какъ живой (*ibid.* счета 2 лл. 242, 244). Нѣкоторые свѣдѣнія о Григоріѣ *Θеодоровичѣ* Гулевичѣ (касающіяся преимущественно тяжбныхъ дѣлъ) можно находить еще въ акт. кн., хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивъ* подъ №№ 2035 (л. 66 об.), 2036 (л. 123 об.), 2038 (л. 58, 104 об., 401), 2039 (лл. 5, 44, 174. 283 об.), 2045 (л. 336 об., 445, 506), 2047 (л. 128) 2048 (л. 58 об. 80, 139, 417 об.), 2044 (л. 171 об., 201 об., 273) 2046 (л. 333, 552 об.), 2042 (л. 91).

съѣ изъ рода *Мышекъ Ворковскихъ*¹⁾, умеръ ранѣе своихъ братьевъ (въ началѣ 1560 г.) и, какъ видно, не занималъ никакой общественной должности. Послѣ его смерти осталась дочь Марія, опека надъ которою, порученная ея дядямъ Василию, Григорію и Роману Гулевичамъ, служила поводомъ къ прискорбнымъ недоразумѣніямъ между опекунами и родичами оставшейся вдовы²⁾.

Романъ Θεодоровичъ Гулевичъ, занимавшій нѣкоторое время должность подстаросты владимірскаго³⁾, женатъ былъ на *Пеллеге Матѣевнѣ Сыропятиной*⁴⁾; скончался въ 1565 г.⁵⁾ Изъ дѣтей Романа извѣстны: *Θеодоръ*⁶⁾, *Михаилъ*⁷⁾ и *Демьянъ*⁸⁾.

¹⁾ Акт. кн., хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивъ*, № 2045, л. 108 об. 110 об.

²⁾ Ibid. Сравн. № 2042, л. 91, № 2038 л. 217 об.—Въ актахъ того времени упоминается *Иванъ Михайловичъ Гулевичъ* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2035 л. 108); но былъ ли онъ сыномъ Михаила Θεодоровича Гулевича, съ точностію сказать нельзя.

³⁾ Акт. кн. хранящ. *Кіев. Центр. Архивъ*, № 2038, л. 244.

⁴⁾ Акт. кн., хранящ. въ *Кіев. Центр. Арх.*, № 2039, л. 264 об., Сравн. Акт. кн. № 2040, л. 78, 188 об. 474.

⁵⁾ Его духовное завѣщаніе находится въ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2039, л. 161, об.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о Романѣ Θεодоровичѣ Гулевичѣ можно находить въ акт. кн., хранящихся въ *Кіев. Центр. Арх.* подъ №№ 2035 (лл. 38 об. 232 об., 241); 2036 (л. 27), 2038 (лл. 58 об. 217 об. 218, 233, 244, 250), 2039 (л. 42 об.).

⁶⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2086, л. 725.—Скончался около 1598 г.; имѣлъ дѣтей *Филистина* и *Варвару*, оставшихся послѣ его смерти несовершеннолѣтними (ibid.).

⁷⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* №№ 2111 (л. 105, 143, об., 149, 372), 2086 (л. 725). Скончался (былъ убитъ) 11 іюня 1599 г. (Акт. кн. того же Архива № 2111, л. 148 об., 141, 372); имѣлъ сына *Романа*, оставшагося послѣ смерти отца малолѣтнимъ (ibid., л. 143 об. 103. Сравн. № кн. 2123, лл. 216, 230).

⁸⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2086, л. 725.—Занималъ должность поборца воеводства Волынскаго. (Акт. кн. *Кіев. Центр. Архива* № 946, лл. 555, 716, 688 об., 775, 809—813, 860, 991—992, 1052 и др.); женатъ былъ на дочери кременецкаго подкоморія *Ивана Патрикія съ Курозвоиъ Настасьѣ Патрикѣевнѣ* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2047, л. 261 и слѣд.; №№ 2086, л. 232, № 2124, л. 593, № 2115, л. 968); имѣлъ дѣтей: *Александра* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2111, л. 148 об. 149), *Юрія* (ibid. № кн. 2111, лл. 105, 163, 372, № 2115, лл. 953 об.—954), *Филона* (ibid.),—и трехъ дочерей (№ кн. 2115, л. 969); присутствовалъ на брестскомъ православномъ соборѣ 1596 г., осудившемъ отступниковъ владыкъ и вообще унию; скончался трагическою смертію, будучи убитъ во время своей поѣздки въ Лудкъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ *Александромъ* и роднымъ братомъ *Михаиломъ Романовичемъ* (подробности этого въ высшей степени важнаго для характеристики тоговременныхъ нравовъ дѣла можно найти въ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2111, лл. 105, 148 об.—149, 268 и слѣд. 370—375). Нѣкоторыя свѣдѣнія о Демьянѣ Гулевичевѣ находятся также въ актахъ, хранящихся въ упомянутомъ Архивѣ подъ №№ 2045 (473 об.), 2047 (л. 91 об.), 948 (лл. 8 об., 74, 76, 680—681), 2101 (лл. 93—94,

Янушъ Θεодоровичъ Гулевичъ,¹⁾ кажется, не занималъ никакой общественной должности. Изъ его дѣтей извѣстны: три дочери—*Анна*, бывшая въ замужествѣ за п. *Былицкимъ*²⁾, *Настасья*, бывшая въ замужествѣ за княземъ *Матвѣемъ Зборажскимъ* зъ *Ворончина*, столникомъ земли Кіевской³⁾ и *Θеодора*, въ замужествѣ *Павловичева* *Брянская*⁴⁾,—и два сына: *Михаилъ*⁵⁾, и *Николай*⁶⁾. Послѣдній занималъ должность ключника и городничаго земли Кіевской⁷⁾; изъ дѣтей его извѣстны: *Анна Гулевичевна*, бывшая въ замужествѣ въ первый разъ за роднымъ братомъ *Стефана Лозки*—*Лавриномъ Лозкою*, подчасимъ кіевскимъ⁸⁾, а во второй—за *Ярошемъ Кирдеемъ-Козинскимъ*⁹⁾. (Эту-то *Анну Гулевичевну* очень часто наши историки смѣшивали съ фундаторшею Кіево-братскаго монастыря *Галикою Гулевичовною*,—чему, очевидно, способствовали, съ одной стороны однофамильность ихъ мужей, съ другой—укоренившееся мнѣніе, что фундаторша означеннаго монастыря носила имя *Анны*)

Василій Θεодоровичъ Гулевичъ, кажедся, младшій изъ сыновей луцкаго епископа Θεодосія (въ актахъ, при совмѣстномъ ихъ перечнѣ, онъ всегда упоминается послѣднимъ) превосходилъ

227, 228, 500, 509), 2102 (л. 118 2-го счета), 2086 (лл. 218 об., 220, 232, 391 об.), 2087 (лл. 66, 82 об., 590).

¹⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2038, л. 58 об. *Прим.* XIII, 1.

²⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2078, л. 577 и слѣд.

³⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2078, л. 577—579. *Книга копій крѣпости на владѣніе кіево-печ. лавры* (рукоп. кіево-Видуб. мон., док. № 14, л. 27—28).

⁴⁾ Умерла ранѣе своихъ братьевъ и сестеръ, оставивъ послѣ себя малолѣтнихъ дѣтей *Ак. к. Кіев. Центр. Арх.* № 2078 лл. 577 и слѣд.

⁵⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* №№ 2114 (лл. 14 об. и слѣд., 274), 2115 (лл. 45, 49, 290, 551, 813), № 2123 (лл. 215, 338 об. 339, 439, 519). Изъ сыновей его въ актахъ упоминается *Маркъ* (*ibid.* № кн. 2115, л. 687, 688 об. № кн. 2125 л. 419—420).

⁶⁾ Акт. кн., хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивѣ*, № 2078, л. 577 и слѣд.

⁷⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2114 (л. 251 об., 252); *Арх. греко-ун. митр. при Св. Синодѣ*, №№ 3665, 3676 и 3911).

⁸⁾ *Арх. греко-ун. митр.* процитованные въ предшествующемъ примѣчаніи, №№ и связка № 29.—Отъ этого брака имѣла дѣтей: *Варвару* (вышедшую замужъ за п. *Александра Красинскаго*), *Галику* (т. е. Елизавету) и *Бѣу* (всѣ они называются *цорками* и властными потомками *Лаврина Лозки* и *Анны Гулевичевны* въ одномъ документѣ отъ 1624 г., хранящ. въ *Архивѣ греко-ун. митр. при Св. Синодѣ* въ той же связкѣ, подъ № 29).

⁹⁾ *Арх. греко-ун. митр.* № 3883.

своихъ братьевъ и богатствомъ, и общественнымъ положеніемъ, и родственными связями. Сначала онъ занималъ должность *подстаростія Владимірскаго*¹⁾, затѣмъ въ 1565 г. возведенъ былъ въ званіе *войскаго Владимірскаго*²⁾, удерживая нѣкоторое время и прежнюю должность³⁾. Почетная должность войскаго оставалась за Василиемъ Ѳедоровичемъ до самой его кончины, послѣдовавшей въ половинѣ 1601 года⁴⁾.

Василій Гулевичъ женатъ былъ два раза: впервые на *Еленъ Волчковнъ Жасковской*⁵⁾, супружество съ которою, начавшееся около 1557—1559 гг.⁶⁾, было—какъ можно думать—не особенно продолжи-

¹⁾ Въ первый разъ упоминается, какъ занимающій означенную должность въ апрѣлѣ 1561 г. (*Акт. кн. Киев. Центр. Арх. № 2035, л. 89*).

²⁾ Въ первый разъ упоминается въ этомъ званіи въ іюлѣ 1565 г. (*Акт. кн. Киев. Центр. Арх. № 2040, л. 260*).

³⁾ См. *Акт. кн. Киев. Центр. Арх. № 2040, л. 260, 273, 286, 290, 391, 393, 401, 414, 466*.

⁴⁾ Отъ 9 авг. 1601 г. извѣстна грамота Сигизмунда III, въ которой король говоритъ, что „мы маючи ласковнй взглядъ на службы уставичные и вѣрныя урожонаго Флоріана Олешько, секретаря нашего, умыслили есмо оному вредъ земскій войское Володимирское дати, которое по урожономъ Василею Гулевичу въ тыхъ дняхъ зъ сего света зощилому до шафунку нашего пришло“ (*Акт. кн. Киев. Центр. Арх. № 2113, л. 9—10*). Нѣкоторыя свѣдѣнія о *Василіи Ѳедоровичи Гулевичи* находятся еще въ актовыхъ книгахъ Киев. Центр. Архива, значащихся по описи подъ слѣдующими №№ 2035 (лл. 9 об., 94, 96, 102, об. 105, 121, 122 об. 127, 128, 133 об. 150, 160 об., 185, 186 об. 198, 199, 206, 220), 2036 (лл. 34 об. 94 об.) 2037 (лл. 107, 145, 147 об., 221 об. 227) 2038 (лл. 124, 128 об., 129, 138), 2039 (лл. 1, 4, 85 об. 179 и друг.), 2040 (лл. 44, 47, 197 об. 253, об. 260, 273, 290 об., 391 об., 393 об. 400, 414, 466), 2041 (лл. 73 об., 86 об., 90, 92, 130) 2042 (лл. 272 об., 274, 275) 2043 (л. 533) 2045 (лл. 68, 71 об., 72 об. 96, 187 об., 200, 214, 218 об.) 2047 (л. 95 об. 144, 145, 163, 241, 286, 288, об. 322, 323 об., 329 об., 376 об.), 2048 (лл. 60, 64 об., 76, 82, 84 об., 98, 118, 114, 160, 253 об., 306, 335, 353, 396) 942 (лл. 19 об., 20, 42 об. 44 об., 48, 72, 74, 99, 103, 105, 106, 142, 190, 210, 210, 234, об., 244, 265, 287, 330, 331, 333, 350, 352, 361, 372, 383, 403, 404, 419) 946 (лл. 474 об. 487 об., 488, 688, 694, 809—813) 2044 (лл. 244, 328 об., 332, 342, 347, 416, 450, 523, 548, 574 об., 583, 611, 644 об.) 947 (л. 72) 949 (лл. 184, 209 об., 215, 216, 219, 249, об., 291, 494, 536, 620, 603—604) 977 (л. 757). 2078 (лл. 274, 275, 285, 286, 334, 625—627) 2087 (л. 367) 2070 (лл. 143, 147, 177, 179) 2101 (лл. 171 об. 172, 227, 331) 2102 (лл. 37, 62, 150—второго счета) и др.

⁵⁾ *Прилож. № XIII. 1, 2*.

⁶⁾ Извѣстна заставная запись, данная В. Гулевичемъ женѣ своей *Еленѣ Волчковнѣ* на разныя помѣстья, въ обезпеченіе якобы занятыхъ у нея денегъ,—отъ 10 дек. 1559 г. *Прилож. № XIII. 1*. Для лицъ, знакомыхъ съ брачными контрактами того времени, запись эта сильно напоминаетъ документы, даваемые непосредственно или, по крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ брака.

тельно и едвали не оставалось бездѣтнымъ. (Изъ дѣтей Василя Гулевича *только съ нѣкоторою вѣроятностію* можно считать рожденною въ этомъ бракѣ дочь *Анну*, о которой скажемъ ниже). Вторично вступилъ въ бракъ Висилій Гулевичъ около 1570 г. съ *Наташею Патрикѣвною*¹⁾, въ сожительствѣ съ которою имѣлъ трехъ сыновей: *Андрея* (старшій сынъ), женатаго на *Раинѣ*, дочери каштеляна брацлавскаго и старосты луцкаго Александра Семашки²⁾, *Михаила*, женатаго (1596 г.) на дочери гродскаго владимірскаго судьи *Маруши Павловичевой*³⁾, *Бенедикта*, женатаго на *Софьѣ Струсовнѣ* съ *Комарова*⁴⁾,—и одну или двухъ дочерей,—именно, *Анну*, бывшую въ супружествѣ неизвѣстно съ какого времени за княземъ *Юріемъ Пузиною*⁵⁾ (отъ перваго или втораго брака родилась эта дочь, определенно сказать нельзя) и *Галику*. Сія-то *Галика*, младшая дочь войскаго владимірскаго Василя Гулевича, и была фундаторшею Кіево-братскаго монастыря. Бракъ ея съ маршалкомъ мозырскимъ *Стефаномъ Лозкою* не былъ первымъ. Первымъ ея мужемъ былъ *Христофоръ Поцѣй*, младшій изъ трехъ сыновей извѣстнаго брацлавскаго каштеляна, впослѣдствіи православнаго епископа, а затѣмъ уніатскаго митрополита, *Ипатія Поцѣя*. Это первое замужество состоя-

¹⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2114, л. 631, № 977, л. 757.—Время вступленія въ бракъ опредѣляется приблизительно чрезъ вычисленіе лѣтъ дѣтей, несомнѣнно рожденныхъ отъ этого брака.

²⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, №№ 2078 (л. 330 331, 851), 2114 (л. 318—319), 2118 (л. 448). Его дѣти отъ этого брака: *Димитрій*, *Александра* (бывшая въ замужествѣ за п. Матвѣемъ Чарпинскимъ), *Полонія* (въ замужествѣ за п. Яномъ Горайомъ) и *Настасья* (въ замужествѣ за княземъ Василюемъ Масальскимъ).—(См. акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 2124, л. 58). Нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія объ Андрѣ Василюевичѣ Гулевичѣ можно также находить въ Акт. кн., хранящ. *Кіев. Центр. Арх.* подъ №№ 946 (л. 25), 948 (л. 521 об., 522), 2115 (л. 310, 538 об., 540, 743, 744, 1110), 2087 (л. 468 об.), 2122 (л. 47, 108 об., 109), 2113 (л. 273 об. 274, 552, 639, 480).—Скончался около 1618 года.

³⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2012, л. 323 наслѣд. Умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ послѣ себя сына *Александра* (Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* № 980, л. 321).

⁴⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* №№ 976 (л. 336), 2116 (л. 110), 2117 (л. 360—361), 2118 (л. 434 об., 435). Имѣлъ сына *Николая* (*Ibid.* № 2124, л. 395). Нѣкоторыя свѣдѣнія о Бенедиктѣ Гулевичѣ можно находить въ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.* подъ слѣдующими №№ 2078 (л. 139, 145, 147); 2113 (л. 141—143, 257; 724—730, 744—747), 2114 (л. 700 об., 701), 2115 (л. 1042—1043), 2116 (л. 562), 2117 (л. 376).

⁵⁾ Акт. кн. *Кіев. Центр. Арх.*, № 2078, л. 577—579 № 2074 л. 344, 646.

лось около 1593. Отъ 21 декабря этого года мы имѣемъ *заставной листъ* отца Галшки Гулевичевны—Василія Гулевича, данный имъ своему зятю Христофору Поцѣю на владѣніе помѣстьемъ Нѣсвичемъ, которое должно было находиться въ пользованіи послѣдняго до выполнения всѣхъ условій брачнаго контракта ¹⁾. Сколько лѣтъ прожила Галшка Гулевичевна въ супружествѣ съ Поцѣемъ—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не долго, такъ какъ въ 1606 году мы видимъ ее уже вступившею во второй бракъ со Стефаномъ Лозкою ²⁾. Отъ перваго брака у нея осталась дочь Екатерина, выданная замужъ за *Николая Млечко*, оршанскаго хорунжаго. По поводу этого замужества сохранился чрезвычайно интересный документъ—протестація Яна и Петра Поцѣевъ, родныхъ братьевъ Христофора, въ которой они обвиняютъ Галшку Гулевичевну въ самовольной выдачѣ своей дочери, безъ согласія ихъ—протестующихъ, какъ опекуновъ своей племянницы. Въ протестаціи говорится, что Катерина Потеевна, по смерти своего отца „еще въ летехъ зуполныхъ не будучая“ поручена была матери только „до мешканья дочастного“, вслѣдствіе чего Галшка Гулевичевна тѣ дѣлахъ, касающихся дочери, не могла распорядиться самостоятельно безъ согласія на то опекуновъ, каковыми по существующимъ узаконеніямъ были протестующіе, какъ родные братья умершаго Христофора Поцѣя. Между тѣмъ она (Елизавета Гулевичевна) отважилась „пререченую панну Катерину Потеевну“, „мимо владзу ихъ милостей приржоную опекунскую и мимо права посполитые, о томъ постановленые и уфаленые, во всемъ ихъ зневаживши и квалтечи, за пана Миколая Млечька, хоружого оршанскаго, безъ жадной въ томъ ихъ милостей отъ нее повинного пошанованья и ознайменья, часу недавняго потаемъне в станъ малженъской отдати, праве тымъ оныхъ стрывевъ рожоныхъ ее въ незычливую милость до цорки своей подаючи, до задованья якое трудности правное ихъ мил.ее способляючи, а в милченъе противко себе о маетности лежаціе и рухомые немалыхъ во всѣмъ сборовъ по небожчику отцу ее пану Криштофе Потеею, при ней паней маршалко-

¹⁾ Прилож. № XIII. 6, 7.

²⁾ Ibid. № XIII 10. 11.—Но, по всей вѣроятности, бракъ Елизаветы Гулевичевны со С. Лозкою долженъ быть еще нѣсколько придвинуть къ началу XVII стол.—нѣкоторое основаніе для чего даетъ первый изъ процитованныхъ документовъ.

вой безъ жаднаго ихъ презъ небожьчика за пруднимъ с того света зоштьтѣмъ обворованья позосталыхъ, приводечи“... и проч. 1). Впрочемъ недоразумѣнія между Елизаветою Гулевичевною и братьями ея умершаго мужа не ограничивались вышеприведенною жалобою. Еще прежде, въ 1606 г., т. е.—какъ мы предполагаемъ—вскорѣ послѣ вторичнаго выхода Елизаветы Гулевичевны замужъ,—у Яна и Петра Поцѣевъ были крупныя пререканія съ женою умершаго брата и ея вторымъ мужемъ Стефаномъ Лозкою изъ-за имѣнія Городокъ, которое принадлежало епископіи владимірской и, какъ видно изъ хода дѣла, подарено было Христофору Поцѣю его отцемъ, въ то время епископомъ луцкимъ 2).

Стефанъ Лозка—какъ мы видѣли—родился около 1545 г. и въ 1574 г. былъ женатъ; слѣдовательно, въ началѣ XVII стол. мы встрѣчаемся съ нимъ какъ вдовцомъ уже довольно преклонныхъ лѣтъ. Что побудило выдти молодую вдову (Елизаветѣ Гулевичевнѣ, по приблизительному разсчету, въ 1605 году было не болѣе 30 лѣтъ) за шестидесятилѣтняго старика—разсуждать объ этомъ излишне. Но, очевидно, отъ подобнаго брака многочисленнаго потомства ожидать было трудно. Дѣйствительно, плодомъ этого супружества былъ одинъ только сынъ Михаилъ, упоминаемый, какъ „лѣтъ не маючій“, въ актахъ отъ 1613 г. 3). Проживши около 12—14 лѣтъ въ супружествѣ съ Елизаветою Гулевичевною, скончался—какъ мы видѣли—и Стефанъ Лозка въ концѣ 1617 или началѣ 1618 г. 4).

1) Прилож. № XIII. 12.

2) Акт. кн. Кіев. Центр. Арх. № 971. л. 122 и слѣдующ.

3) Арх. греко-уніат. митроп., связ. № 29.

4) Послѣ смерти своего втораго мужа Елизавета Гулевичовна жила въ окрестностяхъ Кіева (всѣ извѣстныя о ней за 1618—1619 гг. документы—суть тяжбыныя дѣла, ведшіяся въ воеводствѣ Кіевскомъ,—см., напр., *Арх. греко-ун. митр.*, связка № 29. *Акт. кн. Кіев. Центр. Архива*, № 13 л. 1411); затѣмъ переселилась въ волынское воеводство, гдѣ, кажется, постоянно и пребывала до самой своей кончины. Стефанъ Лозка во время своего вступленія въ бракъ съ Е. Гулевичевною былъ человѣкомъ очень состоятельнымъ. Въ его владѣніи находились нѣсколько родовыхъ помѣстій; имѣлъ онъ возможность дѣлать и новыя крупныя земельныя приобрѣтенія, простиравшіяся стоимостью до 30000 зл. польскихъ (*прилож.* № XIII, 10). Сколько можно судить по удѣлѣвшимся отрывочнымъ документамъ по смерти мужа Е. Гулевичевнѣ, а равно и ея сыну Михаилу, досталось довольно цѣнное

Сообщенныя нами біографическія свѣдѣнія о фамиліи Гулевичей и Лозокъ, кромѣ общаго историческаго значенія, имѣютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и болѣе непосредственное отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія: могутъ въ извѣстной степени служить

имущество. Но тяжбы дѣла, которыя приходилось вести вдовѣ мозырскаго маршалка съ разными лицами, семейныя огорченія (измѣна православію сына Михайла) и усилившаяся, можетъ быть, подѣ влияніемъ этихъ огорченій благотворительность—въ конецъ разстроили состояніе Елизаветы Гулевичевны. Умерла она сравнительно очень бѣдною женщиною. Важнымъ памятникомъ, какъ указанной благотворительности фундаторши Кіево-Братскаго монастыря, такъ и того незавиднаго матеріальнаго положенія, въ какомъ она находилась къ концу своей жизни, служить, помѣщаемое нами въ приложеніяхъ (№ XIII. 14) и въ комментаріяхъ не нуждающееся, духовное ея завѣщаніе.—Означенное завѣщаніе Елизаветы Васильевны Гулевичевны написано было (по старому стилю) 2 апрѣля 1641 года, а занесено въ Гродскія Луцкія книги, послѣ ея смерти, 31 марта (по новому стилю) слѣдующаго 1642 г. Такъ какъ подобное представленіе въ судебныя мѣста духовныхъ завѣщаній для занесенія ихъ въ актовыя книги дѣлаемо было въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ кончины завѣщателей,—то, слѣдовательно, смерть Е. Гулевичевны слѣдуетъ относить приблизительно къ половинѣ марта 1642 г.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній о сынѣ Елизаветы Гулевичевны—Михаилѣ Стефановичѣ Лозкѣ, маршалковичѣ Мозырскомъ. Первѣе всего считаемъ необходимымъ исправить крупную ошибку въ отношеніи къ означенному лицу, допущенную нами въ своемъ сочиненіи о *кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ*. Именно, говоря объ избраніи Могилы на кіевскую митрополію, мы указали на обнародованный М. А. Максимовичемъ актъ этого избранія, изъ коего видно, что одновременно съ Могилою, на случай неутвержденія его королемъ, представлялся послѣднему и другой кандидатъ—винницкій подстаростій Михаилъ Лоска. „Это—говорили мы—былъ сынъ Стефана Лозки и его жены фундаторши кіевской школы Елизаветы Гулевичевны“ (стр. 537). Означенное наше мнѣніе оказывается ошибочнымъ. Другимъ кандидатомъ, избраннымъ одновременно съ Петромъ Могилою на кіевскую митрополію, былъ не Михаилъ Лозка, сынъ нашей Елизаветы Гулевичевны, никогда не состоявшій ни на какой государственной должности и въ то время еще человѣкъ молодой, едвали достигшій двадцатипятилѣтняго возраста, а Михаилъ Лоска, занимавшій общественыя должности еще въ концѣ XVI стол., слѣдовательно, уже человѣкъ очень преклонныхъ лѣтъ (вдовець).—Михаилъ Стефановичъ Лозка былъ женатъ два раза: впервые на Софьѣ зъ Высокого Лозчиной (Арх. греко-ун. митр. № 3787), въ супружествѣ съ которою былъ онъ не особенно долго и дѣтей не имѣлъ, и вторично на Варварѣ Юдицкой, оставшейся вдовою отъ перваго брака съ Яномъ Гласковскимъ (*Акты кн. Кіев. Центр. Арх. № 2239. л. 914 и слѣд.*). И отъ этого втораго брака у Михаила Лозки дѣтей не было (у второй его жены были дѣти отъ перваго ея брака—*„potomstwo wrodzone z pierwszym małżonkiem Janem Głaskowskim“*). Не занимая никакой общественной должности и—какъ можно думать—не обладая не только большими умственными способностями, но даже и житейскою сноровкою, Михаилъ Лозка не приумножалъ, но постепенно умалялъ полученное имъ отъ отца богатое наслѣдіе. Такъ въ 1640 г. имъ проданы Николаю Центеру слѣдующія наслѣдственныя помѣстья, лежація въ кіевскомъ воеводствѣ. „място Рожевъ, Михайловъ замокъ съ фольварками, весь Ситниковщина съ фольварками,

руководною нитью для уясненія нѣкоторыхъ, недостаточно выясненныхъ вопросовъ въ первоначальной исторіи Кіево-братскаго монастыря. Выше было указано, что одно правильное чтеніе имени фундаторши означеннаго монастыря разшатываетъ часть легендарныхъ сказаній, которыми такъ изобильна первоначальная исторія Кіево-Богоявленскаго братства. Но можно на основаніи нѣкоторыхъ изъ представленныхъ свѣдѣній сдѣлать выводы и положительнаго характера (хотя-бы въ иныхъ случаяхъ и въ видѣ правдоподобныхъ догадокъ). Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ уясненіе тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ состоялась дарственная запись Елизаветы Гулевичевны.—Познакомимся предварительно ближе съ самою записью.

„Я Галшка Гулевичевна—читаемъ въ означенной записи—жена его милости пана Стефана Лозки, маршалка мозырскаго, съ соизволенія его милости на все, ниже изложенное, будучи здорова тѣломъ и умомъ,—явно и добровольно сознаю симъ моимъ добровольнымъ листомъ, что я, живя постоянно въ древней, святой, православной вѣрѣ Восточной церкви и пылая къ ней благочестивою ревностію къ распространенію славы Бога, въ Троицѣ Единаго, изъ любви и приверженности къ братьямъ моимъ—народу Русскому и для спасенія души своей, съ давняго времени вознамѣрилась сдѣлать добро

села Монастырщина и Класовщина (*Арх. вреко-уніат. митр., связка № 29*). Впрочемъ, до самой своей кончины Михаилъ Лозка оставался человѣкомъ довольно состоятельнымъ, вовсе ненаходившимся въ такомъ затруднительномъ финансовомъ положеніи, въ какомъ очутилась при концѣ своей жизни его мать. Последняя независимо отъ этого имѣла огорченіе видѣть единственнаго сына своего совращеннымъ въ латинство. Когда совершилось это совращеніе, съ точностію сказать нельзя. Но можно думать, что за довольно продолжительное время до смерти Михаила. Не только вторая, но и первая его жена была католичка,—и уже въ 1637 г. отношенія Михаила Лозки къ православному митрополиту Петру Могилѣ были далеко не такими, какія должны бы существовать между верховнымъ пастыремъ и пасомыми.—Отъ Елизаветы Васильевны Гулевичевны—какъ мы видѣли—осталось духовное завѣщаніе. Такое же завѣщаніе осталось и послѣ ея сына. Но какъ первое свидѣтельствуетъ о беззавѣтной преданности праотцовой вѣрѣ Елизаветы Гулевичевны,—вѣрѣ, въ цѣлости и неповрежденности сохраненной ею до конца жизни, такъ второе служитъ доказательствомъ, сколь искусною рукою привлеченъ былъ въ лоно католицизма и какими крѣпкими цѣпями прикованъ былъ къ нему сынъ, знаменитой фундаторши Кіево-братскаго православнаго монастыря. (*Акт. кн. Кіев. Центр. Арх. № 2239 л. 914 и слѣд.*). Пережилъ свою мать Михаилъ Лозка не много: онъ скончался въ концѣ марта 1648 года (*ibid.*).

для церкви Божіей и совершить благотворительное дѣло для нуждающихся въ немъ. Теперь, приводя въ исполненіе свое намѣреніе, я—правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народа Русскаго, находящимся въ повѣтахъ воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго, сословія духовнаго и свѣтскаго: инокамъ, священникамъ и діаконамъ, монашествующимъ и мірскимъ, также сіятельнымъ князьямъ, вельможнымъ господамъ дворянамъ и всемъ людямъ Русскимъ,—какогобъ они званія и сословія ни были, (однакожь тѣмъ только, которые неизмѣнно пребываютъ и пребывать будутъ въ православной благочестивой вѣрѣ церкви Восточной обряда Греческаго, въ послушаніи и подѣ благословеніемъ святѣйшаго Константинопольскаго Патріарха, собственнаго и законнаго верховнѣйшаго пастыря народа Россійскаго),—я дала, подарила, записала и отказала, и вѣчнымъ, неизмѣннымъ даромъ, на вѣчныя времена, даю, дарю, записываю и отказываю мое собственное наслѣдственное имѣніе, пользующееся правами и вольностями дворянскими,—собственный мой дворъ, въ цѣломъ его видѣ, вмѣстѣ съ землею, полученный мною отъ помянутаго мужа моего въ вѣчный даръ и находящійся въ г. Кіевѣ... (*слѣдуетъ описаніе границъ означеннаго двора*).. А то все дарую на монастырь Патріаршей Ставропигіи общаго житія, по чину Василия Великаго, также и на школу для дѣтей, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, и на всякій другой способъ богоугоднаго житія, который служилъ бы къ спасенію христіанскому и къ выполненію благотворительныхъ дѣлъ,—а притомъ и на гостинницу для странниковъ духовныхъ вѣры церкви Восточной; съ тѣмъ однакожь, чтобы монастырь тотъ и школа и весь чинъ и строеніе распоряжаемы и устрояемы были по закону и чину Каѳолической Восточной церкви Греческаго обряда, по семи вселенскимъ соборамъ и по предаію святыхъ отцевъ Греческихъ. Еще же полагаю и то условіе: если бы кто изъ духовныхъ или изъ свѣтскихъ, высшихъ и низшихъ,—принадлежа къ обществу живущихъ на той фундаціи и защищая какое-либо тяжёбое дѣло, заведенное кѣмъ-либо въ отношеніи той фундаціи и ея общежитія, потомъ отступился отъ него и между тѣмъ желалъ имѣть какое нибудь участіе въ самой фундаціи,—то таковаго и подобныхъ ему отступниковъ (будутъ ли то посторонніе, или кто изъ потомковъ моихъ) отъ участія и благотворительности сей фундаціи и записи нынѣшнимъ моимъ сознаніемъ отдаляю. Въ

той же фундаціи, по отдачѣ того имущества съ землею на славу Божию, вышеобъясненнымъ способомъ, ни я сама, ни потомки мои не должны имѣть никакого наслѣдованія, ни выгодъ; также и не должны никогда присвоивать себѣ права отчужденія помянутой фундаціи, подѣ залогомъ десяти тысячъ золотыхъ польскихъ и подѣ вознагражденіемъ всякихъ убытковъ и издержекъ, безъ всякихъ доводовъ и тѣлесной присяги, по одному голословному объявленію. А чтобы та фундація возмѣла свое дѣйствіе,—я тотчасъ же въ тотъ дворъ съ землею духовныхъ и свѣтскихъ православныхъ, именно: правовѣрнаго іеромонаха, отца Исаію Купинскаго и другихъ изъ монашествующихъ, также и школу, ввела и ввожу, отдавая имъ то, равно и всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ, пребывающимъ, какъ упомянуто, въ православіи Восточной церкви, въ дѣйствительное владѣніе и завѣдываніе, при возномъ и дворянахъ, на то назначенныхъ. При семъ я обязываю потомковъ моихъ—никоимъ образомъ не дѣлать въ такомъ завѣдываніи препятствія живущимъ тамъ православнымъ въ иночествѣ и въ школѣ, и во всякомъ строеніи тамъ пребывающимъ, подѣ такимъ же залогомъ десяти тысячъ золотыхъ польскихъ и подѣ вознагражденіемъ всякихъ убытковъ и издержекъ, безъ всякихъ доводовъ и тѣлесной присяги, по одному голословному объявленію. Къ тому же особенно предостерегаю, что, еслибы (отъ чего Боже храни) какимъ нибудь утѣсненіемъ или несправедливымъ судомъ вышеименованные иноки и христіане вытѣснены были изъ той фундаціи, мною пожертвованной, а также если-бы кто, какимъ нибудь способомъ, захотѣлъ завладѣть тою моею фундаціею и всѣмъ, что ни было бы тамъ построено и основано,—то означенный дворъ и земля цѣлостно должны быть возвращены моему дому и перейти къ моимъ потомкамъ по какой бы линіи они ни происходили. А потомки мои, и кто бы то ни былъ, принимая во владѣніе ту землю со всѣмъ на ней строеніемъ, инокамъ и при нихъ состоящимъ правовѣрнымъ, изгнаннымъ и вытѣсненнымъ оттуда, должны будутъ, на своихъ собственныхъ грунтахъ, выдѣлить такого же достоинства и цѣнности земли, съ правами и вольностями земель дворянскихъ, или денежную сумму, по оцѣнкѣ извѣстныхъ людей, заплатить и щедро налѣпить, подѣ такимъ же залогомъ десяти тысячъ золотыхъ польскихъ и подѣ вознагражденіемъ всякихъ убытковъ и издержекъ, безъ всякихъ доводовъ и присяги, по одному голослов-

ному объявленію. Обо всемъ этомъ владѣтели и завѣдыватели той моей фундаціи и ктиторы того монастыря будутъ имѣть право всякихъ противниковъ сей моей фундушевой записи позывать во всякій судъ: земскій, гродскій, трибунальскій, въ какомъ бы ни было повѣтѣ и воеводствѣ. Тѣ, будучи туда позваны, за первымъ позвомъ, на первый срокъ, какъ крайній, представши къ оправданію и не употребляя въ помощь себѣ никакихъ извиненій и защиты, должны будутъ заплатить залогъ и убытки, во столько, во сколько разъ эта запись нарушена была бы, и сколько разъ дѣлано было бы ей какое либо въ чемъ нибудь сопротивленіе. А когда уплаченъ будетъ тотъ залогъ и вознаграждены будутъ убытки и издержки, то впредь сія запись, съ нынѣшнею фундаціею, въ каждомъ судѣ и у каждаго закона, на каждомъ мѣстѣ во всей, полной и совершенной силѣ, на вѣчныя времена, имѣетъ быть хранима и содержима. Наконецъ еще и въ слѣдующемъ предваряю: если бы что-либо указывала нужда церкви Божіей и православные христіане, въ пользу которыхъ сія запись составлена, тогообъ отъ меня, Галшки Гулевичевны, супруги мозырскаго маршалка Лозки, требовали, какъ, напр., объясненія или исправленія сей фундаціи и записи,—то я должна буду выполнить сіе и предоставляю себѣ на то всякую свободу нынѣшнимъ прибавочнымъ условіемъ. И для того дала я сей мой фундушевый листъ и добровольную запись съ приложеніемъ печати и подписью руки моего мужа“.... и проч.

Таково почти дословное содержаніе дарственной записи Елизаветы Гулевичевны. Если мы примемъ во вниманіе сообщенныя нами свѣдѣнія, касающіяся біографіи Елизаветы Гулевичевны и ея втораго мужа, тогда тотъ съ перваго раза довольно странный фактъ, что жена *мозырскаго* маршалка даритъ на основаніе монастыря домъ въ *Кіевѣ*, найдетъ очень прѣстое объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что Стефанъ Лозка (мужъ ея) очень долгое время жилъ въ этомъ городѣ, занимая здѣсь видную общественную должность,—причемъ, очевидно, пріобрѣталъ и недвижимую собственность, которая или, по крайней мѣрѣ, часть которой не была перепродана и по переходѣ его на службу въ Мозырь.—Самыя побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ состоялась означенная запись Елизаветы Гулевичевны могутъ быть освѣщенны болѣе всесторонне. Намъ извѣстно, что Стефанъ

Лозка, достигши до глубокаго старческаго возраста, оставилъ занимаемую имъ должность мозырскаго маршалка. Въ 1615 г. мы видимъ его въ Кіевѣ. Имѣемъ основаніе думать, что онъ и окончательно переселился въ окрестности этого города¹⁾, съ которыми у него были прочныя старыя связи и гдѣ у него находились издавна пріобрѣтенныя помѣстья. Мы знаемъ также, что Лозка предчувствовалъ близость своей кончины и, памятуя о ней, дѣлалъ предсмертныя распоряженія,—и если имъ назначена была еще при жизни опека надъ своимъ несовершеннолѣтнимъ сыномъ, то неестественно допустить, чтобы онъ не позаботился сдѣлать тѣ или другія распоряженія и относительно своего имущества. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что имъ составлено было и духовное завѣщаніе или другія, однородныя съ нимъ акты,—нѣкоторое подтвержденіе чему можно видѣть въ самой дарственной записи Елизаветы Гулевичевны. Знакомымъ съ южно-русскимъ бытомъ разсматриваемаго времени извѣстно, что акты, въ которые заносилась послѣдняя воля готовившагося въ смерти лица, въ большинствѣ случаевъ, составлялись лицами духовными, причемъ благочестиво настроенные завѣщатели (не безъ вліянія составителей завѣщанія) нѣкоторую, иногда весьма значительную, долю своего достоянія отказывали на разныя благотворительныя дѣла. Мы предполагаемъ, что завѣщаніе и Стефана Лозки составлено было лицами духовными, предполагаемъ даже нѣчто болѣе опредѣленное,—именно, что оно составлено было монашествующими лицами кіево-печерской лавры. На эту мысль невольно наводитъ содержаніе дарственной записи Елизаветы Гулевичевны въ связи съ слѣдующими соображеніями: у Стефана Лозки передъ его кончиною были въ живыхъ самые близкіе люди—сынъ и жена. Послѣдняя естественно болѣе, чѣмъ кто либо другой, интересовалась духовнымъ завѣщаніемъ своего мужа и, по всему видно, она имъ обижена не была²⁾ (къ чему—судя по челоуѣчеству—прилагалось нѣкоторое стараніе и съ ея стороны). Далѣе, также естественно ду-

¹⁾ Всѣ тяжёбныя дѣла С. Лозки за 1615—1617 гг. велись въ воеводствѣ *Кіевскомъ*. (*Арх. Греко-ун. митр.*, связ. № 29).

²⁾ Послѣ смерти С. Лозки въ вѣдѣніи Елизаветы Гулевичевны находилось нѣсколько помѣстій, безспорно ранѣе составлявшихъ собственность ея мужа (напр. богатое имѣніе Рожевъ).

мать, что особы, призванныя заактировать послѣднюю волю готовившаго къ смерти старца, не приминули предрасположить, какъ его, такъ и лице, въ интересахъ котораго дѣлалось завѣщаніе, къ пожертвованію на то или другое богоугодное дѣло, подѣ влияніемъ каковаго добраго совѣта и могла совершиться дарственная запись жены готовившагося къ смерти мозырскаго маршалка. Что означенная запись была сдѣлана подѣ влияніемъ и при участіи кіево-печерской лавры, это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Пожертвованіе дѣлается подѣ непремѣннымъ условіемъ основанія монастыря по чину Василя Великаго, о размноженіи каковыхъ общежитій такъ много заботился выдающійся ревнитель „благочестнаго иноческаго житія“ кіево-печерскій (въ то время) архимандритъ Елисей Плетенецкій. Не забудемъ, что первымъ игуменомъ на подаренномъ фундушѣ былъ Исаія Копинскій, пребывавшій до того времени въ кіево-печерской обители (въ званіи завѣдующаго пещерами)¹⁾. Правда, въ дарственной записи отъ лица Елисаветы Гулевичевны говорится, что она „въ старожитной святой восточнее церкви православной вѣрѣ статеchnе живучи, и побожностью, ревностію къ ней палаючи, з давныхъ часовъ умыслила церкви Божой добро учинити“. Но мы думаемъ, что этотъ, такъ сказать, общій мотивъ не только не исключается указаннымъ частнымъ, но находится съ нимъ въ неразрывной связи: предрасположить на доброе дѣло всего легче того, кто имѣетъ къ тому склонность.—Въ дополненіе къ сказанному нелишне прибавить, что послѣ известной дарственной записи Елисаветы Гулевичевны на фундацію Кіево-братскаго монастыря, совершенно не видно какихъ либо слѣдовъ, изъ коихъ можно было бы видѣть, что фундаторша стояла въ близкихъ отношеніяхъ къ возникшему, благодаря ея дару, монастырскому общежитію. Она ни единымъ словомъ не упоминаетъ о Кіево-братскомъ монастырѣ даже въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Благотворительная дѣятельность Гулевичевны сосредоточивалась на другихъ „потребныхъ церкви“ учрежденіяхъ. Можно думать, что даръ ея на фундацію Кіево-братскаго монастыря, хотя и былъ даромъ, безспорно, крупнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *единственнымъ*, какъ бы *случайнымъ*.

Елизавета Гулевичевна, жертвуя свой дворъ въ Кіевѣ, не огра-

¹⁾ Собственноручн. зап. Петра Могилы, хранящ. въ библ. Кіево-Соф. собора.

ничилась—какъ мы видѣли—желаніемъ устроить на немъ монастырь по чину св. Василя, но вмѣстѣ съ тѣмъ ввела на свой фундушъ и школу, а также поставила неизменнымъ условіемъ, независимо отъ другихъ благотворительныхъ дѣлъ (очевидно разумѣется „шпиталь для убогихъ“), *устройство гостинницы* для странниковъ вѣры Восточной. Опять-таки, читая внимательно дарственную запись Гулевичевны, невольно вспоминается многозаботливый о благѣ церкви и русскаго народа кіево-печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій, бывшій не только ревнителемъ строгаго иноческаго житія, но и выдающимся любителемъ просвѣщенія, собиравшимъ къ себѣ отовсюду ученыхъ мужей и заслужившимъ отъ современниковъ названіе „ученыхъ людей прибѣжища, наукъ любящихъ промотора и школъ на разныхъ мѣстахъ зычливаго фундатора¹⁾“,—невольно вспоминается образъ того многоболѣзнующаго о бѣдныхъ архимандрита, которому въ свое время сказано было:

„И всюды где еноколвекъ есть преложонимъ,
Церковь, шпиталь, убогій, не есть обнажонимъ.
То бо вѣмъ твоя роскошь, то твое старане,
Абы церкви, убогимъ, было выховане²⁾).

Говорятъ, что монашествующая братія, введенная Гулевичевною, всецѣло переведена была изъ истребленнаго пламенемъ братскаго монастыря; но при этомъ забываютъ, что въ записи основаніе иноческаго общежитія представляется дѣломъ новымъ и игуменство въ монастырѣ поручается Исаи Копинскому,—какъ мы сказали—до того времени пребывавшему въ кіево-печерской Лаврѣ. Последнее обстоятельство даетъ твердое основаніе думать, что и остальная монашествующая братія была переведена изъ того же монастыря, какъ не разъ оттуда она переводилась и впоследствии.—Утверждаютъ, что школа, введенная Гулевичевною въ подаренный ею дворъ—братская школа; но, если мы съ одной стороны примемъ во вниманіе все сказанное нами въ I, гл. относительно мнимаго существованія братства еще въ концѣ XVI стол.,—а съ другой—будемъ имѣть въ виду, что въ рассматриваемое время въ Лаврѣ существовала уже

¹⁾ Казанье погребове... 1625 г.

²⁾ Вѣзерункъ цють 1618 г.

школа, гдѣ преподавались „разные діалекты“, что для обученія въ сей школѣ собраны были изъ разныхъ мѣстъ искусные дидаскалы, и что она была разсадникомъ для другихъ подобныхъ училищъ въ маестностяхъ монастыря печерскаго ¹⁾),—то мы скорѣе всего склонны будемъ думать, что первое звено и для школы на фундушѣ Гулевичевны—происхожденія лаврскаго.—То обстоятельство, что Елизавета Гулевичевна даритъ свой дворъ не однимъ только лицамъ духовнымъ, но и свѣтскимъ, жившимъ въ воеводствахъ кіевскомъ, волынскомъ и брацлавскомъ,—объясняется разнообразіемъ цѣлей, какія преслѣдовала фундаторша. Монастырь нуженъ для иноковъ, а школа съ гостинницею и для свѣтскихъ. Притомъ для фундуша нужна поддержка. Сама жертвовательница, какъ мы сказали, впоследствии никакихъ отношеній (въ смыслѣ благотворительности) къ учрежденному ею монастырю *не имѣла, да едва ли и намѣревалась имѣть ихъ*. Нравственная обязанность оказывать подобную поддержку и возлагалась на обывателей означенныхъ воеводствъ, такъ какъ *ихъ* интересы наиболѣе были затронуты фундушемъ Гулевичевны. Они вмѣстѣ съ тѣмъ (eo ipso) становились какъ-бы и патронами означеннаго фундуша...

Переходимъ къ вопросу объ учрежденіи братства и соединеніи его съ фундушемъ Гулевичевны.

Мы уже говорили, какъ несостоятельно мнѣніе изслѣдователей, утверждающихъ, что Е. Гулевичевна пожертвовала свой дворъ для братскаго ставропигіальнаго монастыря, будто-бы существовавшаго съ конца XVI стол. и около 1614 г. истребленнаго пожаромъ. Повидимому, гораздо убѣдительнѣе мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые основаніе братства ставятъ въ неразрывную связь съ даромъ Гулевичевны и думаютъ, что послѣдній вызвалъ существованіе перваго. Но какъ не подкупаетъ это мнѣніе своего кажущеюся естественностію, мы затрудняемся согласиться и съ нимъ. Во первыхъ, не мыслимо, чтобы такое крупное историческое явленіе, какъ возникновеніе братства, могло быть вызвано пожертвованіемъ для него двора, а не вытекало изъ потребностей, предъявляемыхъ самою жизнію.

¹⁾ См. наше соч.—Кіев. митроп. Петръ Могила и его сподвижники, т. I, стр. 281.

Правда, возраженіе это въ значительной степени можетъ быть ослаблено замѣчаніемъ, что фундушъ Гулевичевны былъ только толчкомъ, давшимъ жизнь учрежденію, уже достаточно подготовленному въ средѣ кіевлянъ предшествовавшими событіями. Но и съ мнѣніемъ, выраженномъ даже въ такой формѣ, трудно согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ: Дарственная запись Е. Гулевичевны составлена была 14 октября 1615 г. (занесена въ городскія книги на слѣдующій день). Время составленія братскаго *Уписа* съ точностію неизвѣстно; старѣйшая запись на немъ съ датою относится къ 4 января 1616 г.; но это не первая запись на *Уписѣ*, составленіе котораго должно быть придвинуто, хотя-бы и немного, ко времени болѣе раннему. Между тѣмъ изъ того же *Уписа* мы узнаемъ, что кіевляне учреждаютъ братство *по благословенію и повелѣнію святѣйшаго Вселенскаго патріарха константинопольскаго крѣзъ Тимофея... и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ*¹⁾. Тоже самое говорятъ кіевскіе братчики и въ немного позднѣе писанномъ письмѣ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, заявляя, что на основаніе братства они имѣютъ благословеніе и „*грамотное утвержденіе святѣйшаго вселенскаго патріарха константинопольскаго*“²⁾. Такимъ образомъ, учрежденію братства въ Кіевѣ предшествовали хлопоты объ этомъ учрежденіи, и хлопоты, какъ можно думать, не малые, во всякомъ случаѣ продолжительные. Совѣщанія въ Кіевѣ, составленіе къ патріарху просительнаго письма съ обычными подарками требовали времени; особенно не мало времени нужно положить на самую поѣздку въ Константинополь, переговоры тамъ съ патріархомъ (переговоры, какъ можно думать, не приведшіе къ вполнѣ желаемому концу),³⁾ и обратный путь. Если все это могло занять по крайней мѣрѣ мѣсяца три—четыре, то начало учрежденія братства должно быть отнесено ко времени нѣсколько раннему половине октября 1615 г. (дата дарственной записи Е. Гулевичевны), почему мы и

1) Прилож. № I.

2) Архивъ юго-запад. Рос., ч. I, т. VI. № ССХХ.

3) Братство на первыхъ порахъ не получило ставропигіальныхъ правъ,—обстоятельство, не побуждавшее братчиковъ внослѣдствіи (послѣ 1620 г., когда патріархомъ Ѳеофаномъ дарована была Кіево-братскому монастырю ставропигія) особенно дорожить грамотою Тимофея (см. *Арх. юго-зап. Рос.* ч. I, т. VI, № ССХХ).

думаемъ, что на первыхъ порахъ формирующееся кіевское братство въ фондушу Гулевичевны никакого отношенія не имѣло..

Основаніе братства въ Кіевѣ неизбежно должно быть поставляемо въ тѣсную связь съ тѣмъ религіозно-умственнымъ возрожденіемъ, которое коснулось наконецъ и этого города. Мы видѣли, что даже главная святыня Кіева—кіево-печерская обитель до конца XVI столѣтія пребывала „въ лѣности и мрачной суетѣ мірской“. Но съ самаго начала слѣдующаго столѣтія въ исторіи обители происходитъ рѣшительный переворотъ. Она примыкаетъ къ религіозному движенію въ юго-западной Руси, вызванному усилившеюся пропагандою иновѣрія, и, благодаря этому, въ ней происходитъ рѣшительное и быстрое религіозно-нравственное обновленіе. Матеріальныя заботы отодвигаются на задній планъ, уступая первенствующее мѣсто заботамъ о спасеніи вѣры и борьбѣ съ враждебными православію началами, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигаются на первый планъ и тѣ религіозно-просвѣтительныя средства, которыя оказываются необходимыми для этой цѣли—благотворительныя учрежденія, школа, типографія, изданія книгъ, ученныя корпораціи, и т. п. Первымъ выдающимся представителемъ такого направленія въ исторической жизни Лавры былъ ея архимандритъ Елисей Плетенецкій (1599—1624 гг.)... Подобное же религіозное обновленіе замѣчается и въ самомъ Кіевѣ,—на чтѣ безъ сомнѣнія много вліялъ примѣръ высокочтимой обители. Защита своей праотцевской вѣры и здѣсь становится предметомъ ревностныхъ заботъ. Если отобраніе латино-уніатами запустѣвшаго кіево-софійскаго собора и не вызвало сильнаго протеста со стороны кіевлянъ, то дальнѣйшія посягательства „апостатовъ“ на православные храмы встрѣчаютъ въ средѣ ихъ энергичный отпоръ, въ особенности съ конца перваго десятилѣтія текущаго вѣка (XVII), когда дѣло православія начинаютъ поддерживать козаки. Дошедшіе до насъ отъ того времени документы полны сѣтованій латино-уніатской партіи на „великія опрессіи“, чинимыя имъ кіевскими мѣщанами и козачествомъ. Когда уніатскій митр. Ипатій Поцѣй прислалъ въ Кіевъ въ качествѣ своего оффиціала „апостата“ Антонія Грековича, и „тотъ поповъ тутешнихъ Кіевскихъ“ хотѣлъ было подчинить своей власти,—это вызвало въ средѣ кіевлянъ цѣлую бурю: Грековичу не только не покорялось духовенство, но мѣщане, особенно же козаки, „которыхъ овде непогамованая сваволя“

хорошо была извѣстна уніатамъ,—„чинили ему погрозики“—обѣщались расправиться съ правою рукою Поцѣя *по своему* ¹⁾, (что въ послѣдствіи и исполнили, утопивъ Грековича)... Но кіевляне хорошо сознавали, что одна грубая сила—ненадежное подспорье для угнетаемаго православія. Необходимо было поднять религіозно-нравственное его значеніе. Необходимо было самимъ „пробудиться отъ нерадѣнія, лѣности, и мрачной суеты мірской и прозрѣть къ свѣту благоразумія“. Первымъ крупнымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о такомъ пробужденіи и была мысль объ основаніи братства: „къ утѣшенію и утвержденію въ благочестіи народа русскаго, къ учрежденію дѣлъ благотворительныхъ, какъ по отношенію къ лицамъ духовнымъ (для умноженія христіанскихъ добродѣтелей честной иноческой жизни, для преподаванія полезныхъ наукъ и образованія, въ духѣ православія юношества), такъ и свѣтскимъ“ (защита вдовъ, сиротъ, вспомошествованіе бѣднымъ) ²⁾.—Что религіозное движеніе, вызванное борьбою съ иновѣріемъ и наконецъ коснувшееся Кіева,—было главною причиною учрежденія здѣсь братства, это видно между прочимъ изъ слѣдующаго взгляда на значеніе братствъ, высказаннаго кіевскими братчиками въ письмахъ къ московскому думному дьяку Ивану Тарасовичу Грамматину и царю Михаилу Ѳеодоровичу. „Что есть въ нашей земли братство православныхъ“?—писали они Грамматину,—и сами же отвѣчали: „братство нарицается, егда христіане православныи, живуще посредѣ иновѣрныхъ, посредѣ ляховъ, унѣятовъ и проклятыхъ еретиковъ и хотяще отъ нихъ отлучатися и съ ними ничто же смѣсно имѣти, сами со собою любовію совокупляются, имена своя воедино вписуютъ и братіями нарицаются, се же да твердѣе и скорѣе противовѣрныхъ отразити возмогутъ. Сие братство и мы, граждане и благороднии, духовныи и мирстии во градѣ Киевѣ, идеже иновѣрство возрастаетъ, сотворихомъ“ ³⁾.—Къ царю же Михаилу Ѳеодоровичу братчики писали: „На утвержденіе благочестія и православныя апостолскія и отеческія вѣры, такожде на твердѣйшее отраженіе и отгнаніе ересей въ церковь Божию отъ врага всѣхъ общаго діавола насѣянныхъ, мы христіане

¹⁾ Арх. Греко-ун. митр. №№ 3135, 3155, 3170, 3175, 3197 и друг.

²⁾ Прилож. № I.

³⁾ Арх. Юго-зап. Рос. ч. I. т. VI, № ССХХІ,

различныхъ сановъ, достоинствъ и упражненій суще, въ единство любви и въ тождество духа совѣтомъ, благодатию и помощію святыхъ живональныхъ Троица, совожуплшиися братство..... устроихомъ“¹⁾).

Такимъ образомъ, братство въ Кіевѣ возникло въ 1615 году, независимо отъ фундуша Гулевичевны, вслѣдствіе благопріятствующихъ тому историческихъ условій. Когда кіевское братство только что начинало формироваться, оно, по общепринятому обычаю, должно было сосредоточиться около какой либо церкви. Положительныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса—что это была за церковь—нѣтъ. Здѣсь возможны только болѣе или менѣе правдоподобныя гаданія. Такъ какъ формирующееся въ Кіевѣ братство имѣло быть религіозно-оборонительнымъ и открывало для ревнителѣй православія широкой доступъ въ число своихъ членовъ, не ограничивая ихъ только извѣстнымъ приходомъ,—то можно думать, что для означенной цѣли избрана была наиболѣе обширная и притомъ соборная церковь, каковою въ то время былъ недавно обновленный храмъ Успенія Пресв. Богородицы, находившійся среди Подола. Есть нѣкоторое основаніе думать, что современемъ наше предположеніе можетъ найти и фактическое подтвержденіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, просматривая рукописи Императорской Публичной Библіотеки, мы натолкнулись на прошеніе казаковъ къ Сигизмунду III, гдѣ они между разными питиціями занесли просьбу и объ утвержденіи нововозникшаго братства въ Кіевѣ *Пресвятой Богородицы*. Въ то время мы сочли такое названіе кіевскаго братства опискою и, занятыя другими вопросами, къ сожалѣнію не обратили надлежащаго вниманія на означенный документъ и не отмѣтили ни его даты, ни № рукописи, гдѣ онъ помѣщенъ. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ и дѣйствительно описка (хотя и трудно объяснимая); но если дата документа относится къ 1615 году,—то указанное обстоятельство могло бы имѣть важное значеніе при опредѣленіи первой церкви, около которой въ самомъ началѣ своего существованія сосредоточивалось формирующееся Кіевское братство.

Несомнѣнно впрочемъ, что братство существовало независимо отъ фундуша Гулевичевны самое непродолжительное время и къ

¹⁾ Ibid. № ССХХ.

концу 1615 года уже соединилось съ нимъ. Это слитіе, очевидно, обусловливалось какъ однородностію цѣлей, преслѣдуемыхъ обоими учрежденіями, такъ и выгодами отъ подобнаго соединенія для каждаго изъ нихъ: ново-основанный монастырь и школа находили для себя сильныхъ покровителей или точнѣе хозяевъ, а братство удобное помѣщеніе. Одною изъ причинъ, содѣйствовавшихъ къ соединенію братства съ фундушемъ должно отчасти признать и то обстоятельство, что оба эти учрежденія только что формировались, еще не имѣли прочнаго устоя и старыхъ традицій, вообще представляли почву удобную для обоюдныхъ соглашеній ¹⁾.

Кіевское братство, какъ значится въ его *Уписъ*—основано было „ведле порядку правъ братствомъ отъ святѣйшихъ патріарховъ, Львовскаго, Виленскаго, Могилевскаго и проч... ствержонныхъ“. Уже одно это указаніе въ *Уписѣ* даетъ намъ полное основаніе заключать, что тѣ братскіе „повинности и порядки“, которые приложены были къ *Упису*, но при немъ не сохранились, были однородны съ извѣстными по уцѣлѣвшимъ документамъ порядками другихъ церковныхъ братствъ, существовавшихъ въ то и до того времени въ юго-западной Руси. Но мы имѣемъ возможность и опредѣленнѣе указать на практиковавшій въ Кіевскомъ братствѣ уставъ. Извѣстно, что виленскіе братчики „въ лѣто 1588 благословеніемъ Ионисифора митрополита кіевскаго“ напечатали чинъ своего братства ²⁾. Этотъ *Чинъ Виленскаго братства*, въ свое время широко распространенный по западно-русскимъ областямъ ³⁾, наши изслѣдователи считали поте-

¹⁾ Въ нашей литературѣ за послѣднее время поднятъ былъ вопросъ, въ какомъ году Кіевская Духовная Академія можетъ праздновать трех-сотлѣтіе своего существованія? Что не въ 1888 или въ 1889 гг., а въ 1915,—это не подлежитъ сомнѣнію. Вопросъ только можетъ быть въ томъ, къ какому мѣсяцу и числу приурочить означенное празднество. Думаемъ, что къ 14 октября,—т. е. дню, когда составлена была дарственная запись Гулевичевны. Хотя въ данномъ случаѣ и не будетъ вполне соблюдена хронологическая точность, но такъ какъ послѣднюю въ деталяхъ уставить нельзя, то означенное время, безъ сомнѣнія, представляется наиболѣе соответствующимъ дню празднества.

²⁾ Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковны, и проч. ч. II, № 3.

³⁾ Акты Зап. Рос. т. IV. № 4.

ряннымъ для науки ¹⁾, Но въ рукописи, недавно поступившей въ церковно-археологическій музей при Кіевской дух. Академіи, нами найденъ былъ обширный братскій уставъ съ замѣчаніемъ что онъ выписанъ „з виленскихъ артикуловъ братства св. животворящаго Духа“, для братства въ г. Кончузѣ ²⁾.—Сгруппировавъ всѣ извѣстныя намъ данныя объ утраченномъ *Чинъ Виленскаго братства*, изд. 1588, и сопоставивъ ихъ съ содержаніемъ найденныхъ артикуловъ, мы пришли къ убѣжденію, что послѣднія представляютъ копію съ означеннаго чина ³⁾. Далѣе мы пришли къ выводу, что этотъ чинъ былъ принятъ въ руководство и въ Кіевскомъ братствѣ. На подобную мысль прямо наводитъ то обстоятельство, что въ нашемъ сборникѣ виленскимъ артикуламъ непосредственно предшествуетъ одна изъ извѣстныхъ грамотъ іерусалимскаго патріарха Теофана, данная имъ Кіевскому братству (помѣщена въ серединѣ между заглавіемъ устава и самымъ уставомъ),—обстоятельство естественно объяснимое тѣмъ, что переписчикъ имѣлъ подъ руками виленскіе артикулы Кіевской редакціи ⁴⁾.

Братскіе „порядки и повинности“, изложенныя въ уставѣ (или чинѣ), принятомъ Кіево-Богоявленскимъ братствомъ и практиковавшемся въ немъ, состояли въ нижеслѣдующемъ:

Братство широко и радушно открывало доступъ въ число своихъ членовъ для лицъ всѣхъ сословій, ревнующихъ о благочестіи,—для „становъ духовнаго шляхетскаго и посполитаго“, при томъ какъ для лицъ, находившихся въ самомъ городѣ, такъ и иногородныхъ ⁵⁾.

¹⁾ Ibid. прим. 3.

²⁾ Означенный уставъ напечатанъ нами въ прилож. къ сочиненію—Кіев. митроп. Петръ Могила и его сподвижники (№ XXXVI).

³⁾ Доказательства см. въ нашемъ сочиненіи—*Кіев. митроп. Петръ Могила его сподвижники*, (примѣч. къ докум. № XXXVI),

⁴⁾ Измѣненія въ Виленскомъ уставѣ (отсюда и различныя редакціи) могли касаться несущественныхъ сторонъ, напр. количества взноса денегъ каждымъ братчикомъ, назначенія дней для общихъ сходовъ, и т. п.

⁵⁾ Срав. каталоги братства Львовскаго (*Памят. Кіев. Ком. т. III, отд. 1. № 12*), Луцкаго (*Кіевлянинъ*, 1841 г. 317), Могилевскаго Богоявленскаго (*Могил. Губерн. Вид. 1847 г. № 35*); а также и самаго Кіевскаго (*Прилож. № 1*). Были примѣры, что въ братство вступали цѣлыя приходы и корпораціи (*Львот. Львов. Братства Зубрицкаго* подъ 1591 г.).—По отношенію собственно къ Кіевскому братству см. *Прилож. № VI*.

Въ братство могли быть принимаемы и женщины ¹⁾ тоже какъ „шляхетскаго, такъ и посполитаго“ званія, но присутствовать на братскихъ совѣщаніяхъ имъ не дозволялось и ихъ дѣятельность по отношенію къ братству ограничилась тѣмъ, что они „ведлугъ повинностей братій вписныхъ, албо що которой Господь Богъ до сердца подасть и совите по силѣ изволеніемъ добрымъ, присылати мѣли“.

Желающій вступить въ братство долженъ былъ предварительно („первѣе нежели ся впишетъ“) ознакомиться съ братскими порядками. Затѣмъ, „взявши вѣдомость и маючи истинную, неотмѣнную волю“, придти въ братство и заявить о своемъ желаніи вступить въ число его членовъ, „слюбуючи постановенію брацтва церковнаго досыть чинити“ ²⁾. Послѣ сего нововступавшій членъ въ церкви, передъ священникомъ, произносилъ присягу по слѣдующей формѣ: „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Я рабъ Божій (*имя рекъ*) приступаю до сего святого церковнаго брацтва и общаюсь Богу въ Троицы единому, и всему брацтву всею душею моею, чистымъ же и цѣлымъ умысломъ моимъ быти у братствѣ семъ..... Яко, единъ отъ вѣрныхъ братій, даже до моего послѣдняго часа неотступаючи, ниже спротивляючися во всѣхъ повинностяхъ его; но противникомъ спротивлятися. Да приидеть на мя и на весь домъ мой благодать Божія, миръ и милость и благословеніе, данное брацтву сему во вѣчныя роди. А если бымъ мѣлъ отступити, или похулити, или въ чомъ спротивитися сему законному брацтву, да приидеть на мя и на весь домъ мой гнѣвъ Божій и отлученіе, уже и запрещеніе и клятва на таковыхъ реченная, въ брацтвѣ семъ описанная, даже до совершеннаго моего покаянія, и аще ли безъ покаянія скончаюсь, да буду и по смерти неразрѣшенъ, яко преступникъ закона Божія, отъ нея же сохрани мя и спаси Христе Боже мой, молитвами Пречистыя ти Матере и всѣхъ святыхъ твоихъ. Аминь“.—Послѣ присяги новый членъ записывался въ братскій реестръ ³⁾ и давалъ опредѣленный (или по желанію ббольшій) вкладъ въ братскую скринку.

¹⁾ Срав. *Лютон. Львов. братства*.

²⁾ Срав. Уставъ Луцкаго братства пунктъ 1. (*памят. Кіев. Ком. т. 1, отд. I, № VII*).

³⁾ Срав. *Луцкій уставъ*, пунктъ 1.—Нововступавшій братчикъ долженъ цѣловати честной крестъ изъ рукъ пресвитера и каждому брату подати свою руку на вѣрности братству.

Братство состояло изъ лицъ *должностныхъ* и *обыкновенныхъ* („уписныхъ“) *братій*. Выборъ должностныхъ лицъ происходилъ ежегодно, на главной братской сходкѣ, назначавшейся въ опредѣленный день (Томину недѣлю). Всѣхъ должностныхъ лицъ избиралось *шесть*¹⁾. Два изъ нихъ назывались—*старшими братіями*, другія два—*строителями церковными* или *пономарами*, *вытрикушами* (т. е. церковными старостами), а остальные два—*шпитальными дозорцами*.—Главная власть сосредоточивалась въ рукахъ старшихъ братчиковъ. Они обязаны были „вѣдати о всѣхъ приходахъ церковныхъ“ и имѣть тщательное „стараніе о легаціяхъ и отказахъ“ братству, если бы таковыя были, и вообще заботиться о благѣ церкви Божіей. Старшіе братія назначали сходки; у нихъ хранилась братская казна (у одного ключъ, у другаго скринька) и всѣ документы, принадлежащіе братству²⁾.—Обязанности *строителей церковныхъ* состояли въ томъ, чтобы „вѣдати о всѣмъ скарбѣ церковномъ“. Они имѣли въ своемъ завѣдываніи церковные сосуды, аппараты, клейноты (драгоценности) и книги; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, во время божественной литургіи, ходили по церкви „съ таблицею“ и собирали пожертвованія, предназначавшіяся преимущественно „на оффру до службы Божой, на вино и ладонъ“,—во время богослуженія ставили около образовъ свѣчи, въ большіе праздники украшали ихъ, и т. п.—Обязанности *дозорцевъ шпитальныхъ* заключались въ томъ, чтобы „мѣти старане о поживаню убозства шпитального, яко и о нищихъ убогихъ школьныхъ“. Въ ихъ вѣдѣніи находились денежныя суммы и вообще матеріальныя средства, предназначавшіяся благотворителями для означенной цѣли (у нихъ, между прочимъ, хранились и ключи отъ „пушки“, съ которою нѣкоторые „з убогихъ шпитальныхъ“ въ праздничные дни ходили по церкви, или стояли у дверей церковныхъ, „просячи на убогихъ“). Хотя, такимъ образомъ, обязанности должностныхъ лицъ были разграничены, но „до споряженія и справованя добрыхъ побожныхъ учинковъ“ они должны были „сноситися“ другъ съ другомъ „и радити якъ найлѣпѣй могло бы быти“.—По

¹⁾ По уставамъ братства Луцкаго и Львовскаго—*четыре*. Распредѣленіе между ними должностей и послугъ церковныхъ—смотря по достоинству, кто къ чему способенъ.

²⁾ Были первыми судьями, судившими братчиковъ; представителями братства предъ гражданскимъ начальствомъ (*Льтон. Львов. братства*).

окончаніи года на главной братской сходеѣ должностныя лица обязаны были представить обстоятельный отчетъ о своей дѣятельности братству, которое, поблагодаривъ ихъ „за услугу вѣрную церкви Божой“, избирало на ихъ мѣсто новыхъ. Впрочемъ выборъ могъ пасть и вторично на старыхъ должностныхъ лицъ. Избранные братствомъ не могли отказываться отъ возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, подъ опасеніемъ штрафа (поль-каменя воску).

Общія повинности всѣхъ „братій вписныхъ“ состояли въ слѣдующемъ: они обязаны были присутствовать на каждой братской сходеѣ; а кто-бы „за обвѣщеніемъ братій старшихъ и обесланемъ крижика на схадзку братерскую не ставился“, таковой „подпадалъ неотступной винѣ церковной, иле кротъ бы не ставился, фунтъ воску за каждый разъ“.—Исключеніе въ этомъ случаѣ допускалось только по отношенію къ членамъ, не могшимъ явится на собраніе вслѣдствіе особенно уважительныхъ причинъ („гвалтовныхъ, пильныхъ потребъ“),—но и при этомъ затруднявшійся прибыть на сходку братчикъ обязанъ былъ предварительно заявить о томъ „старшимъ“ и испросить у нихъ отпущкъ. Послѣдній однако не долженъ повторятся часто. На сходкахъ старшіе братчики предварительно просматривали реестры съ именами и фамиліями членовъ, — и если замѣчали, что кто либо не пришелъ въ собраніе, посылали къ нему двухъ братчиковъ съ напоминаніемъ объ исполненіи, согласно данному обвѣщанію, братскихъ повинностей. Если братчикъ не повиновался, его увѣщевалъ братскій священникъ. Ослушавшійся и послѣдняго отлучался отъ братства.—Иногородные члены, не могшіе лично присутствовать на братскихъ собраніяхъ, имѣли право присылать вмѣсто себя „пословъ“; но во всякомъ случаѣ они обязаны были въ опредѣленные сроки дѣлать денежные взносы.

Во время сходокъ собравшіеся братчики, остерегаясь „порожныхъ и непотребныхъ розмовъ“, должны были „радити о церкви Божой“ и своемъ духовенствѣ, — „радити и пилное старане мѣти, абы наука впелявая христіанскимъ дѣтямъ въ школѣ была“; заботиться объ ученыхъ дидаскалахъ, благочестивыхъ, старательныхъ трезвенныхъ, чтобы „за пилною наукою ихъ люди росли и хвала Божія множилася; „радити о выживенію убогихъ и шпитальныхъ“, а также и прочихъ бѣдныхъ людяхъ, которымъ негдѣ было „главы преклонити“.—Бесѣды должны вестись чинно, пристойно. Право слова пре-

доставлялось каждому братчику, но всѣмъ разомъ говорить возбранялось, „а поединомъ, еденъ по другомъ“,—при чемъ каждый желающій о чемъ либо заявить обязанъ былъ предварительно испросить о томъ позволеніе у старшихъ ¹⁾). Бесѣда должна вестись голосомъ тихимъ, любовно, разумно. Братскія совѣщанія должны храниться въ глубокой тайнѣ. Даже „предъ подружіемъ своимъ и домовыми повиненъ былъ каждый утаити що было мовлено и ражено въ собраніи братій; а если бы ся показало на которомъ зъ братій, жебы былъ велерѣчивъ, тайны не хранячи не тилко въ дому своимъ, але и по мѣстцахъ публичныхъ, въ господахъ, гдѣ иновѣрніи знайдоватися мѣли, що колвекъ въ собраніи братій мовлено было и яка рада сполная всѣхъ была выявилъ бы з хлюбы якое, либо зъ неосторожности учинилъ бы, таковой подпадаеть винѣ церковной неопустной поль-каменя воску и стоянію въ кунѣ презъ недѣль шесть подъ часъ литургіи“.—Поэтому доступъ стороннимъ лицамъ на братскія собранія строго воспрещался. Единственное исьлюченіе въ данномъ случаѣ касалось тѣхъ лицъ, которыя имѣли принести жалобу на вписного брата, но, окончивъ „свою справу“, стороннее лице обязано было тотчасъ же удалиться изъ собранія.

Для всѣхъ вписныхъ братій хранились въ церкви большіе ($\frac{1}{4}$ ф.) украшенные (маліованіе) свѣчи, съ которыми они стояли во храмѣ въ праздничные дни (на литіи, поліелеѣ, 9-й пѣсни, и т. п.) Свѣчи хранились у строителей церковныхъ (ими же и раздавались). Братчикъ, по небрежности сломавшій свѣчу, подвергался штрафу. Для „знаменитыхъ гостей“ были въ запасѣ свѣчи и бѣльшого размѣра.

По меньшей мѣрѣ четыре раза въ годъ должна была совершаться въ братствѣ торжественная литургія „за отпущеніе грѣховъ“ какъ живыхъ его членовъ, такъ умершихъ ихъ родственниковъ. Для служенія приглашалось и стороннее духовенство въ возможно большемъ количествѣ. Послѣ литургіи для него устраялась трапеза, на которую приглашались также убогіе и странники, во исполненіе божественныхъ словесъ: „егда твориши обѣдъ или вечеру не зови други свои, ни братій“ и проч.,—но зови нищія, малопомощнія, слѣпныя, и блаженъ будеши“. Въ это же время производились братчиками

¹⁾ Срав. *Пам. Кіев. Ком. т. I, отд. 1 № 10.*

пожертвованія въ кассу для убогихъ. О времени этого „милосерднаго учинку“ братствомъ заблаговременно извѣщались и не принадлежащія къ нему лица (шляхта) съ просьбою, дабы они означенному учинку „сообщниками“ были.—Кромѣ торжественныхъ литургій, на которыхъ поминались живые и умершіе братчики, а также ихъ родственники,—подобное поминовеніе совершалось и вообще при каждой литургіи, для каковой цѣли братство имѣло собственный помяникъ. За поминовеніе духовенству шла особая плата изъ суммъ, нарочито для того собиравшихся.

Братчики обязаны были взаимно помогать другу, при постигавшихъ ихъ несчастіяхъ и разореніяхъ,—или изъ собственныхъ средствъ или же изъ „братской скринки“. Впрочемъ на помощь могли разчитывать только тѣ, которыхъ постигало несчастіе „з волѣ Божіей“,—а не „з своей своволѣ“ („якій припадокъ не слушній“). „Аще добро твориши—приводятся въ уставѣ по этому случаю слова писанія,—разумѣй, кому твориши: добро твори смиренному, и не дождь нечестиву“.

Въ случаѣ постигшей болѣзни братчика объ этомъ оповѣщались на сходкѣ остальные члены братства и на нихъ возлагалась нравственная обязанность посѣщать болящаго. Кромѣ того, если послѣдній находился въ бѣдности, братчики приглашались на той же сходкѣ оказать ему денежное вспомошествованіе на лѣченіе, или же потребная для того сумма отчислялась изъ братской скринки.

О смерти братчика давалось знать „въ прудномъ часѣ“ чрезъ обосланіе крижика или таблички жалостной. При погребеніи должны были присутствовать всѣ братчики, подъ опасеніемъ штрафа. Для несенія тѣла покойника назначалось шесть братій; остальные, должны были по парно идти за гробомъ со свѣчами въ рукахъ (для бѣдныхъ могилы приготавливались на деньги братства). За погребеніе братчиковъ платы (кромѣ добровольныхъ взносовъ) не полагалось.—Могли обращаться къ братству съ просьбою усроить подобныя же торжественно-печальныя процессіи и не принадлежавшія къ нему лица, но они должны были вносить за это тѣ или другіе денежные вклады, расходовавшіеся на „потребы церковныя“...

Всѣмъ братчикамъ предписывалось сохранять между собою совершенную любовь въ союзѣ мірѣ. „Належитъ всѣмъ братіямъ—говорится въ Уставѣ — жити въ любви не позверховной, але щирой,

единъ другаго шануючи, не виша себе и больша творяще,—и не тылко въ собраніи братій, але и на всякомъ мѣстѣ, абы союзъ братій былъ совершенный, досконалый“. Но такъ какъ предполагалось, что люди немощны, а потому и между братіями могли происходить недоразумѣнія и притомъ крупныя, то предписывалось улаживать ихъ судомъ братскимъ. „Если бы—говорится въ Уставѣ—было якое застя, посварь, гнѣвъ, знаваждене бѣсовское межи братома, албо если бы братъ вписаный брату вписаному кривду якую колвекъ учинилъ и имѣлъ бы его уквивжоный до права позвати, тогда первѣй нежели позоветъ, маеть ознаймити братіямъ старшимъ и всѣмъ. Братія же мають о томъ стараня пилное мѣти, якъ бы ихъ, до права недопустивши, погодити и разсудити прю ихъ слушную. Але если бы братъ любо бы былъ и мощно уквивжоный, первѣй нежели братіи ознаймилъ, албо не ознаймивши до права брата позвалъ, маеть дати вины чверть камня воску, для того ижъ то учинилъ противъ постановеню и порядку братій всѣхъ, пишеть бо Апостоль: смѣеть ли кто отъ васъ вещь имѣяй ко иному судитися отъ не праведныхъ, ко сраму вамъ глаголю: тако ли нѣсть единъ во васъ мудръ, иже можетъ разсудити межи братією своею“.

Таковы въ основныхъ чертахъ „порядки и повинности“, изложенныя въ принятомъ Кіевскимъ братствомъ уставѣ. Они рисуютъ преимущественно внѣшне-формальную организацію братства, не представляя достаточныхъ данныхъ для характеристики внутренней его дѣятельности. Обильнымъ матеріаломъ для уясненія послѣдней могли бы служить находившіяся въ каждомъ братствѣ книги, куда заносились — употребляемъ современное названіе — *протоколы* братскихъ засѣданій. Къ сожалѣнію, подобныхъ книгъ, принадлежавшихъ собственно Кіевскому братству, не только отъ рассматриваемаго нами времени, но и отъ позднѣйшаго, не сохранилось. Этотъ пробѣлъ не можетъ восполнить ознакомленіе съ дошедшими до насъ протокольными книгами прочихъ братствъ (напр. львовскаго), такъ какъ при одинаковости или, по крайней мѣрѣ, существенномъ сходствѣ братскихъ уставовъ, самая дѣятельность братствъ значительно разнообразилась, пріобрѣтала извѣстныя индивидуальныя черты, — что зависѣло не только отъ естественной разнородности состава членовъ въ братствахъ, но (это самое главное) и отъ неодинаковости условий,

среди которых приходилось существовать тому или другому братству¹⁾. Впрочем, разнообразная въ частностяхъ, индивидуальная въ деталяхъ, дѣятельность всѣхъ церковныхъ братствъ была однородна по своимъ задачамъ — *возвысить религиозно-нравственное значеніе православія и охранять его отъ враждебнаго натиска пропагандистовъ иновѣрія*. Что подобныя задачи преслѣдовало и Кіевское братство на первыхъ же порахъ своего существованія,—объ этомъ, не зависимо отъ существующей при немъ школы (свѣдѣніямъ о которой посвящена будетъ слѣдующая глава), краснорѣчиво свидѣлствуютъ приведенныя нами выдержки изъ писемъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу и думному дьяку Грамматину, а лучшею рекомендаціею успѣшнаго выполненія этихъ задачъ служить тоже отчасти уже извѣстное намъ заявленіе уніатскаго митрополита Рутскаго, при своихъ заботахъ о распространеніи уніи въ Кіевѣ находившаго, что *этимъ заботамъ великую препону полагаетъ новое, основанное здѣсь, схизматиками братство*,—и что *трудно и думать о чемъ нибудь добромъ* (т. е. благопріятномъ для латино-уніатовъ) *если оно не будетъ уничтожено*²⁾..

Слѣдя исторію Кіево-богоявленскаго братства въ хронологическомъ порядкѣ, за первое пятилѣтіе его существованія можно отмѣтить только слѣдующія факты:

Соединившись съ фундушемъ Гулевичевны (вслѣдствіе чего братство и Кіево-братскій монастырь дѣлаются названіями однозначущими) кіевскіе братчики постепенно увеличиваютъ свои матеріальныя средства, обращая ихъ на благоустройство означеннаго фундуша. Независимо отъ обычныхъ членскихъ взносовъ, уже въ первое время своего существованія братство получаетъ и болѣе цѣнныя пожертвованія. Такъ въ 1618 году Анна Гулевичевна, жена подчашаго кіевского Лаврина Лозки (какъ мы, видѣли двоюродная племянница Елизаветы Гулевичевны) подарила „въ монастырь братскій для поминованія души своей дворовое мѣсто *Позицнское*, лежащее (зъ одной стороны) возлѣ церкви Николая чудотворца добраго, а з другой стороны (возлѣ дома)

¹⁾ Для поясненія сказаннаго достаточно указать на Львовское братство, отношенія котораго къ епископу Гедеону сообщали его дѣятельности въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ своеобразную окраску.

²⁾ Основ. 1861 г. № 8.

Андрея Скочка“, — на что и дала братчикам дарственную, собственно-ручно подписанную запись. Важнее было и в смысл материальной поддержки, в особенности же в качестве силы охранительной, поступление в число киевских братчиков славного запорожского гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, вписавшагося в братский реестр „со всем своим войском“¹⁾. Значение этого факта для братства красноречиво характеризует следующее место в *Вириях* К. Саковича, свидетельствующее об отношении гетмана к православию:

При меззствѣ (залецаю) Вѣру его, въ которой статечне
Трвалѣ, заставляючи за ню досыть сердечне.
И завше зъ своимъ Войскомъ Крoля Пана просиль,
Абы вѣру нашу святуу успокоиль,
Обѣруючися му тымъ хентный служити,
*Кды бы рачилъ Релію нашу успокоити*²⁾.

Къ 1620 году братство уже настолько упрочило свое материальное положение, что приступило (едва-ли главнымъ образомъ не на средства, предоставленныя Сагайдачнымъ) къ постройкѣ на фундашѣ Елизаветы Гулевичевны новаго, сравнительно обширныхъ размѣровъ храма. Но означенный годъ наиболѣе замѣчателенъ в исторіи братства по другимъ обстоятельствамъ, — по тому религиозно.-нравственному вліянію, которое въ указанное время приобрѣтаетъ оно, по той выдающейся роли въ дѣлахъ западно-русской церкви, какая выпадаетъ на его долю. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ гощеніе въ Киевскомъ братствѣ іерусалимскаго патріарха Теофана и событія, тѣсно связанныя съ этимъ обстоятельствомъ.

Патріархъ Теофанъ прибылъ въ Киевъ въ срединѣ поста 1620 г. Радужно принятый здѣшнимъ братствомъ, онъ остановился въ его странно-примномъ домѣ. Прибытіе патріарха, какъ для киевскихъ братчиковъ, такъ и вообще для всѣхъ православныхъ южно-русцевъ было счастливою случайностію. Чтобы надлежаще понять это и уяснить значеніе дальнѣйшихъ событій, нужно припомнить то положеніе, въ какомъ находилась въ рассматриваемое время западно-рус-

¹⁾ Прилож. № VI.

²⁾ Ibid.

ская церковь. Известно, что во время брестской унии только два епископа остались вѣрными православію: львовскій—Гедеонъ Балабанъ и перемышльскій—Михаилъ Копыстенскій. Послѣ смерти Балабана львовская кафедра занята была Іеремією Тиссаровскимъ, получившимъ на то позволеніе и отъ польскаго правительства (ошибочно разчитывавшаго на склонность Іереміи къ уніи). Но перемышльская епископія по смерти М. Копыстенскаго (1610 г.) осталась незамѣщенной. Такимъ образомъ, съ 1610 г. во всѣхъ западно-русскихъ областяхъ былъ только одинъ православный епископъ. Понятно, что такое оскудѣніе православной іерархіи неблагопріятно отзывалось на интересахъ православія, созидавая множество неудобствъ и вообще затрудняя нормальное теченіе церковно-исторической жизни. Если къ этому прибавить естественное сознаніе того униженія, какому подвергало польское правительство русскую церковь, лишая ее законной іерархіи, — то станетъ вполне понятнымъ страстное желаніе южно-русцевъ, сосредоточенное на возстановленіи послѣдней. Не проходило сейма, чтобъ объ этомъ ими не заносились петиціи. Но враждебно настроенное по отношенію къ православнымъ польское правительство не внимало этимъ петиціямъ, хотя и не разъ обѣщало „окончательно успокоить греческую религію“. Православные сравнивали свое положеніе съ египетскою неволею, дѣйствія правительства по отношенію къ вопросу объ іерархіи называли запрещеніями Фараона, — и не оставляли завѣтной мысли свергнуть съ себя эту неволю. Приѣздъ въ Кіевъ іерусалимскаго патріарха былъ благопріятнымъ для того случая. Независимо отъ того, что Теофанъ имѣлъ полномочіе отъ константинопольскаго патріарха (въ вѣдѣніи котораго находились западно-русскія области¹⁾), самое положеніе дѣлъ въ Польской Коронѣ, угрожаемой войнами отъ сосѣднихъ государствъ и крайне нуждавшейся въ помощи южно-русцевъ, въ особенности казачества, — представлялось наиболѣе удобнымъ для рѣшительныхъ дѣйствій въ интересахъ своей религіи. Стеченіемъ столь благопріятныхъ условій для возстановленія своей іерархіи православные и воспользовались, причемъ инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Кіевскому братству.

¹⁾ Съ п. Теофаномъ путешествовалъ экзархъ п. константинопольскаго—„велебный Арсеній Архимандритъ Великія церкви въ Константинополѣ“. Пам. Кіев. Ком. т. II, отд. I № 4).

Мы не будемъ здѣсь распространяться о томъ, какія въ данномъ случаѣ дѣлались приготовленія православными и при какихъ обстоятельствахъ совершился самый фактъ возстановленія западно-русской іерархіи (такъ какъ это достаточно извѣстно въ нашей литературѣ, а нѣкоторыя частности уяснены нами ранѣе¹),—мы обратимъ только вниманіе на ту первенствующую роль, какую играло въ этомъ дѣлѣ собственно Кіевское братство. Не говоря уже о томъ, что разсмѣлявшіяся изъ Кіева отъ имени патріарха посланія съ увѣщаніями православнымъ безъ колебанія избрать лицъ, достойныхъ для посвященія въ санъ епископскій, „не бояшеса повеленій и запрещеній міра (т. е. польскаго правительства), якоже нѣкогда родители Моисеевы не бояшеса повеленія Фараонова“, — не говоря уже о подобныхъ грамотахъ, безъ сомнѣнія, составлявшихся въ средѣ Кіевскаго братства,—вліяніе послѣдняго при возстановленіи іерархіи ясно видно въ самомъ выборѣ, по крайней мѣрѣ, половины лицъ, предназначенныхъ для посвященія. Возведенный п. Теофаномъ на кіевскую митрополию Іовъ Борецкій былъ передъ тѣмъ *ректоромъ Кіево-братской школы*; Исаія Копинскій, рукоположенный на епископію перемышльскую, *былъ первымъ игуменомъ Кіево-братскаго монастыря и его устроителемъ*; Іезекеиль Курцевичъ, посвященный на епископство владимірское и брестское, извѣстенъ какъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ Кіевскаго братства, заявившій, что онъ „*всегда готовъ съ нимъ пострадати добро и зло и кровь свою за благочестіе дати*“²)... Не слѣдуетъ также забывать и того, что самый фактъ возстановленія іерархіи могъ состояться только вслѣдствіе дѣятельнаго участія въ этомъ дѣлѣ сочувствующаго Кіевскому братству и вписавшагося въ него запорожскаго войска, которое, „оточивъ патріарха стражбою, аки пчелы матицу свою“, обезопасило его „отъ противныхъ волковъ“, т. е. отъ неизбѣжныхъ преслѣдованій со стороны польскаго правительства.

Если мы примемъ во вниманіе, что возстановленіе п. Теофаномъ православной іерархіи, нанесло замысламъ латино-уніатской партіи

¹) Кіевскій митроп. Могила и его сподвижники, т. I, стр. 299—303.—*Прилож.* примѣч. къ докум. № XXXVII.

²) Самое посвященіе Борецкаго и Копинскаго происходило въ *Братской церкви*. (О не основательности мнѣнія, что оно состоялось въ к.-печерской Лаврѣ, см. наше сочиненіе.—*Кіев. митроп. Петръ Могила* т. I, прилож., примѣч. къ докум. № XXXVII).

самый тяжелый ударъ, сообщило религиозному движенію въ средѣ православныхъ новое, болѣе благотворное движеніе и окончательно возвратило Кіеву значеніе церковнаго центра,—то нельзя не признать дѣятельнаго участія въ этомъ событіи Кіевскаго братства, — *одномъ изъ выдающихся его заслугъ за рассматриваемое время (1615—1631 гг.)*.

Но удачно воспользовавшись пріѣздомъ патріарха Теофана для блага вообще всей православной церкви, Кіевское братство не менѣе удачно (и еще ранѣе возстановленія іерархіи) воспользовалось этимъ событіемъ и въ своихъ собственныхъ интересахъ. Мы уже замѣтили, что хлопоты кіевлянъ у константинопольскаго патріарха Тимофея объ утвержденіи новоформировавшагося братства не могли быть названы вполне удачными. Благословляя основаніе братства, онъ не далъ ему правъ ставропигіи, имѣвшихъ въ то время большое значеніе и высоко цѣнившихся. Права эти Кіевское братство находатайствовало у п. Теофана, который (имѣя въ виду полномочіе константинопольскаго и другихъ патріарховъ) на память пребыванія своего въ городѣ Кіевѣ, на грунтѣ братскомъ, при церкви святаго Богоявленія и Благовѣщенія, водрузилъ крестъ¹⁾ и призналъ здѣсь достойнымъ быть ставропигіи патріаршей, — „которая, какъ говорится въ грамотѣ, — по управленію духовному никогда не будетъ и не должна подлежать, на вѣчныя времена, никакому духовному, ни митрополичьему, ни архіепископскому ни епископскому, ни иному какому либо начальству, суду и благословенію, кромѣ самой патріаршей константинопольской Вселенской церкви“²⁾. Кромѣ того патріархомъ дана была (не много ранѣе), по просьбѣ братчиковъ и другая грамота, въ которой онъ, утверждая на вѣчныя времена кіевское братство, давалъ свое благословеніе на основаніе при немъ братства *младенческаго* (т. е. изъ молодыхъ людей, — юношей, недостигшихъ полнаго мужества), единомышленнаго и послушнаго о Господѣ братству старѣйшему, по примѣру прочихъ благочестивыхъ братствъ, существовавшихъ во многихъ городахъ литовско-польскаго государства³⁾.—

1) Одинъ крестъ патріарха Теофана доселѣ хранится въ церкви Кіево-братскаго монастыря.

2) Памят. Кіев. Ком. т. II, отд. I, № 4.

3) Ibid. т. I, № 3.—До какой степени желательны были для Кіевскаго братства означенныя грамоты и какъ оно высоко ихъ цѣнило,—въ особенности грамоту, дарующую ему ставропигіальныя права,—это видно изъ извѣстнаго намъ письма Кіевскихъ братчи-

Свѣдѣнія о состояніи Кіево-Богоявленскаго братства послѣ отъѣзда изъ Кіева патріарха не отличаются обиліемъ, — что, кажется, и давало историкамъ поводъ дѣлать предположенія (по обычаю выдававшіяся за факты) о разореніи и запустеніи братства. Преосв. Евгенийъ въ своемъ „краткомъ извѣстіи о началѣ Кіевской Академіи“, говоритъ, что „по отъѣздѣ п. Теофана, возставшее отъ католиковъ и уніатовъ гоненіе на новопосвященнаго имъ митрополита и епископовъ разрушило сіе заведеніе (Кіев. братство). А хотя церковь братскую обновилъ гетманъ войскъ запорожскихъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный и братство поддерживалъ, но училища возстановить не смѣлъ безъ дозволенія польскаго короля и уже въ 1629 году февраля 19 получилъ отъ короля Сигизмунда III грамоту, дозволяющую имѣть братству церковь для совершенія Божіей службы по закону греческому съ училищемъ и при нихъ братство милосердія по чину Великаго Василія и богадѣльню для убогихъ, старыхъ и увѣчныхъ“. Тоже съ нѣкоторыми варіаціями повторено было и исторіографами Кіевской Академіи — преосв. Макаріемъ и В. Аскоченскимъ. Изъ нихъ первый, описывая состояніе братства по отъѣздѣ патріарха, говоритъ что тогда гонители православія „произвели, особенно въ Кіевѣ, страшные грабежи монастырей и церквей, — и братское училище, вмѣстѣ съ своею гостинницею и церковію, вновь потерпѣло совершенное разореніе¹⁾. Въ исторіи Аскоченскаго рисуется слѣдующая картина означеннаго разгрома: „Въ это бурное время (послѣ 1620 г.) братство было разсѣяно; ученики и учителя умирали въ истязаніяхъ; церковь разграблена, гостинница разорена, и не осталось бы камню на камнѣ, если бы гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный съ своими казаками не остановилъ буйство грабителей и убійць“²⁾.. Но уже М. А. Максимовичъ съ недоувѣріемъ отнесся къ повѣтствованіямъ означенныхъ исторіографовъ о разореніи, якобы испытанномъ кіевскимъ братствомъ по отъѣздѣ п. Теофана, заявивъ, что объ этомъ не находится упоминанія (весьма

ковъ къ царю Михаилу Теодоровичу, гдѣ они усерднѣйше просятъ возвратить имъ означенную грамоту (ранѣ посланную въ Москву и царемъ не возвращенную), потому что братство считаетъ ее за *многочинный бисеръ*, и т. п.

¹⁾ Описаніе Кіево-Соф. собора, изд. 1825 г. прилож. № 41, стр. 210.

²⁾ Исторія Кіев. Академіи стр. 20.

³⁾ Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ академію ч. I, стр. 90—91.

естественнаго, если бы означенное событіе имѣло мѣсто) въ *Виршахъ* Саковича и что тогдашніе кіевскіе мѣщане не были такъ слабы и уступчивы, чтобы у себя, среди города, допустить противниковъ своихъ на такія неистовства¹⁾... Къ этому слѣдуетъ добавить, что, если бы кіевскіе мѣщане и оказались слабыми защитить свое ново-устроенное братство, то болѣе чѣмъ достаточно сильно для этого было козачество, стоявшее въ близкихъ отношеніяхъ къ кіевскимъ братчикамъ и зорко слѣдившее за интересами православія. Къ тому же совершенно несправедливо мнѣніе, что въ Кіевѣ въ рассматриваемое (да и во всякое другое) время значительна была латино - уніатская партія. Напротивъ, уніаты со страхомъ и трепетомъ показывались сюда и, по правдѣ говоря, — они - то именно (а отнюдь не православные) и терпѣли здѣсь „опрессіи“ и вообщее всякаго рода притѣсненія. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ фактовъ — трагической кончины оффиціала уніатскаго митрополита Антонія Грековича, утопленнаго казаками въ Днѣпрѣ, митрополичьяго слуги, схваченнаго, ими же и привязаннаго къ пушкѣ, уніатскаго (Кіевскаго) попа, неизвѣстно куда запрятаннаго, — приведемъ здѣсь выдержку изъ донесенія въ Римъ уніатскаго митрополита Рутскаго, прекрасно характеризующую незавидное положеніе дѣлъ уніи въ Кіевѣ. „Дабы, — писалъ Рутскій въ 1626 году, — совершалась въ Кіево-софійскомъ соборѣ (по опредѣленію правительства отданномъ уніатамъ) служба Божія и святая месса, я послалъ туда въ 1622 году четырехъ законниковъ регулы св. Василия. Когда эти законники въ праздникъ Рождества Пресв. Богородицы шли до каедры для совершенія св. мессы, ихъ козаки схватываютъ, вяжутъ, кладутъ на ноги кандалы, бросаютъ въ лодку и везутъ Днѣпромъ до Трехтемірова, гдѣ находится казацкая крѣпость и гдѣ они скрываютъ свои драгоценности. Здѣсь они держали ихъ въ заключеніи шесть недѣль, а затѣмъ отправили внизъ Днѣпромъ въ резиденцію ихъ вождя. Послѣ казацкаго совѣщанія они были освобождены изъ заключенія и отпущены, (какъ оказывается изъ другихъ источниковъ по желанію православнаго митроп. Іова Борецкаго. — См. *Synopsis*... изд. 1632 г.) но съ предостереженіемъ, что-

¹⁾ Записки о первыхъ временахъ Кіевскаго Богоявленскаго братства. (*Собр. сочиненій*. II, стр. 187—188).

бы ни одинъ изъ нихъ не осмѣливался жить въ Кіевѣ и явно исповѣдывать свою религію¹⁾...

Но, если отъ общихъ разсужденій обратимся къ фактамъ, непосредственно относящимся къ Кіево-Богоявленскому братству, то, не смотря на крайнюю ихъ скудость, можно придти къ несомнѣнному заключенію, что означенное братство не только продолжало существовать, но и приумножалось въ силѣ и крѣпости. Не говоря уже о братской школѣ, не прекращавшей своей дѣятельности за разсматриваемое время (о чемъ будетъ особая рѣчь) доказательствомъ сказаннаго могутъ служить слѣдующія извѣстныя данныя о братствѣ 1620—1631 гг.

1) Въ 1621 году, іюня 5 дня Кіево-братскій монастырь приобрѣлъ у Инокіини Парасковіи Кучинской дворъ ея, находившій въ Кіевѣ подъ горою въ Сокольникахъ, противъ церкви Рождества Христова, заплативъ за него 1000 копѣ грошей литовскихъ²⁾.

2) Въ слѣдующемъ 1622 году запорожскій гетманъ Петръ Конашевичъ - Сагайдачный, предъ своею смертію, отказалъ братству „ялмужну значную“, состоявшую изъ нѣсколькихъ „тысячей“. 10 апрѣля того же года гетманъ скончался. Тѣло его погребено было „въ монастыри Братства Кіевскаго“, „при церкви школы словенское“. Похороны отличались особенною торжественностію, въ присутствіи войска запорожскаго, причемъ „спудеями“ Кіево-братской школы надъ гробомъ умершаго произносились сочиненныя Саковичемъ Вирши, гдѣ перечислялись и восхвалялись заслуги гетмана, какъ для православной церкви вообще, такъ и по отношенію къ братству, въ числѣ коихъ (какъ замѣчено Максимовичемъ) нѣтъ и намека на защиту Сагайдачнымъ братства отъ притѣсненій со стороны латино-уніатовъ³⁾.

3) Въ концѣ 1623 г., по пути на Востокъ, посѣтилъ Кіевское братство полоцкій архіепископъ Мелетій Смотрицкій и присутствовалъ на монастырской трапезѣ⁴⁾.

4) Въ 1624 г. кіевская мѣщанка Луція Митковичева подарила

¹⁾ Rocznik Towarzystwa Historyczno-literackiego w Paryżu. Rok. 1868. Paryż. 1869.

²⁾ Памят. Кіев. Комм. II, отд. 1, стр. 292—293.—Срав. опись докум. на имѣнія, принадлежавшія Кіев. монастырямъ (*рукоп. Лавр. библ.*).

³⁾ Прилож. № VI.

⁴⁾ Desiderosus abo scieszka do miłości Bożej u doskonałości żywota chrześciańskiego. изд. 1625 въ Краковѣ К. Саковичемъ (см. предисловіе *do czytelnika robożnego*).

братскому монастырю два мѣста лавочныя, находившіяся на Подолѣ близь Соборной (Успенской) церкви ¹⁾.

5) Отъ 1625 года сохранились два, уже упоминаемые нами, письма кievскихъ братчиковъ—къ царю Михаилу Ѳеодоровичу и думному дьяку Ивану Грамматину съ просьбою о пособіи на окончаніе достраивающейся церкви. Изъ означенныхъ писемъ мы узнаемъ, что заложенный братствомъ не позднѣе начала 1620 г. храмъ съ предѣлами „Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, иже на Иордани, Благовѣщенія Пречистой его матери и преподобныхъ отцевъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ“ — *сооруженъ*, имѣеть пять бань (куполовъ), но еще не покрытъ „бѣложелѣзіемъ“ и не украшенъ честными иконами. „Прилежно моляще“ царя о „дарованіи милостыни“ на окончаніе храма, и обращаясь съ просьбою къ Грамматину, дабы онъ „ко величеству царскому ходатайствененъ былъ“,—кievскіе братчики ни единымъ словомъ не упоминаютъ о постигшихъ ихъ бѣдствіяхъ, — что представлялось-бы дѣломъ не только *естественнымъ*, но и *положительно неизбѣжнымъ*, если бы означенныя бѣдствія (указываемыя исторіографами Кіевской Академіи) братству на самомъ дѣлѣ пришлось испытать. Правда, братчики въ письмахъ заявляли „о скудости своей“, ради которой не можетъ быть благоукрашенъ ихъ храмъ, но дѣлать заключеніе на основаніи этой фразы о разореніи братства было бы крупнымъ произволомъ, да притомъ на означенную фразу всего естественнѣе смотрѣть какъ на обычный припѣвъ всѣхъ просителей (о скудости своей постоянно говорили въ своихъ письмахъ къ московскимъ царямъ и богатые кievо-печерскіе архимандриты).—Что касается до самой церкви, на благоукрашеніе которой братчики обращались къ Михаилу Ѳеодоровичу за помощью,—то это, безъ сомнѣнія, былъ тотъ самый храмъ, который уже заложенъ былъ къ началу 1620, при которомъ п. Ѳеофанъ водрузилъ крестъ, „судивъ“ здѣсь достойнымъ быть ставропигіи патріаршей, и средства на постройку котораго даны были главнымъ образомъ гетманомъ Сагайдачнымъ. Для удостовѣренія въ этомъ достаточно припомнить что „новозаложенная“ братствомъ церковь именуется Ѳеофаномъ—„церковію святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы“. Мнѣніе Максимовича о созданіи Сагайдач-

¹⁾ Памят. Кіев. Комм. т. II, отд. 1, стр. 293.

нымъ братской церкви въ 1620 г. основывается на не точно понятномъ указаніи братскаго помянника, гдѣ, безъ сомнѣнія, говорилось *о началѣ ея постройки, а не о времени ея окончанія* ¹⁾.

6) Въ началѣ слѣдующаго 1626 года кіевскіе братчики вновь обращались съ прошеніемъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, гдѣ, заявляя, что ими „построена уже церковь изрядне лѣпая, Богоявленіе Господа і Спаса нашего Іисуса Христа“,—прибѣгли къ „благоподатливому благоутробію царской милости“ объ оказаніи помощи „на сооружеііе честныхъ святыхъ іконъ и прочиихъ породъ и украшеній церковныхъ“ ²⁾.

7) Въ 1628 году братство купило у Петра Денисова, козака кіевскаго, дворовое мѣсто, находившее на Борисо-Глѣбовской улицѣ, за восемь (сотъ) копъ грошей литовскихъ ³⁾.

8) Въ 1629 году (февр. 19) обывателями воеводства кіевскаго испрошена была у короля Сигизмунда III грамота, которою онъ соизволялъ „устроить“ въ Кіевѣ на грунтѣ, подаренномъ Галшкою Гулевичевною, „братство милосердія по чину Василя Великаго, богадѣльню (шпиталь) и церковь“,—причемъ „дозоръ и обмышлеванье“ сихъ учрежденій поручался означеннымъ обывателямъ ⁴⁾.—М. А. Максимовичъ, называя эту грамоту несвоевременною, затрудняется объяснить по какому поводу она была испрошена (точноѣ дана ⁵⁾). Но каковъ бы ни былъ поводъ—ясна причина: усилившееся значеніе кіевскаго братства, безъ сомнѣнія, и до 1629 г. много хлопотавшаго

¹⁾ Сагайдачный—какъ мы знаемъ—скончался 10 апрѣля 1622 года. При занесеніи его имени для поминовенія въ братскій помянникъ, очевидно, могло быть отмѣчено только начало постройки братской церкви, на что гетманомъ пожертвована была значительная сумма, а не ея *окончаніе*, затянувшееся до 1626 г.—Въ одномъ изъ лаврскихъ помянниковъ постройка братской церкви Сагайдачнымъ приурочивается къ 10 апрѣля 1622: здѣсь, очевидно, на неточное обозначеніе имѣло вліяніе время кончины жертвователя. — Вообще слѣдуетъ замѣтить, что на точность даты помянниковъ, преслѣдовавшихъ цѣли главнымъ образомъ религіозныя, а не строго-историческія, много полагаться нельзя.

²⁾ Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. VI, № ССХХІХ.

³⁾ Памят. Кіев. Комм. т. II, отд. 1, стр. 293—(оскобленнаго слова—сотъ—въ изданіи нѣтъ, но это очевидная опечатка).

⁴⁾ Памят. Кіев. Комм. т. II, отд. 1, № VI.

⁵⁾ Преосв. Макарій и Аскоченскій ставятъ дарованіе означенной грамоты въ связи съ прекратившеюся польско-казацкою войною, извѣстною подъ именемъ Тарасовой. Но Тарасова война—какъ замѣтилъ М. А. Максимовичъ—была не въ 1628 году, какъ ошибочно значится у малороссійскихъ историковъ, а въ 1630 г. (Собр. соч. II, 187).

о королевской привилегіи, но получившаго ее только въ означенномъ году. Подобная *несвоевременность* королевскихъ привилегій (отсюда анахронизмъ въ нихъ) дѣло обычное въ то время. Для примѣра укажемъ на грамоту, данную тѣмъ же Сигизмундомъ Елисею Плетенецкому на кіево-печерскую архимандрію въ 1605 г.¹⁾, хотя онъ фактически бытъ лаврскимъ настоятелемъ—какъ мы видѣли—еще съ 1599 г.²⁾. Безспорно, существованіе Кіевского братства было для польскаго правительства дѣло нежелательное (какъ, напр., нежелательно было для него избраніе Лаврою *православнаго* архимандрита), но сила обстоятельствъ (опасеніе возмущеній) побуждали его исполнять желанія православныхъ, въ особенности сопровождаемыхъ просьбами корпорацій матеріально сильныхъ (въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, видную роль играло и козачество).

Что касается до религіозно - нравственнаго значенія, какое къ концу разсматриваемаго времени приобрѣло Кіевское братство, въ подтвержденіе этого можно указать на духовное завѣщаніе кіевского митрополита Іова Борецкаго³⁾, въ которомъ онъ (обращаясь къ Петру Могилѣ), говоритъ: „за напершій и церкви Божой и всему православному народови Россійскому потребнѣйшій пунктъ остатнее воли моее кладу, абы школы въ братствѣ Кіевскомъ для цвиченя дѣтокъ христіанскихъ, а негде индеѣ фундованы были, подѣ не благословеніемъ приказую“.

Елизавета Гулевичевна—какъ мы видѣли,—жертвуя свой дворъ на религіозно - благотворительныя учрежденія, поставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы на ея фундушѣ существовали: *монастырь ставропигіальный, школа и юстинница*. Братство, сливаясь съ фундушемъ Гулевичевны, естественно обязано было (и обязывалось) исполнять волю жертвовательницы. Поэтому, разсуждая даже аргіогі, трудно согласиться съ голословнымъ мнѣніемъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, (Преосв. Евгеній, Макарій), полагавшихъ, что монастырь при Кіевскомъ братствѣ учрежденъ былъ только въ 1633 году,—и что права

¹⁾ А. Ю. и З. Р. т. II, подѣ 1605.

²⁾ См. примѣч. къ I главѣ настоящаго изслѣдованія.

³⁾ Напеч. въ прилож. къ нашему сочиненію, Кіев. митр. Петръ Могилѣ и его сподвижники т. I, № LXXI.

ставропигіальныя даны были собственно братской церкви, а не монастырю, въ то время якобы не существовавшему. Но имѣются и положительныя данныя, свидѣтельствующія о существованіи при Кіевскомъ братствѣ монастыря. Еще Максимовичъ замѣтилъ что въ Виршахъ Саковича (1622) говорится о погребеніи Сагайдачнаго „въ монастырѣ брацтва Кіевскаго¹⁾. О братскомъ монастырѣ говоритъ, какъ мы видѣли, Саковичъ и въ *Desiderosus'н*, дѣлая (хотя и мимоходомъ брошенное) замѣчаніе о нѣкоторыхъ порядкахъ въ немъ, свидѣтельствующихъ о соблюденіи здѣшними иноками устава по чину Василя Великаго (*во время трапезы читались право-учительныя повѣствованія*)²⁾. О существованіи монастыря при братствѣ свидѣлствуютъ и другія приведенныя уже нами данныя (напр. купчая Прасковіи Кучинской, гдѣ говорится о продажѣ двора въ братскій монастырь). Безспорно, и патріархъ Теофанъ далъ ставропигіальныя права не одной только церкви братской, но вообще всему братству, а слѣдовательно и монастырю, который въ то время тоже безспорно уже существовалъ, на что есть прямое указаніе и въ патріаршей грамотѣ отъ 26 мая 1620 г.³⁾—Вообще, существованіе монастыря на фундушѣ Елизаветы Гулевичевны должно относить къ 14 октября 1615 г., т. е. ко времени дачи ею дарственной записи, гдѣ опредѣленно говорится, что жертвовальница, дабы ея фундація тотчасъ возымѣла дѣйствіе, „впровадила и впроважаетъ“ въ подаренный дворъ духовныхъ и свѣтскихъ, именно „священно-инока Ісаію Купинскаго и прочихъ изъ черницевъ“.... Хотя къ половинѣ октября во дворѣ Гулевичевны могли и не быть сдѣланы надлежащія приспособленія къ отправленію здѣсь всѣхъ церковныхъ службъ, для чего нужна была церковь,—но началомъ фактическаго существованія монастыря должно признать самый вводъ въ фундушъ монашествующихъ во главѣ съ ихъ настоятелемъ,—притомъ и самая постройка церкви (разумѣется. небольшихъ размѣровъ, на скорую руку) не была замедлена: по крайней

1) Собран. сочиненій. II, 192.—См. прилож. № VI.

2) Предисловіе къ читателю.

3) Патріархъ, говоря о школѣ, между прочимъ, благословляетъ тамъ быть и „инокомъ молодымъ“, имѣющимъ жить „общежительно“ способомъ монастыря, по закону св. Василя“.

мѣрѣ, безспорно, она уже была окончена въ самому началу слѣдующаго года¹⁾.

Свѣдѣнія объ игуменахъ Кіево-братскаго монастыря за разсматриваемое время скудны. Изъ нихъ историками упоминаются двое:

1) *Исаія Копинскій*, первый устроитель²⁾ монастырскаго обществитія, вызванный для сей цѣли—какъ мы видѣли—изъ кіево-печерской Лавры. Его управленіе обителію было очень непродолжительно, такъ какъ въ 1616 г. онъ упрощенъ былъ на устроеніе монастырей—Густынскаго и Ладинскаго, подъ городомъ Прилукою, находившихся во владѣніяхъ князя Михаила Михайловича Вишневецкаго. Устроая Кіево-братскій монастырь Исаія Копинскій продолжалъ свое служеніе и кіево-печерской Лаврѣ,—что ясно видно изъ ниже слѣдующаго мѣста лѣтописца монастыря Густынскаго: „Идѣте“—говорилъ чувствовавшій приближеніе своей кончины первый игумень Густынскаго монастыря Іосафъ—„идѣте во святую обитель Лавру печерскую киевскую, таможде обряцете на святой пещеры сожителствующаго благоговѣна и искусна мужа, во всякихъ добродѣтеляхъ исправленна, ему же имя Исаія, шестнадесяте бо лѣтъ яко Господеву работаетъ, во всеневныхъ же молитвахъ и постѣхъ Христови угождая, издетска бо остави родителя своѣя и бысть мнихъ и будети бо послѣжде зѣлныи ревнитель по благочестію и святителскии достиже санъ, и в здешнихъ бо краяхъ воздвигнетъ Богъ многи монастырѣ; сего, братія моя, умолюте, да будетъ вамъ во мене мѣсто отецъ, да и подастъ вамъ руку помощи ко всякому строенію вашему и ко созыданію обители тоея святыя. Братія же, слышавше сия словеса отъ блаженнаго старца и отца своего Іосафа, умилишася сердцы своими и душа своя наполниша жалостию, воскорѣ отца повеленія послушаше, списавше хартію, взявше благословеніе отеческое, идяху ко блаженному Исаію во святую обитель Лавру печерскую, и обрѣтше его тако, яко же имъ глагола старецъ; давши же ему хартію, моляху его прилѣжно, да будетъ имъ во отца и предстатель; сый же блаженный отецъ глагола имъ: миръ вамъ, отцы и

¹⁾ *Прилож.* № 1.

²⁾ Такъ называетъ себя и самъ Исаія Копинскій въ грамотѣ отъ 5 генв. 1632 г. (См. *Памят. Кіев. Комм.* т. II, отд. I. № IX).

братія. Се азъ zde сѣжу, яко лѣтъ шестнадесяте во святой сей пещерѣ преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія, и многи труды подъяхъ, и зыданія, яко же и сами видите, воздвигохъ, и нѣсмъ самъ азъ zde, но со братіями, двенадесятми и вящше имѣю подъ властію моею; азъ же есмъ и самъ подъ властію блаженнаго отца архимандрита и его благоволеніемъ, паче же и благословеніемъ, zde обрѣтаюся; да идете со мною во блаженному архимандриту; и возвѣстиша ему отъ всѣхъ сихъ, блаженный же архимандритъ не отрицая имъ, но, по времени, глагола имъ, тамо васъ повелѣмъ ему посѣтити и устроити вама вся. Пришедшу же времени по праздники Успенія пречистыя Богородицы, шествова до ихъ блаженный отецъ Исаія, dospѣ помощью Божию и благословеніемъ преподобнаго архимандрита, до монастыря сего новоначатого¹⁾....

2) *Тарасій Левоничъ Земка*,—„мужъ, свѣдущій въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и рускомъ“ (несправедливо считаемый нѣкоторыми историками²⁾), питомцемъ П. Могилы, посланнымъ имъ для завершения образованія въ заграничныя школы) вызванъ былъ въ Лавру Елисеемъ Плетенецкимъ, гдѣ, начиная съ 1624 г. видѣнъ, изъ года въ годъ, типографомъ, проповѣдникомъ и соборнымъ старцемъ. Ему принадлежатъ предисловія къ тоговремен-

¹⁾ *Лѣтопись о перевозачати и созданіи Густынскаго монастыря*. Москва. 1848 г., стр. 6—7.—Дальнѣйшая судьба Исаіи Копинскаго слѣдующая: Около 1618—по сказанію того же лѣтописца Густынскаго монастыря—онъ занимался устроеніемъ Межигорской обители, свергнувшей съ игуменства („не вомѣстимъ бо бысть братіи“) Гедеона; въ октябрѣ 1620 г. прибывшимъ въ Кіевъ іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ посвященъ былъ на епископію перемышльскую, но жилъ преимущественно (изъ опасенія преслѣдованій со стороны латино-уніатовъ) въ Украинскихъ городахъ; въ 1631 году *гrecескимъ верейскимъ митрополитомъ Кирилломъ, находившимся въ то время* (на пути въ Москву за милостынею), *въ южно-русскихъ областяхъ* посвященъ былъ въ санъ митрополита кievскаго; „сѣдаяше“ на означенной митрополіи „яко двѣ лѣтѣ, со всякомъ бѣдствованіемъ, и остави престоль судомъ нѣкіимъ Божиимъ, понеже изнемогъ бѣ старостию“,—т. е. лишенъ былъ митрополіи, вслѣдствіе избранія на нея кievо-печерскаго архимандрита Петра Могилы, съ которымъ находился до самой своей кончины († 1640 г., октября 5) въ непріязненныхъ отношеніяхъ. (См. нашу статью: *Петръ Могила и Исаія Копинскій*, помѣщ. въ *Православномъ Обзорннн* за 1874 годъ, №№ 3 и 4, а также приложенія къ 1 т. нашего сочиненія: *Кiev. митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники*, №№ ХСVI, ХСVII, ХСVIII и ХСIX).—Изъ сочиненій Исаіи Копинскаго извѣстенъ *Алфавитъ духовный*, отличающійся мистико-аскетическимъ направлениемъ.

²⁾ Аскоченскій, *Кіевъ съ его древ. училищемъ Академію*, т. I, стр.

нымъ лаврскимъ изданіямъ¹⁾, эпиграммы²⁾ и переводы нѣкоторыхъ богослужебныхъ отдѣловъ³⁾. На настоятельство его въ Кіево-Богоявленскомъ монастырѣ впервые указано М. А. Максимовичемъ⁴⁾. Подъ составленными Земкою виршами „на старожитный клейноть ихъ мил. пановъ Балабановъ“, помѣщенными на оборотѣ заглавнаго листа *Лексикона Славяно-русскаго* (Памвы Беринды), изд. 11 август. 1627 г., онъ подписался такъ: „Іеромонахъ Тарасій Левоничъ Земка, игуменъ Богоявленскій Кіевскій и проповѣдникъ слова Божія монастыря Печерскаго“. Эта подпись, служа несомнѣннымъ фактомъ объ игуменствѣ Земки въ Богоявленскомъ монастырѣ, показываетъ, что онъ, подобно Исаи Копинскому, занявъ означенную должность, не прерывалъ своего служенія и въ Лаврѣ. На игуменствѣ Кіево-Богоявленскомъ мы видимъ Земку и въ 1631 г... Очевидно, онъ удерживалъ его за собою до самой своей кончины, послѣдовавшей 13 сентября 1632 г., какъ это значитъ въ надгробной надписи ему, помѣщенной въ Тератургимѣ А. Кальнофойскаго. (изд. 1638 г.).

Къ этимъ двумъ извѣстнымъ игуменамъ Кіево-братскаго монастыря присовокупимъ еще одного, доселѣ неизвѣстнаго и по времени управленія обителію занимающаго срединное между ними мѣсто— *Серапіона*. Упомянутое о немъ находится въ малороссійскихъ бумагахъ, хранящихся въ *Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ* въ Москвѣ (связка 2, № 5). Подъ указаннымъ № находится дѣло „о прїѣздѣ въ Путивль Кіево-братскаго монастыря іеромонаха Θεодора съ прошеніемъ милостыни на строеніе церквей“. Путивльскіе воеводы „Олешко Голодинъ да Ивашко Есиповъ“ доносили царю Михаилу Θεодоровичу слѣдующее: „Нынешнего, Государь, 133 года (т. е. 7133 отъ сотв. міра, а отъ Р. Х. 1625) прислалъ въ Путивль изъ литов-

¹⁾ Предисловіе къ толкованію на Апокалипсисъ св. Андрея Архіеп. Кессаріи Калподокійскія, 1625 г. (предварительныя свѣдѣнія объ Апокалипсисѣ); научное предисловіе къ Литургіаріону 1629 г.

²⁾ Посвятительныя вирши подъ гербомъ Далмата въ Бесѣдахъ на Дѣянія св. Апостол., изд. 1624 г. и друг.

³⁾ Въ Тріодіонѣ 1627 г. имъ переведены „на малороссійскую бесѣду общую“, т. е. малороссійское нарѣчіе синаксари,—что сдѣлано по желанію „благородныхъ гражданскихъ и прочіихъ различнаго причта людей, неучившихся славенскаго языка глубоко-разумнаго“.

⁴⁾ Собраніе сочиненій II. 179.

ское земли чорный старецъ и мы холопи твои, посылали его распрашивать. И въ распросѣ, Государь, сказался: зовуть ево Ѳеодоромъ ис Кіева Богоявленскаго монастыря.... и въ нынешнемъ, Государь, 133 году апреля 10 послалъ ево *Кіево-Богоявленскаго монастыря игуменъ Сергїионъ* и вся брата бити челомъ тебе Государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси и отцу твоему великому Государю святѣйшему Филарету Никитичу, патриарху Московскому и всея Русіи, о милостыню на церковное строеніе. А строить онъ игуменъ *Сергїионъ* и брата того монастыря церковь новую. А вестей, Государь, тотъ старецъ сказалъ: король польскій въ Варшавѣ, а про королевича и про соймъ королевской, сказалъ, не вѣдаетъ¹⁾.... Да онъ же старецъ Ѳеодоръ прислалъ къ намъ холопамъ твоимъ четыре листа“ (два извѣстныхъ намъ письма кіевскихъ братчиковъ отъ 10 апрѣля 1625 къ царю Мих. Ѳеодоровичу и дьяку Грамматину, третій, однороднаго съ предыдущими содержанія, къ патриарху).... „а четвертый листъ Острицкому архимандриту Петроне (sic) отъ *Богоявленскаго Игумена Серапиона* и братіи“....

Откуда взятъ былъ Серапионъ на Кіево-Богоявленское игуменство—неизвѣстно. Но если мы примемъ во вниманіе, что какъ Исаія Копинскій, такъ и Тарасій Левоничъ Земка были взяты на оное изъ кіево-печерской Лавры, то естественно думать, что оттуда же былъ приглашенъ и Серапионъ. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что настоятельство въ Кіево-братскомъ монастырѣ Копинскаго и Земки, *приглашенныхъ сюда изъ Лавры и продолжавшихъ и въ новой должности служеніе ей*,—факты многознаменательные, сильно покрѣпляющіе высказанное нами выше предположеніе о вліяніи кіево-печерской обители на устроеніе монастыря на фундушѣ Гулевичевны.

¹⁾ Далѣе извѣстіе о козакахъ, пошедшихъ „въ великій постъ, на сборной недѣли“, походомъ на татаръ.

III.

Недостатокъ просвѣщенія въ юго-зап. Россіи въ концѣ XVI стол.—Сознаніе этого недостатка передовыми людьми и заведеніе ими школъ.—Значеніе Кіево-братской школы.—Язъки, преподававшіеся въ сей школѣ: *Славянскій, Греческій, Латинскій и Польскій*.—Науки, преподававшіеся въ школѣ. Учебники и пособія. Греческая грамматика 1591 г. Грамматика Л. Зизанія, 1596 г. Грамматика М. Смотрицкаго 1614 г.—Школьные порядки и воспитательно-дисциплинарная часть.—Ректора Кіево-братской школы *Іовъ Бореикий, Кассіанъ Саковичъ, Мелетій Смотрицкій, Тома Левлевичъ*. Сохранившіяся имена наставниковъ и учениковъ. Общее замѣчаніе о до-могилянскомъ періодѣ.

Извѣстно, что до конца XVI столѣтія уровень просвѣщенія въ юго-западной Россіи находился не на высокой степени. Школъ было мало, да и въ тѣхъ обученіе ограничивалась сообщеніемъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній: учили чтенію (церковно-богослужебныхъ книгъ) и письму. Но со времени люблинской уніи и появленія въ литовско-русскихъ областяхъ іезуитовъ, когда усилившаяся пропаганда католицизма серьезно стала угрожать православію, въ средѣ наиболѣе дальновидныхъ и принимавшихъ къ сердцу интересы родины южно-русцевъ явилось сознаніе въ неотложной необходимости научнаго образованія. Окруженные иновѣріемъ, мощнымъ наукою и, благодаря ей, отторгавшимъ отъ православной церкви многихъ ея сыновъ,—южно-руссы пришли къ убѣжденію, что то „велики зашкодило панству русскому, же не могли школъ и наукъ посполитыхъ разширять, и оныхъ не фундовано: бо коли бы были науку мѣли, тогда за невѣдомостію своею не пришли бы до таковыя погибели“; потому что православные, „не маючи своихъ наукъ, у науки Римскіе свои дѣти давати почали, которые въ науками и вѣры ихъ навыкли, и такъ малу по малу науками своими все пан-

ство русское до вѣры Римской привели, и жъ потомковѣ князятъ Русскихъ зъ вѣры православной на Римскую выкрестилися, и назвиска и имена собѣ поотмѣняли, якобы николи не зналия быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ“¹⁾..... Результатомъ такого сознанія было заведеніе ревнителями православія школъ, причѣмъ главная заслуга въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ западно-русскимъ братствамъ, въ средѣ которыхъ укоренился вполне справедливый взглядъ на научное образованіе, какъ на лучшее средство, ведущее къ возвышенію религіозно-нравственнаго значенія православной церкви и какъ на надежнѣйшій оплотъ противъ наступавшей иновѣрной пропаганды. Въ ряду же братствъ, оказавшихъ въ этомъ отношеніи незабвенныя услуги православію, первенствующее мѣсто неотъемлемо принадлежитъ братству Кіевскому. Возникнувъ (какъ и самое братство въ Кіевѣ) позднѣе многихъ южно-русскихъ училищъ, Кіево-братская школа почти сразу же стала въ уровень съ ними въ научномъ отношеніи и уже на первыхъ порахъ своего существованія представляла надежный оплотъ для православія въ мѣстномъ краѣ. Затѣмъ вскорѣ,—благодаря заботамъ просвѣщеннѣйшаго архипастыря своего времени П. Могилы, принявшаго ее подъ свою опеку,—возведенная на степень высшаго учебнаго заведенія, съ расширеннымъ кругомъ наукъ, она стала и долгое время была единственнымъ, удовлетворявшимъ потребностямъ времени, разсадникомъ просвѣщенія, распространявшимъ свои лучи не только по всей южной Руси, но даже, въ значительной степени, и по сѣверо-восточнымъ областямъ нашего отечества,—разсадникомъ, выпустившимъ изъ своихъ стѣнъ не мало „знаменитыхъ просвѣщеніемъ и добродѣтелями пастырей, государственныхъ чиновниковъ и во всѣхъ состояніяхъ отличныхъ гражданъ“. Правда, обнимая взоромъ всю почти трехъ-сотъ-лѣтнюю дѣятельность означеннаго учрежденія (въ разныя времена, носившаго разныя названія—школы, коллегіи, теперь—академіи) встрѣчаемся съ явленіями и грустными, видимъ научные интересы въ немъ какъ бы ослабѣвавшими, отодвигаемыми на задній планъ... но даже и въ эти тяжелыя годы въ средѣ учащаго персонала всегда находились лица, преданныя наукѣ и старав-

¹⁾ Акты Зап. Рос. т. IV. № 149 стр. 204—205.

шіяся твердою рукою держать ея знамя... Впрочемъ, мы забѣгаемъ уже впередъ. Обращаемся къ начальному (до-могилянскому) періоду нашей Alma Mater.

Къ сожалѣнію, дошедшія до насъ данныя о Кіево-братской школѣ за начальный періодъ ея существованія весьма скудны и отрывочны,—такъ что представить, на основаніи ихъ, сколько нибудь полную картину школьнаго преподаванія и порядковъ въ Кіевскомъ братствѣ за означенное время (1615—1631 гг.) нѣтъ возможности. Правда, въ данномъ случаѣ немалую помощь изслѣдователю могутъ оказать дошедшія до насъ свѣдѣнія, касающіяся другихъ братскихъ школъ, имѣвшихъ между собою въ рассматриваемое время весьма много общаго, какъ много общаго имѣли между собою и самые братскіе уставы. Но, во первыхъ, педагогическихъ памятниковъ, относящихся и къ другимъ братскимъ школамъ, сохранилось тоже очень немного,—и даютъ они, сравнительно, тоже немного; а, во вторыхъ, въ примѣненіи ихъ собственно къ Кіевской школѣ слѣдуетъ пользоваться съ осторожностію, изъ опасенія частное, мѣстное не сдѣлать общимъ. Особенно очень рискованно извѣстныя данныя собственно о Кіевской школѣ, но позднѣйшаго времени, переносить (какъ это зачастую дѣлается) на древнѣйшій періодъ ея существованія. Здѣсь ошибки и натяжки—дѣло неизбежное. Имѣя въ виду сказанное, мы при своихъ разсужденіяхъ о научной постановкѣ дѣла въ Кіево-братской школѣ, будемъ пользоваться свѣдѣніями о прочихъ братскихъ школахъ (въ примѣненіи ихъ къ первой) въ томъ только случаѣ, когда общій ихъ характеръ является, по нашему мнѣнію, не подлежащимъ сомнѣнію.

Мы сказали, что братства устраивая школы, справедливо усматривали въ нихъ надежное средство къ возвышенію религіозно-нравственнаго значенія православной церкви и твердую опору противъ иновѣрной пропаганды. *Подобными же цѣлями* руководилилось и Кіевское братство при основаніи своей школы: „отъ науъ—говорятъ братчики въ Уписѣ—хвала всемогущаго Бога на земли множитя, потѣха родичомъ изъ сыновъ наказанныхъ растетъ, Речи посполитой оброна мощная и оздоба предивная растетъ“¹⁾. Еще опре-

¹⁾ Прилож. № I.

дѣленнѣ свой взглядъ на значеніе школы для православія кіевскіе братчики высказываютъ въ письмѣ къ царю Михаилу Теодоровичу: „училище отрочатомъ православнымъ милостию Божіею языка славено-росскаго, еллино-греческаго и прочихъ даскаловъ великимъ издивениемъ устроихомъ, да не отъ чуждаго источника ниюще, смертоносного яда западнѣя схисмы упившеса, ко мрачно-темнымъ римляномъ уклонятса“¹⁾.

Педагогическая дѣятельность Кіево-братской школы (какъ и прочихъ тоговременныхъ южно-русскихъ школъ) очевидно имѣла быть направленною примѣнительно къ этой, ясно намѣченной цѣли. Что такъ и на самомъ дѣлѣ было,—это видно даже и изъ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній объ означенной дѣятельности, которыя сохранились до нашего времени.

Патріархъ Теофанъ въ грамотѣ своей, данной братству 26 мая 1620 г., называетъ братскую школу, школою „еллино-словенскаго и латино-польскаго письма“. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ грамоты, гдѣ это мѣсто читается безъ слова—*польскаго*, заключается очевидный пропускъ²⁾, то разсужденія (чѣмъ въ свое время занимался М. А. Максимовичъ) о томъ, сколькимъ языкамъ учили въ древней (до-могилянскій) братской школѣ—излишни. Несомнѣнно, что здѣсь воспитанники обучались четыремъ языкамъ: *славянскому, греческому, латинскому и польскому*. Но есть основаніе думать, что не на всѣ эти языки обращалось одинаковое вниманіе.—Въ тоговременныхъ памятникахъ Кіево-братская (до-могилянская) школа называлось иногда просто „словенскою“³⁾ и, кажется, обученіе именно *славянскому языку* здѣсь и занимало первенствующее мѣсто. Уже это обстоятельство, безъ сомнѣнія, стоитъ въ тѣсной связи съ намѣченными для школы того времени задачами.

Ревнители католицизма и униі, въ интересахъ своей пропаганды желавшіе, чтобы русское юношество обучалось въ польско-латинскихъ школахъ, съ пренебреженіемъ отзывались о славянскомъ язы-

¹⁾ Арх. Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI № ССХХІХ.

²⁾ См. примѣч. къ докум. № IV, прилож. стр. 14—15.

³⁾ См. запись въ Кіево-михайловскомъ помянникѣ о кончинѣ Сагайдачнаго (вполнѣ приведена нами выше, стр. 76—77, примѣч.).

вѣ, какъ непригодномъ для научнаго образованія. Извѣстный іезуитъ Петръ Скарга въ своемъ знаменитомъ сочиненіи *О единствѣ церкви Божіей* говоритъ, что Греки обманули (*wielce oszukali*) русскихъ, передавши имъ свою вѣру на славянскомъ, а не на греческомъ языкѣ;—они сдѣлали это съ тою цѣлю, чтобы русскій народъ „никогда до перваго уразумѣнія (въ вѣрѣ) и наукъ не достигъ“. Ибо славянскій языкъ не способенъ передать богословскія и научныя понятія. „Не было еще на свѣтѣ и не будетъ ни одной академіи или коллегіи, гдѣ бы богословіе, философія и другіе свободныя науки“ излагаемы были на языкѣ славянскомъ ¹⁾.—Но здравый смыслъ русскаго народа не дозволилъ ему увлечься краснорѣчіемъ знаменитаго іезуита. Наиболѣе дальновидные ревнители православія ясно понимали, что сохраненіе своей вѣры и народности стоятъ въ тѣсной связи съ сохраненіемъ роднаго, славяно-русскаго азыка, и что пренебреженіе послѣднимъ можетъ повлечь за собою послѣдствія самыя печальныя. Митрополитъ Михаилъ Рогоза (до измѣны своей правовію) причины того печальнаго положенія западно-русской церкви, въ какомъ она находилась въ концѣ XVI стол. усматриваетъ именно въ томъ, что „ученіе святыхъ писаній оскудѣ, *паче же словенскаго російскаго языка, и вси чловѣцы приложихася несзвершенному людскому писанію и сего ради въ различнія ереси впадоша, не вѣдуще въ Богословіи силы совершеннаго граматическаго словенскаго языка*“ ²⁾... Подобный взглядъ на значеніе славянскаго языка и печальныя послѣдствія отъ пренебреженія имъ, быстро укореняется въ южно-русскомъ обществѣ, находя въ лицѣ лучшихъ его представителей многочисленныхъ апологетовъ. Не говоря уже объ извѣстномъ ревнителѣ православія — *Іоаннѣ Вишенскомъ*, написавшемъ противъ упомянутой книги Скарги цѣлое опроверженіе, гдѣ защитѣ славянскаго языка и превосходствѣ его предъ латинскимъ отводится первенствующее мѣсто, — не говоря уже о Вишенскомъ, какъ чело-

¹⁾ *O iedności Kościoła Bożego pod iednym pasterzem..* и проч. Первое изданіе вышло въ 1577 году, съ посвященіемъ князю К. К. Острожскому; второе, подъ нѣскольکو измѣненнымъ заглавіемъ: *O rządzie i iedności kościoła Bożego.*—и проч. въ 1590 г., съ посвящ. королю Сигизмунду III. За послѣднее время это соч. Скарги напеч. въ VII т. *Рус. Истор. Биб.*

²⁾ Окружное посланіе Киев. митр. Михаила отъ 20 янв. 1592 года (*Акты Зап. Рос.* IV № 32).

вѣкѣ строго консервативнаго направленія и въ своихъ разсужденіяхъ переступавшемъ границы должнаго,—мы для подтвержденія сказаннаго приведемъ мнѣніе о значеніи славянскаго языка людей, близко стоявшихъ къ школѣ и притомъ вовсе неотрицательно относившихся (какъ это дѣлаетъ Вишенскій) даже и къ западно-европейскому образованію. Въ „грамматикѣ“, изд. 1621 года въ Вильнѣ ¹⁾, помѣщено „сказаніе како состави св. Кирилль философъ азбуку славенску“,—гдѣ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Суть нѣци глаголюще, чесо ради словенская писмена, ни бо тѣхъ Богъ сътвори, ни ангель, ни суть законни яко жидовская и еллинская, иже отъ закона суть и пріятны Богомъ. и мнѣть таковіи яко единымъ имъ сътвори Богъ писмена, и не вѣдятъ, что глаголють окаянніи, яко трети языки токѣмо Богъ повелѣ книгамъ быти рѣша. якоже и въ евангеліи глаголется, иже бѣ титѣла написана на крестѣ Господни—еврѣйски, и гречески, и латински, а славенски нѣсть ту. И того ради глаголють не суть славенскіи книги отъ Бога. Но что възглаголемъ о тацѣмъ безумнымъ; обаче да речемъ къ нимъ отъ святаго писанія, якоже научихомся, яко вся возможна суть отъ Бога, а не отъ инаго. и іно, якоже и псалмистъ глаголетъ, хвалѣте Господа вси языци, и похвалите его вси людіе, а не единими трети писмены и языки, якоже они баснословятъ. Не сотвори Богъ жидовска языка прежде, ни Еллинска, ни Римска, но Сирьскій имъ же Адамъ глагола“... Далѣе—послѣ разсужденій о томъ, что греческій алфавитъ образованъ былъ не однимъ, а многими лицами (Кадмосъ, Симонидъ, и проч.), на что потребовался длинный промежутокъ времени,—читаемъ: „А словенская писмена единъ святой Константинъ, нарицаемый въ мнишескомъ чину Кирилль философъ сътвори... і аще воприсиши книгочія греческія, глаголя, кто вамъ есть писмена устроилъ, или въ кое время, то мало ихъ вѣдятъ. Аще-ли же воприсиши словенскихъ букварей, глаголя, кто вамъ писмена створилъ есть, и книги предложилъ вси вѣдятъ и отвѣщавше рекутъ: св. Константинъ философъ, нарицаемый Кирилль, и проч.“ ²⁾.—Знаме-

¹⁾ Полное заглавіе: *Грамматика албо сложеніе писмена хотящимъся учити словенского языка малолѣтнимъ отрочатомъ*. (Экзем. есть въ Имп. Пуб. библ.).

²⁾ При составленіи означеннаго сказанія издатели немало пользовались *Многомъ Храбромъ* („о писменахъ“)—см. *Шафарика*. Славянскія древности т. II, кн. 2. прилож. № XXV.

нитый кіево-печерскій архимандритъ Захарія Копыстенскій въ упоминаемой уже нами „предмовѣ“ до князя Святополка Четвертинскаго ¹⁾ обращается къ нему, между прочимъ, съ слѣдующими словами: „Есть заправды и то межѣ иными непосполитая, ижъ ваша княж. милост. прирѣженный свой славенскій діалектъ або языкъ любилшъ и выславуишъ, и силу его розумѣючи, радъ книги того діалекту читаешъ, и многихъ до читаня и коханья въ немъ побужати рачилшъ. И слушне: маеть бо вѣмъ языкъ славенскій таковую въ собѣ силу и зацность, же языку грецкому якобы приугодне съгласуетъ, и властности его съчиняется: и въ перекладъ свой прилично, и неако природне онъ беретъ и пріймуетъ, и въ подобны спадки склоненій и съчиненія подаючи. венць, и найзвизнѣйшее сложное грецкое слово, подобнымъ такъже звизнымъ, и сложнымъ по славенску выложити есть можно: чого ишимъ жаднымъ, анѣ латинскимъ недоказати языкомъ: чого доводомъ есть, же латинскіи переводчики таковыи слова, обширне зъ околичностями на свой прикладають языкъ, многими околичностями ширити мусятъ. Отколь безпечнѣйшая есть речъ и увѣреннѣйшая философію и еологію славенскимъ языкомъ писати и зъ грецкого переводити, нѣжли латинскимъ: который оскудный есть, же такъ реку до трудныхъ, высокихъ и богословскихъ речій недовольный и недостаточный: для тогожъ въ книгахъ латинскихъ барзо много словъ ся грецкихъ находить. и гдыбысмо зъ книгъ языка латинского хотѣли всѣ грецкіи vybrати слова, сталъ бы ся якъ единъ отъ иныхъ и не дармо славный и мудры вѣковъ нашихъ политикъ и истори къ глубокой, въ книзѣ подъ именемъ Мачузского выданой, языкъ, латински, до ученой конской едноходы: а грецкій до прирѣженной равнаеть. Зъ вѣку заисте той славенскій языкъ есть знаменитъ, которого Іафеть и его поколѣнье уживало: широко и далеко ся рѣстягалъ, и славный былъ: для чого отъ славы славенскимъ названый есть: зажъ бо всѣмъ не славный есть, гды отъ заходу Бѣлого моря и Венецкихъ и Римскихъ ся тыкаетъ границъ, а отъ полудня зъ Грецією въ сусѣдствѣ и въ братерствѣ живеть: на всходъ зась солнца надъ чорнымъ моремъ до Персіи притагаеть, а у ледовитого моря ся опираеть. Не погорожали тымъ языкомъ славенскимъ и царскіи и кролевскіи дворы, мѣлъ заисте у

¹⁾ Помѣщ. въ толков. І. Златоустаго на 14 бесѣд. *Ап. Павла* (Кіев., 1623 г.).

нихъ свою знаменитую повагу. Припомню приклады, Меховита историкъ полскихъ дѣвъ, пишетъ, ижъ королева Ядвига читовала Библию словенскую, и до вырзумаенья ей мѣла выеладъ отцевъ святыхъ славенскимъ языкомъ, который зъ Библиею читала. другій прикладъ: за Казимира кроля въ Краковѣ друковано по славенску книги вѣры и набоженства такового, якое мы по сіи дни ведлугъ чину цереве Вскходней заховуемо“.

Сказаннымъ достаточно уясняются то значеніе, какое усвоено было славянскому языку лучшими представителями южно-русского общества, надежды, возлагаемыя отъ процвѣтанія его въ школахъ, а вслѣдствіе этого становятся понятными и причины, почему изученію сего языка отведено было въ школьномъ обученіи первенствующее мѣсто.

Второе мѣсто въ южно-русскихъ школахъ, а въ числѣ ихъ и въ Кіево-братской, принадлежало языку *греческому*, по преобладающему значенію котораго въ сравненіи съ латинскимъ, рассматриваемый нами періодъ школьнаго обученія въ юго-западной Руси нѣкоторыми изслѣдователями не безъ основанія именуется „періодомъ греческаго вліянія“. Важное мѣсто, занятое въ южно-русскихъ школахъ означеннымъ языкомъ не нуждается въ особенныхъ объясненіяхъ. Достаточно вспомнить, что съ конца XVI столѣтія связи юго-западной Руси съ Греціею усиливаются, и что, заводя школы, южно-руссы обращаются за содѣйствіемъ для ихъ благоустройства къ греческимъ іерархамъ, которые и оказываютъ просимое содѣйствіе посылкою для означенной цѣли знающихъ свое дѣло наставниковъ (Кирилль Лукарисъ, ректоръ Острожской школы, Никифоръ грекъ). Неурядицы на родинѣ и матеріальные выгоды, какіе представлялись въ нѣкоторыхъ, наиболѣе обеспеченныхъ школахъ дидаскаламъ, побуждали греческихъ ученыхъ и по собственной инициативѣ ѣхать въ Россію и исполнять здѣсь учительскія обязанности,—причемъ иногда эти обязанности принимали на себя даже лица высокаго іерархическаго положенія (Архіепископъ Арсеній Элассонскій, бывший два года дидаскаломъ во львовской школѣ). Слѣдуетъ также имѣть въ виду древнія традиціи, связывавшія Русь съ Византіею и настоятельную необходимость въ знакомствѣ съ греческимъ языкомъ вслѣдствіе усилившихся сношеній съ Восточными іерархами, грамоты которыхъ нужно было *умѣть* читать, а также *умѣть* и отвѣчать на

нихъ. Если въ этому присовокупить сильно ощущавшійся недостатокъ въ свято-отеческихъ твореніяхъ, желаніе восполнить этотъ недостатокъ новыми болѣе исправными переводами и притомъ по источникамъ авторитетнымъ,—то вполнѣ понятно будетъ, почему въ школьномъ обученіи на греческій языкъ (послѣ роднаго) обращено было наиболѣе серьезное вниманіе. Взглядъ на значеніе этого языка лучшихъ представителей южно-русскаго общества ясно виденъ изъ приведеннаго нами выше отзыва о немъ Захаріи Копыстенскаго; о довольно широкомъ примѣненіи его въ южно-русскихъ школахъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ памятники на греческомъ языкѣ, принадлежащіе перу наставниковъ и воспитанниковъ южно-русскихъ школъ (Греческая грамматика, изд. 1591 г. во Львовѣ, Проффонима и друг. панегирики на греческ. языкѣ). Самыя названія учителей дидаскалами, а учениковъ—спудеями нельзя не считать признакомъ значительнаго преобладанія въ означенныхъ школахъ греческаго элемента.—Высказано было мнѣніе, что будто въ Кіево-братской школѣ греческій языкъ введенъ только въ 1620 г. патриархомъ Теофаномъ; до того же времени здѣсь учили только русской грамотѣ и латинской словесности ¹⁾. Но документальное свидѣтельство объ обученіи здѣсь означенному языку съ самыхъ первыхъ поръ существованія школы и притомъ по учебнику съ опредѣленнымъ названіемъ, находится въ напечатанной нами въ прилож. (№ XXXIV) въ сочиненіи о *Кіев. митр. Петрѣ Могиль* роспискѣ (1617 г.) ректора означенной школы Іова Борецкаго, гдѣ онъ „вѣдомо чинить, что засталъ виненъ паномъ братіямъ братства церковнаго Святое Пречистое мещаномъ лвовскимъ золотыхъ польскихъ двадцать за книжки грамматики грецкіе друка лвовскаго“.

Латинскій языкъ не процвѣталъ въ до-могилянскихъ школахъ. Нѣкоторые ревнители православія строго консервативнаго направленія желали даже, чтобы онъ вовсе исключенъ былъ изъ школьной программы. Такъ Іоаннъ Вишенскій сильно укорялъ львовское братство за то, что нѣкоторые изъ его наставниковъ „только байки литорскія знаютъ“ и „привержены къ хитростнымъ *латинскимъ* наукамъ“; а потому „къ церковному послѣдованію, славословію, благо-

¹⁾ Опис. Кіев. Собора. *Прилож.* № 41.

даренію и молитвѣ мало потребны суть“¹⁾. Поэтому, опасаясь, чтобы православные „дѣти свои хитростію и ересію латинскою не отравили и не поморили“, „залецаеть и пораду даетъ, чогося они учити имѣють, дабы спасли, благочестіе задержали и христіанство своей вѣры не стратили“.—„Во первыхъ—говоритъ Вишенскій—включь, или грецкую или словенскую грамматику да учать. По грамматичѣ же, во мѣсто лживое діалектики (зъ бѣлого черное, а зъ черного бѣлое перетворяти учащее) тогда бо учать богомолбного и праведнословнаго часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силогизмъ и велерѣчкое реторики, тогда учать богоугодный и молебный псалтирь; во мѣсто философіи, надворнѣе и по воздуху мысль разумную скитатися зиждущее, тогда учать плачивый и смиреномудривый охтайкъ, а по нашему церковнаго благочестія догматы, осмогласникъ: таже конечное и богоугодное предспѣваніе въ разумѣ, дѣльное богословіе; тогда учать святую евангельскую и апостольскую проповѣдь съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ“... „И такъ заключаетъ Вишенскій—не ходи, любимый брате, до латинское хитрословное лжи: бо вѣру згубишь“²⁾.—Хотя голосъ Вишенскаго противъ латинскаго языка и вообще латинской науки и не оставался единичнымъ; но потребности въ научномъ образованіи въ средѣ южно-русцевъ были уже довольно сильны. Невключеніе въ школьную программу латинскаго языка, бывшаго не только включемъ въ тоговременной наукѣ, но имѣвшаго вмѣстѣ съ тѣмъ въ литовско-польскомъ государствѣ громадное общественное значеніе,—могло бы поставить южно-русскіе школы въ слишкомъ приниженное положеніе сравнительно съ польскими учебными заведеніями, и титуло *неуковъ*, и безъ того сплошь и рядомъ прилагавшееся къ воспитанникамъ сихъ школъ, безъ сомнѣнія, прилагалось бы къ нимъ еще чаще. Сильвестръ Коссовъ въ своемъ *Exegesis'ѣ*, отстаивая необходимость болѣе широкой

1) Изъ неизданныхъ посланій І. Вишенскаго, помѣщенныхъ нами въ VII т. I. ч. *Арх. Юго-Зап. Россіи* (имѣетъ выдти въ свѣтъ въ концѣ этого года).

2) *Запанка мудраго латынника съ глумымъ русиномъ въ диспутацию, а попросту глаголюще въ гаданіе или бесѣду*,—полемическое сочиненіе нач. XVII стол. (помѣщ. въ прилож. къ I. т. нашего сочиненія—*Кіев. митроп. Петръ Мочила*, подъ № XVШ).—Сочиненіе это подписано псевдонимомъ инокѣ Христофора,—но что подъ псевдонимомъ кроется Вишенскій, это для лицъ, ознакомившихся со всѣми его посланіями, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію.

постановки латинскаго языка въ южно-русскихъ школахъ говорить по поводу этого слѣдующее: „Первая причина—почему нашему народу потребна латинская наука—та, чтобы нашей Руси не называли *лупою Русью*. А то поѣдетъ бѣдняга Русинъ на трибуналъ, на сеймъ, на сеймикъ, въ городской или земскій судъ,—смотришь *безъ łaciny, płaci winy*: ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла; глядитъ только то на того, то на другаго, вытаращивъ глаза какъ ворона“¹⁾. Поэтому братства заботились о введеніи въ свои школы и латинскаго языка. Но процвѣтанію его здѣсь, кромѣ уже указаннаго нами недружелюбнаго взгляда консервативной части общества на латинскую науку, много мѣшали и другія обстоятельства, въ числу коихъ слѣдуетъ отнести тѣ притѣсненія и ограниченія, которымъ подвергались они со стороны иновѣрнаго польскаго правительства (львовской братской школѣ добиться права *pro tractandis liberis artibus* стоило многихъ хлопотъ), въ особенности же *ощутительный недостатокъ въ способныхъ для сего преподавателяхъ*. Виленское братство, въ 1619 году извѣщая львовскихъ братчиковъ о сооруженіи (1617 года) каменнаго дома для славяно-греко-латинской школы, заявляетъ, что *латинская наука* у нихъ „скудости ради своихъ учителей чтется нѣмцами“. Это обстоятельство крайне огорчало братство и оно всячески заботилось о томъ, чтобы „своего рода и благочестія трудолюбны учителя имѣти“; но старанія его долгое время не увѣнчивались успѣхомъ“²⁾.—Что касается въ частности Кіево-братской школы, то преподаваніе здѣсь латинскаго языка,—какъ можно думать,—велось нѣсколько съ ббльшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ другихъ тогочеренныхъ школахъ (за исключеніемъ развѣ львовской). Игнатій Левевичъ въ автобіографической запискѣ заявляетъ о довольно значительномъ успѣхѣ своемъ въ изученіи означеннаго языка въ Кіево-братской школѣ (1630—1631 гг.),—во всякомъ случаѣ несравненно болѣе значительномъ, чѣмъ какой имѣлъ онъ, учась полатыни у частныхъ учителей³⁾. Но, разумѣется, значеніе латинскаго языка въ означенной школѣ за рассматриваемое время было только *тѣнью* въ сопоставленіи съ тѣмъ значеніемъ, какое онъ приобрѣ-

¹⁾ Прилож. № XII. стр. 82.

²⁾ Акты Зап. Рос., IV. № 217.

³⁾ Прилож. № XI. стр. 75—76.

таетъ здѣсь въ слѣдующій (могилянскій періодъ),—и Сплвестръ Коссовъ былъ вполнѣ правъ, заявляя, что они (т. е. профессора коллегии могилянской) *лучше насаждали въ русскіе умы латинскій языкъ, чѣмъ бывшіе до нихъ наставники* ¹⁾.

Что касается до преподаванія въ Кіево-братской *школѣ польскаго языка*, то оно введено было здѣсь тоже съ первыхъ поръ ея существованія, (сомнѣніе, высказываемое по этому поводу М. А. Максимовичемъ ²⁾),—послѣ сдѣланныхъ нами разъясненій о вариантахъ въ грамматѣ Теофана,—не имѣетъ для себя опоры).—Включеніе въ школьную программу означеннаго языка (преподававшася и въ другихъ тоговременныхъ братскихъ школахъ, напр., *Виленской, Могилевской*), безъ сомнѣнія, вызывалось насущными потребностями времени. Это былъ языкъ господствующій въ литовско-русскихъ областяхъ. Безъ него нельзя было ступить и шагу. Если даже незнаніе латинскаго языка, пустившаго глубокіе корни въ литовско-польскомъ государствѣ, нерѣдко ставило южно-русцевъ въ неловкое положеніе,—то безъ знакомства съ польскимъ для нихъ закрыта была бы почти вся тоговременная литература, не только принадлежавшая перу польскихъ писателей, но и своихъ отечественныхъ. Достаточно вспомнить, что въ юго-зап. Россіи почти всѣ сочиненія религіозно-полемическаго содержанія выходили въ свѣтъ на языкѣ *польскомъ*. Для ревнителѣй православія прискорбно и нежелательно было *забвеніе, приниженіе* языка славянскаго, вслѣдствіе чего изученію его и отведено было въ школахъ первенствующее мѣсто; но исключеніе изъ школьной программы (благодаря указанному взгляду на родной языкъ) языка господствующаго, имѣвшаго громадную литературу, не могло входить въ ихъ планы.

Обращаемся къ предметамъ, преподававшимся въ до-могилянской Кіево-братской школѣ.

Іоаннъ Вишенскій въ своей *Зачѣпкѣ* ограничиваетъ—какъ мы видѣли—школьное преподаваніе изученіемъ „*грамматики славянской, часослова, псалтиря, октоиха, „дѣльнаго“*“ (т. е. нравственнаго) бо-

¹⁾ Прилож. № XII, стр. 80.

²⁾ Собр. сочиненій II, стр. 195.

исловія и св. писанія съ „толкованіемъ онаго простымъ, а не хитрымъ“. Эта программа принадлежитъ рьяному противнику западно-европейскаго образованія, начинавшаго *понемногу* проникать въ юго-западную Русь, и потому представляетъ собою *мінімумъ* требованій школьныхъ программъ, безспорно принятыхъ во всѣхъ южно-русскихъ училищахъ, даже тѣхъ, которые стояли сравнительно въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ и были менѣе обеспечены въ матеріальномъ отношеніи. Но въ болѣе выдающихся тоговременныхъ школахъ кругъ преподаваемыхъ предметовъ былъ значительно обширнѣе. Изъ словъ самаго же Вишенскаго можно видѣть, что въ нихъ изучались: *реторика, діалектика и философія*. Дошедшіе до насъ уставы братскихъ школъ, а также нѣкоторые другіе тоговременные памятники вполне подтверждаютъ это. О преподаваніи *діалектики, реторики* и иныхъ *философскихъ писемъ* говорится въ уставѣ Луцкой школы ¹⁾. Въ предисловіи къ „Грамматикѣ доброглаголиваго еллино-славенскаго языка“, изд. во Львовѣ въ 1591 г., авторъ, отъ лица братства сказавши, что „сія (т. е. грамматика) первая ключъ отверзаяй умъ розумѣти писанія“,—продолжаетъ: „отъ нея же яко по степенехъ всю лѣствицу, по чину ученій, трудолюбивіи достизаютъ—*діалектики, риторики, мусики, ариѳметики, геометріи и астрономіи*, и сими седми, яко же нѣкимъ съсудомъ разсужденія почерпаемъ источникъ философіи, разумѣвающе уже и врачевства ко благоискуству превосходимъ всесовершеннаго богословія“.—Изъ этихъ словъ, если и нельзя заключать, чтобы въ данное время (*въ 1591 году*) въ львовской школѣ преподавались *всѣ* перечисленные предметы, но несомнѣннымъ представляется желаніе автора, чтобы всѣ они включены были въ школьную программу. „Со усердіемъ—заключаетъ онъ свое предисловіе, обращаясь къ „любителямъ ученія“,—наказаніе пріимѣте (т. е. издаваемую грамматикѣ) да не ктому прочее своихъ лишаетеся, и яке нынѣ нами изображенная радостнѣ сія пріимѣте, и во малѣ болшихъ богатію Божією сподобитеся“. Желаніе львовскаго братства расширить свою школьную программу вскорѣ осуществилось. Въ 1592 году ему удалось выхлопотать у польскаго правительства грамоту, предоставлявшую право содержать школу

¹⁾ 21. пункт. устав. Памят. Кіев. Комм. т. I. отд. I. стр. 83.

„pro tractandis liberis artibus ¹⁾),—подъ ваковыми свободными науками и разумѣлись перечисленные нами выше предметы, составлявшие программу среднихъ учебныхъ заведеній въ Польской Коронѣ.

Сгруппируемъ свѣдѣнія о распорядкѣ преподаванія въ до-могилянскихъ братскихъ школахъ и учебникахъ, въ нихъ принятыхъ.

Такъ какъ въ братскія школы принимались за-частую дѣти, вообще неподготовленные, то обученіе въ нихъ начиналось съ азбуки; затѣмъ слѣдовали—*часословъ* и *псалтирь*, (въ связи съ изученіемъ церковныхъ службъ и пѣнія), далѣе—грамматика и прочія науки. Въ лудкомъ школьномъ уставѣ говорится: „школы славенское наука починается: напервѣй научившися складовъ литеръ, потомъ грамматики учать, притомъ же церковному чину учать, читаню, спѣваню.... а такъ тому научатся до болшихъ приступаючи къ діалектицѣ и риторикѣ... и инымъ философскимъ писмамъ школѣлежащимъ“.—Мелетій Смотрицкій въ предисловіи къ своей *Грамматикѣ* (изд. 1619 г.) пишетъ: „Дѣткамъ учиться починаючимъ, *Букварь*, звыкле ревши *Алфавитарь*, з той же грамматикѣ вычерпленный, абы склоненіями грамматичными з лѣтъ дѣтинныхъ з мовою заразъ навывали, до наученя подаваный нехай будетъ. *По часословъ* зась и *псалтири* (которыи *опусканы быти не мають*) выучению ся овая грамматика з выкладами, то есть, з показованемъ и уживанемъ ей пожитковъ, наступитъ“.—Что касается до древнихъ языковъ, то элементарное ознакомленіе съ ними (и первѣе всего съ греческимъ) начиналось довольно рано, непосредственно по обученіи славянскоѣ грамотѣ ²⁾; но болѣе основательное изученіе продолжалось въ высшихъ классахъ.

Относительно дѣленія на классы братскихъ школъ имѣются свѣдѣнія положительныя; но опредѣленныхъ указаній, какія именно предметы преподавались въ каждомъ изъ нихъ—нѣтъ. Виленская школа (въ 1619 г.) дѣлилась на пять отдѣленій (училищъ); изъ нихъ

¹⁾ *Лѣтопись Львов. братства. Д. Зубрицкаго* (подъ 1592 г.).—О преподаваніи во Львовской школѣ ученія *грамматическаго, діалектическаго и риторическаго* еще до 1592 года—см. А. З. Р. т. IV. № 24.

²⁾ Лудкій школьный устав. пункт. 20.

въ *трехъ* читалась *латинская наука*, въ четвертомъ—*русская*, въ пятомъ *славянскій* и *греческій* языки ¹⁾.—Что касается до Кіево-братской Богоявленской школы, то въ ней по словамъ ея воспитанника Игнатія Іевлевича были (въ 1630—1631 гг.) слѣдующія четыре отдѣленія: 1) *русская школа*, 2) *инфима*, 3) *грамматика* и 4) *синтаксима*.—Въ послѣднихъ классахъ, должно полагать, преподавались (кромѣ грамматики) реторика, логика и діалектика. Вообще же, слѣдуетъ замѣтить, что въ древнихъ южно-русскихъ школахъ дѣленіе на классы было менѣе *дробно*, чѣмъ въ тогочасовременныхъ польскихъ коллегіяхъ или въ Кіево-братской школѣ (точнѣе коллегіи) періода могилянскаго,—что обусловливалось, съ одной стороны, болѣе ограниченою въ сравненіи съ послѣдними школьною программой, а съ другой, могло зависѣть и отъ недостатка наставниковъ (въ иныхъ случаяхъ отъ недостатка и въ матеріальныхъ средствахъ). Даже въ Лаврской могилянской школѣ,—какъ новой, не смотря на усиленные старанія своего просвѣщеннѣйшаго основателя не изобиловавшей на первыхъ порахъ научными средствами,—отдѣленія были соединяемы. Такъ, по свидѣтельству того же Игнатія Іевлевича, *синтаксима*, *грамматика* и *инфима* были здѣсь „вкупѣ“; также „вкупѣ“ были и *реторика* съ *поэтикою*.—Что касается до *философіи* и *богословія*, то отдѣльныхъ классовъ для нихъ въ Кіево-братской школѣ не было; едва-ли были они и въ другихъ братскихъ училищахъ того времени,—хотя въ отрывкахъ „философскія писма“, безъ сомнѣнія, въ нихъ и читались, а изученію священнаго писанія и свято-отеческихъ писаній отводилось почетное мѣсто.

Учебниковъ, употреблявшихся въ южно-русскихъ школахъ домогилянскаго періода, *дошло* до нашего времени очень не много. Изъ нихъ извѣстны только:

1) *Грамматика словенска языка. з газоемлакии славного града Острога власное отчизны яснѣ вельможного княжати и пана Константина Константиновича княжати на Острогу...* и проч. (изд. 1586 г., въ Вильнѣ, въ друкарни дому Мамоничовъ) ²⁾.

¹⁾ А. З. Р. IV. № 217.

²⁾ Небольшая книжка около 14 лис.—Неполный экземпляръ наход. въ библ. князя П. П. Вяземскаго; болѣе полный—въ библ. Перемышльскаго собора Іоанна Крестителя.

2) *Ἀδελφότης*. Грамматика доброглаголиваго Еллино-славенскаго языка совершеннаго искусства осми частей слова. ко наказанію многиименитому Россійскому роду, (изд. 1591 г. во Львовѣ) ¹⁾.

3) Грамматика Славенска съвершеннаго искусства осми частей слова, и иныхъ нуждныхъ. Ново съставлена А. З. (*Лаврентіемъ Зизаніемъ*), изд. 1596 г. въ Вильнѣ.

¹⁾ Заглавіе этой грамматики приводится у нашихъ и польскихъ библиографовъ различно: у однихъ, какъ въ текстѣ у насъ, у другихъ слѣдующимъ образомъ: *Грамматика сложена отъ различныхъ грамматикъ, студиями уже в Львовской школе* (Описание книгъ Толстаго. *Строева*, стр. 64.—*Филаретъ*. Исторія рус. церкви, періодъ 4-й, изд. 1862 г., стр. 86, примѣч. 173, и др.). Отсюда явилось мнѣніе о двухъ изданіяхъ означенной грамматики (*A. Iocher. Obraz bibliograficzno - historyczny literatury i nauk w Polsce* изд. 1840, т. I, стр. 70), — приче́мъ оба изданія или относимы были къ одному и тому же 1591 г. (*Iocher*),—или первое изданіе ко времени болѣе раннему. Послѣднему мнѣнію благоприятствовало, по видимому, то обстоятельство, что Виленскіе братчики еще въ маѣ 1588 г. въ своемъ посланіи благодарили львовскихъ гражданъ за посылку имъ „святыхъ писаній грамматическихъ языка греческаго и славянскаго“.—Археографическая Коммиссія, издавая означенное посланіе въ IV т. *Актовъ З. Россіи*, сдѣлало къ нему примѣчаніе, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „проф. Максимовичъ въ статьѣ своей Книжная старина южно-рус. говоритъ, что грамматика доброглаголиваго Еллинославенскаго языка первоначально напечатана во Львовѣ, въ братской типографіи въ 1591 году: *следовательно, это изданіе позднѣйшее и можетъ быть вовсе иное* (т. е. не то, о которомъ говорится въ посланіи виленскихъ братчиковъ)“. Подобнаго же мнѣнія держатся и другіе изслѣдователи (см., напр., соч. Н. Оглобина *Арсеній арх. Эласонскій и его Описание путешествія въ Московіи*).—Но означенное мнѣніе о двухъ изданіяхъ *Львовской греческой грамматики* есть плодъ недоразумѣнія,—для убѣжденія въ чемъ достаточно обратитъ надлежащее вниманіе на слѣдующее: 1) Второе заглавіе означенной Грамматики (приводимое Строевымъ и друг.) находится на 5 страницѣ *Ἀδελφότης* (1591 г.),—приче́мъ означенная страница имѣетъ *форму листа заглавнаго*, слѣдовательно неточное заглавіе у Строева объясняется просто тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ имѣлъ подъ руками неполный экземпляръ львовской грамматики (безъ первыхъ четырехъ листиковъ). 2) Въ указанномъ посланіи Виленское братство пишетъ львовскому по поводу грамматики слѣдующее: „Посласте намъ *начало* преображеніе святыхъ писаній Грамматическихъ языка греческаго и славенскаго, наказующе ны, да приѣмемъ со благоразуміемъ, да и прочимъ сподобимся, по евангельскому реченію. Сія убо разсмотрѣвши достойно, молихомъ Спаса нашего, да яко же начать, такожде и да совершитъ во васъ благодать сію. *Если же сподобитъ вы оно благодатственное и спасительное начало совершити*, молимъ, да избытокъ благодати ихъ будетъ и въ нашемъ лишеніи. И съ-проста рещи сто или двѣсти книгъ пошлите намъ, учинивши имъ цѣну послушную; а мы, съ подякованьемъ вашей любви, возвѣщенная пошлемъ“.—Изъ приведеннаго мѣста ясно видно, что Виленскому братству Львовскимъ посланы были только первые листы начавшейся печатаніемъ Грамматики, окончаніе которой могло и не состояться (какъ было и на самомъ дѣлѣ) въ 1588 г. Очевидно, что упоминаемая въ письмѣ Виленскихъ братчиковъ Грамматика есть та самая, которая вышла въ свѣтъ въ 1591 г.

4) Наука ку читаню, и розумѣню писма славенскаго: ту тыжъ о святой Троицы, и о въчловеченіи Господни. (Стефана Зизанія, изд. 1596 г.).

5) Грамматики Славенскія правильное Сунтагмы. (Мелетія Смотрицкаго, изд. 1619 въ Евю).

6) Грамматика албо сложеніе писмени хотящимся учити Славенскаго языка, млодолѣтнымъ отроча томъ. (Изд. 1621 г. въ Вильнѣ).

Кромѣ поименованныхъ учебниковъ, кажется, къ числу ихъ должно отнести еще *Катехизисъ* Стефана Зизанія, (около 1595 г.). Книжка эта до нашего времени не дошла. О существованіи ея мы узнаемъ изъ полемической брошюры Желиборскаго, подъ заглавіемъ: *Kakol ktory rozsiewa Stefanek Zizania w cerkwiach Ruskich w Wilnie.* (Wilno, 1595 г. ¹).

Изъ числа учебныхъ пособій, появившихся въ концу разсматриваемаго нами времени, извѣстенъ—*Лексиконъ Славено - россійскій и имень тлжкованіе, Памвы Беринды*, изд. 1627 г., въ Кіевѣ.—Весьма вѣроятно, что въ видѣ учебныхъ пособій употреблялись въ школахъ также и нѣкоторыя другія, соотвѣтствующія учебнымъ программамъ, книги, въ родѣ, наприм., *Собранія вкратцѣ словесъ отъ Божественнаго писанія* (изд. 1618 г.), полемическія сочиненія противъ иновѣрцевъ и вообще книги религіозно - нравственнаго содержанія. Это естественное предположеніе оправдывается до извѣстной степени реэстрами книгъ, находившихся въ братскихъ библіотекахъ.

Указанныя учебники (№№ 1—6)—происхожденія школьнаго, т. е. составленны наставниками братскихъ школъ, иногда даже не безъ содѣйствія лучшихъ учениковъ (*Αδελφότης*, 1591 г.). Повсемѣстное распространеніе сихъ учебниковъ по тоговременнымъ южно - русскимъ школамъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Не зависимо отъ другихъ соображеній, относительно этого имѣются и положительныя факты: братства при тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ обмѣнивались своими изданіями ²), при чемъ книги наиболѣе нужныя посылались въ большомъ количествѣ, а учебники даже цѣлыми сотнями ³).—Въ част-

¹) Подробнѣе см. наши *Библіографическія замѣч. о церковно-слав. книгахъ XVI—XVII стол.* (Труды Кіев. Дух. Акад. 1876 г., № 1, стр. 129—135.

²) А. З. Р. т. IV, № 4.

³) Ibid.

ности, что касается до Кіево-братской школы, то о принятіи здѣсь въ качествѣ учебника Грамматики — *Αδελφότης* свидѣтельствуется упомянутая росписка ректора сей школы Іова Борецкаго, оставшагося „повиннымъ мѣщаномъ львовскимъ польскихъ золотыхъ 20“ за купленные у нихъ книжки означенной грамматики¹⁾.—О грамматикѣ Смолитрицакаго, какъ учебникѣ, принятомъ Кіево-братскою школою, можно съ увѣренностію говорить уже потому, что авторъ ея, какъ увидимъ, былъ здѣсь *ректоромъ*. Въ близкихъ отношеніяхъ къ кіевскому братству, безъ сомнѣнія, стоялъ и другой авторъ Грамматики 1596 г.—Лаврентій Зизаній Тускановскій,—приглашенный въ кіево-печерскую лавру Е. Плетенецкимъ и подвизавшійся здѣсь въ началѣ 20 гг. XVII столѣтія²⁾. Не говоримъ уже о томъ, что его Грамматика до 1619 г. была единственнымъ учебникомъ въ своемъ родѣ и уже это обстоятельство открывало ей широкій доступъ во *все* южно-русскія школы. По какимъ изъ поименованныхъ букварей учили въ Кіево-братской школѣ—вопросъ не важный, такъ какъ методъ обученія во всѣхъ ихъ одинаковъ.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о самыхъ учебникахъ.

Буквари представляли собою родъ небольшихъ дѣтскихъ энциклопедій, имѣвшихъ въ виду, кромѣ обученія чтенію, сообщать первоначальныя религіозныя истины. Начинались они *азбукою славянскою* (а, б, в, г, и т. д.), затѣмъ слѣдовали *склады* (ба, ва, га, и проч.), отдѣльныя слова и изреченія для упражненія въ чтеніи, — причемъ въ позднѣйшихъ букваряхъ фразы для заучиваній приспособлены были къ тому, что бы дать элементарныя свѣдѣнія о грамматическихъ формахъ, (*Буки, буду; будиши-ты; будить-той; будива-мы два; будимо со мною мнози; будѣте безъ меня мнози*) и приводились нѣкоторые примѣры „по просодіи“ *б: бѹди, будѹ, в: вѹрите, варитѹ, и „ортографіи“*. (*Бѣъ Бѣ Бѣ Бѣ Бѣ Бѣ*). Затѣмъ слѣдовали общеупотребительныя молитвы (Царю небесный, Тресвятое, утренія и вечернія молитвы), исповѣданіе вѣры и нравственныя изреченія, преимущественно изъ притчей Соломоновыхъ (сыну, яждь медь понеже есть добрый.

¹⁾ *Кіевскій митроп. Петръ Могила и его сподвижники*, Т. I, прилож. № XXXVI.

²⁾ Казанье на честномъ погребѣ Е. Плетенецкаго... 1621 г.—Бесѣды Златоустаго на 14 посл. Апостола Павла, изд. въ Кіевѣ, 1623 г. (предисловіе).

и сотъ медовы сладокъ есть гортани твоему. такоже и наука мудрости души твоеи).—Въ концѣ помѣщались трактаты сравнительно болѣе обширные. Такъ, напр., въ *Азбуку 1596 г.* (изд. въ Вильно) находятся: *изложение о православной вѣрѣ* (л. 34 — 39), *о възлоченіи Господни* (л. 39 обр. 40) и *о знаменіи крестномъ*. Въ трактатахъ этихъ, изложенныхъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ (первые два) сообщаются основныя понятія въ истинахъ христіанской религіи, потребность въ чемъ была на столько сильна, что за отсутствіемъ собственныхъ руководствъ по сему предмету, православные въ прежнее время приуждены были обращаться за помощію къ руководствамъ католическимъ, дѣлая изъ нихъ, соотвѣтствующія цѣли, выборки¹⁾. При изложеніи основныя понятій христіанской религіи, въ учебникахъ обращалось преимущественное вниманіе на то, чтобы вкоренить въ умы питомцевъ *убѣжденіе въ истинности православія сравнительно съ другими вѣроисповѣданіями и научить ихъ приемамъ религіозной полемики*. Въ какихъ размѣрахъ достигалась предположенная цѣль, объ этомъ можно отчасти судить по нижеслѣдующей выдержкѣ, приводимой нами изъ перваго указаннаго трактата (*Изложение о православной вѣрѣ*):

Странный. Кто еси ты?

Православный. По прироженю человекъ, а з ласки Божей сынъ его естемъ.

Стран. Якимъ же способомъ естесъ ты сыномъ Божиимъ?

Правосл. Понеже окрестихомся банею пакибытейскою, то есть

¹⁾ Въ 1585 г. изданъ былъ въ Вильнѣ *Катехизмъ или наука вѣрѣ православнымъ христіаномъ въ повченію велми полезно з латинского языка на русскій ново-преложено*. Катехизисъ раздѣляется на пять небольшихъ главъ, трактующихъ: 1) о вѣрѣ и преданіи апостольскомъ; 2) о надеждѣ и молитвѣ Господни; 3) о любви и заповѣди Божіи; 4) о сакраментлахъ; 5) о повинности справедливости христіанское.—Отвѣты на вопросы даются самыя краткіе (напр., *Вопр.* Которые именуеть грѣхи главные? *Отв.* Онне, съ которыхъ якобы з главы и источникъ некихъ всякіе инне грѣхи исходятъ. *Вопр.* Колико есть грѣховъ главныхъ. *Отв.* Семь: гордость, лакомство, нечистота, гнѣвъ, зависть, объядене, лѣность)... Имѣя въ виду общее содержаніе катехизиса, нѣтъ основаній предполагать, чтобы онъ изданъ былъ не православными, а католиками въ видахъ своей пропаганды, хотя окончательное рѣшеніе этого вопроса возможно только, если найденъ будетъ полный экземпляръ означенной брошюры (въ *Импер. Публ. библ.* въ Катехизисѣ 1585 г. 11 листовъ, въ малую-8-ку; по расчету ихъ должно быть около 40).

ижемы ся отродилъ отъ воды и отъ Духа, и причастился тѣла и крове Христовы.

Стран. Што есть крещеніе?

Правосл. Омытье грѣха первороднаго, албо крещеніе есть тайна, приводячая насъ къ усыновленію, и отроджующая въ животъ вѣчный.

Стран. А причастіе тѣла и крове Христовы што есть?

Правосл. Причастіе есть зъединочене намъ съ Христомъ и участность всѣхъ его добродѣйствъ, а уевнене живота вѣчнаго.

Стран. Кождый ли въ яковой колвекъ релии крестился, есть сыномъ Божіимъ?

Правосл. Не кождый. Толко православный, то есть въ православной вѣрѣ окрещеный.

Стран. Што есть православная вѣра?

Правосл. Въ единого Бога Отца, и въ единого Господа Иисуса Христа Сына Божого, и въ единого Духа Святого Господа, правовѣрити. (Ищи въ первомъ и во второмъ вселенскомъ соборѣ).

Стран. Што есть Богъ?

Правосл. Богъ есть существо безвинно вина всяческимъ, всеильный, всемогучій, всякого существа и естества преестественъ.

Стран. Что есть существо, то есть истность?

Правосл. Существо есть вещь самобытная, жадной речи не требующая ко своему составленію.

Стран. Колко существъ въ Бозѣ признаваешь?

Правосл. Едино существо, якъ и естество въ Бозѣ исповѣдаю.

Странный. Колко волю, то есть хотеній?

Православный. Едину волю. (Ищи у вопросѣхъ святого Күрила Александрійскаго).

Стран. Колко составъ, то есть Упостасій албо Персонъ?

Правосл. Три, Отца и Сына и Святаго Духа.

Стран. Якъ же ты православный вѣришь въ единого Бога?

Правосл. Вѣрую въ единого Бога... и проч.

Затѣмъ послѣ нѣсколькихъ вопросовъ общаго характера, въ *Изложеніи* слѣдуютъ вопросы, направленные къ уясненію спорнаго между католиками и православными догмата объ исхожденіи Св. Духа,—что, очевидно, и составляло главную цѣль самаго трактата. Приводимъ это мѣсто въ *Изложеніи* въ полномъ его видѣ.

Странный. Вѣруючи въ Святую Троицу, абымъ не впадалъ въ ересь, чого ся маю варовати?

Православный. Двѣ речи шило потреба заховати, то есть истность Бозства не роздѣляти, а трохъ персонъ въ едину не сливати.

Стран. Въ Святой Троици персонъ Бозскихъ яковый порядокъ, которая есть персона отъ которой?

Правосл. Якъ есть Богъ единъ также и отъ единой персоны двѣ суть, то есть отъ единого Отца Сынъ родится, и Духъ Святыи исходитъ.

Стран. А отъ Сына для чого Духъ Святыи не маеть исходити?

Правосл. Для того, абы два початки и двѣ винѣ исхожденію не были.

Стран. А вшакъ то есть единъ Богъ. Сынъ въ Отцы и Отецъ въ Сынѣ, а не два?

Правосл. Единъ Богъ, але двѣ персонѣ.

Стран. А двѣ персонѣ ведле единого Бога, вмѣсто единой не могутъ ли быти отъ которихъ и Духъ Святыи, якъ отъ единого початку, могль исходити?

Правосл. Не могутъ, абовѣмъ не сливаемъ въ Святой Троици персонъ, яко Савелій, а не роздѣляемъ истности, якъ Арій.

Стран. Якъ тамъ, кгда Отецъ, и Сынъ, и Духъ Святыи небеса и землю сотворилц, не розумѣемо трохъ Створителевъ, также и тутъ кгда Отецъ и Сынъ Духа Святого испущаютъ двоухъ початковъ не маемъ розумѣти?

Правосл. Ижъ ихъ едина можность и сила, которою сотворены суть небеса и земля, для того единъ есть Сотворитель. а ижъ межи персонами не едина есть ідіома, то есть власность, але каждой особная. прото отъ двухъ якъ отъ единой третья не можетъ быти.

Стран. И ты самъ тоежъ мовишь, же единъ есть Створитель, хотя три персоны, теды отъ двоухъ персонъ якъ отъ единой Духъ Святыи можетъ походити?

Правосл. Виджу, же ты Духа Святого въ порядокъ створеня покладаетшь, яко Македоній пневматомахъ, албо не вѣдаешъ же иншій способъ въ персонахъ Бозскихъ, а иншій въ створеню ведле волѣ Сотворителя заховуется.

Стран. А кгдажъ ихъ едина можность и сила, а Отецъ маеть моцъ Духа Святого испущати, теды и Сынъ.

Правосл. Если розумѣешь Духа Святого исхожденіе ведле силы и моци, теды и Духъ Святый Сына родить, поневажъ есть зъ Отцемъ единой моци.

Стран. А Духъ Сына для чого не можетъ родити, вгдыжъ есть едино. а Отець родить Сына то и Духъ Святый.

Правосл. А нѣ Духъ Святый Сына родить, а нѣ Сынъ Духа Святого испущаетъ. або вѣмъ якъ есть неслушне Сыну отъ двоухъ ся родити, также и святому Духу отъ двоухъ исходити.

Стран. Поневажъ писмо святое повѣдаетъ, ижъ Духъ Святый походить отъ Отца презъ Сына, то маемъ розумѣти отъ Сына.

Правосл. Нѣ, бо не тоежъ то есть презъ што отъ, и по вгредькому дѣ и ѣх, не тоежъ значить.

Стран. Духъ Святый есть Сыновъ, то и отъ Сына походить.

Правосл. Не походить, бо иншее есть быти чимъ, а иншее быти отъ кого, а называется Духъ Святый Сыновъ для того, ижъ не есть чужіе, але единого и тогожъ Бозства.

Стран. Поневажъ тоежъ есть Сыново бозство што и Отцово, а отъ Бозства походить Духъ Святый, теды и отъ Сына.

Правосл. Если бы такъ было, то и Духъ Святый будучи тогожъ Бозства самъ отъ себе бы походилъ, што есть безместно.

Стран. Божее есть испущати Духа, а Сынъ есть Богъ. то и отъ Сына походить.

Правосл. И Духъ Богъ, то и отъ себе походить.

Стран. Все што колвекъ Отець маеть, и Сынъ маеть, а Отець маеть Духа Святого испущати, то и Сынъ.

Правосл. Штожъ колвекъ стѣгається взглядомъ прироженя и истности, яко царство, сила, слава, и прочая, маеть не толко Сынъ, але и Духъ Святый. а што взглядомъ присвоитости каждой особно персоны, того нѣмаеть нѣ Сынъ нѣ Духъ Святый, бо то што родити, и испущати, самому толко Отцу присвоито. Якъ тыжъ и Отець того нѣ маеть, што маеть Сынъ и Духъ Святый, то есть родитися и исходити, не бываетъ бо Отець нѣколи Сыномъ, а нѣ Духомъ Святымъ.

Стран. Христось дунуль на ученики и рѣкъ: пріймѣте Духъ Святъ, теды и отъ Сына походить!

Правосл. То дхненье а не персона, даръ Святого Духа грѣхи отпуцати, а не Паравлить, которого имъ розказалъ ждати.

Стран. Есть ли которая впостась першая отъ другой, или послѣднѣйшая?

Правосл. Нѣ единой не есть першеи а не послѣднеи. але всѣ три равно суть предвѣчны, равно чесны, равно силны. Кгды былъ Отець, тогдажъ былъ и Сынъ и Духъ Святой, а не было того часу коли бы не была которая колвекъ персона отъ Святой Троицѣ ¹⁾).

Греческая грамматика—*Αδελθοτης*—изд. 1591 г., составлена, безъ сомнѣнiя подъ непосредственнымъ руководствомъ „митрополита Димонитскаго и Элассонскаго“ Арсенiя, который, прибывши въ 1586 г. во Львовъ, занимался здѣсь обученiемъ въ братской школѣ въ теченiи 2 лѣтъ. Объ этой грамматикѣ—какъ мы видѣли—самими составителями замѣчено, что она „сложена отъ различныхъ грамматикъ“. Но въ основу ея, какъ давно уже замѣчено, положена была грамматика Константина Ласкариса, впервые изданная въ 1476 г. ²⁾—*Αδελθοτης* напечатана на двухъ языкахъ—греческомъ (четные страницы) и параллельно съ нимъ—славянскомъ ³⁾). Изученiе обоихъ языковъ въ школѣ, очевидно, велось одновременно,—на что указываютъ и дошедшiе до насъ школьные уставы. Во львовскомъ уставѣ 1587 г. говорится: „также учать на каждый день, абы дѣти единъ другого пыталь по грецку, абы ему отповѣдалъ по словенску, и тыжъ пытаются по словенску, абы имъ отповѣдано по простой мовѣ. И тыжъ не мають з собою мовити простою мовою ено словенскою и грецкою“ ⁴⁾. Тоже самое дословно читается и въ луцкомъ школьномъ уставѣ ⁵⁾—Опредѣленiе грамматикки составителями *Αδελθοτης* дается такое: „Грамматика есть художество, учащее насъ умная писати. и

¹⁾ Краткiй трактатъ о *въчеловѣченiи Господни* могъ быть направленъ противъ распространенной въ литовско-русскихъ областяхъ секты антитринитарiевъ. Трактатъ (тоже краткiй) о *знаменiи крестномъ*, замѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ проводится раскольничiй взглядъ на перстосложенiе.

²⁾ *Iocher*, *Образъ bibliograficzno-histor literatury i nauk w Polsce*. I 70.

³⁾ Впрочемъ, подобный распорядокъ выдержалъ не всюду.

⁴⁾ Въ изданномъ Головацкимъ школьномъ уставѣ львовскаго братства мѣсто это пропущено; но оно находится въ одномъ изъ рукописныхъ уставовъ, хранящихся въ архивѣ Львовскаго Ставроп. Института (*связка № XXV*). Въ этомъ же спискѣ находится слѣдующая приписка: „а обычае всея школы и порядки вси, въ семь листѣ много бы писати“.

⁵⁾ *Памят. Киев. Комм.* т. 1, отд. 1. № 10.

яко въ кому мѣрително, или числительно вещественна, съ разсужденіемъ повѣдающа“. Или: „Грамматика есть художество зрительное и дѣлательное, еже благоглаголати и благописати учащее насъ“. Или: „Грамматика есть искусство при творцехъ же и исписателехъ яко на мнозѣ глаголаемыхъ писмо, еже являетъ твореніе и исписаніе“.

Учебникъ начинается отдѣлами „О раздѣленіи писменъ“ (гласныя, долгія, краткія, двоевременныя) „О словѣ“ (долгій, краткій, общій) „о реченіи“ и „словѣ“ („слово есть реченій сложеніе, мысль самосовѣршенну являющее“). Затѣмъ слѣдуетъ дѣленіе слова на восемь частей: *различіе*, (т. е. членъ) *имя*, *мѣстоимя*, *глаголъ*, *причастіе*, *предлогъ* и *союзъ*; указываются склоняемыя изъ сихъ частей и несклоняемыя. Далѣе идетъ болѣе или менѣе обстоятельная рѣчь о каждой части въ отдѣльности.—Въ концѣ приложенъ длинный списокъ „строптивыхъ“ глаголовъ, т. е. не подходящихъ подъ общія, вышеизложенныя правила, и сдѣланы краткія замѣчанія о *просодіи*. На послѣднемъ листѣ помѣщенъ Символь вѣры, съ обозначеніемъ, какія члены его составлены на первомъ вселенскомъ соборѣ (противъ Арія) и какія на второмъ (противъ духоборца Македонія).

Намъ нѣтъ нужды вдаваться въ обстоятельный разборъ Львовской грамматики (равно какъ и другихъ послѣдующихъ грамматикъ: это дѣло филологовъ); мы ограничимся замѣчаніемъ, что не смотря на нѣкоторыя, можетъ быть, по мнѣнію специалистовъ въ данномъ случаѣ, и крупныя недостатки означеннаго учебника (куда нельзя не отнести по мѣстамъ неясность въ изложеніи),—появленіе его было важнымъ фактомъ, не мало содѣйствовавшимъ успѣшному изученію греческаго языка въ южно-русскихъ школахъ. Для школы весьма важно было уже имѣть систематически изложенное руководство, а въ этомъ отношеніи *Αδελφότης* особеннаго упрека не заслуживаетъ.

Славянская грамматика Лаврентія Зизанія составлена была не безъ вліянія греческой Львовской грамматики. Отсюда довольно замѣтный ея недостатокъ: стремленіе автора облечь славянскій языкъ въ не всегда сродные ему формы языка греческаго. Но грамматика Лаврентія значительно полнѣе Львовской, снабжена болѣе обстоятельными объясненіями и имѣетъ нѣкоторыя особенности въ самомъ планѣ.—Въ изложеніи та особенность, что оно составлено въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ со славянскаго языка переведены на тоговременный разговорный, а

иногда дополнены и особыми объясненіями—„толкованіями“. Опре- дѣленіе грамматики такое: „оно есть извѣстное вѣжество, еже благо- глаголати и писати“, или по толкованію: „грамматика есть певное вѣ- дане, же бысмы добре мовили и писали“. Она раздѣляется на 4-ре части: *орѳографію*, *просодію*, *этимологію* и *синтаксисъ*. Видовъ *слова* или *частей*, какъ и въ греческой грамматикѣ *восемь*—и разсматриваются они почти въ томъ же порядкѣ какъ въ *Ἀδελφότης*. Одну изъ круп- ныхъ особенностей грамматики Лаврентія въ сравненіи со Львовскою греческою составляютъ помѣщенныя въ ней краткія правила относи- тельно сложенія стиховъ. Послѣднія могутъ быть слагаемы по тремъ „метрамъ“: *ириическому*, *елегическому* и *іамвическому*. Правила со- ставлены примѣнительно къ греческому стихосложенію,—причемъ при составленіи стихотвореній авторъ совѣтуетъ слѣдовать греческимъ поэтамъ.—Въ концѣ учебника приложены: 1) „толкованіе молитвы, второй научилъ Господь Иисусъ Христосъ учениковъ своихъ“,— толкованіе краткое, но ясное, вразумительное,—какое обстоятельство, безъ сомнѣнія, и послужило къ довольно широкому его распростра- ненію въ юго-западной Руси¹⁾, и 2) „*Лексисъ*, сирѣчь рѣченія, въ

¹⁾ Оно встрѣчается въ тогочасовенныхъ рукописныхъ сборникахъ (см. напр. *рукоп. сборн.* Румянц. Москов. Публич. Музея, № 373, гдѣ помѣщенный на лл. 2—8 „Выкладъ молитвы, которой научилъ Иисусъ Христосъ учениковъ своихъ“, есть ничто иное какъ означенное толкованіе Л. Зизанія). Для ознакомленія съ „Толкованіемъ Зизанія“ приве- демъ объясненіе 5 прошенія молитвы Господней: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*. „Тутъ—читаемъ въ толкованіи—просимо о хлѣбѣ двояки, взглядомъ того, же тыжъ и че- ловыкъ есть двоякій, то есть отъ душѣ и отъ тѣла. О телесномъ тогда хлѣбѣ мыслячи, просимо о три речи. О першую, кгда мовимо хлѣбъ, прикладаючи и насущный, то есть который приличенъ нашему существу, жадаемо не толко о самый хлѣбъ але и о всѣ тѣлу нуждныи потребы. А о другую просимо, абы намъ далъ хлѣбъ нашъ а не чужій, то есть зъ своеи працѣ живитися, а не з людского добра. А о третюю, абы нынѣ далъ, а не завтра.—Тутъ насъ учитъ Христосъ Избавитель нашъ, абысмы ся молили не о панства того свѣтніи, анѣ о жадныи преложенства, а не тыжъ о несталое богатство мѣзерного свѣта того. але толко о хлѣбѣ, безъ которого не можемъ обити, и тотъ же быхъ мы непорожне или, але въ потѣ лица нашего. Не каже тыжъ ся намъ простирати на томъ свѣтѣ много лѣтъ собѣ обедаючи жити. але толко поки нынѣшній день есть и што на теперъ потреба о тое кажетъ просити, а не болшей. абысмы стараньемъ завтрешнимъ и печалми житейскими розуму нашего не потлумили и любве противко Бога не нарушали. О духовномъ засъ хлѣбѣ мыслячи, то есть о словѣ Божемъ, просимо, абы намъ далъ хлѣбъ нашъ, то есть нашей науки христіанской слухати, а не еретическихъ вымысловъ, а не поганскихъ наукъ. Кгдажъ и они кормятся, але не своимъ хлѣбомъ, анѣ словомъ, Божіимъ, але прелестю шатанскою. бо якъ тѣло отъ того хлѣба насущного кормится

кратцѣ събраныи изъ словенского языка на простой русскій діалектъ истолкованы“¹⁾).

Достоинства *Грамматики М. Смотрицкаго* и ея значеніе для дальнѣйшаго развитія славянскаго языковѣденія достаточно извѣстны, чтобы о нихъ распространяться. Болѣе полная, чѣмъ учебникъ Зизанія, и ближе стоящая къ духу языка славянскаго, она имѣетъ еще ту особенность, что здѣсь впервые сдѣлана попытка ко введенію тоническаго стопосложенія.

Учебниковъ по другимъ предметамъ до нашего времени не дошло или съ точностію указать ихъ нельзя.—*Латинскій языкъ*, безъ сомнѣнія, изучался по руководствамъ, принятымъ въ польскихъ училищахъ,—и едва-ли уже съ этого времени не проникнулъ въ южно-русскія школы преслуотый *Альваръ*,—хотя, разумѣется онъ здѣсь и не такъ старательно изучался, какъ въ школахъ и въ особенности коллегіяхъ польскихъ. По крайней мѣрѣ въ реэстрѣ книгъ львовскаго ставропигіальнаго братства, составленномъ въ 1601 году²⁾, „Грамматика Олвара“ имѣется; занесены также и еще двѣ латинскія грамматики—*Кленарди* и неизвѣстнаго автора въ восьми частяхъ („партесь осмъ“). Вообще латинскими книгами львовское братство сравнительно бѣдно не было: всѣхъ ихъ въ упомянутомъ реэстрѣ обозначено 18; въ томъ числѣ—„Овидіусъ“, „Официумъ Цицеронисъ“, „Виргиліусъ“, „Мануни Фразесъ“, „Дикціонарь“, и друг.).

О преподаваніи *реторики* и *діалектики* въ древнихъ южно-русскихъ школахъ существуетъ мнѣніе, что первая изучалась „болѣе практическимъ способомъ, чѣмъ по теоріи“; руководствомъ же для вто-

и послюкъ беретъ, такъ власне душа Словомъ Божиимъ кормится и змоцняется. просимо тыжъ ту о хлѣбъ насущный, о покармъ тотъ, которій есть з нашего существа. о пречистое и животворящее тѣло и кровь Христову, абы намъ далъ годне его примовати не на осужденіе, але на збавлене. о пашъ животворящій хлѣбъ просимо, а не о сунтелно змышлений оплатокъ“.

¹⁾ *Каратаевъ* (Описаніе славяно-русскихъ книгъ, изд. 1883 г. т. I, стр. 272) говоритъ, что *Лексисъ* помѣщенъ въ *Азбуку* 1596 г. Но онъ, кажется, введенъ былъ въ заблужденіе экземпляромъ означенной *Азбуки*, находящемся въ Импер. Публ. Библиотекѣ, гдѣ *Лексисъ* дѣйствительно помѣщенъ, но попалъ туда случайно. Впрочемъ *Лексисъ* едва-ли не былъ изданъ и отдѣльно.—Для примѣра толкованій въ немъ дѣлаемъ небольшую выдержку: „Адонай=Господь, Панъ. Абіе=заразъ. Авеа=тато, отецъ. Ангель=въстникъ, albo повѣдаць. Амеиць=барашекъ. Амница=малая—овечка“, и проч.

²⁾ Прилож. къ нашему сочиненію—*Кіевскій митр. Петръ Могила*, № XXII.

рой могла быть всего скорѣе діалектика Дамаскина, — доказательствомъ чего служить „множество славяно-русскихъ списковъ ея XVI—XVII столѣтій“¹⁾. Мы однако склонны думать, что и преподаваніе указанныхъ наукъ велось при пособіи латинскихъ руководствъ, которыя могли быть (вслѣдствіе слабой постановки въ школахъ латыни) переводимы на русскій языкъ. Изъ Луцкаго устава видно, что въ тамошней школѣ изучалась *реторика и діалектика* по переведеннымъ на славянскій языкъ руководствамъ²⁾. Въ Архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ при св. Синодѣ, подъ № 1070, находится „выпись с гродскихъ книгъ воеводста виленскаго“, отъ 14 авг. 1614 г., заключающая въ себѣ жалобу отъ имени учителя братской школы „шляхтича учтиваго“ пана Мартына Войславскаго, избитаго латино-уніатскими педагогами, когда онъ къ нимъ пришелъ. Для нашей цѣли интересенъ поводъ, побудившій Войславскаго — *педагога братской православной школы* — пойти къ педагогамъ латино-уніатскимъ: послѣдніе просили его къ себѣ, „*хотячи ему біблію латинскую и діалектику продати*“. Въ упомянутомъ реестрѣ книгъ львовскаго братства помещена „*діалектика Мънанъ и реторика*“. Къ этому нелишне прибавить, что Іоаннъ Вишенскій не возставалъ бы такъ ожесточенно противъ преподаванія въ тогочасныхъ южно-русскихъ школахъ діалектики, если бы она преподавалась по Дамаскину, и не называлъ бы ее наукою „зъ бѣлаго черное, а съ чернаго бѣлое превторяти учащую“. — Вообще мы думаемъ, что хотя обученіе въ южно-русскихъ братскихъ школахъ до-могилянскаго періода и характеризуется (и справедливо) преобладаніемъ въ нихъ элемента греческаго (точнѣе нужно сказать — славяно-греческаго), но въ это уже время въ школьномъ преподаваніи замѣтны сильныя слѣды вліянія и *латино-польскаго*. Это неизбѣжно должно было случиться (особенно къ концу разсматриваемаго періода) уже потому, что большинство наставниковъ въ сихъ школахъ сами доканчивали свое образованіе въ коллегіяхъ латино-польскихъ. — Обращаемся въ частности къ Кіево-

¹⁾ *Педагогія древ. братскихъ школъ. М. Линчевскаго.* (Труды Кіев. дух. Академіи 1870 г. сент. 132—133).

²⁾ „А такъ нынѣ тому учатся, до болшихъ приступаючи, къ діалектице и реторице, *которыя науки по словенску переведенныя, русскимъ языкомъ стисано діалектику и реторику* и проч.

богоявленной братской школѣ. Хотя свѣдѣній о риторическихъ учебниковъ, принятыхъ въ этой школѣ, до нашего времени и не дошло,—но сохранились три риторическія произведенія, вышедшія изъ подъ пера ея ректора—Кассіана Саковича. Это—помѣщенные нами въ приложеніяхъ *Вирши на смерть гетмана Сагайдачнаго* и двѣ *панегирическія рѣчи* для произнесенія ихъ при погребеніи какого либо „заднаго чловѣка“. Принадлежа профессору реторики, указанныя произведенія представляютъ собою *примѣрные образцы высокой пробы* и очевидно совмѣщаютъ въ себѣ максимумъ тѣхъ достоинствъ при риторическихъ упражненіяхъ, приближеніе къ которымъ было желательно и *требовалось* отъ обучавшихся этой наукѣ.—Но, разумѣется, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что означенныя произведенія составлены подъ сильнымъ вліяніемъ реторикъ, господствовавшихъ въ латино-польскихъ коллегіяхъ (въ которыхъ Саковичъ—какъ увидимъ—и обучался) и представляютъ довольно вѣрное отображеніе подобныхъ же произведеній, выходившихъ изъ сихъ коллегій. Та витіеватость, тѣ риторическія фигуры, стремленіе блеснуть отрывочными свѣдѣніями изъ мифологіи, римскихъ и греческихъ древностей, географіи, исторіи,—вообще блестящая, ложная эрудиція, а отчасти похлебство и ласкательность, щекотавшія чловѣческую суетность,—все это,—хотя можетъ быть и не въ столь грандіозныхъ размѣрахъ, какъ въ произведеніяхъ латино-польскихъ (особенно іезуитскихъ) писателей,—замѣчается и въ *Виршахъ* Саковича (только талантливость автора при теплотѣ чувства, до извѣстной степени, сглаживаетъ означенные недостатки тоговременной реторики).—Латино-польское вліяніе не въ меньшей мѣрѣ замѣчается и въ *образныхъ рѣчахъ* Саковича. Тѣ хорошо извѣстные пріемы схоластической латино-польской науки, укоренившіеся въ южно-русскихъ панегирическихъ произведеніяхъ послѣдующаго времени и всецѣло перешедшія и въ церковное проповѣдничество (см. *Ключъ разумнія*, Іоаннія Голятовскаго,—въ особенности приложенную къ нему *науку короткую, albo способъ зложеня казаня*),—пустили довольно крѣпкіе ростки въ Кіево-братской школѣ уже и за рассматриваемый нами періодъ. Въ рѣчахъ Саковича на первомъ планѣ поставляется готовая схоластическая форма съ голословнымъ и общимъ для нея содержаніемъ.—Для примѣра укажемъ хотя-бы на слѣдующее мѣсто въ первой изъ его рѣчей, служившихъ образцомъ, какъ должно восхвалять по-

чившую зацную особу: „о зацности зась уроженя его, и фамиліи ихъ Мил. п. непотреба В. М. припоминать (абымъ ся незадалъ солнцу свѣтлости придавать) вѣдома бо вѣмъ есть В. ММ. зацность и старожитность дому ихъ Мил. П: Имя рекъ, не только въ томъ краю и повѣтѣ, але и по иншихъ краяхъ, ажъ тыжъ и въ чужихъ земляхъ. Кройники свѣдчатъ явіе рицерѣ съ той фамиліи выходили, свѣдчатъ и дѣлности и мужества: венць безпечне речи ся можетъ, же тая фамилія выводитъ мужовъ высокихъ становъ и достоинствъ годныхъ. Не вспоминаю тутъ для короткости часу, якіи мензства въ справахъ рицерскихъ въ томъ нашомъ змерломъ мужу находвалися, которыхъ онъ (тамъ а тамъ) доказаль, же праве пасованого рыцара славу относиль. Свѣдками того живыми и очевистыми суть раны, близны, и пострѣлы его, которыи онъ зъ одваженьемъ здоровья, боронячи милои Ойчизны подыймоваль: прото слушне смерть таковыхъ оплакивати маемъ, албо рачей насъ самыхъ, же такихъ людей утрачаемъ, которыи церкви Божей, ойчизнѣ нашей, и вшисткимъ пожитечны были“..... и проч. ¹⁾).

Сказанное о реторикѣ, очевидно, вполне приложимо и къ *диалектикѣ*, преподаваніе которой, можно думать, возлагалось на одного и тогоже наставника. Что касается до *философіи*, то отдѣльнаго класса для нея въ Кіево-братской школѣ не было (какъ его не было и въ другихъ братскихъ школахъ того времени). Вообще, преподаваніе философіи въ древнихъ братскихъ школахъ стояло не на высокой степени, ограничиваясь выборкою нѣкоторыхъ философскихъ отрывковъ, переводимыхъ на славянскій языкъ (см. *уставъ мужской школы*).—Не на высокой степени стояло и *Богословіе*, понимаемое въ смыслѣ науки. Хотя главная задача школьнаго ученія состояла въ томъ, чтобы вкоренить въ умы воспитанниковъ твердое знаніе истинъ православной вѣры, обоснованныхъ на св. Писаніи, постановленіяхъ вселенскихъ соборовъ и свято - отеческихъ

¹⁾ На профессора реторики, очевидно, возлагалось и преподаваніе *Гомилетики*, которая входила въ означенную науку, какъ одна изъ существенныхъ ея частей. Вообще на лучшую постановку проповѣдничества въ то время обращено было *серьезное* вниманіе,—что опять-таки стояло въ ближайшей связи съ потребностями времени: вызвано было, съ одной стороны, противодѣйствіемъ иновѣрной пропагандѣ, а съ другой—желаніемъ придать православному богослуженію ббльшую торжественность. При монастыряхъ и братствахъ установлена была особая должность *іерокириковъ* (проповѣдниковъ). При братствахъ обязанности проповѣдничества, въ большинствѣ случаевъ возлагались на учителей (*Кириллъ Трапезницкій, Стефанъ Зизаній*,—въ кіевск. братствѣ—*Кассіанъ Саковичъ*,—какъ самъ онъ говоритъ объ этомъ въ своихъ замѣткахъ на *Ливосъ*).

писаніяхъ, и дать чрезъ то надежную опору для борьбы съ ино-вѣріемъ; но цѣли этой южно-русскія школы въ начальный періодъ своего существованія достигали чрезъ непосредственное ознакомленіе съ источниками христіанскаго вѣроученія, кратко изъясняемыми и толкуемыми примѣнительно къ духу православія. Научной же богословской системы въ школахъ еще не имѣлось. Заниматься ею „изъ чуждаго источника и примѣнять къ потребностямъ обученія въ духѣ православія—какъ это сдѣлано впоследствии—южно-руссѣ не рѣшались. Составленіе же собственной системы естественно замедлялось вслѣдствіе молодости самой науки въ Россіи. Притомъ это дѣло требовало большой осмотрительности. Возбужденная борьбою съ католическою и протестантскою пропагандою богословская мысль въ юго-зап. Руси не успѣла еще получить окончательной опредѣленности и устойчивости въ духѣ строго-православномъ. Южно-русскіе богословы иногда высказывали мнѣнія, не вполне согласныя съ ученіемъ православной церкви, и не всегда были согласны между собою (*Зизаній* отвергалъ частный судъ, *Ортологъ* его признавалъ). *Катихизисъ* Зизанія непосредственно послѣ своего изданія подвергся жестокимъ нападкамъ со стороны латино-уніатской партіи. Разумѣется, это дѣлаетъ ему только честь; но едва-ли всѣ мнѣнія, высказанныя въ немъ, были строго-православными,—какъ это можно заключать даже по дошедшимъ до насъ извлеченіямъ изъ означенной брошюры¹).—Впрочемъ, отсутствіе научной богословской системы въ южно-русскихъ школахъ до извѣстной степени восполнялось религіозно-полемиическими сочиненіями, въ значительномъ количествѣ выходившими изъ подъ пера ревнителей православія, гдѣ спорные пункты между церквами православною и иповѣрными излагались съ большею обстоятельностью²).

Математическія и *историческія* науки, преподаваніе воихъ не высоко стояло и въ послѣдующее время,—безъ сомнѣнія, еще ниже стояли въ древнихъ братскихъ школахъ. Полагаемъ, что обученіе первыхъ ограничивалось элементарными правилами и краткою пасхаліею. Правда въ Евхаристиріонѣ (1632 г.) въ числѣ наукъ, изу-

¹) См. подробнѣе наши *Библиограф. замѣчанія о старопеч. церковно-славянскихъ книгахъ*. (Труды К. Д. А. 1876 г. № 1).

²) Ознакомленіе воспитанниковъ южно-русскихъ школъ съ полемиическими сочиненіями не подлежитъ сомнѣнію. Объ этомъ иногда заботились сами ихъ авторы. (См. прилож. къ соч. *Кѣв. митр. Петръ Мочила* и проч. № XVШ).

чаемыхъ въ лаврской могилянской школь, указываются: „*Геометрія*“, которая учить землѣ размѣреня“ и „*Астрономія*“, сообщающая свѣдѣнія „о бѣгахъ небесныхъ“; но, имѣя въ виду сообщаемыя воспитанниками южно-русскихъ школъ даже позднѣйшаго времени свѣдѣнія, почерпнутыя изъ математическихъ наукъ (см. *Ключъ Разумнiя І. Голятовскаго*), смѣло можно утверждать, что руководства по означеннымъ наукамъ представляли въ то время, въ большинствѣ случаевъ, ходячіе выдумки и басни астрономическіе (напр. перечисленіе дней мѣсяца съ различными предостереженіями).—О преподаваніи *историческихъ* наукъ вовсе не упоминается въ школьныхъ уставахъ; безъ сомнѣнія, историческіе факты сообщались самыя отрывочныя и служили прикладными знаніями къ другимъ предметамъ (напр., реторики, чтобы при случаѣ блеснуть ерудиціею).

Можно думать, что значительно выше стояло въ южно-русскихъ школахъ того времени обученіе *пѣнію*,—какое обстоятельство должно поставлять въ связи съ наиболѣе насущными потребностями, предъявляемыми самою жизнью. Въ южной Руси (какъ и сѣверо-восточной) было въ употребленіи крайне неблагозвучное, такъ называемое, хомовое пѣніе. Между тѣмъ здѣсь, рядомъ съ православными храмами, стояли костелы католическіе, въ которыхъ—въ особенности съ водворенія въ польско-литовскихъ областяхъ іезуитовъ—на благолѣпіе и торжественность обстановки при богослуженіи обращено было преимущественное вниманіе. Естественно, что пропагандисты католицизма не упускали случаевъ дѣлать невыгодное для православныхъ сравненіе между ихъ богослужебными порядками и своими. Отсюда—вполнѣ понятныя заботы ревнителей православія снять укоризну съ своей церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранить поводъ къ учащавшимся посѣщеніямъ православными католическаго богослуженія ¹⁾. Реформа въ пѣніи, надо полагать, совершалась подъ вліяніемъ латино-польскихъ образцовъ, на что есть и положительныя указанія, хотя и принадлежащія противному лагерю. Такъ напр., Мелетій Смотрицкій, по переходѣ своемъ въ унію, защищая послѣднюю, писалъ по адресу православныхъ: „Говорите, о проклятая унія! А давно ли говорили: о проклятая проповѣдь, о проклятое *искусное пѣніе!* Од-

¹⁾ См. любопытную выдержку изъ тоговременной рукописи, имѣющую отношеніе къ данному вопросу, въ нашемъ сочиненіи—*Кіев. митр. Петръ Мочила и его сподвижники*. т. I, стр. 214—215; прим. 110.

накоже теперь, *когда все это переняли, то считаете добромъ* ¹⁾.— Заботы объ улучшеніи пѣнія и обученіи ему въ южно-русскихъ школахъ должно отнести еще къ самому начальному періоду ихъ существованія. Когда въ 1591 году прибылъ во Львовъ митрополитъ Михаилъ Рогоза, то братство привѣтствовало его въ церкви и въ своей школѣ стихами (на греческомъ и славянскомъ языкахъ), которые *плмись отроками* (учениками), *раздѣленными на три мѣка* ²⁾. Что касается до Кіева и въ частности Кіево-братской школы, то о лучшей постановкѣ здѣсь пѣнія много заботился ея ректоръ, а впослѣдствіи митрополитъ кiev. Іовъ Борецкій. Кассіанъ Саковичъ въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ ³⁾ говоритъ, что въ южно-русскихъ православныхъ церквахъ, подобно тому какъ въ Московіи, служба отправляется безъ надлежащаго вниманія, спѣшно,—а самое пѣніе—не благозвучное, съ искаженіемъ текста славянскаго; такъ напр., вмѣсто *о рѣкѣтихъ мнѣ*, поется: *о рекоше ихъ мени*,—вмѣсто *Христосъ Богъ нашъ*—*Христосо Бого наше*, и проч. Но при этомъ собственно о кievскомъ пѣніи замѣчаетъ, что объ улучшеніи его много заботился *Іовъ Борецкій*,—хотя будто бы его старанія и не увѣнчаны были полнымъ успѣхомъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о *порядкахъ школьныхъ*, а также о постановкѣ въ школѣ *воспитательно-дисциплинарной* части, дошли и до нашего времени, хотя тоже не въ изобиліи. Свѣдѣнія эти касаются отдачи дѣтей *въ науку*, ихъ поведенія въ школѣ и внѣ ея, *дисциплинарныхъ взысканій* и наконецъ требованій, предъявлявшихся относительно *благоповеденія* самихъ наставниковъ, имѣвшихъ служить образцемъ для своихъ питомцевъ.

Такъ какъ учебный годъ въ то время, какъ и теперь начинался

¹⁾ Exthesis, abo expostulatio to iest rozprawa między Apologią y Antidotem (изд. 1629 г. во Львовѣ).

²⁾ *Просфонима Пресвященному архіеп. Кгръ Михаилу Митрополиту Киевскому*—и проч. Львовъ, 1591 г.—Означенный панегирикъ (въ славянскомъ текстѣ) изданъ нами въ *Кiev. Епарх. Вѣд.* 1874 г.

³⁾ Замѣтки эти сдѣланы на Λ ι θ ο ς'ѣ (1644 г.), направленномъ противъ *Perspektiwу* Саковича (1642 г.). Они представляютъ весьма важный матеріалъ для характеристики южно-русской обрядности того времени; изрѣдка встрѣчаются въ нихъ и историческія указанія. Экземпляръ Лицеоса съ означенными замѣтками (ими иснещрены всѣ поля книги) находится въ библиотекѣ Варшавскаго Университета. Со временемъ мы надѣемся помѣстить ихъ въ полномъ видѣ въ приложеніяхъ ко II тому своего сочиненія о *Кievскомъ митрополитѣ Петрѣ Мошль*.

съ осени, именно съ сентября мѣсяца¹⁾—то къ означенному времени преимущественно и былъ приуроченъ пріемъ учениковъ въ школу. Но относительно этого строгихъ правилъ не существовало: принимались дѣти и въ срединѣ учебнаго года²⁾. Доступъ въ школу открытъ былъ для всѣхъ сословій, какъ для лицъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ³⁾.—Прежде отдачи сына для обученія родители должны были присмотрѣться къ школьному порядку, дабы впослѣдствіи не раскаяваться и прежде времени не отрывать ученика отъ науки. Самое поступленіе въ школу обставлено было такою формальностію: отдающій въ науку сына или родственника долженъ взять съ собою одного или двухъ свидѣтелей— „да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь“— и войти съ учителемъ въ соглашеніе относительно обученія мальчика согласно со школьными порядками. Здѣсь же условливались о платѣ за обученіе, послѣ чего ученикъ заносился въ школьный списокъ (реестръ⁴⁾). Что касается до платы, то она въ разныхъ школахъ, да и въ одной и той же, въ разныя времена, была не одинакова. Притомъ, при опредѣленной нормѣ, установившейся въ извѣстное время (рукоп. протоколы засѣданій Львов. братства), были отъ нея уклоненія, чтó, очевидно, зависѣло отъ бóльшей или меньшей состоятельности родителей или родственниковъ ученика⁵⁾. Въ школьномъ реестрѣ Львовскаго братства за 1587 годъ читаемъ:—„Карпо далъ сына своего Стецка до школы русское на науку грошей (заплатилъ) 16“. „Попъ Иванъ Болбега далъ сына своего Иванца до школы русское на науку... грошей 12. „Панъ Иванъ Красовскій отдалъ хлопцовъ два.... своихъ Романа и Андрея, отъ одного 12 грошій, а другій шесть грошій“. „Варвара Грицковская отдала презъ пана Леска сына своего Оедька, грош. 6“ и т. п.—Кромѣ денежныхъ взносовъ

¹⁾ Акт. Львов. Ставр. Архив. fasc 418.—Срав. *Прилож.* № XI.—*Кіев. митроп Петръ Могила и его сподвижники*, т. 1, прилож. № LXXXIX.—Учебный годъ раздѣлялся на кварталы, т. е. на четыре части (первый Луцкій уставъ пун. 1).

²⁾ Школьный реестръ львовской братской школы (рукоп. Архив. Львов. Ставр. Института, fasc. 47).

³⁾ *Ibid.*—См. подписи студеевъ Кіево-братской школы подъ *Вишнями* Саковича *Прилож.* № VI).

⁴⁾ Уставы школъ Львовской и Луцкой.

⁵⁾ Безъ сомнѣнія, имѣлось при опредѣленіи количества взноса и то, въ какой классъ включаемы были ученики.

были приношенія за обученіе и натурою. Въ томъ же школьномъ реэстрѣ львовскаго братства читаемъ: „Я Иванъ Богатырь Крамарь отдаю сына своего Михаила Стефану даскалу рускому на науку славенскаго писма, и маю платити на кварталъ 12 грошей полскихъ и возъ дровъ на зиму“ „Попъ Стефанъ самъ презъ себе далъ хлопца Арсенія... 12 грошій и возъ дровъ“, (въ нѣкоторыхъ записяхъ послѣ денежнаго взноса прибавка: „и што ласка его“).—Съ воспитанниковъ бѣдныхъ плата вовсе не взималась: „Маруша Стецковская вдова отдала сыновъ своихъ презъ попа Лекса сиротъ двоихъ: Якова и Григорія (на мѣстѣ, гдѣ заносилась плата обозначено—*сироты*). Въ реэстрѣ того братства за 1588 читаемъ: „Катерина вдова дала сына ея Юлка“ (на мѣстѣ платы: *нищій*¹⁾)... Мало того, безпощные бѣдняки и содержались на счетъ школы, находя въ ней для себя кровь, пищу и одежду.

Ученики должны были приходитъ въ школу и выходить изъ нея въ опредѣленное время²⁾. Передъ началомъ ученія читались положенныя молитвы. Каждое утро учитель дѣлалъ перекличку учениковъ и если замѣчалъ, что кого либо нѣтъ, посылалъ узнать о причинѣ его не прихода въ школу (не заигрался-ли гдѣ, не лѣнится-ли, не проспалъ-ли, и т. п.). Посланные должны были обо всемъ этомъ разузнать и виновнаго привести къ учителю. Сидѣли ученики въ школѣ соотвѣтственно успѣхамъ: лучшіе занимали первыя мѣста, худшіе—послѣднія. „Богатые предъ убогими—говорилось въ школьныхъ уставахъ—ни чѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою. Ибо всѣ мы братія о Христѣ; всѣ мы члены одной главы Христа, и ни одинъ членъ, напр. глазъ рукѣ и рука ногѣ не можетъ сказать: ты мнѣ не нужна“. Учителю тоже вмѣнялось въ обязанность не дѣлать никакого различія между богатыми и бѣдными.

Всѣ ученики, поочереди и понедѣльно, должны были исполнять слѣдующія обязанности: ранѣе другихъ придти въ школу, подмести ее, затопить зимою печку, и потомъ сидѣть у дверей, наблюдая обо всѣхъ, кто выходитъ и входитъ. Они должны были записывать и доносить о тѣхъ, которые бы не учились, шалили, стояли

¹⁾ *Рукоп. Львов. Ставроп. Инстит. fasc. № 47.*

²⁾ Въ лѣтніе мѣсяцы ранѣе, въ зимніе позже.

енблагопристойно въ церкви, вели себя неприлично по пути изъ школы и т. п.—Въ классахъ послѣ молитвы учителемъ спрашивались заданные съ вечера уроки, а потомъ уже шло дальнѣйшее обученіе. Послѣ обѣда мальчики, каждый для себя должны были списывать на таблицѣ свои уроки, заданные имъ отъ учителя; исключая малолѣтнихъ, которымъ учитель самъ обязанъ былъ писать. А выучивъ въ школѣ трудныя слова, должны другъ друга спрашивать, отходя домой, или собираясь въ школу. А вечеромъ пришедши изъ школы домой, дѣти передъ родственниками, а посторонніе всякаго сословія ученики, живущіе на квартирахъ, передъ своимъ хозяиномъ, должны прочесть тотъ урокъ, который въ школѣ учили, съ объясненіемъ его, какъ то бываетъ въ школѣ. А что учили въ тотъ день, должны списать вечеромъ на дому, и принесть въ школу по утру, и показать своему учителю, дабы всякій плодъ ученія былъ извѣстенъ: отъ плода бо древо познано будетъ.—По субботамъ дѣлалась провѣрка всего пройденнаго въ теченіе недѣли. Въ это же время производилась расплата за лѣность нерадивыхъ учениковъ, которымъ приходилось „и памятнаго по чаши школьной испити“. Вообще надо полагать, что къ тѣлесному наказанію въ южно-русскихъ школахъ разсматриваемаго времени прибѣгали нерѣдко. На заглавномъ листѣ Виленской *грамматики* (точнѣе азбуки) 1621 г. находится литографированное изображеніе, гдѣ представлена внутренность школы: столъ, засѣдающіе около него учителя и передъ ними ученикъ въ положеніи *пьющаго памятную чашу школьную*. Самые азбуковники, представляющіе изъ себя—какъ мы замѣтили—родъ дѣтскихъ энциклопедій, въ значительной степени наполнены изреченіями, рассчитанными на то, чтобы вкоренить въ умахъ питомцевъ и ихъ родителей пользу, проистекающую отъ тѣлеснаго наказанія. Въ той же грамматикѣ 1621 г. находимъ, напр., слѣдующія изрѣченія: „Не отъимай отъ дѣтища твоего казни; безуміе бо есть привязано въ сердци отрочати, жезломъ изжениши его“. „Дѣтищу, иже даютъ волю его, на послѣдокъ посрамотитъ мать свою, аще-ли накажеша его жезломъ, не умретъ отъ того. Ты бо жезломъ біеша его, душу же его отъ ада избавиши. Аще ты въ юности накажеша его, и онъ успокоитъ тебя на старость твою“. „Иже щадитъ жезлъ свой, ненавидитъ сына своего, а любяй и, прележно наказуетъ“... и проч. Таже самая мысль про-

водится и въ сочиненіи *О воспитаніи чадъ*, изд. въ 1609 г. во Львовѣ¹⁾.

По субботамъ же учителямъ вмѣнялось въ обязанность „немалое время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ

¹⁾ Полное заглавіе: *Иже въ Святыхъ Отца нашего Иоанна Златоустаго. Бесѣда избранная о воспитаніи чадъ. Въ Львовѣ. Въ друкарни братской. Лѣта отъ Рождества Христова 1609. Индиктіона 7, Іуніа 29.* — Брошюрка эта, о потерѣ которой жалѣли изслѣдователи, находится въ библіотекѣ греко-уніатской консисторіи во Львовѣ. Но надежды, возлагавшіяся на нее, какъ важный памятникъ для характеристики педагогіи древнихъ южно-русскихъ школъ, не оправдываются. Вся она состоитъ изъ перевода означенной въ ней бесѣды Иоанна Златоустаго, изреченій Василія Великаго и Ливанія Софиста, почти безъ всякихъ примѣненій ихъ къ жизни современной. Сравнительно болѣе интересно предисловіе къ брошюрѣ, изложенное стихами. Приведемъ изъ него небольшую выдержку, имѣющую нѣкоторое отношеніе къ предмету нашихъ изслѣдованій. Сказавши, что переводъ бесѣды Златоустаго, предпринятъ авторомъ вслѣдствіе заботливости „о цнотливомъ васѣ (учениковъ) въ молодости выхованю, и цѣломъ о дѣточкахъ отцевскомъ стараніи“ — авторъ продолжаетъ:

Якобы от Бога не подняли карая:
 Давши сынумъ, сразу доброе выхованя.
 Звлѣща надъ все, тое хотячи уважати:
 Жебы васъ заразъ въ науку заправовати.
 С котрои якъ зъ жродла все доброе походитъ:
 И презъ ню чловѣкъ, чловекомъ ся находить.
 Котрую такъ наддеръ, святые поважаютъ:
 Же злотымъ уроженямъ еи называютъ.
 Тои то родзай, нѣкгды нехай ся не зводитъ:
 Але ся завше, въ народѣ людскомъ находить.
 О котруй, цный народъ Русскій занедбаваеъ:
 И за подлѣйшую речъ собѣ покладаеъ.
 Зачимъ въсякій нерадъ, и все злое походитъ:
 И до погорженя, цный тотъ народъ приходить.
 Же для простоты, много ся ихъ уругають:
 И не наукою очи замндлявають.
 Прето тыжъ, за барзо слущную ся намъ здало:
 Абы се о васъ до отцувъ вашихъ подало.
 Якобы преднѣйшимъ тымъ добрымъ не възгоржали:
 И въпродъ въсего, о науце ся вамъ старали.
 Скопѣ имъ же самымъ, от васъ, зъ лѣйшимъ венцѣ биваеъ,
 Же кождый сынъ, зъ науки отца поважаеъ.
 До котрои ся вы тылко, о дѣти мѣйте:
 И що ест вамъ съ пожиткомъ сами разумѣите.
 На Златоустаго радѣ, полѣгаючи:
 И его злотымъ словамъ, цѣло уфаячи.... и проч.

дѣтьми, поучая ихъ страху Божию и строгой нравственности“, т. е. какъ они должны вести себя въ церкви, дома, предъ родителями, старшими, учителями. Именно, имъ внушалось неопустительно въ воскресные и праздничные дни посѣщать богослуженіе, стоять тамъ со страхомъ Божиимъ, со всевозможною тишиною, внимательно слушать все читаемое и поемое; исполнять христіанскій долгъ исповѣди и св. причастія (четыре раза въ году); къ мѣстамъ, посвященнымъ Богу, какъ то: монастырямъ, церквамъ, училищамъ питать почтеніе (снимать шапки). Внушалось родителямъ и учителямъ оказывать послушаніе и покорность; старшимъ уваженіе (кланяться, снимать шапки), дурныхъ товариществъ не заводить, еретическихъ книгъ не читать, и т. п.

Такъ какъ главный надзоръ за религіозно-нравственною жизнію воспитанниковъ ввѣрялся попеченію наставниковъ, то братства прилагали сильное стараніе о возможно лучшемъ подборѣ послѣднихъ. Учитель долженъ быть „благочестивъ, смиреномудренъ, кротокъ, воздерженъ не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не сквернословъ, не гордый, не басносказатель, не пособникъ ересей; но споспѣшникъ благочестія, во всемъ представляющій собою образецъ благихъ дѣлъ“.— Иногда нѣкоторыя братства для преподаванія латинскихъ наукъ, не имѣя въ наличности своихъ православныхъ наставниковъ, приглашали и иностранцевъ (нѣмцевъ—Виленское братство). Но это—какъ мы видѣли—дѣлаемо было въ видѣ исключенія, по крайней необходимости. За преподаваніемъ такихъ учителей былъ особенный надзоръ. Впрочемъ подъ надзоромъ братства были и всѣ остальные дидаскалы, для каковой цѣли братчики на общихъ собраніяхъ избирали изъ среды себя довѣренныхъ лицъ¹⁾.

Но особенно большія старанія прилагали братства при выборѣ въ своихъ школахъ главныхъ для нея начальниковъ—ректоровъ, дававшихъ тонъ и направленіе всему школьному преподаванію. Поэтому уже одно знакомство съ этими лицами можетъ до извѣстной степени служить основаніемъ для сужденій о той или другой постановкѣ школьнаго обученія въ находившихся подъ ихъ вѣдѣніемъ учебныхъ заведеній.

¹⁾ Школьные уставы Луцкій и Львовскій. Лѣтопись Львовскаго братства Зубрицкаго.

Мы имѣемъ возможность указать почти на всѣхъ ректоровъ Кіево-братской школы рассматриваемаго времени. Именно, ректорскую должность занимали здѣсь въ періодъ отъ 1615 по 1631 г. слѣдующія лица:

Іовъ Борецкій. (1615—1619) Іовъ Борецкій, въ мірѣ носившій имя Іоанна Матвеевича, былъ родомъ изъ Галиціи, — изъ мѣстечка *Борсчи*, откуда очевидно происходитъ и самая фамилія Борецкихъ ¹⁾. Гдѣ получилъ образованіе Борецкій—свѣдѣній не сохранилось, но имѣя въ виду его ученую дѣятельность и довольно либеральные по тому времени взгляды на западно-европейскую науку, безошибочно можно думать, что онъ слушалъ лекціи въ коллегіяхъ заграничныхъ ²⁾. При своемъ глубокомъ знаніи древнихъ языковъ, Іоаннъ Борецкій былъ знатокомъ свято-отеческихъ твореній: „учитель сый благочестія и достовѣренъ въ *Божественныхъ писаніяхъ*“—какъ говорится о немъ въ предисловіи къ *Анѳологіону* (изд. 1619 г. Кіев.), большею частію имъ не только переведенному съ греческаго языка на славянскій, но и *исправленному и истолкованному*. Служеніе Іова Борецкаго братскимъ школамъ восходитъ къ началу XVI столѣтія. Въ 1604 году онъ упоминается въ бумагахъ львовскаго братства, какъ *ректоръ* его школы, преподававшій здѣсь *латинскій языкъ*. Въ это время онъ былъ уже женатъ ³⁾. Но въ слѣдующемъ году Борецкій оставилъ львовскую школу (можетъ быть вслѣдствіе недоразумѣній съ братчиками по поводу вознагражденія ⁴⁾, и, кажется, жилъ нѣкоторое время у князя К. К. Острожскаго ⁵⁾. Когда переселился онъ въ Кіевъ съ точностію неизвѣстно. Въ актахъ того времени упоминается поппъ Іванъ Воскресенскій еще въ

¹⁾ Мнѣніе, что Іовъ Борецкій былъ родомъ изъ Черниговской губерніи (*Арх. Юно-Зап. Рос.* ч. 1, т. V предис. стр. 27), *неверно*.—Прямое указаніе на мѣсто родины Борецкаго находится въ одной изъ его грамотъ, помѣщенныхъ въ прилож. къ нашему сочиненію—*Кіевскій митроп. Петръ Могила и его сподвижники* (№ LXVII).

²⁾ Въ четверостишіи, помѣщенномъ въ изданной 1605 г. въ Дерманѣ брошюрѣ, (*Листъ* Мелетія патріарха) Борецкій называется—Апольшви коханымъ и въ Парнаси на лонѣ музъ выхованымъ.

³⁾ Жена его была *Никофора Θεодоровна Чеховичевна*. Такъ она называется въ помянникѣ Кіево-михайловскаго монастыря (стр. 67).

⁴⁾ Основаніе для этого предположенія даетъ напечатанный нами въ прилож. къ сочиненію—*Кіев. митр. Петръ Могила*—документъ, № XXVIII.

⁵⁾ Принималъ участіе въ переводѣ грамотъ Мелетія патріарха.

1611 году¹⁾; но на основаніи одноименности дѣлать заключеніе, что это былъ именно нашъ Борецкій, рискованно. Отъ начала 1615 г. имѣются уже, хотя косвенныя, но вѣсныя доказательства о пребываніи въ Кіевѣ Борецкаго²⁾, кажется вызваннаго сюда Елисеємъ Пленецкимъ, заботившимся о привлеченіи въ Лавру ученыхъ мужей³⁾, (Борецкій, какъ человѣкъ женатый, не могъ жить въ монастырѣ, поэтому ему данъ приходъ). Первое свидѣтельство о ректорствѣ Борецкаго въ Кіево-братской школѣ относится къ 1617 г.; но имѣемъ полное основаніе думать, что оно началось съ 1615 г.,—т. е. со времени возникновенія Кіевского братства и школы при немъ и продолжалось или до 1619 (до времени поступленія Борецкаго на Кіево-Михайловское игуменство) или даже до 1620 г.⁴⁾.—Дѣятельность Борецкаго и его значеніе въ исторіи западно-русской церкви, какъ ревностнаго борца за православіе, хорошо извѣстны и не нуждаются въ разъясненіи. Замѣтимъ только, что Борецкій и по вступленіи на митрополию не прекращалъ тѣсныхъ связей съ Кіево-братскою школою, оставаясь ея защитникомъ и покровителемъ до самой своей кончины,—(† 2 марта 1631 г.), и заслуживши отъ нея спудеевъ названіе *милостивца и мецената* (надгроб. надпись).

Кассіанъ Саковичъ. (1620—1624). Для опредѣленія времени ректорства Саковича въ Кіево-братской школѣ имѣются слѣдующія данныя: отъ 1622 года извѣстны его *Вирши* на жалостный погребѣ Сагайдачнаго; о пребываніи своемъ въ Кіево-братскомъ монастырѣ въ концѣ 1623 дода или началѣ слѣдующаго онъ говоритъ самъ, упоминая мимоходомъ о пріѣздѣ въ это время въ Кіевъ Мелетія Смотрицкаго, съ которымъ онъ имѣлъ въ братскомъ монастырѣ сви-

¹⁾ Арх. Греко-ун. митроп. № 3155 (выпись съ книгъ воевод. Кіев. отъ 1611 г.).

²⁾ Въ помянникѣ Кіево-мих. монастыря читаемъ: „*Теодоры, дщери Іоанна Борецкаго. яже преставися въ мѣсто 1615 марта 25 въ субботу, маючи недѣль 19 отъ рождества своего, на четвертокъ день рожденія*“. Такая точность даты ясно свидѣтельствуесть о томъ, что фактъ кончины занесенъ въ помянникъ непосредственно или очень скоро послѣ нея.

³⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду постоянные труды Борецкаго (особенно на первыхъ порахъ) по изданію Лавроу богослужебныхъ книгъ.

⁴⁾ Жена Борецкаго тоже постриглась. Свѣдѣнія о дѣтяхъ Борецкаго, см. *Матеріалы для Исторіи возсоединенія Руси, Кулиша*. т. I. № XXI... *Археол. сбор. докум., объясняющ. исторію Сѣв.-Запад. Руси VII*. 87. Прилож. къ сочиненію—*Кіев. митр. Петръ Могила*, № LXXI.

даніе ¹⁾); наконецъ въ указанныхъ нами рукописныхъ замѣткахъ Саковича на *Листо* находится слѣдующее, тоже мимоходомъ брошенное, но чрезвычайно важное для насъ свѣденіе (на стр. 27): *Pomnie, gdy był Rektorem szkół waszych Kiiowskich przez lat 4, widział... и проч.* (идеть рѣчь о приготовленіи мура въ кіево-печерской лаврѣ). Такъ какъ въ первой половинѣ 1624 года Саковичъ уже оставилъ Кіевъ и переселился, по просьбѣ извѣстнаго ревнителя православія Лаврентія Древинскаго, въ Люблинъ,—то, слѣдовательно, начало ректуры его въ Кіево-братской школѣ падаетъ на 1620—1624 годы ²⁾).

Кассіанъ, въ мѣрѣ Каллистъ, Саковичъ родился около 1578 года ³⁾, въ Подтеличѣ, отъ православнаго священника ⁴⁾.—Въ дѣтствѣ случилось съ нимъ несчастіе, впоследствии, при нравахъ тогдашней полемики, дававшее его противникамъ пищу для насмѣшекъ надъ нимъ: по недостатку присмотра свинья отгрызла ему ухо ⁵⁾. Образование получилъ въ академіяхъ Замойской и Краковской ⁶⁾. Слушая лекціи въ

¹⁾ Desiderosus... 1625 (предисловіе до читателя).

²⁾ Въ началѣ 1620 г. имъ издано было сочиненіе въ Краковѣ (*Problemata*). На этомъ сочиненіи Саковичъ подписался еще свѣтскимъ именемъ *Каллиста*.

³⁾ Въ предисловіи къ своему сочиненію *Επιστολῶσις* або *Perspektiwa* у objaśnienie błędow... (изд. 1642 г., въ Краковѣ) Саковичъ говоритъ,—что онъ принялъ католичество, когда ему уже *na siódmu ktzyżyk poszło*.

⁴⁾ Авторъ *Λιθοσα* (изд. 1644 г.), полемизируя съ Саковичемъ, между прочимъ, говоритъ: „ale u nas tego u niesłuchać chyba *twoy ociec w Podteliszu*... такъ odprawował (постриженіе волосъ при крещеніи) (стр. 170); и въ другомъ листѣ: *To coś w tym paragrafie iako bezmozgli iaki naawazdał... wszystko to ociec twoy, który w Podteliszu popom był... czynił* (стр. 358).

⁵⁾ Стихи къ Саковичу въ *Листо* заканчиваются словами:

Дай же покой Руси, если хватить духа,
А то, Касьянъ, лишишься ты другаго уха!

Въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ Саковичъ, отвѣчая на замѣчанія автора *Листо*, что ему пристойнѣе разсуждать о свиньяхъ, съѣвшихъ у него ухо, чѣмъ устанавливать новые обряды и таинства,—говоритъ слѣдующее: *Wiedz lichowierny Moħdio, że choć byś ty u po trzy, albo u po 4 miał oczy u po dwa nosy, ale niemasz głowy, wszak się powiadasz gdzie moje ucho. Iest wiele ludzi godnych u zacnych tak swickich iako u duchownych, ktorzy albo w chorobie, albo przypadkiem lakim, członka iakiego, oka albo palca u nosa u ucha..... a to ich dobrej sławie nieszkodzi, choć ciała szpetność nanosi, u dowiesz się iż ia ieszcze w pieluszkach w kolebce wpoł roku przez wyroki... od wieprza z kolebki lizony iestem ucha, w czym żadney moiey winy nie było, alić tego komu było zlecono pilnować.*

⁶⁾ *Perspektiwa*.—стр. 20 и друг.

первой, былъ инспекторъ Адама Киселя, впоследствии каштеляна черниговскаго¹⁾. Затѣмъ нѣкоторое время жилъ при дворѣ перемышльскаго униатскаго епископа Аеанасія Крупецкаго,—гдѣ (какъ говорили впоследствии православные) велъ жизнь буйную, распутную и даже убилъ мужа, волочась за женою²⁾. Означенному свидѣтельству, разумѣется, много довѣрять нельзя,—такъ какъ непосредственно послѣ этого мы видимъ Саковича уже ректоромъ Кіево-братской школы.—(Кажется, здѣсь онъ принялъ и постриженіе).

Саковичъ былъ человѣкъ весьма талантливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне легкомысленный и честолюбивый³⁾,—что при неустойчивости его характера, заставляло его шататься въ разныя стороны и всюду наживать себѣ враговъ. Въ 1625 году онъ, разсорившись съ люблинскимъ братствомъ, перешелъ въ унию. Но, не ужившись и здѣсь, не только перешолъ въ католицизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался рьянымъ противникомъ униі, въ своихъ сочиненіяхъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ и язвительностію бичуя слабыя стороны униатской церкви, іерархіи, обрядности и т. п., и дѣлая личныя нападки противъ нѣкоторыхъ изъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ⁴⁾. Не особенно довѣряли Саковичу и католики: принимая въ свою церковь, они обязали его *подпискою* вновь не переходить въ унию. А униатъ *Янъ Дубовичъ* (*Obraz prawosławney cerkwi Wschodney*, 1645 г.) прямо заявлялъ, что Саковичъ „уже три раза перемѣнялъ религію; не удивительно, что онъ перемѣнить ее и въ четвертый, а онъ кстати и по турецки въ Кіевѣ учился“.—Свою многмятежную жизнь Саковичъ окончилъ въ 1647 г. въ Краковѣ, не достигнувъ высокаго іерархическаго положенія (скончался пробощемъ⁵⁾).

¹⁾ Так у mnie dawał por (тѣло и кровь Христову во время причащенія) we wsi Bataliczach pod Krylowem na Wołyniu, *gdym z Zamościa przyiszdzizwał na święta z jego M. panem Adamem Kisielom terazniejszym kasztallanem Czernihowskim do rodziców jego mości będąc inspektorem Jego M.* (Perspektiwa, 20).

²⁾ Библиографическія находки во Львовѣ Я. Θ. Головацкаго Спб. 1871.

³⁾ Въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ Саковичъ вспоминаетъ, что Петръ Могила, будто бы говорилъ „*gdym miał pod moim peszłuszeństwem oycza Ioanna Dubowicza z oycza Kassiana Sakowicza, tedy bym wszystkie Ruś do siebie przyciągnął.*

⁴⁾ Наиболѣе любопытна въ этомъ отношеніи Perspektiwa Саковича.

⁵⁾ Саковичъ написалъ и издалъ въ теченіи своей жизни довольно много сочиненій;

Мелетій Смотрицкій. 1626—1628 гг. Несомнѣнное свидѣтельство о ректорствѣ Смотрицкаго въ Кіево-братской школѣ находится въ *Eregeſis'н С. Коссова* ¹⁾. Мы относимъ его къ указываемому времени по слѣдующимъ соображеніямъ. Приурочить ректуру Смотрицкаго къ 1615—1616 г., когда еще не имѣется положительныхъ свѣдѣній о ректорствѣ въ здѣшней братской школѣ Іова Борецкаго, мы не можемъ, потому что имѣются несомнѣнныя данныя о пребываніи его въ это время (какъ *и предъидущее*) въ Вильнѣ или ея окрестностяхъ ²⁾. Есть извѣстіе, что въ 1618 году М. Смотрицкій посѣтилъ Волынскіе и Кіевскіе края, но поѣздка его была не продолжительна и притомъ въ это время Кіево-братская школа не имѣла уже нужды въ ректорѣ. Въ 1620—1624 г. ректоромъ былъ Саковичъ. Съ половины 1628 г. Мелетій Смотрицкій прерываетъ связи съ православіемъ и живетъ въ Дермани. Между тѣмъ, положительно извѣстно, что Смотрицкій въ 1626—1628 гг., въ теченіи *трехъ лѣтъ, жилъ* въ Кіевѣ ³⁾.— Правда, Мелетій былъ тогда архіепископомъ полоцкимъ; но въ рассматриваемое время обстоятельства сложились для него крайне неблагоприятно. Вслѣдствіе гоненія, воздвигнутаго на православныхъ въ Вильнѣ (по случаю убіенія Іосафата Кунцевича) онъ удалился изъ этого города и предпринялъ путешествіе на Востокъ. По его возвращеніи оттуда гоненія отъ латино-уніатовъ поутихли. Но Мелетіемъ были крайне недовольны православные,—въ особенности Виленское братство, которое кровно обижено было своимъ архіепископомъ и настоятелемъ за выхлополанныя имъ у патріарховъ грамоты, подрывавшія автономію братствъ ⁴⁾. Въ Вильно ѣхавъ Мелетій опасался и *остался жить въ Кіевѣ*. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ это время ему (при

всѣ они перечисляются у польскихъ бібліографовъ, за исключеніемъ кажется упоминаемаго нами *Desiderosus'a*, 1625 г.

¹⁾ См. *Прилож.* № XII.

²⁾ *Vita M. Smotryscii, Iac. Susza.* изд. 1864 стр. 16, 17 и друг.—Тоговременныя полемическія сочиненія: *Examen Obrony*, 1621 и др.

³⁾ Указаніе объ этомъ находится въ одномъ почти до послѣдняго времени неизвѣстномъ сочиненіи латино-уніатскаго писателя, отрывки изъ котораго помѣщены нами въ *прилож.* къ сочиненію Кіев. митр. Петръ Могила (стр. 348—349). Здѣсь о Смотрицкомъ говорится, что онъ жилъ при Борецкомъ *sztery lata* (время нѣсколько преувеличено).

⁴⁾ Подробныя свѣдѣнія о всемъ этомъ см. въ нашемъ сочиненіи—*Кіев. митр., II. Могила* т. I. гл. III.

одѣйствіи его *пріятеля въ то время*—митроп. Борецкаго) и предложена была ректура въ Кіево-братской школѣ ¹⁾). Такимъ образомъ, Мелетій Смотрицкій былъ первымъ *ректоромъ—епископомъ* въ этой школѣ,—что стало повторяться въ ней только по преобразованіи ея въ Академію, и то—за самое послѣднее время...

Мелетій Смотрицкій лице слишкомъ извѣстное въ нашей литературѣ, чтобы была надобность распростраиваться о немъ. Талантливый еще болѣе Саковича, блестяще образованный по тому времени, при громадной ерудиціи обладавшій замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ и искусною діалектикою,—Мелетій производилъ на современниковъ громадное впечатлѣніе: его сравнивали съ Златоустомъ. Но въ сожалѣнію, онъ не имѣлъ устойчивыхъ религіозныхъ убѣжденій, былъ славолубивъ—и покончилъ тѣмъ же, чѣмъ и Саковичъ—измѣною православію. Впрочемъ, до этой измѣны имъ многое сдѣлано въ интересахъ православной церкви; безъ сомнѣнія, не мало сдѣлано имъ полезнаго и для Кіево-братской школы, въ особенности если онъ занимался здѣсь (что очень вѣроятно) преподаваніемъ столь хорошо изученной имъ славяно-русской грамматики.

Ома Іевлевичъ. (1628—1631 гг.). О его ректорствѣ въ Кіево-братской школѣ впервые объявлено М. А. Максимовичемъ, нашедшемъ объ этомъ указаніе въ Межигорскихъ актахъ 1631 ²⁾). Помѣщаемая нами въ приложеніяхъ автобіографическая записка Игнатія Іевлевича—новый документъ объ этомъ ректорствѣ, которое—начавшись, надо полагать, съ 1628 г., продолжалось до начала 1632. Ома Іевлевичъ выѣхалъ изъ Кіева въ Могилевъ—по свидѣтельству его племянника, автора означенной записки—на первой недѣлѣ поста означеннаго года. Оставленіе Іевлевичемъ ректуры въ Кіево-братской школѣ безъ сомнѣнія, стоитъ въ связи съ рѣшеннымъ къ тому времени вопросомъ о соединеніи означенной школы съ лѣвскою могилянскою. Свѣдѣній объ этомъ ректорѣ никакихъ не имѣется; можно только думать, что онъ былъ родомъ изъ Могилева. За время ректорства Іевлевича от-

¹⁾ Не этимъ-ли обстоятельствомъ отчасти объясняется и то раздраженіе противъ п. Теофана, въ частности и Кіев. братства,—какое замѣчается въ грамотѣ п. Константинопольскаго отъ 15 декабря 1626 г.,—грамотѣ выданной по просьбѣ братствъ Львовскаго и Виленскаго (см. прилож. къ сочиненію—*Петръ Могила и его сподвижники* № XLVI.

²⁾ Собраніе сочин. II. 180.

мѣченъ его племянникомъ между прочимъ слѣдующій фактъ: осенью 1630 года въ Кіевѣ было сильное повѣтріе; ученики были роспущены; самъ ректоръ до конца декабря жилъ въ помѣстьи принадлежавшемъ Кіево-Михайловскому монастырю—*Юрьевкѣ*; учение въ школахъ началось со 2 генваря слѣдующаго года.

Гораздо скуднѣе свѣдѣнія объ учителяхъ Кіево-братской школы разсматриваемаго времени. Они ограничиваются краткою замѣткою Игнатія Іевлевича, что во время его обученія въ означенной школѣ здѣсь магистрами были: *въ русской школѣ—установникъ Теодоръ, родомъ москаль, въ инфимѣ—Яковъ Мемлевичъ*, въ послѣдствіи бывший переславскимъ протопопомъ, *въ грамматикѣ—Савва Андреевичъ Мошлѣвианинъ*; *въ синтаксимѣ—Василій Борзецкій*, бывший впослѣдствіи уважаемымъ юристомъ при Трибуналѣ Коронномъ (умеръ отъ отравы). Всѣ они были люди—*свѣтскіе, благородные (заспі) достойные (godni)*.

Имена нѣкоторыхъ учениковъ Кіево-братской школы, сохранились въ *Виршахъ Саковича*. Именно, здѣсь указаны слѣдующіе, произносившіе стихи надъ гробомъ Сагайдачнаго спудеи: 1) *Стефанъ Почаскій*, 2) *Петръ Созоновичъ Бальжа*, 3) *Іоаннъ Саковичъ*, 4) *Теоділактъ Іоанновичъ Бурмистровичъ Кіевскій*, 5) *Іоаннъ Тарнавскій*, протопоповичъ Кіевскій, 6) *Теодоръ Скаревскій*, 7) *Леонтій Бальжа Бурмистровичъ Кіевскій* 8) *Іеремія Ставровецкій* 9) *Іоаннъ Стецкій*, 10) *Николай Отрешкевичъ*, 11) *Іоаннъ Казаринъ*, 12) *Іоаннъ Пелчицкій* 13) *Евтихій Самуиловичъ*, 14) *Матѳей Кізимовичъ*, 15) *Григорій Кондратовичъ*, 16) *Димитрій Кривковичъ*, 17) *Лукашъ Беринда*, 18) *Георгій Вороничъ*, 19) *Карпъ Михайловичъ*, 20) *Симеонъ Шума*.

Надо думать, что въ этомъ спискѣ помѣщены имена отчасти лучшихъ воспитанниковъ школы, а отчасти дѣтей лицъ наиболѣе вліятельныхъ. Пріятно было родителямъ видѣть своего сына, выступившимъ на арену витійства при торжественной обстановкѣ, въ собраніи многочисленнаго общества,—и естественно думать, что подобное удовольствіе ректоръ школы предоставилъ тѣмъ родителямъ, отъ которыхъ онъ могъ разсчитывать на сравнительно большую матеріальную поддержку.

Къ числу питомцевъ означенной школы за рассматриваемое время слѣдуетъ также отнести *Инатія Левлевича*, на автобіографическую записку котораго мы не разъ ссылались.

Скудны наши свѣдѣнія о до-могилянскомъ періодѣ Кіево-братской школы даже при значительномъ восполненіи ихъ данными, собственно касающимися педагогіи другихъ тоговременныхъ братскихъ училищъ, но имѣющими, такъ сказать, признаки универсальности. Впрочемъ и эти свѣдѣнія достаточны, чтобы на основаніи ихъ сдѣлать общую характеристику рассматриваемаго періода.

Поставивъ главною своею задачею воспитаніе юношества въ строго православномъ духѣ Кіевское братство—по примѣру другихъ тоговременныхъ братствъ—положило въ основу школьнаго преподаванія изученіе роднаго славянскаго языка, справедливо усматривая тѣсную связь между православною вѣрою и своею народностію; затѣмъ отвело почетное мѣсто языку греческому, какъ языку народа, отъ котораго принята Россіею вѣра, съ которымъ связывали ее древнія традиціи, и отъ котораго она ожидала помощи въ тревожное время религіозныхъ волненій. Не окрѣпло еще возбужденное борьбою съ иновѣріемъ богословское мышленіе въ средѣ даже лучшихъ представителей южно-русскаго общества, не могло быть высоко въ научномъ отношеніи поставлено и преподаваніе богословія,—вслѣдствіе чего сообщались по сему предмету свѣдѣнія элементарныя, отрывочныя,—но оно проникнуто было древне-православными традиціями и любовью къ вѣрѣ праотцевъ, основывалось на своемъ, а не чуждомъ источникѣ. Заботясь о расширеніи школьной программы, ревнители просвѣщенія внесли въ нее латинскій языкъ, знаніе котораго было неотъемлемымъ признакомъ учености, а также нѣкоторые свѣтскіе предметы, преподававшіеся въ польскихъ коллегіяхъ. Этотъ шагъ вель къ необходимому сближенію съ латино-польскою наукою и необходимо долженъ былъ отразиться на характерѣ и методѣ преподаванія этихъ предметовъ, представлявшей собою сколокъ—хотя въ это время еще величины и не особенно значительной—съ преподаванія однородныхъ наукъ въ латино-польскихъ коллегіяхъ. Особенно замѣтные слѣды латино-польскаго вліянія отображаются на наукахъ риторическихъ. Витіеватость, напыщенность за-

бота исключительно о фразѣ, блестящей ложной эрудиціи, — неотъемлемая принадлежности польской панегирической литературы, — начинаютъ приобрѣтать право гражданства и въ однородныхъ по содержанию произведеніяхъ южно-русскихъ, проникая и въ церковное краснорѣчіе. Въ этомъ отношеніи до-могилянскій періодъ представляетъ собою переходную ступень къ періоду послѣдующему въ наибольшей степени, чѣмъ какую онъ представляетъ по отношенію къ другимъ наукамъ.... Опцѣнивая значеніе школы разсматривасямаго періода примѣнительно къ насущнымъ потребностямъ времени, нельзя не признать за нею громадныхъ заслугъ. Здѣсь на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить заботы школы о выработкѣ религіозно-нравственныхъ началъ въ питомцахъ, а также широкой доступъ который былъ открытъ ею для всѣхъ, жаждущихъ просвѣщенія—и знатныхъ и простыхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ,—то равенство между воспитанниками, о которомъ съ такимъ благородствомъ говорятъ школьные уставы. Мало того, что двери школы не были закрыты для сиротъ и бѣдныхъ: они находили себѣ здѣсь кровъ и пропитаніе,—чего нельзя не признать одною изъ самыхъ симпатическихъ сторонъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній.—Многое было сдѣлано школою и въ смыслѣ обогащенія воспитанниковъ научными свѣдѣніями. Но въ этомъ отношеніи она не могла еще стать въ уровень съ потребностями, вызываемыми самою жизнію. Кругъ преподаваемыхъ предметовъ въ до-могилянскихъ школахъ хотя и былъ довольно обширенъ, но самыя науки изучались не въ полной и строгой системѣ, а отрывочно. Въ особенности не на высокой степени стояло здѣсь преподаваніе языка латинскаго, знаніе котораго считалось въ то время необходимою принадлежностію людей образованныхъ. Вслѣдствіе этого школы разсматривасямаго времени не могли вполне замѣнить для южно-русцевъ коллегій иновѣрныхъ, въ особенности іезуитскихъ, ослѣплявшихъ современниковъ огромною, хотя бы въ большинствѣ случаевъ и ложною, эрудиціею, научными формами преподаванія, замѣчательнымъ педагогическомъ тактомъ,—не говоримъ уже о латынѣ, которая положена была въ основу обученія. Важно было то, что недостатокъ научныхъ средствъ въ своихъ школахъ сознавали сами православные и потому, по выходѣ изъ нихъ, нерѣдко отправлялись для завершенія своего образованія въ коллегіи иновѣрныхъ. При этомъ имѣлись въ виду добрыя цѣли: южно-руссы хотѣли, оставивъ

въ сторонѣ неправославныя идеи, ознакомиться только съ научными приемами, господствовавшими въ латино-польскихъ коллегіяхъ, облечься во всеоружіе тогочасной науки, чтобы впослѣдствіи обратиться его противъ своихъ же учителей; но это не всегда удавалось. Трудно было пройти сквозь горнило іезуитскихъ школъ совершенно свободнымъ отъ господствовавшаго въ нихъ направленія. Измѣна праотцевской вѣры лицами, испившими науки изъ чуждаго источника, стала явленіемъ не рѣдкимъ. Такимъ образомъ, зло, бывшее послѣдствіемъ неимѣнія южно-руссами собственныхъ учебныхъ заведеній не прекращалось и послѣ заведенія ихъ. Очевидно, для того, чтобы въ корнѣ уничтожить это зло, православнымъ южно-руссамъ нужно было возвысить уровень образованія въ собственныхъ школахъ, необходимо было увеличить ихъ научныя силы до равенства съ научными силами противной стороны и, такимъ образомъ, обезпечить своимъ питомцамъ всестороннее образованіе.—Чувствовалась потребность въ коренной реформѣ школъ.....

Мы приблизились къ Могилянскому періоду Кіево-братской школы, (скоро уже коллегіи). Сообщимъ свѣдѣнія о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя служатъ связью этого періода съ предъидущимъ, нами разсмотрѣннымъ.

IV*).

Петръ Могила; его заботы о поднятіи уровня образованія въ западно-русскихъ школахъ; посылка молодыхъ людей, въ видахъ подготовленія къ профессорскому званію, въ заграничныя collegii. Условіе, заключенное съ И. Козловскимъ и С. Коссовымъ. Открытіе въ Лаврѣ collegii (1631 г.). Волненіе въ средѣ кіевлянъ по этому поводу, перешедшее въ открытое возмущеніе. Документальныя данныя о соединеніи Лаврской Могилянскои школы съ Кіево-братскою.

6 Сентября 1627 года избранъ былъ на кіево-печерскую архимандрію молдавскій воеводитчъ Петръ Могила, возведенный впоследствии въ санъ митрополита кіевского. Это былъ человекъ, высоко стоявшій между современниками по своему уму и образованію и ревностный борецъ за дѣло православія, на служеніе которому имъ посвящены были всѣ свои силы. Съ именемъ сего іерарха соединены самыя выдающіяся явленія въ исторіи западно-русской церкви, но между ними, по своему вліянію на ходъ церковно-историческихъ событій, безспорно первое мѣсто должно быть отведено основанію просвѣщеннымъ архипастыремъ высшаго учебнаго заведенія, почти при самомъ началѣ своего существованія соединеннаго съ Кіево-братскою школою.

Мы уже замѣтили, что до-могилянскія школы не вполнѣ удовлетворяли усилившейся въ средѣ южно-русцевъ потребности къ просвѣщенію, побуждая ихъ обращаться за послѣднимъ въ заграничныя collegii. Если сами православные сознавали недостатки въ на-

*) Глава эта представляетъ извлеченіе (съ сокращеніями и нѣкоторыми дополненіями и поправками) изъ 5 главы прежняго сочиненія автора: *Кіев. митроп. Петръ Могила и его сподвижники*. (Кіев. 1883 г.).

учномъ отношеніи своихъ школъ, то недостатки эти еще очевиднѣе были для латино-уніатовъ, по крайней мѣрѣ, они при всякомъ случаѣ со злорадствомъ указывали на нихъ „Для чего—съ насмѣшкою обращались они къ православнымъ южно-руссамъ—„для чего вы до вызнавцовъ костела римскаго удаетесь, и наукъ ихъ лапаете и вшелякимъ способомъ ласкъ собѣ у нихъ еднаете?—А то для того, абы-сте отъ нихъ могли чего научити... бо ваша наука слаба, и мусите отколь-иноль на нее ся здобити, а звлаща отъ вызнавцовъ костела римскаго¹⁾“. Мелетій Смотрицкій, по переходѣ своемъ въ унію, не однократно насмѣхался надъ невѣжествомъ православнаго духовенства и вообще всѣхъ южно-руссцевъ, причемъ дѣлалъ весьма недобрительные отзывы о православныхъ школахъ, „Всѣ ваши попытки—говорилъ Мелетій—поднять просвѣщеніе не удаются. Шлохи были ваши школы прежде, а теперъ стали еще хуже... Въ нихъ ваши дѣти только и получаютъ тотъ прибытокъ, что изъ телятъ становятся волами“²⁾.

Недостатокъ научныхъ средствъ въ западно-русскихъ школахъ того времени, а равно происходившія отсюда неблагопріятныя послѣдствія Петромъ Могилою, какъ человѣкомъ умнымъ и всесторонне образованнымъ, хорошо были сознаваемы. Онъ видѣлъ въ этомъ *великій ущербъ* для православія; считалъ отсталость въ научномъ отношеніи русскаго народа великимъ поношеніемъ... Просвѣщеннѣйшій архипастыръ далъ себѣ *обѣтъ* снять съ своихъ единовѣрцевъ такое поношеніе, а надежнѣйшимъ средствомъ для достиженія этого считалъ основаніе въ юго-зап. Руси такихъ учебныхъ заведеній, которыя-бы, по духу своему будучи строго православными, въ научномъ отношеніи нисколько не уступали лучшимъ коллегіямъ западно-европейскимъ и польскимъ,—которыя бы, стоя въ уровеньъ потребностями времени, могли доставлять своимъ питомцамъ полное всестороннее образованіе и, такимъ образомъ поѣздки южно-руссцевъ за-границу, съ цѣлю восполнить пробѣлы домашняго воспитанія дѣлами излишними.

1) Русская Историч. Библиотека, издаваемая археограф. комиссіею. т. VII, столбцы 104—105.

2) *Paraenesis*, изд. 1629 г. стр. 32. *Exothesis* изд. 1629, стр. 100.—Замѣчаніе Смотрицкаго о неблестящемъ положеніи южно-русскихъ школъ даннаго времени сравнительно съ предшествующимъ имѣетъ нѣкоторое основаніе. (См. сочиненіе—„Кіев. митроп. Петръ Могила“ и его сподвижники т. I, глава V, стр. 419—424.

Свое торжественное обѣщаніе—водрузить знамя науки на русской почвѣ—нашъ іерархъ сталъ приводить въ исполненіе тотчасъ же по своемъ вступленіи на архимандрію. По свидѣтельству одного изъ воспитанниковъ кіево-могилянскоѣ коллегіи еще первой половины XVII стол., Могила (вскорѣ по принятіи архимандричьяго сана), „пославъ отъ всея капитулы кіевскія въ Царьградъ къ св. патриарху, испроси отъ него благословеніе завести школы въ Кіевѣ латинскихъ и польскихъ училищъ, и прежде избравъ монаховъ угодныхъ, разослалъ ихъ въ разныя государства ради наукъ, между которыми былъ покойникъ Иннокентій Гизель¹⁾“. Впослѣдствіи это свидѣтельство нашими историками²⁾ было дополнено. Въ числѣ лицъ, посланныхъ Могилою за-границу для обученія словеснымъ и высшимъ наукамъ, они, кромѣ Гизеля, поименовываютъ еще Сильвестра Коссова, Тарасія Левонича Земку, Исаію Трофимовича—Козловскаго, Софронія Почаскаго и Игнатія Оксеновича Старушича. Но, въ большинствѣ случаевъ, означенное дополненіе (очевидно исключительно основанное на томъ предположеніи, что педагогическая дѣятельность почти всѣхъ поименованныхъ лицъ принадлежитъ времени могилянскому) сдѣлано неудачно. Такъ Тарасій Левоничъ Земка,—какъ это замѣчено еще М. А. Максимовичемъ—съ 1624 г. до самой своей кончины († сент. 1632 г.) видѣнъ постоянно, изъ году въ годъ, въ печерскомъ монастырѣ—типографомъ, проповѣдникомъ, соборнымъ старцамъ; а также съ 1627 г.—какъ мы видѣли—игуменомъ Кіево-богоявленскаго братскаго монастыря. Точно такъ же Исаію Трофимовича—Козловскаго въ 20 и 30 годахъ XVII стол. мы видимъ живущимъ въ Виленскомъ братствѣ, а современи поступленія Могила на архимандрію встрѣчаемъ его въ Лаврѣ только какъ временнаго, почетнаго гостя, уже въ то время славившагося своими научными познаніями³⁾ Сильвестръ Коссовъ въ 1630 и началъ 1631 г. былъ наставникомъ Львовскоѣ школы⁴⁾. (Да притомъ, если бы Козловскій и Коссовъ

¹⁾ Изъ письма Гавріила Домецкаго къ новгородскому митрополиту Іову, конца XVII стол. (см. Прибавл. къ творен. св. отцевъ 1846 г., ч. VI, стр. 37.

²⁾ Преосвящ. Евгений, преосв. Макарій (въ исторіи Кіевскоѣ Академіи), Аксоченскій, Костомаровъ, и друг.

³⁾ Собственноруч. записки П. Могила.—Предисловіе къ Antropologii Диплица, изд. 1631 г.

⁴⁾ Упоминается въ качествѣ наставника въ бумагахъ Львовскаго братства.

дѣйствительно были посылаемы въ заграничныя училища Моиглоу и притомъ на собственный счетъ,—то обязательства съ его стороны, о которыхъ говоримъ ниже, развѣ, по отношенію къ этимъ лицамъ, не представлялись бы излишними?) Объ Оксеновичѣ—Старушичѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній за первое время существованія Кіево-могилянской коллегіи; его служеніе здѣсь принадлежитъ сравнительно позднѣйшему времени. Софроній Почаскій, молодой ученой, воспитывавшійся въ Кіево-братской школѣ въ началѣ 30-хъ годовъ ХVІІ стол., (онъ первый подъ именемъ Стефана Почаскаго обозначенъ въ числѣ 20 спудеевъ, читавшихъ составленныя Саковичемъ вирши надъ гробомъ Сагайдачнаго), занявшій профессорскую должность въ Кіево-могилянской коллегіи съ самого ея основанія¹⁾, дѣйствительно могъ быть въ числѣ молодыхъ людей посланныхъ Могилою въ заграничныя школы для приготовленія къ профессорскому званію. Но опять—это одно только предположеніе.—Но какъ бы то ни было, самый фактъ послыки Могилою способныхъ людей въ иностранныя училища для довершенія образованія не подлежитъ сомнѣнію; фактъ этотъ, независимо отъ свидѣтельства о немъ почти современника, находитъ для себя опору, какъ въ томъ высокомъ уваженіи, какое питалъ Могила къ западно-европейскому образованію, такъ и въ недостаткѣ наличныхъ профессоровъ, способныхъ удовлетворять широкимъ требованіямъ нововозникавшей коллегіи. Въ автобіографической запискѣ Левлевича, въ числѣ магистровъ Кіево-братской школы за 1630—1631 гг. упоминается, какъ мы видѣли, Савва Андреевичъ *Mohilowianin*. Названіе это, прилагаемое къ сему магистру, даетъ твердое основаніе предполагать, что онъ былъ однимъ изъ питомцевъ Могилы, посланныхъ имъ для завершенія образованія за границу²⁾.

¹⁾ См. предисловіе къ Евхаристіюну, изд. 1632 г.

²⁾ Разумѣется, до нѣкоторой степени страннымъ представляется, почему онъ поступилъ въ Кіево-братскую школу. Но обстоятельство это не необъяснимо: могъ и самъ Могила, по просьбѣ братства, уступить для его школы одного изъ своихъ питомцевъ; могъ просить Могилу объ этомъ его близкій другъ—Іовъ Борецкій, покровительствовавшій братству; могли, наконецъ, возникнуть крупныя недоразумѣнія у Могилы съ нѣкоторыми изъ его питомцевъ, побудившія послѣднихъ оставить своего мецената.—Послѣднее предположеніе считаемъ самымъ вѣроятнымъ, имѣя въ виду тотъ фактъ, что Савва Андреевичъ въ 1632 г. (послѣ послѣдовавшаго соединенія Лаврской могилянской школы съ братскою, когда старшимъ братчикомъ и главнымъ начальникомъ соединенныхъ школъ дѣлается *Петръ Могила*) *уѣзжаетъ изъ Кіева въ Могилевъ*. (Прилож. № XI, стр. 76).

Говоря о своемъ обученіи уже въ Кіево-могилянскои коллегіи, тотъ же Левлевичъ замѣчаетъ, что въ то время магистромъ въ синтаксисѣ былъ Рафаиль Зажецкій (Zagzecki) тоже *Mohilowianin*.

Посылка Могилою молодыхъ людей за границу и его намѣреніе открыть высшую коллегію въ Лаврѣ сдѣлались извѣстны кіевскому братству и возбудили въ немъ тревогу. Братство увидѣло въ этомъ обстоятельстве подрывъ своей школѣ. Могла быть, въ особенности со стороны консервативной партіи, и другая причина къ неудовольствию,—именно опасенія какъ бы новая школа съ расширенною программой не сдѣлалась разсадникомъ ересей, тѣмъ болѣе, что на Могила въ то время, вслѣдствіе близкихъ его отношеній къ М. Смотрицкому (измѣнившему православію) смотрѣли подозрительно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ это еще время братство заявило Могилѣ о неудобствѣ раздѣленія научныхъ силъ между двумя школами и просило его подготовляемыхъ имъ для своей коллегіи профессоровъ помѣстить въ братской школѣ, расширивъ въ ней кругъ предметовъ. По крайней мѣрѣ Іовъ Борецкій въ своемъ духовномъ завѣщаніи уже проситъ объ этомъ Могила, *„подъ неблагословеніемъ заказуя, дабы школы въ братствѣ Кіевскомъ для цвиченя дѣтокъ, и не идѣ индей фундованы были“*.... Но Петръ Могила, кажется, въ это время не думалъ исполнять желанія братчиковъ¹⁾. Въ половинѣ іюня 1631 года мы видимъ его въ Львовѣ, погруженнаго въ заботы о скорѣйшемъ открытіи школы. Памятникомъ этой заботливости служитъ дошедшее до нашего времени обѣщаніе Могила, составленное въ братской Успенской церкви и данное имъ двумъ, приглашаемымъ въ школу, профессорамъ—іеромонаху Исаи Трофимовичу и монаху Сильвестру Коссову. „Видя (писалъ Могила) великую потерю для душъ человѣческихъ отъ неучености духовенства и необученія юношества и желая, при благодати и помощи Божіей, по собственной моей воли, предотвратить столь великую потерю, а также пріобрѣсти удалившихся отъ православія,—я вознамѣрился фундовать школы для того,

¹⁾ Высказанное нами прежде (Кіев. митр. П. Могила т. I, стр. 430 и слѣд.) предположеніе о сближеніи П. Могила въ началѣ 1631 г. съ Кіевскимъ братствомъ, а также нѣкоторыя соображенія по этому поводу, основанныя на времени записи Могила на братскомъ Уписѣ (11 марта 1631 года), теряютъ опору послѣ того, какъ нами восстановлена точная дата означенной записи (смотри настоящаго изслѣдованія стр. 34—36).

чтобы юношество наставляемо было во всякомъ благочестіи, въ добрыхъ нравахъ и свободныхъ наукахъ“. Далѣе Могила заявляетъ, что для этой цѣли онъ собралъ къ себѣ братію изъ нѣсколькихъ лицъ и желая имѣть о нихъ надлежащее попеченіе, намѣревается какъ на пищу и одежду имъ, такъ и на другія надобности, назначить содержаніе изъ своихъ собственныхъ средствъ, и вообще обѣщаетъ всячески и во всемъ быть ихъ опекуномъ и покровителемъ. „Но чтобы—продолжаетъ Могила—то дѣло Божіе имѣло успѣхъ безъ остановки и призванные на то братія собирались безъ всякой отговорки, я находящимся при мнѣ въ сіе время, честнымъ отцамъ и братіямъ, т. е. іеромонаху Исаи Трофимовичу и монаху Сильвестру Коссову, и тѣмъ, которые потомъ къ нимъ присоединятся, отъ всего моего сердца предъ Господомъ Богомъ даю обѣтъ—все то, что будетъ значиться въ фундушѣ, который будетъ данъ имъ отъ меня, безъ отлагательства и хлопотъ приводить въ исполненіе въ Кіевѣ, въ печерскомъ монастырѣ, или гдѣ мнѣ и имъ разсудится. Таковой фундушъ я долженъ дать имъ законный, не подлежащій сомнѣнію, и какъ можно скорѣе, такъ что исполненіе сего моего обѣта они должны ожидать не далѣе года“. Давая во всѣмъ этомъ торжественное обѣщаніе, Могила въ заключеніе присовокупляетъ: „и гдѣ бы я не престаивалъ съ сего свѣта, не окончивъ того Божіяго дѣла, обязуюсь обезпечить оное духовнымъ завѣщаніемъ, назначивъ душеприказчиками людей уважаемыхъ и значительныхъ, чтобы они приводили то въ исполненіе безъ всякаго нарушенія моей воли“¹⁾.—По всей вѣроятности тогда же, изъ Львова, посланы были Могилою письма къ константинопольскому патріарху съ просьбою о ниспосланіи благословенія на новоустрояемыя школы (патріаршее благословеніе было получено осенью того же 1631 года).

Къ началу учебнаго года Могила прибылъ съ приглашенными имъ наставниками въ Кіевъ и тотчасъ началъ дѣлать быстрыя приготовленія къ открытію въ Лаврѣ школы. Но на первыхъ же порахъ его дѣятельность въ этомъ отношеніи встрѣчена была несочувственно и даже враждебно со стороны многихъ лицъ. Прежде всего вышли крупныя непріятности съ иноками примыкавшаго къ

¹⁾ Памят. Кіев. ком. т. II. № VII.

Лавръ троицкаго больничнаго монастыря. Дѣло въ томъ, что для новооткрывшейся школы и размѣщенія новыхъ наставниковъ требовались болѣе или менѣе обширныя зданія. Устроить школы и помѣстить „новопостриженную братію“ (учителей) Могила призналъ наиболѣе удобнымъ въ троицкомъ монастырѣ (находившимся на правой сторонѣ отъ св. воротъ при выходѣ изъ Лавры); причемъ больничнымъ старцамъ предположилъ отвести соответствующее мѣсто по правую сторону тѣхъ же воротъ. Но троицкіе иноки, во главѣ съ своимъ игуменомъ Арсеніемъ, воспротивились этому, заявляя, что если архимандритъ хочетъ фундовать школы, то пусть избираетъ для нихъ какое-либо другое мѣсто, а ихъ—старцевъ—не тревожить. Впрочемъ, Могилою это сопротивление было уничтожено скоро: онъ наказалъ несговорчивыхъ иноковъ, смѣстивъ упорнаго игумена и, поставивъ новаго, вошелъ съ нимъ въ согласную съ своими предположеніями сдѣлку¹⁾... Гораздо бѣльшая непріятность ожидала Могилу впереди. Едва началось ученіе въ новой коллегіи, какъ въ средѣ Кіевскаго общества (очевидно недовольнаго Могилою за его отказъ быть фундаторомъ школъ исключительно въ Богоявленскомъ братствѣ), возникли крайне неблагопріятныя толки о характерѣ преподаванія могилянскихъ профессоровъ: ихъ обвиняли въ шаткости убѣжденій, въ приверженности къ униі. Подобныя толки сильно волновали особенно простой народъ; а когда они дошли до казаковъ, то волненіе разрѣшилось открытымъ возмущеніемъ. „Отъ неученыхъ поповъ и козаковъ—пишетъ Думецкій—веліе было негодованіе: на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ дотуду не бывало и спасались... Было хотѣли самаго Петра Могилу и учителей до смерти побити: едва ихъ уговорили“. „Какіе перуны, какіе громаы посыпались тогда на насъ, невозможно и описать чернилами“,—говоритъ С. Коссовъ, самъ подвергавшійся описываемой имъ опасности. „Было такое время, что мы, исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ начинять нами желудки днѣпровскихъ осетровъ или же, того огнемъ, другаго мечемъ, отправятъ на тотъ свѣтъ“.

Указываемое нами возмущеніе извѣстно. Оно приводится или цитруется рѣшительно всѣми историками, писавшими о кіево-моги-

¹⁾ Описан. Кіево-печер. лавры. Прибавл.

лянско́й коллегіи; но только всѣми ими отпосится въ 1634 или даже 1635 гг. (очевидно на томъ основаніи, что *Exegesis*—защита школъ кіевскихъ—изданъ въ послѣднемъ изъ означенныхъ годовъ). Но что указанное возмущеніе дѣйствительно происходило въ 1631 году, какъ утверждаемъ мы,—это не можетъ подлежать сомнѣнію. *Во первыхъ*, мы имѣемъ относительно этаго прямое свидѣтельство современника событія. Сильвестръ Коссовъ прямо относитъ означенное возмущеніе къ тому времени, когда они (т. е. учителя, приглашенные въ ново-открывающуюся коллегію) съ митрополитомъ П. Могилою, *тогда (на онъ часъ) еще архимандритомъ, только что прибыли въ Кіевъ и, охраняемые святыми стражами* (т. е. кіево-печерскими угодниками), *примѣнили primus Minervae minus*. *Во вторыхъ*, самое содержаніе *Exegesis*'а направлено не противъ обвиненія учителей въ приверженности къ *уніи и латинству* (объ этомъ не говорится ни слова), но противъ обвиненій въ протестантизмѣ и соціанствѣ, — и притомъ обвиненій не со стороны кіевлянъ и вообще православныхъ (которые въ это время охотнѣе, чѣмъ прежде отдавали своихъ дѣтей въ кіево-могилянскую коллегію), а со стороны латино-уніатовъ¹⁾. Послѣдніе ко времени изданія *Exegesis*'а крайне были недовольны успѣхами могилянско́й коллегіи и употребляли всѣ усилія, чтобы подорвать ея значеніе. Въ 1634 году ими выхлопотанъ былъ даже приказъ у короля Владислава VI, гласившій, чтобы Могила уничтожилъ (*zniósł*) основанныя имъ школы въ Кіевѣ и Винницѣ²⁾. Безъ сомнѣнія, въ это время появилось изъ латино-уніатскаго лагеря какое-то, въ настоящее время неизвѣстное, сочиненіе, направленное противъ могилянскихъ школъ, гдѣ проводилась мысль ограничить ихъ права или же и вовсе уничтожить коллегію, какъ еретическую,—что и вызвало появленіе въ свѣтъ *Exegesis*'а³⁾. Въ послѣднемъ не указывается прямо (по имени) авторъ или главный виновникъ означеннаго, враждебнаго могилянскимъ школамъ, сочиненія.— Но въ настоящее время мы можемъ, кажется, дать относительно этого

¹⁾ Прилож. № XII.

²⁾ Грамоты короля, касающіяся этого, помѣщ. въ рукописи, находящейся въ бібліотекѣ Краковскаго Университета. (№ 44). Будутъ напечатаны нами въ 2 выпускѣ настоящаго изслѣдованія.

³⁾ Обо всемъ сказанномъ см. подробнѣе въ нашемъ сочиненіи—*Кіев митр. Петръ Могила*, стр. 436—444.

отвѣтъ положительный. Вишневскій полагалъ, что Eхegesis вызванъ былъ нападками на коллегію К. Саковича¹⁾). Пекарскій, опровергая Вишневскаго, считаетъ за несомпѣнное, что онъ вызванъ былъ нападками Смотрицкаго, такъ какъ въ брошюрѣ Коссова есть обращеніе къ обманнику (udawca),—название, дѣйствительно идущее Смотрицкому за его образъ дѣйствія при переходѣ въ унию, а также извѣстіе, что этотъ притворщикъ уже заснулъ, т. е. умеръ²⁾). Но всѣ, въ совокупности взятые признаки, которыми Коссовъ надѣляетъ автора, направленного противъ кievскихъ школъ, сочиненія,—не идутъ ни къ Саковичу, ни къ Смотрицкому. Здѣсь говорится, что „udawca“ уже не разъ бывалъ причиною разныхъ навѣтовъ и возмущеній противъ русскаго народа, въ особенности когда посылалъ своего legata въ Грецію, желая узнать былъ-ли дѣйствительнымъ патріархомъ іерусалимскимъ оный святой отецъ Теофанъ, посѣтившій въ 1620 году наши края. Нечего говорить, что здѣсь рѣчь идетъ не о Саковичѣ или Смотрицкомъ. Очевидно, что подъ удавцею здѣсь разумѣется *уніатскій митрополитъ Веляминъ Рутскій*, дѣйствительно, (какъ узнаемъ изъ литературной полемики, возникшей по поводу пріѣзда въ Русь патріарха Теофана), *посылавшій въ означенную цѣлью своего посла въ Константинополь, много нанесшій вреда православнымъ и не задолго до изданія Eхegesis'a умершій...*

Но возвращаемся къ прерванному разсказу.

Попастъ въ желудки днѣпровскихъ осетровъ — перспектива крайне незавидная, между тѣмъ—въ особенности, коль скоро приняли участіе въ возмущеніи противъ школъ и козаки,—далеко не несбыточная. Петръ Могила, легко расправившійся съ недовольными его распоряженіями троицкими иноками, не имѣлъ возможности справиться съ разъярившеюся чернью и долженъ былъ пойти на уступки,—долженъ былъ дать свое согласіе на соединеніе фондуемой имъ высшей коллегіи съ Кіево-Богоявленскимъ братскимъ училищемъ, выговаривая себѣ, впрочемъ, инициативу въ этомъ дѣлѣ и главное опекуновство и надзоръ надъ соединяемыми школами.

Оффиціальными памятниками означеннаго соединенія школъ служатъ слѣдующіе, дошедшіе до нашего времени, документы:

¹⁾ Hist. r. liter. polskiej т. VIII, 489.

²⁾ Представители Кіев. учености (Отч. Зап. 1862 г. № 4, стр. 369).

1) Актовая запись обывателей кievскаго воеводства и всѣхъ кievскихъ братчиковъ, данная П. Могилѣ,—гдѣ они заявляютъ, что, видя великое удобство, потребность и пользу въ основаніи школъ въ городѣ Кіевѣ, *при церкви братской Боявленія Господня*, они просили преподобнѣйшаго господина отца Петра Могилу, воеводича молдавскаго, на сіе время архимандрита печерскаго, дабы онъ школы, которыя началъ устроить въ кievо-печерскомъ монастырѣ, и находящихся при нихъ учителей — братію монастыря печерскаго, благоволилъ перенести на вышеупомянутое мѣсто; что его мил. отецъ П. Могила охотно согласился на это, обѣщая основать здѣсь именно школы, но съ условіемъ быть *старшимъ братомъ, пожизненнымъ блюстителемъ и защитникомъ*, какъ самыхъ школъ, такъ и братскаго монастыря, со всѣми находящимися въ его вѣдѣніи имѣніями, доходы съ которыхъ должны быть обращаемы исключительно на монастырскія и школьныя потребности; что братчики согласились на это опекунство, поставивъ отъ себя слѣдующія условія: во 1-хъ, чтобы заботы Могилы о монастырѣ и школахъ были раздѣляемы съ годичными братскими старостами, которые, впрочемъ, не должны быть противны совѣту и волѣ его милости, но во всемъ обязаны будутъ слушаться его, какъ старшаго брата, блюстителя и пожизненнаго опекуна; во 2-хъ, чтобы не былъ нарушаемъ фундушъ монастыря, и наконецъ, въ 3-хъ, чтобы опекунство Могилы было только *личное*, а не по сану архимандрита, такъ что послѣ его смерти выборъ новаго опекуна предоставлялся бы исключительно братству¹⁾.

2) Грамота (отъ 5 генв. 1632 г.) митрополита Исаіи Копинскаго съ прочими православными епископами и духовенствомъ, гдѣ—какъ и въ предшествующемъ актѣ—говорится о добровольномъ желаніи Могилы соединить фундуемыя имъ въ Лаврѣ школы съ братскими и указываются извѣстныя уже условія, на которыхъ предполагается это соединеніе,—причемъ лично отъ себя Копинскій ставитъ еще слѣдующее условіе: „на возглашеніяхъ и эктеніяхъ должно быть поминаемо тамъ (т. е. въ училищномъ монастырѣ) имя митрополита, потому что какъ съ начала то святое мѣсто стараніемъ нашимъ было фундовано, такъ и теперь за нашимъ благословеніемъ имѣетъ устроиться“²⁾.

¹⁾ Памят. кiev. комм. т. II, № VIII.

²⁾ Ibid. № IX.

3) Войсковою листъ отъ (отъ 12 марта 1632 г.) гетмана Петрищцаго и всего запорожскаго войска, однородный по содержанию съ предшествующими документами, въ коемъ войско, съ своей стороны упрашивая печерскаго архимандрита о фундованіи школъ въ братствѣ, обѣщается имѣть ихъ подъ своею защитою и стоять за нихъ до самой смерти ¹⁾).

4) Войсковою листъ того же гетмана съ приказаніемъ атаману и прочимъ товарищамъ, находившимся въ Кіевѣ, содѣйствовать предположенному соединенію школъ братской Кіево-богоявленской съ Лаврскою ²⁾).

Могилою дано было обѣщаніе присоединить лаврскую школу къ братской еще въ концѣ 1631 года, но самое соединеніе школъ рѣшено было отложить до начала слѣдующаго года. Поэтому до лѣтнихъ мѣсяцевъ 1632 г. обученіе „собранными“ Могилою учителями производилось еще въ Лаврѣ. О характерѣ этого обученія и предметахъ, введенныхъ Могилою въ школьную программу, нѣкоторыя, хотя и не изобильныя, свѣдѣнія дошли и до нашего времени. Но рѣчь о нихъ болѣе уместна при изложеніи слѣдующаго, могилянскаго періода въ исторіи Кіевской Академіи,—изслѣдованію о которомъ и будетъ посвященъ второй выпускъ предпринятаго авторомъ труда.

¹⁾ Ibid. № X.

²⁾ Прилож. № X.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе I—III

I.

Спорный вопрос о времени, къ которому должно быть отнесено основаніе Кіево-Богоявленскаго братства и школы при немъ.—Послѣдовательный ходъ мнѣній относительно этого вопроса, „Историческія записки“ мѣстнѣй академической корпораціи 1765 и 1771 гг., приурочивающія основаніе Кіево-братскаго монастыря къ 1588 г.; воспроизведеніе ихъ въ „Старинѣ и Новизнѣ 1773 г. новая историческая записка академической корпораціи 1773 г. о томъ же предметѣ, несогласная во взглядѣ съ предшествовавшими; мнѣнія по данному вопросу преосв. Евгенія, преосв. Макарія, В. Аскоченскаго и друг. Возраженія и замѣчанія М. А. Максимовича и И. И. Малышевскаго. Критическій разборъ документальныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ основаніе Кіево-Богоявленскаго братства относится къ XVI стол.—Новыя попытки доказать существованіе Кіевскаго братства и школы при немъ съ 1589. Кіево-братскій упись, какъ первый достовѣрный документъ, дающій опредѣленное указаніе на время основанія братства. Рѣшеніе нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникающихъ при ознакомленіи съ означеннымъ уписомъ.—Значеніе записи Галшки Гулевичевны при рѣшеніи вопроса о началѣ братства въ Кіевѣ. Несостоятельность доказательствъ, приводимыхъ въ защиту мнѣнія о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іереміею. Путь этого патріарха при двукратномъ посѣщеніи имъ западно-русскихъ областей. Другія доказательства, приводимыя въ подтвержденіе мнѣнія о существованіи братства въ Кіевѣ въ XVI стол.—Происхожденіе братствъ, постепенное развитіе ихъ организаціи и успѣшное распространеніе по юго-западной Руси. Сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства, обусловливаемое религіозно-нравственнымъ состояніемъ этого города въ концѣ XVI и нач. XVII стол.—Общіе выводы.—Примѣчаніе о несомнѣнныхъ якобы воспитанникахъ Кіево-братской школы въ періодъ ея мнимаго существованія (до 1615 г.)Стр. 1—119

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Упись Кіевснago братства,

начатый съ 1615 г.

(104 л.)¹⁾. Въ имя Святыя Живоначалныя Единосущныя и нераздѣлимыя Троица Отца и Сына и Святаго Духа единого истинного Бога нашего, Емуже честь и поклоненіе, слава и хвала отъ вещественныя и невестественныя твары, нынѣ и въ безконечныя вѣки, аминь.

Господь нашъ Иисусъ Христось, вся яже къ спасенію нашему многого ради и человѣколюбного милосердія своего на земли совершай и к волной человѣкоспасительной страсти грядій, ученикомъ своимъ глаголаше: Сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга, по семъ бо, рече, и познають васъ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою: еже и божественный верховный Апостоль Петръ востекъ на верхъ добродѣтелей любовь въ божественныхъ посланіяхъ своихъ препоручаетъ: подадите, рече, въ вѣре вашей добродѣтель, въ добродѣтели же разумъ, въ разумъ же воздержаніе, въ воздержаніи же терпѣніе, въ терпѣніи же благочестіе, въ благочестіи же братолюбіе, въ братолюбіи же любовь; и паки: братство возлюбите, Бога бойтесе, царя чтите. Ихъже и по спасительному на небеса Христа Бога вознесенію друголюбное божественный Апостоль и Евангелистъ Лука прославляя, провозвѣщаетъ Теофилу, глаголай: вѣрующихъ, рече, бѣше душа една и сердце

¹⁾ Счетъ листовъ по рукописи Архива Св. Синода, по которой печатается настоящій документъ и нѣкоторые изъ послѣдующихъ.

едино и не баше вныхъ никтоже нищъ, требованію бо нищихъ послужиша сильнѣйшихъ рущъ. Сему же убо божественному и спасителному и челоѡколюбному поученію, и мы грѣшніи послѣдующе, благодатію благаго Бога и Господа нашего Иисуса Христа, хотящаго всѣмъ челоѡкомъ спастися и в разумъ истинный прити, едва поздѣ нѣкогда возбнувшѣ отъ многоао нерадѣнія и лѣности и мрачнаго суетія мирскаго, хотѣхомъ прозрѣти къ свѣту благоразумія, приѣмше въ умъ предстатіе страшнаго онаго судища мздовоздаянія. Предстательствомъ пречистія Преблагословенныя Владычицы нашея Богородица и присно Дѣвы Марія, силою честнаго и животворящаго Креста, и молитвами всѣхъ святыхъ¹⁾: **Начинаемъ (104 л. об.)** сіе душеспасителное друаолоубное сосдиненіе Братство церковное въ Богоспасаемомъ граде Кіеве благословеніемъ и повеленіемъ Святѣйшаго вселенскаго патріарха Константинопольскаго куръ Тимоея, начальнѣйшаго по Христѣ пастыря нашего, и прочихъ Святѣйшихъ патріарховъ, Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго, на утѣшеніе и утверженіе в благочестіи нашему Россійскому роду сыномъ востоднеаго православія, обывателемъ воеводства Кіевскаго такъ духовнаго вшелякаго яко и свѣтскаго шляхетскаго стану и всее речи посполитое местское и всѣмъ Христиненитымъ людемъ, на выконаніе христіанскихъ милосерднихъ учинковъ такъ духовныхъ, въ размноженію и вкорененію христіанскихъ добродѣтелей честнаго иноческаго житія, въ подаванію наукъ учтивыхъ и въ цвиченію дѣтей народу христіанскаго, отъколь хвала всемогущаго Бога на земли множится, потѣха родичомъ из сыновъ наказанныхъ рстетъ, речи посполитой оброна мощная и оздоба предивная фундуется и цвѣтеть, яко и телесныхъ въ обороненію вдовъ, сиротъ и въ поротованію всякихъ людей упадлихъ: якося в собѣ самыі кгрунтъ и предсявзятъе того святаго Милосерднаго Братства волею Вседержителя Бога закладаеть. Спись и братское нерозерванное любве поприсяжоній звязокъ и зъедноченъе, ведле порядку правъ братствомъ отъ Святѣйшихъ патріарховъ, Львовскаго, Виленскаго,

¹⁾ Въ рукописи послѣ словъ *всѣхъ святыхъ* помѣщена и позднѣйшая приписка на подлинникѣ, съ оговоркою ея: „Въ подлинномъ подписано подѣ симъ такъ: Варлаамъ Ясинскій, православный Архієпископъ Митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи, той реестръ ствержаю рукою власною“.

Могилевскаго, и иныхъ Короны Польское мѣсть церквамъ наданныхъ, благословенныхъ и стверженныхъ. Нашто мы вси нижеменованные персоны обоихъ духовного и свѣтскаго становъ люде, единымъ сердцемъ и едиными усты позволивше и крестнымъ цѣлованіемъ единъ за всѣхъ и всѣ за единого при благочестіи стоячи, Духомъ любви горячее связавшись, ниже описанные христіанскіе братскіе повинности и порядки хранить, въ той Реестръ братскій вписуемся.

Въ подлинномъ по окончаніи вышеписаннаго братерскаго обовязка, вынесши на другой листъ, въ заглавіи вписного Реестра написано тако:

(105 л.). За згодною прозбою всѣхъ ихъ милостей и отцевъ нашихъ Духовныхъ и стану шляхетскаго обывателей Кіевскихъ всякаго стану, вписныхъ братства Церкви и Монастыря Богоявленіе въ Кіевѣ, Ставропигіи Святѣйшаго вселенскаго прирочонаго отца и пастыря Россійской Церкви Патріархи Константинопольскаго, старшимъ братомъ, опекуномъ и фундаторомъ того святаго братства, обители и школь любовнѣ въ тотъ братскій реестръ подписуюсь: **Петръ Могила**, милостію Божіею архимандритъ Свято-Великой чудотворной Лавры Печерской Кіевской, яко любопослушникъ Святѣйшаго Вселенскаго Константинопольскаго патріархи, въ лѣто 1631 мѣсяца Марта 11 дня, рукою власною.

Авоназый Пузына Епископъ Луцкій и Острозскій, Архимандритъ Жидичинскій.

Andrzej Lithynski z Lithynic.

Исаія Трофимовичъ Монастыря Печерскаго Кіевскаго вписалемся до братства Кіевскаго Церковного душею и рукою.

Смьвестръ Косовъ Префектъ школь Кіевскихъ братскихъ рукою власною.

Софроній Почаскій инокъ Монастыря Печерскаго рукою.

Антоній Пацевскій инокъ Монастыря Печерскаго.

Аванасій Ивашковскій инокъ Монастыря Печерскаго рукою.

Юиль Иеромонахъ рукою власною.

Арсеній Бережницькій инокъ
Монастыря Печерского.

Иеромонахъ *Теодосій Оран-*
скій.

Иларіонъ Инокъ Симвовскій
Монастыря Печерского.

Іоиль Глышковичъ намѣст-

никъ Монастыря св. Николы.

Иеромонахъ *Антоній Гор-*
бащій.

(105 л. об.). Во иноцехъ *Захарія Копистенскій* исповѣдникъ, яко и ненавидащи злое прилѣпляющесе благому, составленое въ Кіевѣ градѣ братство приимаю и облобизаю, повинующесе Апостолу глаголющу: братолюбіемъ же другъ къ другу лыбезни. На сіе же и руку мою подписую. Писаль дня 4 Генваря по старому правдивому року 1616

Азь во Иеромонасехъ худѣйшій *Тарасій Л. Земка* братство православныхъ Кіевское при храмѣ Святыхъ Богоявленій похваляю, и самъ въ немъ быти и при немъ стояти желаючи въ реестръ и имя свое вписую рукою.

Азь треокаянный *Иезекіель Куневичъ* Архимандритъ Монастыря Трехтимировскаго, видя яко врагъ и ненавистникъ спасенія нашего пакостить во благочестіи нашемъ, и сего ради видихъ вещь зѣло добру составленія Братства во гради Кіеви и того ради всегда есмь готовъ с ними пострадати добро и зло и кровь мою за благочестіе дати и для того и руку мою подписую, власною рукою.

Даниель Стрыбилъ рукою власною, повиненъ буду на каждій рокъ по десети золотыхъ такъ тежъ и лигумины давать.

Азь *Григорій Демшовскій* рукою власною, а буду повиненъ дать подъездка до дороги, а естли бы не подъездка теды камень воску.

Многгришній и недостойный рабъ Божій *Іванъ Путята* меншій братъ Святаго Братства Кіевского храму святого Богоявленія рукою властною, на што преможенъ буду.

И прочихъ въ Братство безчисленного вписавшихся.

Съ подлиннымъ свидѣтельствовали:

Учитель философіи іеромонахъ *Кассіанъ*.

Намѣстникъ іеромонахъ *Іеронимъ*.

Примѣчаніе. Настоящій документъ, равно какъ нѣкоторые и изъ послѣдующихъ, напечатанъ впервые во II томѣ *Памятниковъ, изданныхъ временною комисією для разбора древнихъ ар-*

толь, *Высочайше уивержденною при кievскомъ, подол. и волинскомъ генераль—губернаторь* (подъ № 2), будучи заимствованъ издателями изъ рукописнаго сборника митрополита Евгенія, переданнаго имъ въ библіотеку Кievской Дух. Академія. Сборникъ этотъ—какъ нами замѣчено въ изслѣдованіи (стр. 28)—представляетъ копію съ извѣстной *исторической записки 1773 г.* о состояніи Кievской Академіи (*Архивъ св. Синода, дѣло 1773 г. № 359*), съ приложеніемъ разнаго рода документовъ, имѣющихъ отношеніе къ разсматриваемымъ въ запискѣ предметамъ,—но копію не вполне исправную: независимо отъ орфографіи, сильно измѣненной копистами, въ Евгеніевскомъ сборникѣ, хотя и не часто, встрѣчаются нѣкоторые, иногда существенные пропуски и даже прямое искаженіе текста. Такъ, напр., слѣдующее мѣсто въ постоянномъ документѣ: („Начинаемъ братство церковное) *на выконаніе христіанскихъ милосердныхъ учинковъ*“,—въ рукописномъ сборникѣ м. Евгенія, а вслѣдъ за нимъ и въ *Памят. Кiev. Коммисіи*, читается такъ: „на *выхованіе* христіанскихъ милосердныхъ *учениковъ*“, и т. п. Переиздавая настоящій и нѣкоторые другіе документы по болѣе исправной рукописи, мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, существенное ихъ значеніе для предмета нашего изслѣдованія и возможность непосредственной проверки по нимъ нѣкоторыхъ цитатъ.

II.

Дарственная запись Галшки Гулевичовны.

1615 г. 14 октября.

Выпись съ книгъ земскихъ воеводства Киевскаго.

(88 л.). Лѣта Божого нароженья тысяча шестьсотъ петнацатого, мѣсяця Октября пятонадцать дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Кievскихъ, одня святого Михаила Свята Римского, въ року на дате вышъпомененомъ припалихъ и назавтрее того Свята судовне отпировать зачатыхъ, пред нами Яномъ Аксакомъ Судьею, а Петромъ Златополскимъ подсудкомъ, вредныками судовыми земскими Кievскими, ставши очевисто у суду урожоная ее милость пани Галшка Гулевичовна Стефановая Ложчиная, Маршал-

ковая повету Мозирскаго, съ притомностью и позволенеемъ помененого малжонка своего, сознала водлугъ листу доброволного вечистое фундаціи своее запису, которого от себе съ печатью и съ подписомъ руки своее и печатью и съ подписомъ руки малжонка своего помененого его милости пана Стефана Лозки Маршалка повету Мозырского, такъже съ печатми и съ подписами рукъ людей задныхъ, дала, даруючи, записуючи и вечне фундуячи добра свои власные дедичные, правъ и волностейъ шляхецкихъ будучіе, то есть дворъ свой власный съ пляцомъ въ месте Кіеве, межи певными границами лежацій, зо всеми до того двора и пляцу приналежащими пожитками, приходами и всякими належностями, долгостью и широкостью якоже здавна тотъ домъ зъ пляцомъ и зо всемъ на все мель, и теперъ маеть. А то на монастырь заложеня Патріаршескаго общаго житія, по великомъ Василью, такъже на (88 л. об.) школу дѣтемъ такъ шляхетскимъ, яко и местскимъ, притомъ и на гостинницу странныковъ духовныхъ веры церкви восточнее каѳолицкое будучихъ, о чомъ ширей тотъ записъ ея милости в себе обмовляетъ, которого переднами Судомъ положивши, во всемъ его устнымъ и доброволнымъ сознаньемъ своимъ ствердивши и змоцнивши, просила абы принять и у книги земскіе Кіевскіе уписанъ былъ: мы Судъ, оного для вписаня до книгъ пріймуючи, передсобою читать казали, и такъ се в собѣ маеть: „Я Галшка Гулевичовна, малжонка его милости пана Стефана Лозки Маршалка Мозырского, съ позволенемъ его мил. на нижей написанные речы въ семь листе помененыя и выражонные, будучи я на тѣле и умысле добре здоровая, явно и доброволне сознаваю тымъ моимъ доброволнымъ листомъ записомъ, ижъ я въ старожитной святой восточнее Церкви православной вѣре статечне живучи, а побожностью ревностью въ ней палаючи, на размножене хвалы Бога въ Троицы Единого из любви и милости братій моихъ народу Россійского, для збавеня души своее, здавнихъ часовъ умисливши Церкви Божой добре учинити, и милосердный учинокъ прагнучимъ того показати, тогожъ нынѣ skutкомъ выконываючи, правовернымъ и благочестивымъ христіаномъ народу Россійского, въ повѣтехъ воеводствъ Кіевскаго, Волинскаго и Браславскаго будучимъ, станомъ духовнымъ и свѣдчимъ, инокомъ, священникомъ и діакономъ чину мнишскаго, и чину мирскаго, также освѣдочнымъ княжатомъ, велможнымъ паномъ шляхте, и якоже колвекъ иного заволаяня и стану людемъ Россійскимъ, а

еднакъ тымъ тылко, которые въ православной благочестивой церкви восточней набожества Греческого вѣре, в послушенстве, тежъ благословенстве Святѣйшого Патріарха Константинопольского, власного и надлежаго зверхнѣйшого Пастыря народови Россійскому, неодменне (89 л.) трвають и трвати будутъ, даламъ, дароваламъ, записаламъ и фундаваламъ и на вѣчныя часы даромъ вѣчнымъ и неотозваннымъ даю, дарую, записую и фундую добра мои власныя дедичныя, права и вольности шляхетское будущіе. Дворъ мой власный на всемъ и зъ пляцомъ, которые отъ помененого пана малжонка моего вѣчною даровизною маю во месте Кіеве лежацій межѣ улицами певными, то есть з одной стороны улицы, которая ведетъ отъ ринку ку Днепрови мимо дворъ Пана Василя Ходики Креницкаго Скарбного Кіевского; а з другое такъже улицы, которая ведетъ отъ ринку ку Днепрови мимо дворъ Крыштофа Золотара и Петра Нечая мещанъ Кіевскихъ; а третее с приходу отъ ринку ку двору Соленика; а четвертое тыломъ о тынъ ку дворови небожчика Ѳедора Миткевича, бывшаго Бурмистра Кіевского, зо всеми до того двора и пляцу правы, пожитками, приходами и всякими належностями и принадлежностями, и такъ широко и долго, яко здавна в собѣ ся маеть, ничего собѣ самой а ни потомству своему тамъ не заставуючи: а то на монастырь Ставропигионъ Патріаршеского общаго житія по Василю Великому, такъже тежъ и на школу детемъ такъ шляхетскимъ яко и местскимъ, и на иной способъ богоугоднаго житія, который бы служилъ ку збавеню христіанскому и ку выконаню милосердныхъ учинковъ. А притомъ и на гостинницу странныковъ духовныхъ, вѣры церкви восточнее будучимъ, такъ еднакъ, абы той монастырь и школа и увесь чинъ и строеніе по закону и по чину Церкви Каѳолическое восточнее набоженства Греческого, и подлугъ семи Вселенскихъ Соборовъ и по преданію Святыхъ Отецъ Греческихъ ряжено исправовано. Ещежъ варую и то, ижъ естлибы ктолюбо зъ духовныхъ, (89 л. об.) любо з свецкихъ зъ болшихъ и зъ меншихъ, будучи въ сполечности зъ живучими на той фундаціи и ставаючи в справе, зъ якоколвекъ причины, презъ кого колвекъ, взглядомъ тое фундаціи и общаго житія на ней заданое, напотомъ отступилъ и хотѣлъ бы якую належность собѣ мети до тое фундаціи, любъ общій любъ съ потомковъ моихъ, теда вѣчне таковыхъ и тымъ подобныхъ отступниковъ отъ належности и добродѣйства тое фундаціи и того запису

нынешнимъ моимъ вызнаемъ отдаляю, а въ той же фундаціи по отданю того добра з плядомъ на хвалу Божую вшменованымъ способомъ, ани я сама, ани потомковѣ мои не маемъ мѣти жадного вступу ани вжитку, ани тежъ подаваня на помененую фундацію привлчати собѣ не будутъ мочи вѣчными часы, подѣ закладомъ десяти тысячей золотыхъ полскихъ и подѣ нагороженемъ вшелякихъ шкодъ и накладовъ, кромѣ вшелякого доводу и присеги телесное, на голое речене слова, и абы тежъ тая фундація скутокъ свой брала, теды заразъ въ той дворъ и на его пляцъ духовныхъ и свецкихъ православныхъ, а меновите благовѣрного Священно-Инока отца Ісаія Купинского и прочіихъ з чернцовъ, такъ же тежъ и школу въпровадиламъ и впроважаю, онымъ такъ и всимъ духовнымъ и свѣтскимъ, яко се поменило, православія Церкви востоднее будучимъ, скутечное держане и посессію поступаючи при возномъ и при шляхте на то приданими. Потомки тежъ свои на то обликую, же жаднымъ способомъ перешкоды въ той посессіи тамъ мешкающимъ православнымъ в иночестве и в школе и всякомъ строеніи тамъ пребывающимъ, чинити не мають, подѣ закладомъ таковымъже десяти тысячей золотихъ польскихъ и подѣ нагороженемъ вшелякихъ шкодъ и накладовъ, (90 л.) кромѣ вшелякого доводу и присеги телесное, только на голое речене слова; до того особливе варую, если бы, чого Боже уховай, презъ якое утисненье или презъ якіе колвекъ пересуды ипоцы и христіане вышей помененые вытиснены и одсужены были одтое фундаціи данины моее, а ктоколвекъ и якимъ колвекъ способомъ хотель бы поседати тую мою фундацію и все штобы тамъ было збудовано и зафундовано, теды той дворъ и пляцъ зо всимъ се вернути въ домъ мой маеть и на власные, отъ якое колвекъ линіи идучіе, потомки мои спадати будетъ, которые то зась потомки мои и хто колвекъ таковой беручи въ посессію пляцъ той и зо всимъ на немъ будованемъ, инокомъ и при нихъ стоячимъ правовѣрнымъ, изгнаннымъ и вытесненнымъ оттоля, повинны будутъ такоежъ ваги и цены кгрунту шляхецкого права и волности, на своихъ грунтехъ власныхъ выделити, або сумою пиняжною подлугъ шацунку певнихъ людей заплатити и совѣто нагородити, подѣ закладомъ такимъ же десяти тысячей золотихъ полскихъ и под нагороженемъ вшелякихъ шкодъ и накладовъ, кромѣ вшелякого доводу и присеги телесное, только на голое речене слова: о што все державцы и посессорове тое

фундаціи моее и ктиторове того Монастыря будутъ мочи всякихъ противниковъ того запису фундушю моего позывати до вшеякого суду земского, кродского, трибуналского, въ который колвекъ поветъ и воеводство. Где будучи запозваны, за першимъ позвомъ, на року першомъ яко завитомъ ставши, усправедливитися, жадныхъ вымовъ и оборонъ собѣ ку помочи не беручи, заруку и шкоди заплатити будутъ повинны толко кротъ, колко бы тотъ запись нарушонъ былъ, и спротивленіеся якое в чомъ колвекъ оному ставало, а по заплаченю (90 л. об.) тыхъ зарукъ и по нагороженю шкодъ и накладовъ предсе сесь запись зъ нинешнею фундаціею, у каждого Суду и права, на каждомъ местцу, при цалой зуполной и досканалой моци захованъ и держанъ быти маеть на вѣчніе часы, а наконецъ еще и то варую, же еслибы потреба указала Церкви Божое, а православные христіяне, которымъ запись той служить, того бы по мне Галшце Гулевичовне Ложчиной Маршалковой Мозирской жадали, то есть объясненя албо поправки тое фундаціи и запису, теды то повинна буду учинити, и заховую собѣ на то всякую волность нынѣшнею приданую кондиціею, и на томъ дала той мой фундушовой листъ и добровольный запись, с притисненіемъ печати и с подписомъ руки малжонка моего, его милости Пана Стефана Лозки, Маршалка повету Мозырскаго, яко того, отъ которого тую данину и вѣчную даровизну маю, и съ притисненемъ печати и подписомъ руки моее власное. А для лепшое веры и певности и твердости тое преднаписанное фундаціи и данины моее ужила есмь о приложене печатей и о подписи рукъ до того листу моего ихъ милости пановъ и пріятелей моихъ обывателей того воеводства Кіевского добре оселихъ, его милости пана Миколая Стецкаго тивона Кіевского, его милости пана Максима Трипольского, и его милости пана Семена Шишку Ставецкаго, которые при томъ были и того добре свидомы, и то на прозбу мою учинили, а при печатей своихъ до того листу моего руками своими подписали. Дѣялосе и писано въ Кіеве подъ роками земскими, року тысяча шесть сотъ петнадцатого мѣсяца Октября чотирнадцатого (91 л.) дня.—У того листу добровольного запису печатей притисненихъ пять, а подпись рукъ въ те слова: *Стефанъ Лозка* Маршалокъ Мозырскій рукою. *Галшка Гулевичовна Стефановая Ложчиная* Маршалковая Мозырская рукою власною. *Миколай Стецкій* тивонъ Кіевскій рукою своею. *Максимъ Федоровичъ Трипольскій* рукою власною. *Семень Ставецкій*

Шшика рукою власною. Который то листъ добровольный запись за поданемъ и очевистымъ признаемъ вышъреченое особы, а за пріятемъ нашимъ Судовымъ увесь слово в слово у книги земскіе Кіевскіе есть уписанъ; съ которыхъ и сесь выпись подъ печатъми нашими есть выданъ. Писанъ въ Кіеве.

На подлинной такъ:

Федоръ Суцанскій
Проскура Писарь
Земскій Кіевскій.

(М. П.) (М. П.)

Корытговаль
Сченкевскій.

Jan Aksak
Sęd. Ziem. Kijowskiy.

Съ подлинною свидѣтельствовали:

Учитель філософіи іеромонахъ *Кассіанъ.*

Намѣстникъ іеромонахъ *Іеронимъ.*

Примѣчаніе. Впервые дарственная запись Гатшки Гулевичевой напечатана была въ *Памятн. Кіев. Коммисіи*, (т. II, № 1); нами издается она по вышеупомянутой рукописи *Архива при св. Синодѣ* (Историческ. Записка 1773 г. о состояніи Кіев. Дух. Академіи).

III.

Грамота іерусалимскаго патріарха Теофана, утверждающая Кіевское старѣйшее братство, съ учрежденіемъ при немъ братства младшаго.

1620 года мая 17.

(93 л. об.) Теофанъ милостію Божіею Патріархъ святаго града Іерусалима, святаго Сіона, Сирія, Аравія, Киликія, Иверія, Канагалілеа, обон-поль Іордана, и всея Палестины.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа, любви Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа, смиренія же нашего благословеніе.—

Всѣмъ въ православіи сіающимъ, иже въ малѣй Россіи, въ области же короны славнаго и преименитаго Королевства Полскаго сущимъ христіаномъ, сыномъ церкви Сіонскія, изряднее же обывателемъ Кіевскимъ. Понеже благодатію Божіею, идуще из великія Россіи отъ

благочестиваго Князя Михаила Ѳедоровича Московскаго, случися намъ нарочить многословущъ градъ богохранимъ Кіевъ посѣтити, и въ немъ благочестія цвѣты украшенную, паче же союзомъ любви еже о Господѣ спряженную братію, иже о непорочнѣй еже въ Господа нашего Іисуса Христа подвижающуюся вѣрѣ зрѣти: о семъ всѣхъ благъ дателя, содѣтеля, Бога благодаряще, молимъ, да во разпрострѣніе славы въ Тройцы, въ Единомъ же существѣ славимаго имени своего, избретъ себѣ исповѣдниковъ, и всѣхъ в едино тѣло церкви, на краугольномъ въ Сіонѣ положеннѣмъ камени, подъ смиренную главу Христа своего соберетъ и соединитъ. Что бо сице споспѣшествуетъ во всяко дѣло благо, еже о Христѣ Іисусѣ, яко союзъ братолюбія, безъ него же вѣра и прочая вся добродѣтели ничтоже ползуютъ; *о семъ бо, рече, познаютъ вы, яко мои есте ученицы, аще любите другъ друга.* Сего ради въ благочиннѣйшее исправленіе, и вѣщшее еже о церквахъ Божіихъ попеченіе, и сихъ разширеніе, смиренія нашего благословеніемъ новодруженное братство богоспасаемаго града Кіева благословихомъ и хартією нашею благословенною (94 л.) въ вѣчніе роды укрѣпихомъ, к нему же моленіемъ любоподражательныхъ братій во еже во множайшее разпрострѣніе славы имени Господня въ богоспасаемомъ семъ градѣ Кіевѣ, по образу прочихъ благочестивыхъ братствъ въ мнозѣхъ градовѣхъ государства великаго Государя Полскаго сущихъ, братство младенческое старѣйшему братству единомисльное и повинующееся, о Господѣ заложити изволше благословихомъ, и симъ начертаніемъ нашимъ благословляемъ и вписуячимся въ братство въ вѣрѣ благостояти и по чину старѣйшаго братства, паче же прочихъ древнѣйшихъ братствъ, хранящися впасти въ сѣть непріязненную, стрити себѣ повелѣваемъ: и надъ всѣми сими любовь к всѣмъ о Господѣ, и смиреніе стяжати, и благочестія неотступнымъ быти, украшающе юность свою всякою добродѣтелію, яко еже быти всѣмъ во образъ: „видѣвше же ваша добрая дѣла, прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ“. Сія же вся совершивше желаннаго живота вѣчнаго сподобитесь. Его же буди всѣмъ намъ получитьи, молитвами Пресвятыя Богородицы присно Дѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, изряднее же святаго славнаго и всехвалнаго Апостола Іакова брата Божія и первѣйшаго первосвятителя іерусалимскаго, от них же и на насъ другопріемателнѣ благодать всесвятаго животворящаго Духа превзиде, и на мѣстехъ святыхъ на них же спасеніе наше содѣяся служителемъ

и хранителемъ устрои. Благословеніе смиренія нашего и молитва да будетъ со всѣми вами. Аминь.

Писанъ въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ лѣта отъ Адама ̄зр̄ѣи, отъ воплощенія жъ Бога Слова ̄ах̄к, индикта 7 мая въ 31 день.

Въ подлинной грамотѣ подписано по гречески.

(М. П.)

Примѣч. Впервые означенная грамота напечатана у Амвросія въ *Истор. Рос. Иерархіи*, ч. I, стр. 459—462 (изд. 1607 г.) и *Памят. Кіев. Врем. Комм.* т. II, № 3.

IV.

Грамота іерусалимскаго патріарха Теофана, учреждающая при Кіевскомъ Богоявленскомъ братствѣ патріаршую Ставропигію.

1620 года, мая 26 дня.

(92 л.) Теофанъ милостію Божіею Патріарха святого града Іерусалима, святого Сіона, Сирія, Киликія и всея Аравіи, Кана-Галилея, обонполь Іордана и всея Палестины.

Смиреніе наше теперешнимъ листомъ вѣдомо чинитъ всѣмъ, ижъ мы будучи въ земли Руской великаго Государства Московскаго, за панованья благочистиваго и Богохранимаго царя православнаго Михаила Теодоровича, великими церкви Божое, святого мѣста Іерусалима квалтовными потребамии притисненныи, и оттоль назадъ идучи чрезъ панство великаго короля Польскаго Жигмонта третего, и пришедши во свѣтлую державу панованья его полудное Россіи до Богоспасаемаго града Кіева, видечи мѣсто Кіевъ, здавна во блгочестіи востоднее Церкви добросталое, монастырми чудотворными и церквами старожитне уфундованое и оздобленое, православными Россійскаго роду преложеными обоего стану духовнаго и свѣцкаго, шляхты и посполитыхъ людей, наполненное: Богу дяки отдавши, невымовне утѣшились, и поклонъ учинивши належный на мѣсцахъ знамените святыхъ въ монастырѣ Печерскомъ обители Пресвятой Богородицы, где и мощи преподобныхъ угодникъ Божіихъ различ-

ныя видѣвше лобизахомъ, и имъ достойную честь святыни воздати судихомъ. въ монастырѣ св. Николы Пустынномъ. въ монастырѣ Святого Михаила церкви Золотоверхой. въ монастырѣ Святыя Троицы Свято-Курилскомъ. въ монастырѣ Святого Преображенія Спасова Межигорскомъ, где и Николы святого чудотворца и святыхъ верховныхъ Апостолъ Петра и Павла храмы. въ монастырѣ Успенія Пресвятыя Богородицы Терехтемирове, и розныя церкви мирскіе въ самомъ мѣстѣ Кіевѣ, почавши отъ церкви Соборной Успенія Пресвятоя Богородицы митрополіи Кіевское посредѣ града муромъ, и церкви Спаса Святаго деревомъ новоотновленные и коштомъ великимъ благочестивыхъ гражданъ Кіевскихъ украшенные, и иніе. Такъ и дома многихъ христолюбивыхъ наведелисмы, где отъ всѣхъ вупно и отъ каждаго зъособна, яко и отъ благочестивыхъ и церкви восточное (92 л. об.) благопослушныхъ и всякія побожности полныхъ сыновъ, челоуколюбіе и достойную честь паству нашему принявши, всѣхъ благословенія гроба святого Христова и молитвъ смиренія нашего сподобилисмы, и сею грамотою нашею обще со всѣми домашними ихъ, въ православіи пребывающими, вѣчно сподобляемъ и благословляемъ, а особливе церковь новозаложенную святыхъ Богоявлоній и Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, страннопріимный дворъ Братства церковнаго, гдесми увесь часъ забавы нашей отъ самага пріѣзду до мѣста Кіева, по силѣ дарованія Божія, отъ обывателей мѣста гошонья страннолюбнѣ препочивали. При которомъ и школу науъ Еллинно-словенскаго и Латино-полскаго письма, въ цвѣченю побожного живота, въ подаваню науъ належныхъ, где вызнаня вѣры непорушно и догматъ святыми вселенскими седми соборами церкви восточной уставленныхъ, неотмене хотящимся учити, а звлаща младенческому уму наука презъ учителей тоежь церкви щире показывана и вливана быти маеть. Такъ тежь и братство церковное, братство милосердія, которое есть связкомъ досконалости въ томъ же мѣстѣ Кіевѣ ко созданию тѣла церкви Христовы, ко обмислу около пріимованя странныхъ, около цвиченя христіанскихъ дѣтей въ наукахъ и житію честномъ, около церкви Божое порядку и оздобы пристойное. Такъ тежь схадки и совѣты о томъ часте видѣвши, благословили мы, и благословляемъ и уквѣпляемъ, а до того властію и благодатію Всесвятого и Животворящаго Духа, маючи зуполную мощь и позволеніе отъ спольбрата и сослужителя смиренія нашего

Курь Тимоея вселенскаго патриарха Константинопольскаго, належнаго пастыря Русскихъ земель, и самое митрополиі Кіевское и Галицкое отца. Маючи мы при собѣ Ексарху его велебнаго Арсенія Архимандрита великія церкви въ Константинополи, и прочихъ споль братіи нашей (93 л.) Кирилла Александрійскаго, Аѳанасія Антиохійскаго святѣйшихъ патриарховъ: Видячи церкви Божое всликое озлобленіе отъ апостатовъ, законопреступныхъ пастырей ихъ бывшихъ въ земли Русской, на знакъ бытности нашей въ мѣстѣ Кіевѣ на вгрунте братскомъ, при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія, крестъ водружаемъ, и Ставропигіонъ патриаршеское достойно быти судивше благословляемъ, которое жадной духовной Митрополічей, Архіепископской, Епископской, ани жадной иной въ духовномъ исправленіи зверхности судови и благословенству николи подлѣгати не маеть, и не будетъ повинно вѣчными часы, окромъ самой Патриаршеской Константинопольской Вселенской столицы. И тамъ цвѣченя духовного, таеъ иноковъ молодыхъ, што способомъ монастыря по закону святаго Василія общежительно быти, яко и христіанскихъ дѣтей, во всякомъ благочестіи и чистотѣ и бѣглости писма, въ школу мѣти хоцемъ и благословляемъ. Повелѣваючи, и въ Святомъ Духу всякому такъ духовному яко и свѣцкому якого колвекъ стану людемъ запрещаючи, абы тому святому патриаршескому Ставропигію, братству, школи и страннопріемству противны не были, подъ анаеемою вѣчнаго непростенія. Всѣмъ же православнымъ и благочестно догмати Святыя Вселенскія Соборныя Апостольскія Восточныя Церкви, и отеческая во Духу запрещенія вѣрно хранящимъ, во грядущее всѣхъ благополученіе, нашего же смиренія благословеніе и молитва да будетъ. Аминь. Писанъ въ Богоспасаемомъ Градѣ Кіевѣ, въ лѣто отъ бытія міру *зрѣи индикта третяго, плотскаго же смотраенія Бога Слова Господа нашего Исуса Христа *дхѣ, мѣсяца маія кс дня.

Примѣчаніе. Настоящая грамота была напечатана два раза: въ *Истор. Рос. Іерархіи* Амвросія, ч. I стр. 463—468 (изд. 1807 г.) и *Памят. Кіевс. Времен. Кс. мис.* т. II, № 4. Но указанныя изданія имѣли одно весьма существенное различіе: у Амвросія то мѣсто патриаршей грамоты, гдѣ говорится о кіевобратской школѣ, читается такъ: „школу *Емно-словенскаго и Латинно-польскаго писма*“; въ *Памятникахъ же Врем. Кіевской*

Коммис., означенное мѣсто читается: „школу *Еллинно-Словенскаго и Латинскаго письма*“. Отсюда выходила значительная разница въ заключеніяхъ о преподаваніи языковъ въ тогдашней кievской школѣ (см. *Записки о первыхъ временахъ Кіево-Богоявленскаго братства М. А. Максимовича*, § 9). М. А. Максимовичъ держался чтенія кiev.-коммисіи (*ibid.*); но онъ ошибался. Сличеніе *Евгеніевскаго Сборника* (откуда заимствована Коммисією Теофанова грамота) съ рукописью, съ которой онъ списывался (*Историч. записка 1773 г. о состояніи Кіев. Академіи, съ прилож. документовъ*), показываетъ, что переписчикомъ въ означенномъ мѣстѣ допущена была описка: именно пропущено слово—*польскаго*.

V.

Грамота іерусалимскаго патріарха Теофана Кіевскому братству, заповѣдующая любовь и единомушіе.

1621 года, января 7 дня.

(94 л. об.). Теофанъ милостию Божіею Патріархъ Божія града Іерусалима, святаго Сіона, Аравія, Финикія, Кана-Галилеа, обонполь Іордана и всея Палестины.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа, любви Бога Отца и причастіе Святаго Духа, смиренія нашего благословеніе всеѣмъ благочестивымъ христіаномъ въ малой Россіи в областяхъ Коруны великаго и непобѣдимаго Королевства Полскаго сущимъ сыномъ церкви Россійскія восточнія: изряднѣе же обывателемъ града, благодать вамъ, милость и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа и Всесвятаго и Животворящаго Духа, Единосущныя и нераздѣльныя Троицы. Понеже благодатіею Божіею идущимъ из великія Россіи отъ благочестиваго Князя Михаила Теодоровича Московскаго случися намъ богоспасаемъ, многословуцъ градъ вашъ Кіевъ посѣтити, и еже у васъ неувыдаемо въ благочестіи процвѣтающихъ, паче же союзомъ любви братолюбія сопряженныхъ слышитѣ: что бо сице споспѣшествуетъ ко созданію тѣла церкви смиреннаго и непорочнаго агнца Божія, яко союзъ братолюбія, безъ него же вѣра и прочая вся добродѣтели ничто же ползуютъ. О семъ благодаряще Бога, Его же

и молимъ, да и въ прочихъ градѣхъ и странахъ вездѣ, въ честь и похвалу Тривпостаснаго Единосуцнаго имени своего, благочестивыхъ единыхъ истинныхъ, на краугольнѣмъ въ Сіонѣ положеномъ камени основанія, еже въ Господа нашего Іисуса Христа (отъ него же и христіане нарекохомся), вѣры избересть и утвердить исповѣдниковъ, и всѣхъ во ограду небеснаго рая собранія и зрѣнія лица славы своея насладитися сподобить: прочихъ ревнителей сея истинныхъ вѣры и хранителей догматъ святыхъ вселенскія церкви, аще око наше чувственное не видѣ, но точію слухомъ услышавше о исправленію ихъ, мисленнима очима сихъ видяще, зѣло душею возрадовахомся. О сихъ всѣхъ благодареніе содѣтелю Богу возсылаемъ, яко не волить ни единому челоуѣку погибнути, но еже спастися и в разумъ истинный прійти: еще злохитрій (95 л.) и коварный древній врагъ, всякому добру ненавистникъ, разсѣятель же злобы своея, да всяко дѣло благо разрушитъ, всяцеми образы навѣтовати тщится, и яко же избирая изъ начала собѣ сосуды лукавія челоуѣки, иже образъ благочестія имуще, сили же его отвергшеся, иже неутвержденныхъ и простыхъ челоуѣкъ отъ вѣры возвращаютъ, и во свою всепагубную ересь отводятъ. Сего ради, чадца, ощутивше отступныхъ ухищреніе, всѣмъ бо симъ въ послѣдніи времена подобаше бывати, да вѣрніи искусни являтся, претерпѣвый же до конца спасется. Молить васъ смиреніе наше, и отеческимъ благоправіемъ повелѣваетъ вамъ не расслабѣвати душею, и не унивати тѣломъ, но еже бодренымъ и готовымъ быти, вземше вся оружія Божія на прогнаніе врага: нѣсть бо наша брань, по Апостолу, ко плоти и крови, но къ началамъ и ко властемъ и къ миродержителямъ тмы вѣка сего и къ духовомъ злобы поднебеснымъ. Вышше (же всего) любовь стяжите, юже благочиннѣ совершати Богу обѣщастеся, и на раздѣженіе ея братство водрузѣте, въ немъ же васъ и всѣхъ купно духовныхъ же и мірскихъ всякаго возраста и сана въ православной вѣрѣ живущихъ, сею благословенною хартією нашею благославляемъ, и тое братство ваше Боговожденное симъ писаніемъ нашимъ во вѣчніи роди утверждаемъ: да пребываете въ немъ богобоязненно со всяцѣмъ усердіемъ, другъ друга пріемлюще, ко другъ другу зависти не движуще и ни очесомъ завидяще, но паче исполняющеся духомъ кротости, послѣдующе преданіемъ древнѣйшихъ братствъ. О семъ бо, рече Господь: познають вы, яко мои есте ученицы, аще любите другъ друга. Сія же вся совершивше, чаемаго жи-

вота вѣчнаго сподобитися: его же буди всѣмъ намъ получитьи молитвами пречистія Богородицы Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, изряднѣе же святого славного и всехвалнаго Апостола Іакова, брата Божія, и первѣйшаго первосвятителя Іерусалимскаго, отъ него же и на насъ другопримателнѣ благодать Всесвятаго и Животворящаго Духа на мѣстѣхъ сихъ святыхъ, на нихъ же спасеніе наше содѣяся, служити и строити превзійде; благословеніе же смиренія нашего и молитва да будетъ со всѣми вами. Аминь. Писанъ въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ въ лѣто отъ бытія міру 7128, плотскаго же смотренія Бога Слова 1621, мѣсяца Іаннуарія 7 дня.

Примѣч. Означенная грамота впервые напечатана у Амвросія въ *Исторіи Рос. іерархіи*, ч. I, стр. 469—472 (изд. 2-е), —и за тѣмъ въ *Памятн.*, изд. *времен. Кіев. комиссією*, т. II, отд. I, № 5.

VI

Вирши, сочиненныя ректоромъ Кіево-братской школы Кассіаномъ Саковичемъ и произнесенныя учениками означенной школы при погребеніи гетмана запорожскаго войска Петра Конашевича Сагайдачнаго.

1622 года.

(Загл. листъ). Върши на жалосный погребъ Цацного Рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго, Гетмана Войска Его Кор. Милости Запорозкого, Зложонны презъ инока Касіана Саковича Ректора школз Кіевскихъ въ Брацтва. Мовленые отъ его студеовз на погребъ того цного рыцера въ Кіевъ, въ недѣлю проводную, року Божого, тысяча шесть сотъ двадцать-второго.

ѣ царст. ѣ.

Не вѣсте ли яко Властелинъ великъ паде въ сій день въ Ізраили.

(Об. загл. л.). На гербъ сильного войска Его Кор. мил. Запорозкого.

Въ подлинникѣ отгравированъ гербъ войска запорожскаго, представляющій вооруженнаго козака.

Кгды мензства Запорозцовъ Крелеве дознали,
 Теды за Гербъ такого имъ рыцера дали.
 Который ото готовъ Ойчизнѣ служить,
 За волность еи и свой животъ положить.
 И якъ треба землю албо тыжь водою:
 Вшеляко онъ способный и прудкій до бою.

(1 стр.). ПРЕДМОВА.

*Записильному войску Ело Кор. милости, Запорозкому: ласки Божое,
 доброю здорова и щасливого надъ неприятелми отчизны звитязтва
 зъ несмертельной славы набыванемъ, Авторъ, отъ въ Троици еди-
 ного Бога зычитъ.*

Вѣрность подданныхъ противъ Пану то справуетъ,
 Же имъ што найболшого есть въ людехъ, даруетъ.
 Найболшую речъ межи всѣми сужу волность,
 Которой въ стосованю уступуетъ годность.
 Того ми посвѣдчити могутъ всѣ створеня,
 Которыи зъ природы прагнуть свобоженя.
 Золотаа волность: такъ еи называютъ:
 Доступити еи всѣ пилне ся старають.
 Лечь она не каждому можетъ быти дана,
 Толко тымъ што боронятъ Ойчизны, и Пана.
 Мензствомъ еи Рыцерѣ въ войнахъ доступують,
 Не грошми: але кровю ся еи докупають.

(2 стр.) Войско Запорозкое волности набыло
 Тымъ: же вѣрне Ойчизнѣ, и Кролюмъ служило.
 Кройники о ихъ мензствѣ старые писали,
 Якъ они неприятелей Ойчистыхъ бивали
 Моремъ, сухомъ, частокротъ пѣшо, и тыжь конно:
 Хотяй ся неприятель ихъ убиралъ збройно.
 Племя то есть зъ насѣня оного Іафета,
 Который зъ Симомъ покрылъ отчїе секрета.
 За Олега Росского монархи плывали
 В чолнахъ по мору: и на Царьградъ штурмовали.
 Ихъ то продки зъ Росскимъ ся Монархою крестили
 Владимиромъ: и въ вѣрѣ той статечне жили.

При которой и они такъ стоятъ статечне,
 Же за ню умирати готови конечне.
 Бывали межи войскомъ тымъ Князѣ и Паны,
 С которыхъ выходили добрыи Гетманы.
 Якимъ и тотъ ихъ Гетманъ Пётръ Конашевичъ былъ,
 Который справъ Рицерскихъ дѣлнстю всюды слылъ.
 О Войску Запорозкомъ кождый можетъ знати,
 Якъ оно Ойчизнѣ есть потребно, уважати.
 У к р а и н а тымъ войскомъ вцале заставаетъ.
 А где Запорозцовъ нѣтъ, татаринъ впадаетъ.
 Свѣдками того суть (охъ) мѣста Подолскіи:
 И край Подгорскіи, ажъ тыжъ и Белзкіе.
 Где много поганинъ крве христіанскои розлялъ,
 А живо позосталыхъ тыхъ въ неволю забралъ.
 (3 стр.) Козакъ нѣмаючи нѣ зброи, нѣ шишака,
 Стигаеъ татарь: бы могль допасти лошака.
 Чинить здорову своему часто одваженя,
 Бы толко неволникъ могль мѣтъ высвобоженя.
 Прото которыхъ бы хтѣли вотовати
 Жебы ихъ знести, албо туркови выдати:
 Теды певне въ туюжъ бы якъ овцѣ сѣтъ впали,
 Кгды бы своихъ сторожовъ псовъ волкомъ выдали.
 Они Ойчизнѣ нашой суть обороною,
 Отъ татаръ поганыхъ и турковъ: заслоною.
 Але южъ до васъ мову мою обертаю
 Зацное Рыцерство: всѣхъ васъ напинаю:
 Абысте въ вѣрѣ своей святой мощно трвали:
 И вѣрность Крoлю Пану въ всемъ заховали.
 За которую волность вамъ есть дарована,
 Же прочъ самого Крoля не маете Пана.
 Отъ вшелякихъ податковъ, и судовъ волными
 Естесте: заслугами своими годными.
 Тую волность за клейнотъ дорогій ховайте,
 Заслугами своими еще причиняйте.
 И ты днешній Гетмане задный Олѣфѣру,
 Щасливе справуй войскомъ тымъ, а ховай вѣру

Богу: и народови тыжь христіанскому.

Чимъ будешъ завше страшный племени поганскому.

И съ тымъ Рыцерствомъ славы доброй набывай

А мене въ ласце своей во всѣмъ войскомъ ховай.

(4 стр.) Которому книжечку тую офѣрую,

И подѣ именемъ всего войска въ дружъ дарую.

И што ся тутъ на славу Гетмана писало

Петра Конашевича: на васъ ся стягало.

Кгдажь Гетманъ не самъ презъ ся лечъ войскомъ есть славный.

А войско тыжь Гетманомъ, доводъ то есть явный.

Гетманъ безъ войска штожь есть, войско тыжь безъ него;

Згола нѣчого не есть единъ безъ другого.

Речь кончачи: Творцу васъ Богу полецаю,

Щасливого звитязтва завше вамъ жадаю.

Вашимъ милостямъ моимъ Велце ласкавымъ Паномъ
и добродѣомъ, всему Рыцерству Его Кор. Мил. Запорозкому;

Унижоный и зычливый слуга и молитвенникъ

Многогрѣшный инокъ *Касіанъ Саковичъ*,

Ректоръ школъ Кііовскихъ

† † †:

Здѣсь, въ началѣ 5 страницы, находится изображеніе Петра Конашевича Сагайдачнаго, на конѣ и въ гетманскомъ убранствѣ; сбоку—гербъ гетмана (крестъ, стоящій на верху полукружія подковы).

ПЕРВЫЙ СПУДЕЙ.

Есть для чого гойныи слезы выливати:

Сердцы, усты, и шатми жаль свой освѣдчати:

Бо ото смерть горкая, невчесне порвала

Славного Рыцера, с котрого похвада

(6 стр.) Кролю Пану, и Речи Посполитой была:

Бо его слава въ многихъ краяхъ земныхъ слыла.

Славное войско годно такого Гетмана,

Который пилне стерегъ чести своего Пана.

Умѣлъ мудре тымъ сильнымъ войскомъ веровати,

Доброго любилъ: злого зась звыкль былъ карати.

Для тогожь и звитязства часто доказовалъ,

Же карность зъ послушенствомъ въ своемъ войску мѣвалъ.

Пилне онъ того стерегъ, бы война съ христіаны,

Христіаномъ не была, лечь толко съ поганы.

Которыхъ онъ водою и сухомъ воевалъ:

И плѣненныхъ христіанъ зъ моцы ихъ выдиралъ.

Слушне о томъ Гетманъ каждый держать може,

Же былъ правый Гетманъ, дай му вѣный покой Боже.

За великую собѣ мѣлъ то нагороду,

Кгды зъ неволѣ вызволилъ кого на свободу.

Кгдыжь война для тыхъ толко причинъ маеть быти,

Себе отъ кривдъ и иныхъ такъже боронити.

О цный Гетмане славный въ людехъ по всѣмъ вѣки,

Нехай тя прийметъ Христось въ небесны ливи.

Стефанъ Почаскій.

(7 стр.) ВТОРЫЙ.

Милость въ сердцу палаеть якъ мовить Сенека,

Ведлугъ времени праве каждого человека.

В потѣхахъ съ пріателемъ сполне ся радуеть:

А въ противныхъ зась речахъ споль зъ нимъ ляментуеть.

Тая по своихъ милыхъ тескнитъ хотъ нерада,

Утративши милого друга, альбо брата.

Тая великого насъ жалю наполнила:

Кгды презъ смерть того мужа отъ насъ отдалила.

Который своимъ мензствомъ слынулъ въ всѣхъ краяхъ:

В Татарскихъ, Турскихъ, наветъ и въ Полночныхъ странахъ.

Не разъ онъ громилъ орды Татаровъ на шлагахъ,

И загоны ихъ разилъ въ великихъ оршакахъ.

Дозналъ моци Рыцера того Турчинъ сильный¹⁾,

В томъ тогорочномъ бою, якъ то былъ мужъ дѣлный.
 Же въ маломъ почтѣ своихъ, Турскимъ многимъ полкомъ,
 Менже спираль, поганскимъ розѣдлымъ волкомъ,
 За ойчизну межне ся имъ заставляючи,

Здоровя своего намнѣй не охороняючи.

Волѣлъ самъ якъ Кодрусъ Кроль въ Атенахъ въ Греціи²⁾,

Смерть поднять, бы ойчизна толко была вцѣлѣ.

(8 стр.) Кгдыжъ лепѣй есть стратити животъ за ойчизну,

Нѣжли неприятелю достатся въ коризну.

Кто бовѣмъ за ойчизну не хочетъ вмирати,

Тотъ потомъ зъ ойчизною муситъ погибати.

Цный Сагайдачный волѣлъ самъ рану поднять,

Нѣжлибы поганину христіанъ выдати.

Отъ которой раны ото умираеть,

Але слава и мензство его заставаеть.

Такъ якъ Спартанского Кроля Леонидеса,

Который менже Кроля воевалъ Ксерксеса.

Шестьсотъ толко зъ собою Рыцеровъ маючи,

Впалъ зъ ними Ксерксово войско рубаючи:

Которого по пятькrotъ стотисячый было,

Лечь отъ шестехъ сотъ, двадцять тысячъ го было:

Тамже и тые шестьсотъ на пляцу zostали,

Але ся живо поймать нѣкому не дали,

Которыхъ мензство будетъ такъ долго слынути,

Поки въ своихъ берегахъ Ниль будетъ плынути.

Такимъ способомъ Рыцерь славы набываеть,

Кгды ся зъ неприателемъ менже потыкаеть.

Петръ Созоновичъ Балыка.

(9 стр.) ТРЕТІЙ.

Попрожну фрасуетъ ся всякъ живой человекъ,

Поневажъ короткій есть его на свѣтѣ вѣкѣ.

¹⁾ На поляхъ противъ этого мѣста напечатано: *Въ Волошехъ, рокъ 1621.*

²⁾ На поляхъ: *Юстинусъ, книга 2.*

Богатство, мудрость, слава, сила все преходить,
 Нѣчогося трвалого въ мѣрѣ не находить.
 Што можемъ въ томъ Рыцеру нашомъ оглядати,
 Же такъ неиначей есть, латво узнавати.
 Чили онъ не мѣлъ силы, здорова, и грошій;
 Не былъ ли славный, менжный, на тѣлѣ хорошій;
 Чили не мѣлъ докторовъ на свою хоробу;
 Лечъ на смерть нѣтъ лѣкарства отдается гробу.
 Чловекъ якъ тѣнь, сонъ, трава, якъ цвѣтъ увядаетъ,
 Нагъ ся родить, нагъ сходитъ, все ся тутъ застаеть.
 Видишь якъ мѣръ, и похоть зъ свѣтомъ преминаеть,
 А творяй волю Божию вѣчне пребываетъ.
 Учѣможься чужими приклады карати:
 Лакомства, и злыхъ дѣлъ пилне ся варовати.
 Кдгдыжъ нѣчого спросного не внідетъ до неба,
 Поки ся не очистить душа якъ потреба.

Іоаннъ Саковичъ.

(10 стр.) ЧЕТВЕРТЫЙ.

Идешъ отъ насъ Гетмане милый,
 Коронѣ той велце зычливый.
 Крвю облянй, пострѣломъ Турскимъ,
 Кончишь животь, вырокомъ Бозскимъ.
 Смѣле ойчизны боронячи:
 Здрова за ню покладаючи.
 Еднакъ потомнымъ вѣкомъ, слава
 Вѣчная, по тобѣ зостала.
 Котроись набылъ своимъ мензствомъ:
 З славнымъ Запорозкимъ Рицерствомъ,
 Которогось вожемъ былъ славнымъ,
 Непріателюмъ ойчизны страшнымъ.
 Докончилесь на земли бою,
 Отпочинь же въ вѣчномъ покою.
 По тыхъ земныхъ трудахъ и працахъ:
 Вытхни собѣ въ горныхъ паладахъ.
 Которыхъ есь собѣ пожадалъ:
 Добрыми дѣлы ихъ набывалъ.

*Феофілактъ Іоанновичъ
 Бурмистровичъ К.*

(11 стр.) ПЯТЫЙ.

Я тыжъ вамъ хочу килка прикладовъ вказати:

Яко ся звыкли люде на смерть готовати.

Розмаитыи собѣ побудки чинячи:

Гробы, трунны, надгробки предъ смертю рядячи.

Што не толко чинили сами христіане,

Але тыжъ изъ невѣрныхъ многіи погане.

Абы такимъ способомъ на смерть памятали,

До неися добрыми дѣлы готовали.

Філадельфъ Кроль Египетскій бы на смерть памяталъ,

Образъ еи при своемъ столѣ завше мѣвалъ:

При которомъ Голову якого мертвого

Кладено, и волано на Кроля живого:

Познавай мовить Кролю, чія то Голова;

Прійдетъ тотъ часъ кгда будетъ такаяжъ и твоя,

Которую снать такъже будутъ вказовати,

Если Кролевская есть, будутъ узнавати.

То чиниль Фіаделфъ Кроль, и его Дворяне.

Штожъ на то рекутъ нынѣшніи Христіане;

Которыи въ роскошахъ вѣкъ свой провожаютъ,

На Смерть, Судъ, пекло, Царство мало памятають.

Іоаннъ Тарнавскій, Протопоповичъ К.

(12 стр.) ШЕСТЫЙ.

Кгда Кгрецкіи Цесары на Панства вѣжджали,

Теды ихъ всѣ з трыумфомъ въ мѣсто впровожали,

Долгощасливого имъ Царства вѣншуючи,

Розмаитыи дары имъ офѣруючи:

Тымъ тыжъ часомъ Мулярѣ до нихъ приходили,

Розныхъ Мармуровъ штуки предъ нихъ приносили,

Пытаючи: зъ якого бысь собѣ Мармуру

Казаль уробити гробъ; Велможный нашъ Цару.

То чиняно Цесаромъ въ Константинополю:

Абы завше въ памяти мѣли Божю волю.

И щастю того свѣта жебы не уфали,
 Але на смерть каждого часу памятали.
 Вѣдаючи же того свѣта честь, и слава,
 И богатство преходить якъ тѣнь, сонъ, и пара.

Теодоръ Скаревскій.

СЕДМЫЙ.

Северусъ Императоръ, за живота казалъ
 Собѣ Трунну зробити: и въ нюй ся укладалъ:
 (13 стр.) Оную цалуючи, и облапляючи,
 Такъ до онои Трунны своеи мовячи:
 О трунно, якъ же мушу въ тобѣ ся змѣстити!
 Што ся не могу всего свѣта насытити:
 Ты мя замкнешь своими четырма дощками,
 Который теперь владну многими краями.

Леонтій Балька, Бурмистровиць К:

ОСМЫЙ.

Салатинъ Кроль много Панствъ на собѣ маючи,
 Тотъ хоробою зложонъ смертною будучи:
 Казалъ свою Кошулю Возному носити,
 По мѣсту Алкаиру, и такъ голосити:
 Ото кроль такъ Великій много Панствъ маючи,
 Тую то Кошулю возметь, вмираючи.
 Годный то прикладъ, бысмы нань всѣ памятали
 Же тыжь зъ собою толко возметь, уважали.

Іереміа Ставровецкій.

ДЕВЯТЫЙ.

Філиппъ Кроль Макидонскій отецъ Александровъ,
 Тотъ подбивши подъ свою моць многихъ Монарховъ,

(14 стр.) Жѣбы ся щастямъ тогосвѣтнимъ не вывышалъ,

И за несмертелного Царя не почиталъ,

Казалъ одному зъ своихъ Пахолятъ входить

Што день къ собѣ на впокой, и тое мовити:

Памятай Кролю, жесь есть человѣкъ смертелный,

Прійдетъ тотъ часъ: же будешъ въ землю погребенный,

Будуть ся кости твои по земли валяти,

Если суть Царскіе, нѣхтъ ихъ не будетъ знати.

Што потымъ Діогенесь на око указалъ:

Кгды го Александеръ Кроль межи костми засталъ,

А онъ кости умерлыхъ людей прекидаеть.

Што то мовитъ чинишь; Кроль его запытаеть:

Шукаю мовитъ, отца твоего головы,

Лечъ не могу познати ни руки, ни ноги,

Все ся въсполь помѣшало: не знать убогого,

Анѣ тыжъ богатога, анѣ учоного.

То чинили многіи сего свѣта Паны,

Хоть не вѣрили Въскресенію, якъ поганы.

А мы хоть Въскресенію изъ мертвыхъ вѣримо,

А предся вѣруючи добре: зле чинимо.

Іоаннъ Стецкій.

(15 стр.) ДЕСЯТЫЙ.

Двохъ Архіепископовъ еще вамъ приточимъ:

Яко ся готовили на смерть, и речъ скончимъ.

Василій, которога зовемъ, Великій:

Тотъ кгды отправлялъ службы въ зацны Праздники:

В свѣтлыхъ рызахъ, и въ барзо коштовной Коронѣ,

При великомъ духовныхъ, и свѣтскихъ съборѣ.

И кгды му зъ уважностью всѣ услуговали

Якъ Архіереови: честь му выряжали.

Нашто смотрячи Валенсъ праве ся здумѣвалъ,

Кгды Василій въ Крещеня Праздникъ литургисалъ.

Видячи же овечки Пастыря читли,

При немъ душѣ бы свои были положили.

Тому теды Святому Отцу, единъ мовлялъ

З духовныхъ, жебы въ такой чести смерть памяталъ.

И жебы казалъ собѣ гробу докончити,

Въ которомъ бы по смерти своей моглъ почити.

Смотри якъ то мужъ Святый самъ собѣ не уфалъ,

Боячи ся и въ Церкви абы въ пыху не въпалъ.

На которую собѣ лѣкарство давати

Казалъ сконченье гробу, и смерть въспоминати.

Николай Отрепьевичъ.

(16 стр.) ПЕРВЫЙНАДЦАТЬ.

Иоаннъ тыжъ Ялмужникъ, предъ смертю зачалъ

Гробъ собѣ готовати, але го не кончалъ.

А то, жебы му часто смерть припоминаю,

Кгды бы о доконченю гробу его пытано.

То Архіепископы святыи чинили,

Которыи, такъ якъ мы, нѣкгды не грѣшили.

А предся абы цилне на смерть памятали,

Такіи побудки къ ней собѣ чиневали.

Были тыжъ и въ Египетскихъ скитахъ, што живали

Въ печерахъ, и зъ нихъ на свѣтъ мало выходжали.

Грѣхи свои во тыхъ гробахъ оплакиваючи,

Смерти своей въ нихъ што день ожидаючи.

Маешъ тутъ приклады чловѣче многіи:

Выбирай которыи тобѣ суть згожіи.

Иоаннъ Козаринъ.

ВТОРЫЙНАДЦАТЬ.

Александръ Великій, обецалъ даровати

Едного Філософа, ошто бы хтѣлъ жадати.

(17 стр.) Філософъ о глейтъ просилъ, которымъ бы отъ Смерти

Боронилъ ся: кгды мовить, схочетъ на мя натерти.

Реклъ му Александръ: же собѣ бымъ то рачей

Зычилъ, бымъ невмиралъ, лечъ не може быть иначеи:

Кождый кто ся уродиль, мусить и умерети.

Жадень ся человекъ Смерти не можетъ оперети.

Нѣмашь на ню лѣкарства, нѣмашь и обороны,

З самыхъ Царей здираеть свѣтныи ихъ Короны.

Не боиться жолнѣрства, въкругъ Царя стоячого

З оружіемъ и стрѣлбою, его вартуючого.

Але беретъ съпосродку ихъ его спячого,

О смерти своей барзо мало мыслячого.

Не могу теда тобѣ такого глейту дати,

За которымъ бысь ся могль смерти уваровати.

Поневажъ и самъ тойже смерти подлежатъ мушу,

Хотемъ Кроль такъ великій, предѣся выймегъ з мя душу.

Рекль му Філософъ: прото и ты есть смертельный,

Чемужъ ти Панованя, умысль ненасыченный.

Усилуешь подбити подъ моцъ свою всѣ Панства,

Жебыгъся жадень человекъ невыдираль съ подданства.

Жіешъ такъ якобысь нѣкды немѣль умерети,

Хочешъ всѣ богатства на земли пожерети.

(18 стр.) Вчомъ славы пороженей на томъ свѣтѣ шукаешъ,

А же маешъ вмерети, на то не памятаешъ.

О піенкная отповѣдь, хотъ мудрца поганского.

Могла бы преразити чловѣка христіанского,

Абы на короткій бѣгъ жита своего памяталъ,

Збиранья лакомого на свѣтѣ ся вароваль.

Іоаннъ Шелмицкій.

ТРЕТІЙНАДЦАТЬ.

Кто бы хтѣль достатечне справы описати

Петра Конашевича, и на свѣтъ подати,

Мусель бы у Кгрецкого Поеты Гомера

Зычитъ розуму, альбо тыжъ у Димостена.

Которыи валечныхъ своихъ Кгрековъ дѣи:

Выписали достатне, яко по лінѣи.

Лечъ намъ трудно зъ оными въ розумѣ зровнати,

Кгдысмы такихъ въ наукахъ праць нехтѣли мати.

Еднакъ хоть простымъ Ритмомъ, предся незамолчимъ
Дѣлности того Мужа вкратце приточимъ.

А первой о его вамъ скажемъ уроженю,

По томъ въ лѣтехъ молодыхъ о его цвиченю.

Уродился онъ въ краяхъ Подгорскихъ Премьескихъ,

Выхованъ въ Вѣрѣ Церкви Востодней зъ лѣтъ дѣтинскихъ
(19 стр.) Шоль потомъ до Острога, для Наукъ уцтивыхъ,

Которыи тамъ квітли, за Благочестивыхъ

Княжатъ: которыи ся въ Наукахъ кохали,

На Школы маетностей много фундовали:

Абы ся Млодь въ Наукахъ уцтивыхъ цвичила,

Церкви, и тыжъ Ойчизнѣ пожитечна была.

Дай Боже, бы тая тамъ Фундація трвала:

Жебы ся отголь Хвала Божія помнажала.

Тамъ теды Коначевичъ часъ немалый живши,

И Наукъ въ Писмѣ нашомъ Словенскомъ навикши,

Потомъ видячи ся быть способнымъ до мензства:

Шоль до Запрозкого Славного Рыцерства.

Межи которымъ презъ часъ не малый жиючи,

И Рицерскихъ дѣлностей тамъ доказуючи.

Гетманомъ потомъ собѣ Войско го обрало,

И зъ нимъ менжане Татаровъ, и Турковъ бивало.

За своего Гетманства взялъ въ Турцехъ мѣсто Кафу:

Ажъ и самъ Цесарь Турскій былъ въ великомъ страху:

Бо му Чотырнадцать тысячъ тамъ люду збилъ,

Катарги едины палилъ, другіи потопилъ.

Много тогды зъ неволѣ Христіанъ свободилъ:

За што го Богъ зъ Воинствомъ его Благословилъ.

Здѣсь, въ началѣ 20 стр.,
находится литографиро-
ванное изображеніе города
Кафы, осаждаемаго запо-
рождами. На поляхъ кар-
тины—надпись: *Кафу во-
евалъ, року 1606.*

Бо за наибольшую нехъ собѣ нагороду

Почитаеть Рыцерь: игды кого на свободу

Вызволить: за што грѣховъ собѣ отпущенье

Одержитъ: а по Смерти въ Небѣ въместишьне.

Дознавалъ не поединькромъ Турчинъ поганищъ

Его мензства, и прудковоенный Татаринъ.

(21 стр.) Повѣсть и Мултянская земля, и Волошинъ,

Якъ ихъ тотъ Гетманъ зъ своимъ Рыцертвомъ положила

Досвѣдчилъ и Инфлянтчикъ того В о й с к а Силы,

Кгды ихъ тыи Рыцеры якъ траву косили.

Пулночными тыжъ краи будутъ нямятати

Долго, его мужество, бо ся имъ даль знати,

Великого звитязства тамъ доказуючи,

Мѣста и Города ихъ мощныи псуючи.

И завше онъ дѣлностью своею вто трафляль,

Якъ бы безъ шкоды своихъ, неприятелювъ досталь.

А кгды якого мѣста въ Христіанствѣ досталь,

Теды Церкви въ покою оставляти казалъ.

Смотрѣте якъ то Гетманъ былъ Благочестивый:

По звитязствѣ памяталъ на Станъ свой уцтивый,

Што му не належало, того ся не тыкаль,

Замойского Гетмана то онъ наслѣдовалъ:

Который тежъ Рыцертву въ Мултанѣхъ заказаль,

Жебы жаденъ зъ нихъ Церквамъ кривды не выражалъ.

Нерыхло другій такий повстанеть Замойскій,

Што бы умѣлъ радити такъ Пюромъ и Войски.

Дозналисмы по смерти его достъ отмѣны,

Военъ домовыхъ и тыжъ постронныхъ безмѣры.

(22 стр.) Оттоль уважаймы, якъ много на Гетманахъ

Добрыхъ, належитъ Панству, и на мудрыхъ Панахъ.

Лечь я до своего ся Гетмана вертаю

Петра Конашевича, и въ немъ залецаю,

При мензствѣ, Вѣру его, въ которой статечне

Трвалъ, заставляючи ся заню досыть сердечне.

И завше зъ своимъ Войскомъ Кроля Пана просиль,

Абы Вѣру нашу Святую успокоиль.

Офѣруючися му тымъ хентѣй Служити,

Кгдыбы рачиль Релію нашу успокоити:

Для которой, междуособная Война .

Дѣется межѣ людми, въ Панствѣ Крoля Пана,
Кгдыжъ за Вѣру готовъ есть Правый Христіанинъ
Умирати: а не дасться привести до новинъ.

Евтихій Самуиловичъ.

ЧЕТВЕРТЫЙНАДЦАТЬ.

А Кгды тую прозбу Крoль зъ Сенатомъ откладаль:

Тымъ часомъ Патріарха вчасне къ намъ завиталь,
Зъ Землѣ Святой Мѣста Іерусалима:

Отколь вышла на вѣвесь свѣтъ Правдивая Вѣра.
(23 стр.) Которого тотъ Гетманъ зъ Войскомъ наведивши
Въ Кіевѣ, и поклонъ му достойный отдавши
Съ Православными, почаль Раду въ томъ чинити:

Жебы могли Пастырей Православныхъ мѣти
Въ Церкви своей, на мѣстцахъ Владыковъ Унѣтовъ,
Которыхъ маеть Народъ нашъ, за Езуитовъ:
Кгдыжъ Унѣяти зъ ними единомудрствуютъ,
Всѣхъ подбити подъ владзу Папѣ, усилюють.
Обравши теды згодне всѣ, зъ Людей Духовныхъ,
Честныхъ Мужей, и въ Писмѣ бѣглыхъ, Особъ годныхъ:
Патріарсѣ Святому ихъ презентовали,

О Посвяченя ихъ на Владыцтва, жадали.
А кгды Святѣйшій Отець, зъ Ексархомъ обачиль
Слушность въ жаданю, Особъ тыхъ Посвятити рачиль:
Го ва Борецкаго, на Митрополию,

И Владыкъ, на каждого ихъ Епископію.
Заставиши теды намъ Святыню въ Россіи

Святѣйшій Патріархъ: Самъ ехаль до Кгреціи.
Которого тотъ Рыцерь, въ Войскомъ Запорозкимъ
Отпровадиль въ покою, къ Гранцомъ Волоскимъ.
Чинячи то за Его Кор. Мил. позволеньемъ,

И тыжъ Войска Запорозкого повеленьемъ.
(24 стр.) О якій тамъ плачь былъ, кгды ся Войско вертало
Назадъ! и зъ Святѣйшимъ ся Отцемъ южъ жегнало,
Сердце ихъ правѣ мдлѣло зъ набожного жалю,
Въ ономъ ихъ зъ собою ся въ дорозѣ розстаню.

Тую теды послугу годне отправивши,

И Благословеніе Войску одержавши,

Вернули ся въ покою до своихъ Салашовъ,

И ледво троха вытхли: али Турчинъ нашолъ,

Зъ многоличбымъ поганствомъ, на Отчизну нашу,

Южъ назначивши своего, до Мѣсть нашихъ Башу.

Который въ Запорозкомъ Войску хтѣлъ снѣдати,

А въ Полскомъ зась Обозѣ мыслилъ обѣдати.

Але Богъ, въ которого моцы есть звитязство:

Додалъ моци нашему Войску, на Поганство.

Же хотъ шесть кротъ неровно, предѣся утѣкали

Турци предѣ нашими, кгда на нихъ натирали:

Снѣданя имъ, посполу зъ обѣдомъ даючи,

А на Вечеру начестъ до Плютоня шлючи.

Котори нехтячи другіи чекати,

Радинеради назадъ мусѣли вступати.

Дозналъ теды Поганинъ, моцы Іисуса Христа,

Которого блюзнили злыи его уста.

(25 стр.) Же нашихъ священниковъ хтѣлъ въ плугъ запрягати.

И въ Домахъ Божіихъ, конѣ обецалъ ставляти.

Але гордому, все ся то вспакъ обернуло:

Же мало што Войска зъ нимъ назадъ ся вернуло.

Такъ то Богъ гордымъ завше звыкълъ ся спротивляти:

Покорнымъ зась, и тихимъ благодать давати.

И зъ нашихъ, хотъ много тамъ побитыхъ, и ранныхъ

Зостало, оружіемъ Турчиновъ поганныхъ:

Еднакъ если зъ Словѣдю шли, на тую Войну,

Возмутъ заплату въ Небѣ, за мужество, гоїну:

Же за Христіанскую кровь ся заставляли,

Ойчизны боронячи, кровь свою выляли:

На томже пляцу тотъ нашъ Гетманъ пострѣленный,

Прихалъ до Кіева, наполю умерлый:

Где розмаитыхъ лѣкарствъ долгій часъ заживалъ,

На Докторы отъ Кроля самого коштъ мѣвалъ.

Бо ктожъ бы не зычилъ былъ такому Гетману

Здоровя; што вѣрне служилъ Ойчизнѣ и Пану.

А вгды тѣлу лѣкарство намнѣй не помагало,
 И овшемъ въ болшую хоробу затыгало:
 Почалъ далей о душномъ лѣкарствѣ мыслити,
 Якъ бы отъ змазъ грѣховныхъ могль ей очистити,
 (26 стр.) На которую плястры такіе прикладалъ:
 Жаль, и слезы гойныи за грѣхи выливалъ:
 Ку Смерти ся отъ кильеу недель готуючи,
 Сповѣдю, и жалостю грѣхи ветуючи.
 Тайну седмѣкротъ принялъ Маслосвященія,
 Такъ тежъ тайны Святого зъ нимъ Причащенія.
 Маетность свою роздалъ, едину на Шпиталѣ,
 Другую зась на Церкви, Школы, Монастырѣ.
 Итакъ все спорядивши, живота доконалъ,
 При Церкви Братской честно въ Кіевѣ похованъ.
 Вкотреое ся Братство, зо всѣмъ Войскомъ вписалъ,
 И на него Ялмужну значную отказалъ.
 С того Гетмана каждый Рыцерь нехъ ся учитъ,
 Якъбы тыжъ мѣлъ на свѣтѣ тотъ животъ свой кончитъ.
 Ото онъ въ Вѣрѣ своей Святой трвалъ статечне,
 И ойчизны своей боронилъ тыжъ менжне.
 И маетностю добре своею шафовалъ,
 Не на кости, и карты, и збытки оберталъ.
 Але, яко есь слышалъ, на речи добрыи,
 Души его по смерти барзо потребныи.
 Видѣлъ онъ и Лвовское Братство, хотъ далеко,
 Церковъ ихъ въ Мѣстѣ надѣлилъ, неледаяко:
 (27 стр.) Суму значную грошій до Брацтва лекговалъ,
 А жебы науки тамъ были: пилне жадалъ.
 И такъ отъ всѣхъ повсюду Богомолье маеть,
 За тымъ нехъ душа его въ небѣ почиваетъ.

Матвѣй Кізимовичъ.

ПЯТЫЙНАДЦАТЬ.

Недивъ Цная Малжонко жеса обливаєшь
 Слезами, и отъ жалю праве омдлѣваєшь ¹⁾.

¹⁾ На поляхъ: *Анастасія, Молжонка его, Дому Ихъ мил. Паломъ Повченскихъ*

Бось утратила своего Малжонка милого,
 Кролю и Посполитой речи зычливого.
 Которого мужества, Турчинъ и Татаринъ
 Боялься, досвѣдчивши, же былъ добрый Воинъ,
 Для негось и ты у всѣхъ людей была славна,
 А теперь твоя свѣча ясная южь зыгасла.
 Южь ся съ тобою вѣчне Другъ твой розлучаетъ,
 Богу ты въпродъ въ опеку, и Войску вручаетъ.
 Жій побожне якъ вдова въ своей уцтливости,
 Защо въ Бога и въ людей набудешъ милости.
 Богъ есть сиротамъ Отецъ, а судіа Вдовамъ,
 Караеть кто бы хотѣлъ чинити кривду вамъ.

Григорій Кондратовичъ.

(28 стр.) Пожегнанье Малжонки, и Войска.

ШЕСТЫЙНАДЦАТЬ.

Престань южь Малжонко моя ляментовати,
 И слезъ тыхъ болше надомною выливати,
 Допусти тѣло мое южь земли отдати:
 В которой буду Суда Божьяго чекати.
 Вшакъ вѣдаешъ, же кождый хто ся на свѣтъ родить
 Мусить тыжь умерети: прожно ся тутъ гордить.
 Ямъ тыжь былъ колись людемъ на свѣтѣ знаемый,
 А теразъ отъ всѣхъ праве естемъ опуцонный.
 З самими толко дѣлы, къ Судіи отхожу,
 Тебе о Молитвы, за Душу мою прошу:
 Мене вспоминаючи, на себе памятай,
 Же тыжь мусишь вмерети, пилне то уважай:
 Южь ся с тобою нынѣ вѣчне розлучаю
 Дорогая Малжонко, зъ жалемъ тя жегнаю:
 В подземный отхожу край тѣломъ почивати,
 Хиба ся ажъ на Судѣ будемъ оглядати,
 Где каждый зъ насъ што сѣялъ тутъ, тамъ будетъ жати:
 Небомъ, и Пекломъ, будутъ тамъ нагорожати.

Дай намъ Боже зъ собою тамъ ся оглядати,
 И Христа Бога въ Небѣ вѣчне выхваляти.
 (29 стр.) Жегнаю ся и зъ вами Славное Рицерство,
 Надъ которыми мѣлемъ тое Преложенство:
 Еслимъ кого образилъ, молю васъ простѣте,
 Всѣхъ моихъ винъ, и образъ, прошу запомнѣте,
 И просѣте за мене всѣ Господа Бога,
 Бы ми волная была до Неба дорога.

Дімитръ Кривковичъ.

СЕМЫЙНАДЦАТЬ.

Несмертельной Славы достойный Гетмане,
 Твоя Слава въ молчаню нѣкѣды не зостане.
 Поки Днѣпръ зъ Днѣстромъ многорыбные плынути
 Будуть: поты дѣлности тежъ твои слынути.
 Не зайдешъ въ глубокое нѣкѣды запомнѣня,
 Анѣ ты лѣта пустятъ въ долгое молчѣня.
 Бо если выхваляетъ Кгречія Нестора,
 Ахиллеса, Лякса. а Троя Гектора.
 Атенчикове славятъ Кроля Периклеса,
 И славного оного зъ нимъ Темистоклеса.
 Римъ засъ зъ смѣлости своего хвалить Курциуша:
 И зъ щасливыхъ потычокъ славить Помпеюша.
 (30 стр.) Теды тежъ и Россія Петра Саидачного
 Подастъ людемъ, въ памятку вѣку потомного:
 Абы его Послугы Крвавыи всѣ знали,
 И предъ Народы годне его вспоминали:
 Же то его въ томъ долѣ тѣло есть покрыто,
 И на на гробку слова такіе вырыто:
 Тутъ зложилъ Запорозкій Гетманъ свои кости,
 Петръ Конашевичъ, ранний въ войнѣ: Для Волности
 Отчизны. Кгды нанъ Турцы мощно натирали,
 И Пострѣловъ смертельныхъ килька му задали:
 Которыми зраненый, Живота доконалъ,
 Вѣры Богу, и Кролю, и Войску доховалъ.

И умерь боронячи Мира ойчистого.

За што узычь му Творче Неба вѣчистого:

Якъ Ревнителю Вѣры Благочестивои:

Въ которой былъ выхованъ въ молодости своеи.

Року Тисеча шесть сотъ Двадесять второго,

Погребенъ въ Монастыри Брацтва Кіевского.

На который Тисячій килка офѣроваль,

А жебы тамъ Науки фундовано жадалъ.

Лукашъ Беринда.

(31 стр.) В Гетманѣ якии цноты мають быти.

ОСМЫЙНАДЦАТЬ.

При томъ жалосномъ актѣ хочу указати:

Якии Цноты Гетманъ повиненъ мѣвати.

Боязнь Божую первей всего нехъ мѣваець,

А при ней трезвость, чуйность, статечность ховаець.

Надто Чистость, охъ Чистость, повиненъ ховати,

А кгвалтовниковъ ей збыть сродзе карати.

Въ науце тыжъ военной нехъ будетъ цвиченый,

Голодомъ и холодомъ тыжъ призвычаеный.

Бо не завше въ Обозѣ свѣжая Волина,

Добра зъ саламахою подчасъ Кабанина.

Нѣмашь тамъ Каплуновъ, анѣ тлустыхъ Кокошій,

Нѣмашь Ложовъ складаныхъ, нѣ Домовъ хорошихъ.

О напояхъ коштовныхъ тамъ нѣпомышляй,

Але на водѣ, если рачишь переставай.

Такимъ невчасомъ Гетманъ мусить навькати,

Который съ похвалою хочеть воевати.

И нетрудно такому Войску о звитязство,

Што навькло теригѣти такое убовство.

(32 стр.) Зась што хлѣба бѣлого зъ масломъ заживаець,

Якъ Нѣмцѣ, такое вьнетъ зъ голоду вмираець.

Штося явно в тойрочной войнѣ показало,

Же ихъ по всѣхъ гостинцахъ много поздыхало.

Ба и конь барзо тлустый прудко уставааетъ,
 Кгды му Жолнеръ оброку завше недодааетъ.
 Мааетъ тыжь Гетманъ въ Войску мѣти справедливость,
 Добрыхъ миловати, злыхъ зась карать за ихъ злость.
 Філософъ единъ Грецкій зданье свое повѣль,
 Штобы о Менжномъ Гетманѣ розумѣль:
 Рекль: же лѣпше есть мѣти Лва надъ Еленими
 Гетманомъ, а пѣжели Елена надъ Лвами.
 Гетманъ глупый самъ згинеть, и Войско погубитъ.
 Каждый то зъ васъ признаетъ, же Авторъ не мутитъ.
 Гетманства урядъ такърокъ чемусте зложили
 З одного; а другому его полецили.
 Сами причину лѣпше умѣете дати,
 Бо о васъ шло, я на тотъ часъ волю молчати.
 Тыи цноты кгды кождый Гетманъ будетъ мѣти,
 Можетъ наибольшимъ Войскомъ шасливе рядити.

Георгій Вороничъ.

(33 стр.) ДЕВЯТЫЙНАДЦАТЬ.

О Запорозкомъ Войску кто Писма читааетъ,
 Тотъ имъ Мензство и Славу, хоть не радъ признаетъ.
 Бо завше въ немъ такіе Рицери бывали,
 Што менжане неприятели ойчистыхъ бивали.
 И жадное Рицерство въ насъ не есть такъ Славно
 Якъ Запорозкое, и неприятелиомъ страшно.
 Скуткомъ самымъ, ахъ Боже, не дай дознавати,
 Безъ нихъ, якъ много Войска легло, досытъ знати
 В Волошехъ, тыми часы, за Княжатъ и Пановъ,
 И за самыхъ Велможныхъ Коронныхъ Гетмановъ.
 Многи тамъ Рыцери на пляцу zostали,
 Сердца поганомъ противъ Христіанъ додали.
 Ба и в такърочной войнѣ Богъ вѣсть якъбы было,
 Кгды бы Запорозкое Войско не прибыло.
 Которое съ Короннымъ Войскомъ обокъ ставши.
 Менжане поганъ разило, въ помощь Бога взявши,

Оттоль вѣдаймо, чога згода доказуетъ,
 Дома, Панства, и Царства вцале заховуетъ.
 Дай Боже згону, межи всѣми Христіаны,
 И звитязство Христіанскимъ Царомъ надъ Поганы.

Карпъ Михайловичъ.

(34 стр.) ЕПІЛОКГЪ

Смертю пораженного, до Живыхъ.

Охъ мнѣ нендзному, якъ то обжаловать маю:
 Же въ такъ великомъ добрѣ шкоду подыймаю.
 Нехотѣлемъ помнѣти по всѣ мои часы,
 На тыи остатніи кола, и невчасы.
 Видалемъ часто ипшихъ, кгда ихъ погребано,
 Землею, и камѣпьемъ въ гробехъ прикладано.
 Алемъ ся чужею не караль пригодною,
 Теперь бы то не было зъ моею шкодою.
 Слухалемъ злои рады моихъ товаришовъ,
 Для котороимъ на гакъ барзо страшный пришоль.
 Уфалемъ Молодости, которая мылить,
 Ровно зъ Старымъ подъ Косу Смерти ся хилить:
 Ледво окомъ мгнешь, алить внетъ Голова спадеть,
 Кгда зъ своею Косою Смерть на тя нападетъ.
 Не боится Практика, и Юстинѣана
 Самого посѣкла, хотъ умѣль добре Права.
 Недбаеть на Бурмистрѣ, и на ихъ Лавники,
 Писаромъ, и Подпискомъ поламуеть шики.
 (35 стр.) Не оглядаеть ся на Сеймъ, и Трибуналы,
 Анѣ на ихъ Декрета, анѣ Кримѣналы.
 Не даетъ Промаіори, и на Мунѣмента,
 Несподѣване она шлетъ до Ахеронта,
 Посѣкла Премудрого, она, Соломона,
 И онога силного Рыцера Самсона.
 Не выкупилъ ся Крезусъ отъ неи Богатствомъ,
 И не оборонилъся ей Ксерксесъ Воинствомъ.

Бо ей Самъ Правodawца Богъ, тое право далъ,
 Абы подъ ей Владзу каждый члекъ подлегалъ.
 Еноху съ Іліею троха зфольговала,
 Еднакъ острую Косу на нихъ зготовала:
 Бо ихъ помордуеть человекъ Затраченья,
 Взавши отъ Бога зъ Неба на то порученья.
 Косить она и Княжатъ, споль зъ ихъ Княгинями,
 Громадитъ Кашталяновъ, и зъ Воеводами.
 Подтинаеть твердыи дубы Васанскіи.
 И высокіи древа, Кедры Ливанскіи.
 В Гутъ Вулкановой ей роблено Сокиры,
 И стрѣлы гартовано острыи безъ мѣры:
 Тыми она трафляеть до своего целю,
 Въ сердце человеку: штовенць бываетъ въ веселю.
 (36 стр.) Южъ му въ тотъ часъ не радить Кгаленъ зъ Пѣкгулками,
 Анѣ поможетъ мудрый Докторъ зъ Сыропками,
 Южъ прожное лѣкаровъ всѣхъ будетъ старанье,
 Кгды смерть учинить межи гуморы мѣшпанье.
 Южъ въ тотъ часъ Скрынѣ съ талярами,
 Нѣ Шкатулы важныи съ Португалами:
 Нѣчого не помогутъ человеку смертному,
 Если не были въ добромъ шафунку живому.
 Все згола Чловека при Смерти опуцаеть,
 На што колвекъ ся онъ на томъ свѣтѣ спуцаеть.
 Только идетъ житіе зъ нимъ Богобойное,
 Которое му чинить сумнѣнье волное.
 Тогожъ всего на собѣ дозналъ (охъ) мой Пане,
 Же вѣтромъ было мое на свѣтѣ мешкане.
 Теперемъ позналъ, якъ на свѣтѣ треба жити,
 Кто по одестю зъ свѣта не хочеть тужити.
 Ледво мя по Смерти, ꙗ приятель мой милый
 Можетъ стерпѣти въ дому, до малои филѣ.
 А если ся мя доткнетъ своею рукою,
 Внетъ ей мыеть, якъ отъ смердячого гною,
 Брыдкость внетъ чуетъ, и хуть тратитъ до сденья.
 Для самого по Смерти трупіого виденья.
 (37 стр.) Окропный лежить, Сонъ му згола не смакуеть,

И якобы отмѣну на здоровью чуетъ.
 И такъ не можетъ быти бѣдный вспокоенный,
 Ажъ вгды обачить мя, жемъ южъ въ землю вгребеный:
 Где надо мною вѣрный приятель заплачетъ,
 А другій отъ радости по мнѣ и поскачетъ.
 И ледво мя по Смерти до Гробу впровадятъ,
 Алить ся внетъ о мою Маетность вадятъ.
 Тѣло зась въ земли будетъ отъ червѣй точено,
 Которое роскошне тутъ было тучено.
 Душа тежъ певне мусить мѣти нагороду,
 Любовь то въ Пеклѣ неволю, любовь въ Небѣ свободу.
 Слушайтежъ вы Живыи, Умерлого мовы,
 А умирати въ кождый часъ будьте готовы:
 Бо то Розумъ, то Мудрость, побожне тутъ жити,
 Кто ся хочеть вѣчного Царства дослужити.
 До которого рачъ насъ Христе домѣстити,
 Бысмы ся съ тобою в немъ могли веселити.

Симеонъ Шума.

(38 стр.) ДО ЧИТЕЛНИКА.

Ласкавый Чителнику, штось тыи Вѣршѣ читаль,
 Прошу: жебысь Гетмана того не запоминаль:
 Уважаючи его ку Ойчизнѣ зычливість,
 И ку Церкви Христовой Набожную жарливість.
 Такътыжъ Аврора Вѣршовъ тыхъ ласкаве споминай,
 А вчомъ погрѣшилъ, тое Приятелски покривай.
 И если то отъ него вдячне будешъ пріймати,
 Теды ты обѣдуешь чимъ болшимъ вчестовати.

Примѣчаніе. Вирши ректора Кіево-братской школы Кассіана Саковича, изданныя въ Кіевѣ, безъ сомнѣнія, въ томъ же 1622 году, въ которомъ и были произнесены при погребеніи гетмана Сагайдачнаго,—составляютъ въ настоящее время величайшую библиографическую рѣдкость. Намъ извѣстны только два экземпляра

означенной брошюры: одинъ, не полный, находится въ *Императорской Публичной Библиотекѣ*, а другой, хорошо сохранившійся,—въ *Московскомъ Румянцевскомъ Музее*.—Вирши напечатаны,—какъ и всегда печатались въ то время русскія книги,—церковно-славянскимъ шрифтомъ; форматъ изданія—4 доля листа; пагинація по тетрадямъ, внизу, буквами (А.; Ав; Аг;—; Б; Бв; и проч.); всѣхъ тетрадей *пять*,—изъ нихъ первыя четыре заняты *Виршами*, а на послѣдней напечатаны другія произведенія К. Саковича, помѣщаемыя нами подъ слѣдующимъ № (VII)

VII.

Образцы панегирическихъ рѣчей при погребеніи какаго-либо „зацного человека“, сочиненные ректоромъ Кіево-братской школы Кассіаномъ Саковичемъ.

1622 г.

(1 стр.) МАТЕРІА ДЛЯ УЧИНЕНЯ

Подякованя при Погребѣ

якого зацного человека.

Которои можетъ зажити тотъ, кто будетъ подякованье отъ повинныхъ чинити. Мало што придавши, албо унявши, ведмугъ приличности особы змерлои.

Тогожь Автора, Б: Касіана Саковича.

Милостивыи панове: Бѣгу того до которого вшитки бѣжимо, и порту до которого плынемо, тотъ нашъ Умерлый Славной Памяти Его Милость Панъ, Імярекъ, докончивши, великого и невымовного жалю, не токмо позосталыхъ Потомковъ, але и насъ вшиткихъ Крєвныхъ и Приятель своихъ набавилъ. Который жалъ не такъ околичностью словъ, албо широкими выводы, яко рачей самымъ сердечнымъ вздыханемъ и слезами, ледво выразити ся можетъ. Такій то есть жалъ Отца такого Дѣткомъ, Малжонцѣ Товариша, Крєвнымъ и (2 стр.) Приятелюмъ, такого Крєвного и Повинного позбыти. Речи Посполитой

такого сына Коронного, часу покою и войны ей позитичного утра-
титъ. Законникомъ, и Священникомъ и всѣмъ убогимъ своего Товиі,
зъ которого дому нѣбгды тцо невыходили пострадать, Сиротамъ и
всѣмъ утрапленнымъ своего порадника, помощника, и оборонцу утра-
титъ: За чимъ не дивъ, хотъ бы якъ мудрыи и широкіи выводы, та-
кого жалю нашего не могли погамовать; бо трудно есть з Приро-
женьемъ валчити. Кгдыжъ Сердце чловечее не есть Діаментовое албо
желѣзное, жебы ся не мѣло жалемъ взрушити: але с тоеижъ Крве и
съ тогожъ Тѣла, што и самъ чловекъ есть створено, которое яко ра-
дость и потѣху свою чуетъ, такъ засъ въ Пригодахъ и въ противномъ
щастю ліаментовати муситъ. А тымъ еще барзѣй жалъ розяритися
муситъ, гды собѣ змерлого Справы, Дѣлности, услугованя, и доброе
заховане его ку каждому, припоминаетъ. Што ся вшистка в томъ
змерломъ нашомъ достатичне знайдовало. Который зъ молодости лѣтъ
своихъ первой вѣкъ свой въ наукахъ учтивыхъ травилъ, при кото-
рыхъ Боязнь Божую, которая есть початкомъ Мудрости¹⁾ и фунда-
ментомъ найвышшого Благословенства, пилне ховалъ, и въ вѣрѣ
правдивой выпвичившися, въ ней статичне жіючи, христіански живота
докончалъ.

О Зацности засъ уроженя его, и фаміліи ихъ Мил. П: непот-
реба В. М. припоминать (абымъ ся недалъ солнцу свѣтлости при-
давать) вѣдома бо вѣмъ есть В. ММ. Зацность и Старожитность
Дому Ихъ Мил. П: Имярекъ, нетолко въ томъ Краю и повѣтѣ але
и по иншихъ Краяхъ, ажъ (3 стр.) тыжъ и въ чужихъ земляхъ.
Кройники свѣдчатъ якіе рицерѣ съ той фаміліи выходили, свѣдчатъ
и Дѣлности и Мужества: венць беспечне речи ся можетъ, же тая
фамілія выводитъ мужовъ высокихъ Стацовъ и Достоинствъ год-
ныхъ. Не вспоминаю тутъ для короткости часу, якіи мензства въ
справахъ рицерскихъ въ томъ нашомъ змерломъ Мужу найдовалися,
которыхъ онъ (тамъ а тамъ) доказовалъ, же праве Пасованого Ры-
цера славу относилъ. Свѣдками того живыми и очевистыми суть раны,
близны, и пострѣлы его, которые онъ зъ одваженьемъ здоровья, бо-
ронячи милои Ойчизны подыймовалъ: прото слушне смерть таковыхъ
оплакивати маемъ, албо рачей насъ самыхъ, же такихъ людей утра-

¹⁾ На поляхъ: *Притч. 1,—Сирахъ 25.*

чаемъ, которыи Церкви Божей, Ойчизнѣ нашей, и вшисткимъ пожитечны были. Але не такимъ умысломъ задержалемъ на томъ пляцу В. М. моихъ Мил. П: жебымъ ся мѣлъ з мовою моею ширити, и жалю до фрасунку придавати: Прото до В. М. моихъ Мил. П: зъ мовою ся моею обертаю, видячи ижъ Ихъ Мил. позосталы потомки Небожчиковскіи въ томъ своимъ великомъ жалю, тѣшатъ ся напродь Богомъ, тѣшатъ ся и тымъ знакомъ ласки его святой, же В. Милостей такъ много и такъ Зацныхъ Особъ при той остатней послужѣ добродѣя своего видятъ. Познавають оттоль и людзкость праве христіанскую и ласку великую В. М. Мил. П: противъ собѣ, и добродѣви своему. Же кгда бысте живому тую учтивость и послугу чинили, могло бы ся якоколвекъ здати, же то въ надѣю приподобаня якого альбо отданя и (4 стр.) отслужованя чините. але чинячи то къ воли умерлому, который того отдать не можетъ, жадной вунтпливости въ томъ не маемъ, же то В. М. зъ упріймой хоти противко нему чините. даючи тымъ, не толко тымъ Потомкомъ, и намъ повиннымъ его, але праве всему Събору знать, же учтливое заховане Брата нашего не умерло посполу зъ нимъ, але живетъ въ сердцахъ В. Милостей нашихъ Мил. Пановъ, а то есть овоцъ вѣры, цноты, и Годности его, зъ которой и мы повинныи тѣшити ся маемъ. а Потомство его и прикладъ братъ може, абы отцевскимъ ся стрыхомъ справуючи, до такогожъ захованя и доброй славы пріити могли. за таковую теды учинность, которую есте В. М. тому змерлому тѣлу оказать рачили, Ей милость Пани Молжонка съ потомствомъ позосталымъ и зъ нами вшисткими повинными небожчиковъскими, В. Милостямъ своимъ Мил. Паномъ велце дякуеть. просячи Пана Бога абы онъ самъ за насъ, которой того такъ далеце отслужить не можемъ, Вашимъ Милостямъ то гоине платитъ и нагорожатъ рачиль. Того заправды и собѣ, и тымъ убогимъ сиротамъ, и Осиротѣлой Молжонце его зычимо, и просимо, абы такоижъ ласки Вашихъ Милостей которой и Отець ихъ по Ваш: Милостяхъ нетолко за живота, але и по смерти дознавалъ, могли тыжъ быть участниками. А они за поводомъ насъ старшихъ старатися посполу зъ нами будутъ, якобысмы тую ласку Вашимъ Милостямъ нашимъ Мил. Паномъ отслужовати могли, Дай Пανε Боже толко въ потребахъ потѣшнѣйшихъ.

За тымъ на хлѣбъ жалосный В. М. просимъ.

(5 стр.) ОТЪ ГОСТЕЙ ЗАСЬ ДО ПОТОМКОВЪ

позосталыхъ можетъ кто на тотъ способъ Мову учинити.

Милостивыи Панове, Христіанская повинность есть съ плачущими ся плакати: а зъ веселящими веселити. И овшемъ ведлугъ Мудреца, Лучше есть ити въ домъ плача, нѣжели въ домъ веселія¹⁾. Зачимъ и мы ачколвекъ зычилибысмы собе рачей были въ потѣшнейшомъ а не такъ въ жалосномъ актѣ служить такъ змерлому славной памяти небожчику Его Мл: П: Отцу В. М., яко и В. М. нашимъ Мил. Паномъ. але ижъся такъ найвыпшему Монарсе Богу подобало, въ которого моци есть животь, и смерть, за которого вырокомъ поставлено есть всѣмъ родячимъ ся разъ умираги. Который бовѣмъ есть человекъ, который бы поживши не мѣлъ узрѣти смерти; А ижъ такою кондиціею вшистки на тотъ ся свѣтъ родимо, же часу своего мусимъ зъ него уступить, прото кто назбытъ оплакиваетъ смерть людскую, штожъ прошу чинитъ толко ижъ оплакивать, же ся человекъ смертелнымъ народилъ. Смерти зась такъ великая потуга есть, же праве на вшитокъ родзай права свои ростягаетъ, и жадной речи такъ твердой, и окрутной нѣмашъ, якъ смерть. есть чимъ преломишь Мрамуръ, есть чимъ можешъ зъмягчити Діаментъ. лечъ нѣчого такого не найдешъ, чимъ бысь могъ (6 стр.) преломити и зъмягчити смерть. Для той теды причины терпливе маеть быти зношона, частю, же труднося ей ухоронити, частю же вшисткимъ есть посполита. Не хочу тутъ вспомянати много прикладовъ людей поганскихъ, которыи вѣрою правдивою яко мы освѣчены не бывши, и надѣи о змертвыхъ встаню и припломъ животѣ не мѣвши, еднакъ въ оплакованью смерти своихъ пріателей мѣры не преходили, албо малося што и фрасовали. Фелямона оного славного вспомиѣмъ собѣ, годный по всѣ вѣки въспомненя голось. который взявши вѣдомость о смерти сына своего рекъ, вѣ да лемъ жемъ Смертелного Былъ Зродилъ. Периклесь Гетманъ Аѳинейскій не такъ вымовою яко мензствомъ умыслу славный. Тотъ въ четырехъ днехъ пострадавши двоихъ сыновъ, еднакъ неотмѣнною тварю піенкную Предмову о речахъ Ригерскихъ до люду учинилъ. Ляцена една Пани Спартанская, кды ей

¹⁾ На поляхъ: *Екмс.* 7.

ознаймено же сынъ еи на войнѣ былъ забитый, Мужескимъ сердцемъ отповѣдѣла: Дятогомъ его, мовить, зродила, абы былъ который бы за ойчизну смерть поднялъ. Але на штожь маю припоминати поганскіи приклады, кгдажь своихъ домовыхъ христіанскихъ досыть маемъ. Надто кгда уважымъ у себе щастя, до которого умерлыи, честно тутъ жившіи, отходятъ. далеко станъ житя ихъ, лѣпшій надъ нашъ быти осудимъ. зъ смертю бовѣмъ, вписки того живота фрасунки и клопоты, закончиваютъ. Якожь и тотъ нашъ милый пріатель и сусѣдъ закончилъ. Которому на отдане тоеи остатнеи послуги (отложивши на сторону всѣ sprawy и забавы нашѣ) (7 стр.) ведлугъ повинности нашей христіанской мертвого до гробу опровадити, и пріязнь нашу пріателскую въ заживаню сполного жалю зъ В. Милостями освѣдчити ставилисьмы. Уважаючи его противко Речи Посполитой заслуги. и ку намъ впискимъ пріателское и сусѣдское захованье. Гдыжь онъ не толко своихъ кривныхъ, повинныхъ, але и обцыхъ пожитку, славы, годности перестерѣгалъ. и радою доброю здоровою, и мудрою, которою отъ Бога былъ обдареный, вдовъ, и сиротъ въ утрапеню ихъ ратовалъ. и жадень ся на его радѣ не ошукалъ. Яко зась хвалы Божеи былъ помножителемъ (церквй, Монастыровъ, Школъ, шпиталювъ, албо тыжь якихъ мѣстскихъ и публичныхъ будынковъ фундаторомъ, свѣдчатъ о томъ мѣстца тыи которми онъ панскимъ своимъ коштомъ фундовалъ, подавалъ, украшалъ [если такъ есть укажи што колвекъ съ тыхъ]) за што вшитко отъ людей вѣчную похвалу и памятку, а отъ Бога въ небѣ нагороду възметъ, учинки бовѣмъ его идутъ за нимъ и указуютъ житіе его. же онъ не самъ собѣ жилъ, але часть уроженя его, Ойчизна собѣ къ услугованю брала, часть родичѣ, часть пріателѣ, часть убоги, а часть подобно болшую Церковь Божіа, на помноженя хвалы своеи святой обертала. Дя тогожь слушне таковыхъ смерти жаловати маемъ. съ которыми такъ великіи пожитки уступуютъ. и гды бы можнаа речъ дорогобысьмы откупили, жебы ся знову къ намъ моглъ вернути. але якомъ вышше припомнѣлъ: же вписки тоею кондыціею на тотъ свѣтъ родимъ ся, же часу своего мусимъ зъ него уступити. Прото трудно зъ Богомъ и зъ натурою валчити. и овшемъ тыхъ умерлыхъ братій, повинныхъ, и сусѣдовъ нашихъ погрѣбаючи. свок тыжь смерть (8 стр.) припоминаймо. до неи ся въ часъ христіанско приготовляймо.

А В. Мил. Пани съ тыми позostalыми дѣтками въ томъ своемъ жалю тѣшсья Паномъ Богомъ, который есть Отецъ сиротамъ, а судія вдовамъ. И того жалю сердечного который ачколвекъ слушнй есть (ктожь бовѣмъ иначе могль бы розумѣти) если не можешъ отдалити, албо затаити, принамнѣй улжити и умѣрковати его усилуѣ, а мы съ повинности нашеи при той остатней послузѣ отдавши модлы нашѣ за душу умерлого, абы ей Богъ милосерднымъ быти рачилъ, В. М. нашей Мил. Паней, и Зацному Потомству В. М., въ чомъ возможность наша зносити будетъ услуговати готовы будемъ.

(См. примѣчаніе къ предшествующему памятнику, стр. 40—41).

VIII.

Панегирикъ, поднесенный к.-печерскому архимандриту Петру Могилѣ спудеями основанной имъ въ к.-печерской Лаврѣ школы.

1632 года.

(Загл. лис.) ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ

АЛБО,
ВДЯЧНОСТЬ.

Ясне Превелебнѣйшому въ Христвъ Его Милости Господину Отцу Куръ Петру Могилѣ, Воеводичу земль Молдавскихъ, Великому Архимандритови Святой Великой Лавры Чудотворной Печерской Кіевской, Вѣры Православной въ Церкви Святой Восточной: Промоторови Побожному, и несмертелной славы годному оборонци.

Одъ

Спудеовъ Гумназіумъ Его Милости зъ Школы Реторіки, за койныи Добродѣйства, собъ и Церкви Православной, въ фундованю Школъ показанныи. При вѣншованю святъ хвалебныхъ Вѣскресенія Христа Спасителя міру, повинне а упрейме отданая.

Въ друкарни того Монастира Печерск. Кіевск. Року
* аѣлв. Мѣсяца Марта, ѣѣ, дня.

ЯСНЕВЕЛМОЖНЫХЪ МОГИЛОВЪ.

Здѣсь, въ началѣ обор. заглав. листа, отгравированъ гербъ Петра Могилы, представляющій щитъ (écu), раздѣленный (parti et couré) на *шесть* частей (три въ верхней половинѣ щита и три въ нижней). Въ 1-й части помѣщенъ *гербъ Молдавіи*: черная голова буйвола, между рогами которой находится звѣзда, а по бокамъ—направо солнце, налѣво луна; въ ноздряхъ головы перстень, въ срединѣ котораго—*фамильный гербъ Могилъ*. Во 2-й части—*фамильный гербъ фамилии Могилъ*, состоящій изъ двухъ обнаженныхъ сабель, положенныхъ на-крестъ, съ опущенными внизъ лезвіями и крестами на концахъ. Въ 3-й части—*гербъ Емита*: три золотыя копыя, сложенныя въ видѣ звѣзды, причемъ боковыя остріемъ вверхъ, а среднія—внизъ. Въ 4-й части (1-й въ нижней половинѣ щита)—*гербъ Валахіи*: воронъ, обращенный корпусомъ влѣво, а головою вправо; въ клювѣ у него крестъ, на которомъ—корона. Въ 5-й части—*гербъ Остоя*: двѣ неполныхъ, обращенныхъ рогами къ краямъ щита, луны, между которыми мечъ, рукояткою вверхъ. Въ 6-й части—*гербъ Новина*: ручка бѣлаго котла, по срединѣ котораго мечъ, рукояткою вверхъ.—На верху гербоваго щита помѣщены: корона, скипетръ и мечъ (справа), митра (въ срединѣ) и гербъ Польши—одноглавый орелъ (слѣва). Около герба буквы: П. М. В. М. А. К. Л. П.,—то есть: *Петръ Могила, Воеводичъ Молдавскій, Архимандритъ Кіевскій Лавры Печерской*.

(Объясненіе принятія П. Могилою въ свой фамильный гербъ указанныхъ гербовыхъ эмблемъ можно найти въ нашей брошюрѣ: *Описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ южно-рус. фамилій въ произвед. дух. писателей XVII в.*—Кіевъ, 1872 г.).

О Орле: тожъ высоко надъдеръ вылѣтаешъ,

Гды на Гербъ цныхъ Могиловъ Короны владаетъ.

Нетолко того свѣта знакъ влады Монарховъ,

Але тежъ и Духовныхъ оздобу Екзарховъ:

Позволю (бось годенъ) продкуй въ томъ Клейнотѣ,

Пристойтъ абысь служилъ ихъ такъ свѣтлой цнотѣ.

Вѣмъ жесь нѣгдысь срогіи звыклъ Громы носити.

Теперь срогость въ Ласкавость часъ южъ отмѣнити.

Орле: пилнуй Презадныхъ Могиловъ Короны.

Бо тотъ знакъ всей Церкви есть знакомъ обороны.

(1 стр.). Превелебнѣйшій Милостивый

Господине Отче.

Пастыру, Патроне, и Фундаторе нашъ.

Кроль Вафаленскій, Ясневельможный Милостивый Отче, въ
звычайу былъ положилъ, часовъ певныхъ свѣчу запаленую подданымъ
своимъ выслати, на знакъ того, абы горячность милости своеи ку онимъ
выконътерфетовати моглъ. Крелевая Наука, Мінерва Православно-
Каѳолическая, Превелебный Патроне, до того часу барзо неплод-
ная (для великихъ навалностей и штурмовъ, отъ выроdkовъ Съборной
Церкви матки нашеи) уродивши за ласкою и промысломъ Божиимъ
немалое Гроно въ Православной Науцѣ Православныхъ Сынoвъ, которы
подъ Наметь твоеи щодробливости, подъ Плащъ твоего стараня, подъ
упреймость твоеи ку Наукомъ зычливости зобравшися, що бы за *συμβάλη*
своее ку тобѣ прихильности выставити мѣли, невѣдають. Зышлосья
въ правдѣ яко Пану Злото, алесъ ты зъ Злотомъ посполу себе оной
отдалъ. О неслыханой въ Россіи щодробливости! Зышлосья яко
одъ Крелевой дорогое Камѣне: алесъ ты Каменемъ неошачованнымъ
въ Цнотахъ и Побожности будучи, за камѣнье дорогое сыновъ онои
собѣ разумѣешъ, твердишь и голосишь. А самъ (усты всѣхъ людей
въ Бачене и Розумъ не убогихъ) тымъ будучи чимъ есть (2 стр.)
Золото межи Крушцами, чимъ Діаментъ межи Камѣньемъ коханъковъ
Науку зъ милости ку Церкви Матцѣ своей за такихъ же дрѣжишь
быти. Которую то Церковь Православную земное небо якъ нѣколись
ἀτλας τὸν ἄραδὸν ὑπεδέξατο двигати и посилковати рачишь. О заисте Зо-
лотомъ естесь, гды золотомъ погоржаешъ, а Православно Каѳоличес-
кую Науку любишь. Естесь и Діаментомъ гды перешкоды и клопоты
за школы терптиве зносишь: Естесь и силъ Атлянътовыхъ, гды въ
такъ тяжкихъ трудахъ и працахъ уставати не хочешъ. А поневажъ
станула оной передъ очи слава Презацной Фамиліи Ясневельмож-
ныхъ Могиловъ, которая зъ дѣдичныхъ двоухъ столицъ Молдавской
и Волоской Линію свою ведеть и Марсовыхъ твоихъ праць которыхь
напротивъ Отоманскимъ Церберомъ подыймовалъ, и добровольное
згоржене свѣта которого подъ ноги подославши за Богомесь ся Хри-
стомъ удалъ, а при той засъ Славѣ обокъ стануль Гуфецъ ушикова-

ный, оная Людскость, Побожность, оныи твои цноты, оная до намѣй-шого сълонность, згола на здумѣванье Мінервѣ. Умыслила прето Велможный нашъ добродѣю Гору тобѣ выставити. Гору, моллю, Парнассу и Геликону, на которыхъ абыся весь свѣтъ малый могль твоеи Славы, и тѣлеснымъ и душевнымъ окомъ, дочитати. Не дивуйся, пристойтъ такъ зацной славѣ на Горѣ вдячности отъ насъ поставленой быти. Бо слава высоко лѣтаючи высоко сѣдаеть, пристойтъ такъ зацной славѣ на Горѣ. Бо маеть Гуфцы которыи для показаня гоинныхъ Церкви Божой добродѣйствъ добываютъ. Пристойтъ такъ зацной славѣ на Горѣ. Абовѣмъ такъ знаменитыи и немаль врожонны тобѣ поступки на Гору (3 стр.) небесную въпровождати побожныхъ людѣй звыкли. Пристойтъ заисте гды за вступенъемъ солнца въ знаки пульночныи свѣтъ земный зъ зимы ся смѣеть, Горы кѣвѣтками одѣваетъ, и възрокъ утѣшаючи фарбуеть, а звлаца гды солнце предвѣчное зъ подземныхъ краевъ выникнувши, душу знову на Гору спасенія подноситъ. Отворижъ Велможный Патроне ворота зычливости твоей той Горѣ, которыися каждому отворомъ ставили. Отвори ачъ подлой и невысменитой, еднакъже правдивой и необлудной: поневажъ Правда и щирость хочъ въ наубожныхъ великой завше у тебе поваги есть.

Найменшій зъ Братіи общежительной
Монастыра Печерского,
Превелебности твоей
въ Духу сынъ и послушникъ.
Софроній Почаскій

Гумнастесъ Кіновита Монастыра Печерского
Реторики Профессоръ.

Здѣсь, въ началѣ 4 стр., находится литографированное изображеніе: на горѣ *Геликонъ* стоитъ *Петръ Мочила*. Онъ въ архимандричьемъ церковномъ облаченіи; въ правой рукѣ у него жезлъ, заканчивающійся осмиконечнымъ крестомъ, съ надписями: *пастырство* (въ серединѣ жезла) и *вѣра* (около креста); въ лѣвой рукѣ—оливковая вѣтвь, съ надписью: *мудрость*. Внизу—поверженныи атрибуты господарской власти: *скипетръ*, *корона* и *порфира*.—Картинка окаймлена рамкою съ подписью на ней: *вдячный Богу и фамилии*.

Сцента тотъ zostавуетъ, Шарлатъ и Короны,
 Кого Богъ възываетъ до свои обороны.
 Щасливысь Пречестнѣйшій о Архимандрито,
 Которому познанье Бога есть открыто.
 Зверхность, Слава, Оздоба, то все подъ ногою,
 Вѣра, милость до Бога, то надъ головою.

(5 стр.) ГЕЛИКОНЪ.

то есть,

садъ умѣтности

первый.

Осмь Кореній Вызволенихъ Наукъ въ собѣ маючій,
 Презъ Пречестнѣйшого его Милости Господина Отца
 Квръ Петра Могилу въ Россіи новофундованный.

ВДЯЧНОСТЬ.

*Геликонъ жродло Наукъ вдячность посылаетъ,
 Твоей Отче Святыни бо въ ней мѣстце маеть.*

ГЕЛИКОНЪ.

Старыхъ гордость погановъ весь свѣтъ наполнила,
 Скоро только ихъ глупство Мудрость заслонила:
 Бо гды Наукъ початокъ зъ Гупшокрену маеть,
 Южъ Пегаса ажъ назбытъ зъ Кадмомъ выславяеть.
 Чемужъ барзѣй не намъ Честь тая теперъ служить,
 Котрымъ власность правдивыхъ Наукъ первѣй плужить.
 Кто несвѣдомъ ижъ Мудрость зъ Едема Сіону:
 Подана есть; а то фалшь жебы зъ Геликону.
 (6 стр.) А намъ зась отъ Сіона, Законъ, Мудрость, Вѣру
 Даровано: за тымъ тежъ и славы над мѣру.
 Приступи Геликоне, дай честь познай Пана!
 Опустивши Жолнѣрство привитай Гетмана.
 Наклони верхъ зъподъ неба до земного долу,
 Звѣтяжду тамъ поткаешъ зъ вязнями посполу.

В особѣ твоей свѣтлой, Отче Велебнѣйшій,
 Витаю Кроля, вижу Триумфъ презацнѣйшій.
 Южъ Геликонидъ зъ Фебомъ роскошнымъ ховати,
 Не позволю и Пѣсней вдячныхъ имъ спѣвати.
 То твоей Превелебной все служить особѣ,
 Высокое въ Высокой Имя есть оздобѣ.

Стефанъ Стрибыль.

КОРЕНЬ УМѢТНОСТИ

ПЕРШІЙ.

Грамматика,

Учитъ Словъ и Мовы.

Розумному подъ Небомъ где мѣстце звѣрати,
 Позволено, тамъ можешъ то латво познати,
 (7 стр.) Якого бы пожитку была и похвалы,
 Словъ складанья Наука през часть такъ немалый.
 Кто бы вѣдалъ якъ звано Киты водъ глубокихъ,
 На повѣтру и землѣ мешканцовъ широкыхъ.
 Еще людемъ и над тыхъ потребна есть мова,
 Кто не глупый зажъ не тотъ що не мовить слова;
 Не дивуйся: бо негдысь до згоды призванный,
 Тожъ повѣдилъ сынъ зъ Май подъ ксанеомъ спытанный.
 И я теды спытавши, если не по мови
 Знать Ретора, Поэту, дамъ глупство ослови.
 Тотъ Корень въ твоємъ Садѣ Отче Пречестнѣйшій,
 Заквитнетъ зъ Геликономъ надъ солнце яснѣйшій,
 Когда въ Россіи потомокъ славныхъ Роксоляновъ,
 Въ Наукахъ поровнаеть премудрыхъ погановъ.
 Тылко абы Звитязца Пекелного смока,
 Заховаль въцале Вѣру правую зъ Востока.
 А где солнцу есть мѣстце: тогожъ дознаваетъ,
 Твое Имя вгды мѣстце въ Грамматице маеть.

Григорій Триполскій.

КОРЕНЬ УМЪЕТНОСТИ,

ВТОРЫЙ.

(8 стр.). Реторика

учитъ Словъ и Вымовы.

Кгды бы въ земли Егупской не Ниловы воды,
 Завше бы, безъ пожитку были огороды.
 Нилъ въ Египтѣ хлѣбъ множить зъ Нилу весь достатокъ
 Питье, покармъ и пришлыхъ пожитковъ задатокъ:
 Лечь над мѣру гды берегъ вода превышшаетъ,
 Южъ въ томъ року жизни земли не пуцаеть.
 Албо мнѣй нѣжъ потреба гды воды приносить,
 Мнѣй тежъ и того лѣта травы косаръ косить.
 Красомовство заисте, тогожъ подобенства,
 Было негдысь у старыхъ: бо кды набоженства
 Учитъ: тамъ урожай Цноть, приносить обфитый,
 Гды зась въпротивъ: упадокъ души знаменитый.
 Мѣрность речь дорогая, кто ся въ ней кохаеть,
 Надъ веселье болшь въ житю ничего не знаетъ.
 Пречестнѣйшій нашъ Отче Прометеомъ званный,
 Отголь будешъ въ Россіи, за помѣркованный.
 Нуртъ рѣки Красомовства, южъ початокъ Нилу,
 Будеть знати Поета, бо отъ тебе силу
 Нилъ принялъ седможродныхъ южъ Наукъ высокихъ,
 Южъ потечеть до границъ Россіи широкихъ.
 (9 стр.). Реторика звитязцу зъ триумфомъ витаеть,
 Але въпродъ на Патрона пилно поглядаетъ,
 При немъ триумфалный день будетъ опѣвати,
 Фундатора тежъ въ вѣчной славъ фундовати.

Александръ Олекшичъ.

КОРЕНЬ УМЪЕТНОСТИ

ТРЕТИЙ.

Діалектика

учитъ розумного въ Речахъ познаваня.

Межи штучнымъ фалшивыхъ розмовъ ошуканемъ,
 А щирымъ отъ неправды правды розезнаньемъ,
 Тая даетъ Наука способъ досвѣдченъя,
 Тужъ вѣдомость приноситъ скрытого створенъя.
 За тымъ Розумъ субтелный бѣглость въ каждой речи,
 Якъ ростропне мовячи зрадыся стеречи.
 Такъ якъ бы ово солнце, гды мглу розганяетъ
 Дождчѣ, Громы, темности, а день розясняетъ:
 Надѣто въоротце доводомъ кого поконати,
 Латво можешъ, и мудре філософовати,
 (10 стр.) Тернѣемъ острымъ тотъ корень зоветъ Стагирита,
 Карнеадесъ имя му, далъ морского Кита.
 Нехъже квитнетъ тотъ корень въ твоємъ Геликонѣ,
 Пречестный нашъ Отче, ку вѣрныхъ оборонѣ:
 Бы снать въ Церкви Сіонской, оwoцъ его цвѣту
 Южъ освѣдчилъ Христово з мертвыхъ встане свѣту:
 Нехъ възрокъ тернѣе мудрости теперъ колетъ смутныхъ
 Базилишковъ Унѣтскихъ, Аспідовъ окрутныхъ:
 Оттоль слава Могиломъ вѣчная повстанетъ,
 И лилѣя высокихъ цнотъ ихъ не увянетъ.

Самуель Мужилоvскій

КОРЕНЬ УМЪЕТНОСТИ

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Аріѳметика

учитъ Личбы.

Есть мѣстце на высокомъ, землѣ положеню,
 Трудной працы назбытъ людемъ въ прохоженю,

Оказалое мѣстце, и верхъ знаменитый,
 Лечь гостинецъ въ пребытю барзо не ужитый,
 (11 стр.) На верху томъ пресличномъ Палма вырастаетъ,
 А на Палмѣ зась Цнота гнѣздо свое маеть,
 Имя мѣстцу Чась Долгій, и многіи лѣта,
 До зличенъя трудныи отъ початку свѣта,
 Але скоро рахунокъ зъ Науки приступитъ,
 Праца, трудность, зъ старанъемъ заразомъ уступитъ:
 Бо унциі познаешъ, зличишъ Міріады,
 Латвѣй нѣжли Геркулесъ перепловъ Цикляды,
 Пропорціи досвѣдчишъ межи поровнанемъ
 Дня зъ ночью, а правдивымъ святъ отправованемъ.
 О явъ дивный тотъ способъ и барзо хвалебный,
 Фундаторе цныхъ Наукъ Отче Превелебный.
 Подалесъ намъ въ Россіи знати въ часахъ мѣру,
 Въ чомъ покажемъ отступнымъ фалшъ ихъ и невѣру:
 Твоей отъ насъ Честности, поки часу станеть,
 Вдячность зъ Наукъ поданъя, нигды не устаеть.

Андрей Черхавскій.

КОРЕНЬ УМѢТНОСТИ.

пятый.

Музыка

учитъ Спѣваня.

(12 стр.) Хочь то негдысь строфоваль Философъ убогій
 Діогенесъ Музииковъ, гды цноты дороги
 Занедбавши, на Лютняхъ Кантъ модеровали,
 И стройне въ обычаяхъ нестройныхъ спѣвали:
 Нѣгды еднакъ въ томъ вины, Наука не маеть,
 Кгды учачій Науцѣ самъ не поддегаеть.
 Музыка цвѣтъ веселья, корень Пѣсній значныхъ
 Музыка садъ утѣхи, жродло мыслій вдячныхъ,
 Орфеова спѣваня лѣсы, рѣки, скалы
 Здумѣвшися слухали, и Евріпъ несталый:

Тужь въ тропы шолъ Звѣрь дивій, птаковъ и рыбъ много,
 Вдичностю потягненный голосу такого.
 Але слушнѣй заисте, правда потребуеть
 Спеваня, гды Науки до себѣ керуеть:
 Показалъ то Церковный Филіръ барзо ясный,
 Всеі Сүріей оздоба, Дамаскинъ прекрасный.
 Бо день Пасхи и встаня отъ мертвыхъ спѣваеть,
 Воскресшаго всѣмъ Христа ясно освѣдчаеть.
 Христовъ трюмфъ весолый и тотъ день хвалебный
 Въ Гумнахъ вдичныхъ celebруй Отче Превелебный.

Василій Климовичъ.

(13 стр.) КОРЕНЬ УМѢТНОСТИ

ШЕСТЫЙ.

Геометрія

учитъ земль размѣреня.

Ксенофанесъ значнѣйшій въ Філософовъ давныхъ
 Обыватель въ Греціи Коліофоновъ славныхъ,
 Архетупомъ нѣякимъсь Бога называти:
 Безъ початку и конца казалъ признавати:
 Змылилъ еднакъ тотъ Мудрецъ, бо разумъ въ поганской
 Еще ховалъ темности, и владзи шатанской.
 Геометра въ познаню правдивомъ о Богу
 Южь будучи, такую дасть перестрогу.
 Богъ не есть фігуралный, але круглость свѣту
 Припишетъ, личбу дневи, а одменность лѣту.
 Кто хочеть землю, небо и всѣ Елемента
 Познати, Геометресъ подасть документа,
 На шестьдесятъ всю землю частій размѣряеть,
 Архімедесъ на Сферы небо роздѣляеть:
 Лечь найвышшій Вымѣрникъ, зъ подъ землѣ выходитъ,
 И вязневъ своихъ мнозство зъ собою приводитъ,
 (14 стр.). Тотъ котрый пядю небо мѣритъ добротливый,
 Нехъ въ Наукахъ даруеть початокъ щасливый.

Твоей зась, Отче, славѣ конецъ тотъ готуетъ,
 Въ которомъ своихъ вѣрныхъ до Неба пріймуетъ.

Василій Каменицкій.

КОРЕНЬ УМВѢТНОСТИ,

СЕДМЫЙ.

Астрономія

учитъ Бъговъ Небесныхъ.

Где ясный палацъ Фебовъ, розный въ будованю,
 Въ положеню высокій, сличный въ маліованю;
 Где свѣтлый лихтаръ въ небѣ, зъ седми лампъ зложонный;
 Отъ всѣхъ сторонъ кришталомъ, моцне обточонный;
 Где есть мѣсце Планетомъ, и звѣздамъ грунтовнымъ,
 Отколь свѣтлость променемъ спадаеть вляровнымъ,
 Тамъ мысль тая Наука людскую заносить,
 Презъ що скрытыхъ познание натуръ до насъ вьноситъ,
 Астролиогъ бѣгъ солнечный въ Зодіацѣ знаетъ
 И презто въ речахъ пришлыхъ скутокъ освѣдчаеть:
 (15 стр.). Довтѣпъ людскій прикрою подыймуеть працу,
 Абы могль свѣдомъ быти горнего палацу:
 В Науце зась кто добре Звѣздарской цвичонный,
 Небарзо въ томъ познаню будетъ утружонный.
 Щаслившій есть над иныхъ, могу речи смѣле
 Астрономъ, бо онъ першій позналъ Бога въ тѣле,
 Томужь Мурру зъ Кадиломъ нехъ Вѣщкове носять,
 Не Рождество лечъ зъ мертвыхъ вьстане южь голосятъ,
 В якой славѣ Арабовъ Астрономъ зоставиль,
 Таковую честный Отче южь Россіи справиль.

Михаилъ Полубенскій.

КОРЕНЬ И ВЕРХЪ

ВСѢХЪ НАУКЪ И УМѢТНОСТЕЙ.

Θεολογία

Учитъ Бозскихъ речій.

Где учинилъ границу, Геркулесъ онъ сильный
 Праць своихъ Богатырскихъ, тамъ тежъ Гішпанъ пилный
 Мрамуровый поставилъ столпъ, где зъ океаномъ.
 Выспа мѣстце подаетъ дѣльнымъ Гадитаномъ:
 (16 стр.) Тое мѣстце початкомъ всѣхъ водъ есть глубокихъ,
 Зъ него плынуть всѣ рѣки до Краевъ широкихъ:
 Оттоль беретъ Оцеанъ назвискъ своихъ розность,
 Оттоль вода пріймуетъ въ плытью своемъ возможность:
 Бо гды море всю землю, вьокколо обходить,
 А конецъ до початку незначне приводитъ,
 Оцеаномъ зовется: гды засъ вьпосредъ свѣта
 Идетъ, розне его тежъ зоветъ Аравита.
 Тыхъже праць неужитыхъ столпомъ превысокимъ,
 Любо тежъ Оцеаномъ именуѣ глубокимъ
 Небесную Науку, Мудрости початокъ,
 Всѣхъ Наукъ жродло Бозкихъ, а свѣтскихъ остатокъ;
 Звѣтяждею Цекроповъ кто хочеть зостати,
 А въ цвиченю цныхъ Наукъ самъ неуставати,
 За быстрымъ злоторогимъ, кто Еленемъ гонить,
 И зъ Наукъ въ свой пожитокъ, дорогій часъ клонить.
 Есть граница праць твердыхъ Бозкая Наука,
 Узычааетъ учонымъ, гды въ бѣгу мунштука:
 Есть Колумна и конецъ праць Алкменидовыхъ,
 Бо вѣмъ мнозство приносить добръ Ляомедоновыхъ,
 Оцеанъ медоточный, Мудрость Бозскихъ речій,
 Слабый розумъ поняти що можетъ чловечій,
 Зтого моря выходятъ слодкихъ Наукъ рѣки,
 Рѣки а водъ обфитость дають по всѣ вѣки:
 (17 стр.) Θεολογъ Оцеаномъ нехъся называетъ,
 Бо тотъ Наукъ, а овъ засъ всѣхъ водъ жродло маеть.

Але не допустилесь, Отче Велебнѣйшій

Абы вресомъ праць долгихъ былъ столпъ онъ давнѣйшій.

Укопалесь Колюмну отъ зимной Зоны,

При берегахъ Днѣпровыхъ под Седмитріоны,

Где задержишь мешканцовъ Россійскихъ въ шуканю

Цныхъ Наукъ, и въ далекомъ южъ пелгримованю.

Даль бы то Богъ, гды бысмы чужихъ Криволіоговъ

Понехавши, слухали своихъ Теоліоговъ.

А впродъ въ Церкви славили Христа зъ Дамаскиномъ,

Духа зъ Отцемъ хвалили и зъ Предвѣчнымъ Сыномъ.

Мартинъ Суринъ.

ВДЯЧНОСТЬ.

Що сынъ матцѣ повиненъ велце укоханный:

Що слуга Пану въ его ласце выхованный:

Що тежъ Пастыръ овчарни чулый не оспалый,

О повѣренномъ собѣ стадѣ завше дбалый:

Тось учинилъ сынъ Церкви, Отче Пречестнѣйшій:

Тось справилъ слуга Богу, и естесь вѣрнѣйшій:

Тось тежъ Лаврѣ выконалъ Пастырства твоего,

В превротности не пасешъ гды стада своего.

(18 стр.) Церковъ Матка Сынови, ижъ ей прагненье

През мудрость утулилась, подасть выживене:

Панъ тежъ слузѣ, Богъ творецъ, за вѣрность въ подданствѣ

Нагородить, по смерти въ безконечномъ Панствѣ:

Мы зась овцы Пастыру, духовный добытокъ

Пренесемо, зъ овчарни Наукъ на пожитокъ.

Зъ добрыхъ Отцевъ доброе потомство ся родить,

За цнотливымъ цнотливый слуга паномъ ходить:

Пастыръ тежъ неоспалый, добротъ овецъ знаетъ,

Злыи зась пречъ зъ овчарнѣ, завше выкидаеть.

Отцемъ, Паномъ, Пастыромъ, завше нашимъ будешъ,

Если насъ въ твоей ласце нѣгды не забудешъ.

Филиппъ Миклашевскій.

(19 стр.) ВЪ ПРЕСВЯТОЙ ТРОЙЦИ

ЕДИНОСЛАВНОМУ, И ЕДИНОЧЕСТНОМУ

Б о г у,

Честь, Поклонъ, Слава, Вдѣльность на вѣки.

Поганское, о Боже, глупство южъ устало,
 Которое Ювиша Богомъ называло:
 Южъ щезло и Постовъ шаленство учоныхъ,
 Бо есть у всѣхъ Богъ единъ вмѣсто незличоныхъ.
 Прето зъ нашимъ падаемъ подлымъ Геликономъ,
 Передъ страшнымъ твоей Велможности Трономъ.
 А одного въ трехъ Лицехъ знаемъ тебе Пана,
 Една Богу одному, честь будетъ отдана.
 Только просимъ, справъ сердца горячность въ Патропѣ,
 Абы въ новомъ загрѣвалъ квѣтки Геликонѣ.

Іоаннъ Заруцкій.

Здѣсь, въ началѣ 20 стр., находится литографированное изображеніе: на горѣ Парнасъ стоитъ, считавшійся въ то время родоначальникомъ фамиліи Могиль, *Муцій Сцевола*. Онъ въ римской одеждѣ, въ шлемѣ и съ мечемъ (въ лѣвой рукѣ); на остріи послѣдняго, упирающемся въ гору, — *корона*, съ надписью около нея: *Славы корона*. Правая рука Сцеволы положена на пылающій огонь (надпись около него: *огнь Гетрусковъ*), а лице обращено къ небу, откуда двѣ руки изъ облаковъ подаютъ ему *крестъ, скипетръ и корону*; около нихъ надпись — *вѣрному звѣзязи*. — Картинка окаймлена рамкою съ надписью на ней: *Зъ Богомъ фамиліи пожитечный*.

Если члонка своего не жаловалъ въ бою
 Тотъ сильный Римскій Рицеръ, що речешъ покою
 Якъ боронитъ отчизны Сцеволя безпечный,
 Зъ которого повсталъ родъ Могиловъ сердечный.

Знакъ заисте Потомка, потомъ гды все тѣло
 Не толко руку каретъ, нашъ Сцевола смѣло.

(21 стр.) ПАРНАССЪ,

албо,

Садъ умѣтности

ВТОРЫЙ.

Стараньемъ и коитомъ Ясне Превелебнѣйшого въ Христь Его милости Господина Отца Киръ Петра Могила Архимандрита Киевского, Воеводича земль Молдавскихъ. Подъ часъ весны особливое къ народови Россійскому Ласки Божеи, Десятъ лѣтораслій Наукъ вызволеныхъ тѣмъ зъ себе выпускаетъ.

ВДЯЧНОСТЬ.

Двоеверхій Парнассе поднеси до неба
 Имя славныхъ Могиловъ, вдячности потреба.

ПАРНАССЪ.

По смутку завше радость въ тропы наступуетъ,
 По темностяхъ зась свѣтлость тужься показуетъ,
 По сухомъ лѣтѣ осѣнь, за тою тежъ ходитъ
 Зима, и часъ троскливый зъ собою приводитъ.
 (22 стр.) За фрасункомъ веселѣе завше постууетъ,
 По Зимѣ часовъ прикрыхъ Весну Богъ даруетъ.
 Южъ Весна утѣхъ новыхъ, веселя нового
 Крыница, а пожаръ зась фрасунку старого:
 Зявилося Гублейскихъ южъ водъ струменистыхъ,
 Жродло пѣсній, зъ Парнассу отъ каналовъ чистыхъ:
 При томъ тежъ зъ поль Актейскихъ Зефіры повстають,
 Пристѣ Весны весолымъ вѣтромъ освѣдъчаютъ.
 Впродѣ еднакъ въ твоємъ садѣ справятъ охолоду,
 Лѣторосли поднесутъ и дадутъ погоду,
 Фундаторе побожный, Цныхъ Наукъ патроне,
 Всѣхъ утѣхо учоныхъ, всѣхъ Музъ Цитероне.

Твой Парнассъ лѣторасли въдѣчныи выдаетъ,
 И запаховъ роскошныхъ вонность выщущаетъ,
 А имъ свой верхъ до неба онъ вышей подноситъ,
 Тымъ яснѣй твой хвалебный станъ свѣту голосить.

Василій Суцанскій Проскура.

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ,

ПЕРВАА,

Клио

то естъ цвѣчене въ читаню Гісторій.

(23 стр.). Давныхъ вѣковъ отмѣнный часъ трудне завитый,
 Будеть мѣти, кто хочеть, достъ латво открыты
 Скоро толко зъ Гісторій Науки набудеть:
 Въ тотъ же часъ глупства въ речахъ заразомъ побудеть:
 Познаеть дѣлность славныхъ Россійскихъ Гетмановъ,
 Вѣдомости доступить въ житю можныхъ Пановъ:
 Европу тотъ, Азію, зъ Африкою змѣритъ,
 Котрій розумъ въ широкихъ Гисторіахъ ширить:
 Лечь гды зъ землѣ обернетъ свою мысль до Бога,
 Зъ Гісторій есть простая до неба дорога:
 Дай покой, Клио, прошлымъ въ дѣлности поганомъ
 Христовъ животь описуй иди южъ за Паномъ.

Филонъ Иаковскій.

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

ВТОРАА,

Мелпомене,

то естъ цвѣчене въ писаню Вѣршовъ смутныхъ, и жалобныхъ.

Чась, Музо, жалость вѣршовъ смутныхъ отменити,
 Чась зъ ляменту веселье южъ тежъ учинити.

(24 стр.) Мелпомене zostавъ южъ срогїи жалобы

Не псуй плачсмъ днѣ того свѣтлои оздобы:

Гушолїта сталого Цекропомъ отдавши,

И его несмертелныхъ похвалъ запехавши,

Отдавай честь звѣтязци, славу, годность, вѣру,

Нехай его ширитъся можность до Еспиру.

При небесномъ земного не забывай вожа,

Въ Христовой овчарни достъ пилного строжа:

А хвалячи дивуйся, якъ есть опочистый,

Петръ въ звѣтязтвѣ, а въ житю якъ бы кришталъ чистый.

Стефанъ Колмицкій.

ЛЪТОРОСЛЬ НАУКЪ

ТРЕТЯА,

Уранїа

то есть, цомчене въ близьости Звѣздарской.

Ту южъ Атлясъ, о Музо, перестапъ зъстарѣлымъ

Прешлымъ байкомъ вѣрити, внимай сердцемъ смѣлымъ:

Южъ не Кроль Мавританскїй Сферы модеруетъ,

Лечъ найвышшїй Монарха самъ небомъ керуетъ:

(25 стр.) Гды затмилъ въ двоухъ Плянстахъ ясность всего свѣта,

И недалъ роезнати отъ Осени Лѣта:

Тотъ правдивый Астрономъ зъ подъ землѣ выводитъ:

Звѣзды душъ святыхъ, Отцевъ, самъ до неба входитъ:

Але нашъ дужїй Атлясъ тяжаръ достъ немалый

Небо носитъ земное, въ працахъ неусталый:

О якъ слушне Пречестный Отче въ такой силѣ,

Небо Церковъ двигаешъ въ небезпечной хвилѣ.

Максимъ Кресловскїй.

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

ЧЕТВЕРТАА,

Каллиопа,

то есть, цвѣчене въ писаню высокихъ и поважныхъ речій.

Каллиопа звѣтяжцовъ преславныхъ похвало

Умолкни, щось предъ тымъ за погань ставало,

Не выноси Алциду въ Ахиллесомъ дѣльнымъ,

Не заледай Гектора въ Енеашемъ сильнымъ:

Ото маешь Ридера, моцій неслыханыхъ,

Звѣтяжцу надъ Еребомъ силъ нещоровнанныхъ.

(26 стр.) Если для справъ высокихъ до пекла дорогу,

Етеови змыслила, признай то все Богу:

По немъ тежъ задивуйся, ижъ нетолко старый

Вѣкъ множилъ Богатыревъ, лечъ и нашъ песталый

Щоровнаеть Ридеревъ нашъ Могила давнихъ,

Бо звѣтяжца таемныхъ есть весполъ и явныхъ.

Теодоръ Суло

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

ПЯТАЯ,

Полумнія,

то есть, цвѣчене въ быстрой памяти многихъ речій.

Память, Музо, приводишь на пляцъ залецентя,

Память, скарбъ непребранный сличного мовеня:

Где слава Цинеова, котрый всѣхъ Римляновъ

Имена мель въ памяти, и розность ихъ становъ:

Оемистоклесъ валеchnый добре памятаеть,

Гды отчизны здорове надъ все прекладаеть

Гортенсія и Кура, припомнѣнемъ гоиннымъ,

Полумнія выславуй, въ уклонѣмъ пристойнымъ:

(27 стр.) Але ражу Мрамуромъ, распамятыванья
 Терпенія Христова будь, изъ мертвыхъ встанья.
 Зоставъ Музо похвалу на мѣстцу високомъ,
 Где Богъ сталь звѣтяждою надъ пекелнымъ смокомъ.

Василій Чудновецъ

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

шостая,

Ѳалиа

то естъ, цвѣчене въ писаню Вѣришовъ весолахъ.

Свѣтлый промень, солнечный всѣхъ увеселяетъ,
 Гды на землю бляскъ ясный зъ Олѹмпу спуцаетъ:
 Тогда стада въ широкихъ поляхъ дознаваютьъ,
 Обфитой радости, и утѣху маютьъ,
 А пастушокъ убогій, подъ листьемъ Буковымъ,
 Простыхъ пѣсней складаетъ Ритмъ, въ тѣню здоровымъ:
 Аркадскія быдлѣята надставляють уха
 Гды спѣваетъ, онъ засъ дметъ поки стаеть духа.
 Щожъ за радость намъ всей день зъ солнцемъ завитала,
 А зъ солнцемъ справедливымъ зъ неба восіала;
 О заисте веселя маемъ заживати,
 Поки солнце Христось, свѣтъ намъ будетъ спуцати.

Василій Устрицкіі

(28 стр.) ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

седмѣя,

Евтерпе

то естъ, цвѣчене въ Стѣваню.

Повѣжь, Музо, для чого Измаръ Орфеови
 Дивовалься, и Парнасъ скалистый Фебови!

Чили, же онъ пекелныхъ свѣдомъ былъ палацовъ,
 Овъ зась зъ кравыхъ отходилъ звѣтяжцею пляцовъ;
 Не то: лечъ иншую снать моцъ обадва мѣли,
 Зъ которую до значныхъ похвалъ приходили:
 Орфеово спѣване, Рѣки, Лѣсы, боры
 Тѣшило, Фебово тежъ розъясняло горы.
 Тутъ здумѣйся Парнассе зъ Родопомъ высокимъ:
 Бо везде полно Пѣснѣй подъ небомъ широкимъ.
 Еслижъ за Кантъ весолый горы людей чтили:
 Слушнѣй бысмы намъ Радость даную святили.

Георгій Невребецкій.

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

ОСМАА,

(29 стр.) Терпсихоре

то естъ, цвѣчене въ Спѣваню Инструменталномъ.

Що за скутокъ спѣваня въ тотъ часъ показываетъ
 Терпсихоре, гды Лютию для Пѣснѣй прѣимуеть;
 Слджкомыслныхъ, весолыхъ, и наддеръ утѣшныхъ
 Южъ тамъ забавъ дознаешъ, и годинъ поспѣшныхъ:
 Где Музы на Цитарахъ, струны напинають,
 Землѣ, Неба, и Свѣта початокъ спѣвають,
 Вода, огонь, повѣтъре; отколь вихры, громы,
 Солнце, Мѣсяць, и где суть пекелныи домаы.
 Завитайте южъ до насъ на Триумфахъ весоло:
 Вы о Музы, зъ ПарнаССу пресвѣтлое коло:
 Тутъ мелюдіи, ту Канту, Пѣсней тутъ потреба.
 Бо самъ Панъ триумфуетъ, котрый зъступилъ зъ неба.

Ермихій Соболю

ЛѢТОРОСЛЬ НАУКЪ

ДЕВЯТАА,

Ерато,

*албо цвѣчене въ Спѣваню умилномъ.***(30 стр.)** Если отъ злыхъ до добрыхъ речи, преносити

Звыкли люде: не треба злого коренити:

Теды Пафъ опустивши, Музо, и Цитеру,

При пекелномъ zostавъ то, Ерато, Кацеру:

До небесныхъ о Музо прибирайся Троновъ.

Тамъ скоптуешъ що за смакъ вышнихъ Геликоновъ:

Южъ хоры выступаютъ зъ умилнымъ спѣвалемъ

Допоможи Ангеломъ, сличнымъ выкриканемъ.

Если зъ доброго стался злымъ чловѣкъ першій,

Вторый все то отмѣнилъ діавола стерши,

Теды зъ Наукъ поганскихъ латво учинити

Христіаномъ Христову и за свою мѣти.

Стефанъ Триполскій.

ЛѢТОРОСЛЬ, ЦВѢТЬ, И ОЗДОБА

всѣхъ Наукъ, и Умѣтностей.

Аполло.

Справцо Плянеть пресвѣтлыхъ, Кролю звѣздъ вшелякихъ,

Вдячныхъ годинъ отмѣно, часовъ не еднакихъ,

Фебе давцо свѣтлости, всего свѣта око,

Котрого възрокъ всю землю займуеть широко:

(31 стр.) Спусти на нашъ Хоризонтъ скутокъ твоей моцы,

Бы не усхли отъ зимы новыи овоцы:

Завитай на Печерскихъ садовъ цнотородныхъ,

И до краевъ Россійскихъ въ Науку голодныхъ:

Тамъ възпродъ звайачишь Пүтона, Циеліопы зголдуюешъ,

А на приѣздъ Минервѣ мѣстце приготуюешъ.

Есть Геликонъ, суть Музы, въ Парнаасскомъ покою,

Заразъ зачнутъ весолый Кантъ пѣсний съ тобою:

Толко славы въ звѣтяжствѣ первомъ уступить,
 И пляцу похвалъ Богу треба допустить:
 Цитра еднакъ зъ Лютнею при тобѣ зостанеть:
 И въ Наукахъ твой Гоноръ, нѣгды не устанеть:
 Еще память въдѣчности гды при тобѣ будетъ,
 Меценасъ тежъ Афлетовъ твоихъ не забудеть:
 Шо Кролевичъ Тебанскій злотымъ влосомъ справиль
 Тожъ ты Фебе Патрономъ: бось ся для нихъ вславиль.

ВДЯЧНОСТЬ.

Артаксерксесъ въ Персіи Кроль негдысь богатый
 Обфитой земли въ злото, въ Пурпуру, въ шарлаты:
 Кгды звычайемъ Кролевскимъ, замки своего Панства
 Навѣжалъ, въ тотъ часъ вѣры дозналъ отъ подданства,
 (32 стр.) Бо едны Перла зъ копитомъ не ошапованымъ
 Несли Пану подарокъ, зъ скарбу дарованымъ
 Хрсоліты, Смарагды, Ясписы, Шафѣры,
 Діаменты, Кораллѣ несли тамъ безмѣры:
 Лечь еденъ наубожшый с подданныхъ, а сталый
 Въ срдцу, принесъ до Кроля подарочокъ малый,
 На долоняхъ обудвухъ воды барзо мало,
 Бо му злота Сафѣровъ згола неставало,
 Кроль еднакъ (дивная речъ) принялъ барзо вдячне,
 И убогій подарокъ нагородиль значне,
 Кгды му коновъ зе злота, внетъ розказалъ дати,
 Абы воды другій разъ мѣлѣ въ чомъ даровати.
 Тогожъ и мы прикладомъ, ачъ въ злото убоги,
 Повинности еднакъже нехибимъ дороги:
 Воды мало приносимъ зъ жродель Геликонскихъ
 Воды онъ знакъ давнѣйшій, воды копыть конскихъ.
 Фундаторе и Отче намъ Превелебнѣйшій,
 При той водѣ зостаеть чоловѣкъ свѣтлѣйшій.
 Якъ теды Язонъ Грековъ богатиль презъ воду
 Такъ мудрость дастъ Могиломъ, въ славѣ охолоду.

(33 стр) ПРЕЧИСТОЙ И ПРЕБЛАГОСЛОВЕННОЙ ДѢВѢ МАРИИ,

Матери въскресшаго Спасителя нашего Иисуса Христа.

Хвала, годность, и поклонъ вѣчности на вѣки.

Пресличная Королевно, Райскихъ Садовъ Цвѣте,
 Выборнѣйшій Клейноте въ людѣй на томъ свѣте.
 Мы въ своего ПарнаССу пречъ Феба въ сестрами
 Выгнавши, а въ немъ просимъ, рачъ мешкати знами.
 За Патронку всѣхъ Наукъ тебе признаваемъ,
 Мы Паллады Богини оттоль южъ незнаемъ:
 Але вѣримъ жесь въ Божьей мудрости намъ дана
 Отъ Пророковъ предъ вѣки свѣту обещана.
 Прето наукъ Патронко, въ ласцѣ тежъ ховати
 Того рачъ, хто Науки будетъ фундовати.

Грофимъ Онушкевичъ.

(34 стр.) **ЗОИЛЕВИ**

невдячному

в д я ч н о с т ь .

Не шарпай злый Зоиле: псѣмъ зубомъ таемне
 Ни въчомъ славы людской; бо натожъ взазмне,
 Если трафипшъ, дознаешъ ижъ камень скалистый
 Зубы крушить, и псуеть гвоздь ногу сталистый.
 Кто на мѣстцу высокомъ, песь тому не шкодить:
 А где острый гостинець, тамъ нихтъ не доходить.
 Опочистый есть Олимпъ славы цныхъ Могиловъ,
 Не бояться шарпантя зубатыхъ Зоиловъ.
 Цвичоныхъ людей гвоздемъ, острымъ обточоный
 Не шарпай его славы бысь надерь учоный.

Іеремія Войсякиій.

Примѣч. Евхаристіонъ,—единственный, дошедшій до насъ литературный памятникъ Лаврской Могилянской школы,—со-

ставляетъ въ настоящее время величайшую библиографическую рѣдкость. Пекарскій считалъ его *unic'омъ* (*Представители Киев. учености въ XVII в., помѣщ. въ Отеч. Зап. 1862 г.*). Но кромѣ указываемаго имъ экземпляра означенной брошюры, находящейся въ библиотекѣ при Императорской Академіи Наукъ, намъ извѣстенъ и другой, хорошо сохранившійся экземпляръ, принадлежащій библиотекѣ Киев. Дух. Академіи (по каталогу № 111. 4. 1). Какъ и предшествующій изданный нами памятникъ (*Вирши Саковича*), *Евхаристиріонъ* напечатанъ церковно - славянскимъ шрифтомъ, въ 4-ю долю листа; пагинація по тетрадямъ, внизу, буквами; всѣхъ тетрадей 4¹/₂ (последняя четвертка помѣчена буквами—*Дв.*).

IX.

Актъ Киевскаго братства, данный Киево-печерскому архимандриту Петру Могилѣ, съ изложеніемъ условій, на которыхъ имѣеть воспослѣдовать соединеніе Киево-братской Богоявленской школы съ Лаврскою Могилянскою.

1631 г. декабря 30.

(97 л. об.)¹⁾ Во імя Отца, и Сына, Святаго Духа Пресвятія и Животворяція Троица, ку вѣчной речи тоей памяти станься. Аминь.

Мы шляхта обывателѣ воеводства Киевскаго и всѣ сполне уписніе братія церковніи Киевскаго Братства православніи, Святой Восточной Апостолской Церкви, и Святѣйшому Архіепископу Константинопольскому, и вселенскому Патріарсе любовне послушніе сынове: обачивши рѣчь быти велце способную, потребную, и пожитечную, абы школы при Церкви нашей Брацкой на имя Богоявленія, альбо крещенія Господа нашего Иисуса Христа въ месте Києве збудованной, быти могли: Просилисмо всѣ сполне превелебнейшаго въ Христе его милости Господина Отца Кувръ Петра Могилу, Воеводича земель Молдавскихъ, на тотъ часъ будучаго Архимандрита Печерского Ки-

¹⁾ Счетъ листовъ по вышеупомянутой рукописи св. Синода.

евского, абы школы презнего въ Монастырѣ Печерскомъ Кіевскомъ фундоватися зачатіе и въ нихъ будучихъ учителей, братію Монастыря Печерского Кіевского, перенести (98 л.) зезволилъ на мисце вышпомененное при церкви Братской Кіевской и тамъ оніе весполъ з на учителми ихъ вѣчне уфундовати, яко при ставропигіи Святѣйшаго Патріарха Константинопольского, и на мѣсце способнѣйшомъ до выхования учащимся, што его милость превелебнѣйшій господинъ вышменованный отецъ Архимандрита обачивши прозбу тую нашу быти слушную, и тежъ обачивши того быти потребу всеѣ Церкви Православной: Латво и невборонне зезволивъ зъ своихъ власныхъ добръ таковымъ способомъ уфундовати, абы самъ доживотнымъ, такъ школь на помененномъ месцѣ при церкви Братской Кіевской от себе уфундованныхъ, яко и самое тоей Церкви, и всего при ней будучого Монастыря, то есть старшимъ Братомъ, межи нами будучими, дозорцою, и оборонцою былъ, для того, ижъ бы доходы церковные, грунты, огороды, сады, и вшелякіе наданя, такъ тежъ наданы, яко и на потомъ надатися отъ когожьколвекъ, до тоей Церкви, Монастыря и школи маючіи, не нашто иного, толко на туюжъ вышменованную Церковь нашу Братскую Кіевскую, на Монастырѣ, школи, и въ нихъ працюющихъ учителей оборочани, и уживани были, што мы видячи волю, и раду его милости здоровую, и Церкви Божой велце потребную, и пожиточную, позволилисмо, абы его милость Господинъ Отецъ Архимандрита, такъ Церковь нашу Братскую Кіевскую, въвесь Монастырѣ, и Школы при ней будучіе, яко и вси до тоежъ Церкви Монастыря и Школъ належачіе данины, грунты, огороды, сады и вшелякіе наданя, и тежъ доходы Церковніе, въ своемъ завѣдованю мель, оныхъ дозорцою, и опекуномъ доживотнымъ былъ, весполъ зъ старостами зъ промежку насъ Шляхти обраными дорочними, которые еднакъ старости наши ни въ чемъ ради и волѣ Его Милости противными быти не мають, але и во всемъ онаго яко старшаго брата, дозорцы и опекуна доживотного того всего (98 л. об.) мѣсца слухати мають, и повинны будутъ, не нарушаючи еднакъ фундушу нашего, отъ Святѣйшаго Архієпископа и пастыря нашего Константинопольского и вселенского Патріарха, намъ на тое братство наше наданного, а притомъ уфундованная братія отъ Его Милости Господина Отца Архимандрита, будучи православными, мають тежъ быти послушными, яко власному своему Пастырю Святѣйшему Патріарсѣ Константинопольскому, а не кому

иному, и постерегати того пилне мають, абы ся ничего церкви Божой противного оть когоколкевкь недѣяло. Докладаемъ еднакъ того, и варуемъ, ижъ его милость Господинъ Отець Архимандрита толко зъ особы своей, а не зъ ураду Архимандричого, таковымъ доживотнымъ дозорцею быти маеть, яко братъ уписный и православный и подѣ благословенствомъ Архієпископа Константинопольского, Патріархи вселенского, и всѣ фундованные през него, при томъ братствѣ найдуючія быти мають. А естлибы ся якій противникъ Церкви Восточной найти мѣлъ, такового на томъ мѣсцу терпѣти не мають, а на потомнии часы за уступленіемъ Его Милости, волно будетъ братіямъ, отъ Его Милости вѣчне уфундованнымъ, и намъ з ними заровне, и згодне, когоколкевкь на то способного, и тому святому мѣстцу къ наукамъ вызволеннымъ зичливого и прихилного, любо духовнаго, любо тежъ и свѣцкаго стану и кондиціи чловѣка, на часть певный обрати. То все абы безъ нарупена обохъ сторонъ вѣчне трвать могло, мы всѣ вышеменованыѣ Братія, братства Кіевского, народу Шляхецкого, сами отъ себе, якъ и именемъ всѣхъ инныхъ ихъ милостей пановъ, такъ тутешного Кіевского воеводства обывателей, яко и повсюды православныхъ братій (99 л.) нашихъ, до тогожъ братства уписныхъ, далисмо его милости господину Отцу Архимандриту тотъ нашъ листъ съ печатью нашею Братскою, и зъ печатми насъ певныхъ особъ, и подписами рукъ нашихъ. Дѣялося въ Кіевѣ року а́хла декабря а́ дня.

Исаакій Борисковичъ Епископъ Луцкій и Острозскій рукою власною.

(мѣсце печати)

Смиранный Авраамъ Епископъ Стаховскій владика Туровскій Православный рукою власною, послушникъ Константинопольскій.

Soltan Bohdan ręką swą.

Krzysztofh Muchowiecki..

Jerzy Lasota.

Philon Stribil czes. Z. K.

Fedor Trypolski.

Ostaphy Wyhowski.

Mikolaj Troianicky.

Philion Woronicz.

Jerzy Hołub.

Theodor Suszczanski Proscura.

Stanisław Trzeciale.

Szymon Pawsza.

Porfen Trypolski.

Jan Strusiewicz Kom. Z. K.

<i>Andrzej Lithinski z Lithines.</i>	<i>Mikalaу Tuczanicki.</i>
<i>Alexander Nieławicki ręką swą.</i>	<i>Θεοдоръ Виловскій.</i>
<i>Samuel Niekraszewicz.</i>	<i>Jerzy Moszczenicki.</i>
<i>Стефанъ Мианскій.</i>	<i>Іван Несторыцкій рукою власною.</i>
<i>Янъ Черховскій.</i>	<i>Wasili Dembrowski.</i>
<i>Daniel Paszynski.</i>	<i>Daniel Hrudnicki.</i>
<i>Супръянъ Левковскій.</i>	<i>Самуель Володковичъ.</i>
<i>Марко Триполскій.</i>	<i>Mikalaу Susta.</i>
<i>Александръ Олексій.</i>	<i>Samuel Sokor.</i>

Все вышеписаніе каждій съ приложеніемъ печати своей под-
писалися.

Съ подлиннымъ свидѣтельствовали:

Учитель Философіи іеромонахъ *Кассіанъ.*

Намѣстникъ іеромонахъ *Іеронимъ.*

Примѣчаніе. Означенный документъ напечатанъ въ *Памятникахъ, издан. времен. Кіев. Комм.* (т. II, отд. I, № VIII), но съ опущеніемъ лицъ, подписавшихся подъ актомъ. Этотъ весьма существенный пропускъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Кіевская Археографическая Коммисія, — какъ нами уже замѣчено, — заимствовала акты, касающіеся Кіевского братства, изъ рукописнаго Евгеніевскаго сборника (см. *примѣч.* къ документу подъ № I-мъ). Въ послѣднемъ же подписи лицъ подъ издаваемымъ нами актомъ опущены копійстомъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе неразборчивости нѣкоторыхъ изъ нихъ. — Документъ, по содержанию сходный съ предшествующимъ, данъ былъ Петру Могилы и кіевскимъ митрополитомъ Исаіею Копинскимъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими западно-русскими іерархами, 5 генваря 1632 года. Документъ этотъ напечатанъ въ I отд. II т. *Памятн. Кіев. Ком.* подъ № IX.

Войсковою листъ гетмана Ивана Петрижицкаго отъ имени всего запорожскаго войска, съ приказаніемъ атаману и прочимъ „товаришомъ“, находившимся въ Кіевѣ, содѣйствовать предположенному соединенію школь братской Кіево-Богоявленской съ Лаврскою.

1632 г., марта 17.

(99 л. об.)¹⁾ Иванъ Петрижицкій Гетманъ зъ Войскомъ Его Королевской Милости Запорожскій.

Атаману и всѣмъ товаришомъ нашимъ здорова отъ Господа Бога упрейме заживать жичимъ.

Яко завше зъ продковъ своихъ Войско Запорожское звикло чинить стараніе о добримъ и о пожитечнимъ церкви Божой, не мней и теперъ въ томъ не уставаючи, звлаща ведячи с насъ зезволенье Духа Святаго, тудежъ згодное застановене всего народу нашего Россійскаго Духовнаго и Свѣцкаго ихъ милости Пановъ Шляхти, яко и посполитства, абы науки або цвиченя въ писмѣ святомъ ку подпоре благочестія нашего при церкви Брацкой святыхъ Богоявленій были за старанемъ, коштомъ и накладомъ в Бозѣ прѣвелебного Отца Его Милости Петра Могили Воеводича земель Молдавскихъ, Архимандрита Монастыря Печерскаго: теды и мы видечи барзо речь слушную и церквомъ Божіимъ пожитечную, тоеюжъ милостю Братерскою обовязанные будучи, зезволяемъ и на то припадаемъ, и при той церкви Братской, яко и при школѣ новозаложенной и шпиталѣ, до ней належачой, обовязуемъ стоять и опоновать до гардлѣ своихъ, и вамъ владзою Гетманства моего, а именемъ всего Войска приказуемъ, абысте всѣ згодне зо всею братією тоей Церкви знесшися, въ моцъ, завѣдоване, старане, и о ней обмишлеване, Его милости Отцу Архимандриту, старшому брату и промоторови того предсезятя подали, на жадную речь неоглядаючися, на што вамъ сей листъ нашъ съ печатю Войсковою и съ подписомъ руки писарское даемъ. Писано у Каневѣ, року 1632, мѣсяца марта 17 дня.

Съ подлиннымъ свидѣтельствоваль:

Учитель философіи іеромонахъ *Кассіанъ*.

¹⁾ Счетъ листовъ по вышеупомянутой рукописи Архива при. св. Синодѣ.

Примѣч. Войсковою листъ гетмана Петржицкаго и всего войска Запорожскаго, отъ 12 марта 1632 года, съ выраженіемъ подобнаго же согласія на соединеніе Лаврской Могилянской школы съ Братскою Богоявленскою, посланъ былъ тоже изъ *Канева* и Петру Могилѣ, вмѣстѣ съ кіевскими братчиками. Онъ напечатанъ въ *Памят., издан. временною Кіев. Коммиссією.* (т. II, отд. I, № X).

XI.

Автобіографическая записка Игнатія Іевлевича, заключающая въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о Кіево-братской школѣ, восходящія ко времени ректорства въ ней его родича Өомы Іевлевича (1628—1631 г.).

(1 стр.) Natus sum anno Christi 1619—no 26—ta Septembris, die sabbatico, ante ortum solis, Mohiloviac. Baptizatus statim eodem anno, in aedibus Exaltationis S. Crucis, gdzie i pridił iest Borisa i Hleba, ni fallor, 4—ta Octobris, die Dominico.

Rodsic moy, żywszy w Molilowie, прѣдко потым, sam tylko z potrzeby zjachawszy do Kijowa, pożycz tam z czterć roku i lepicy, przy cerkwi S. Ducha. Skąd powróciszy do Mohilowa, zaciągnionym będąc od Jego mości Pana Woyny, iachał w woiewodstwo Witebskie, i żył przy nim w majątności iego w Sielutach, dobrze coś nad rok, a potым powróciwszy do Mohilowa, zaciągniony był do Szkłowa y żył tam ze trzy lata: zkąd za promocyą rodzzonego swego Tomasza Іевлевича u Іаśnie w Bogu Przew. na ten czas ieszcze prawosławnoho episkopa Meleciusza Smotrickiego i u iego mości Kniazia Bohdana Theodora Sołomereckiego, tak też u Iego mości pana Bohdana Theodora Stetkiewiczа, podkomorzego Mścisławskiego, a potым y kasztelana Nowogradskiego: przeniosł się do Buynicz: gdzie od roku pono 1646 mieszkał aż do roku 1654—go. Gdzie że zaszła sroga desolacyia pod woinę po kozackiey y tatarskiey, z ruskiemi ludzmi: przeniosł się do Mohilowa, anno Christi 1655—to, pod czas zimy. Tam został protopopą Mohilowskim, anno Christi 1658—no, primis diebus Februarii¹⁾....

¹⁾ Здѣсь, внизу страницы, подъ чертою, тою же рукою, но другими чернилами,

(2 стр.) Primitiae moie, w zaprawie do czytania ięzyka Ruskiego, byli we Szkłowie, potym w Mohilowie pod bakałarzami różnemi; z których notuję zrazu Stephana iakiegoś, po nim Makaria z Hołowczyzna,—to we Szkłowie; w Mohilowie—Timofeja Hribacza y Pawła statecznego człowieka. po nim Konstantego także; szkoła była pierwey w Maximowskim dworze; potym w Bratskim domu w Ostrogu pobudowano one po zgorzeniu rynku y niemal wszystkiego Ostrogu, a po części i za Ostrogiem, w poniedziałek wielkonocny, ni fallor, anno Christi 1626, albo 1627. Pożar to był srogi, pod który iak szkody wiele było, tak i tego nie mało, że ieden został przez szarpaninę z chudego pachółka panem, a drugi przez utratę z bogatego ubogim. Zamek tylko a Spasa S. Cerkiew całe zostali; bydynków mało co. Cerkiew zaś S. Mikołaja, S. S. Kozmy y Damiana, kościół farski, z dzwonicami, ratusz, kramy wszystkie y budynki porządnie, pogorzeli. Po Konstantym był Aphtanas Strzelecki, y Theodor Tarasowicz w teyże szkole Bratskiey bakałarzem (ktory potym, w roku od Christa Pana 1635, zostawszy zakonnikiem w monasterii Bratskim Mohilowskim (imię mu dano Antoni w zakonie), był y namiestnikiem tegoż monasteria, za starszeństwowanim s. pamięci o. Warłaama Połowka, bywshoho ieszcze przed tym archimandryty Wilenskiego i Krońskiego: a brat onego rodzony Taraśowicz Basyli był episkopem Mokaczewskim: do ktorego on dioecesy ku onemu w nawiedziny zaiachawszy, umarł). Ale ci dwai bakałarze y pomocnik ich czci, iakiyś Ihnatiy, człowiek stateczny, uczyli mię, ieden początkow łaciny a drugi wprowadzał w charakter dobry, do ktoregom miał z natury ciężką rękę; iuż po zmroceniu się moim z Kijowa, w roku Christusowym 1632, gdzie iachał z Mohilowa w roku 1630, y tam za rektorstwa stryia mego s. pamięci Tomasza Iewlewicza, przy monasteriu Bratskim (3 стр.) Bohoiawlenskim [który miał magistrow: w *ruskiey szkole*—ustawnika Theodora, moskala rodem, w *infimie*—Iakoba Memlewicza (ktory potym był protopopą Pereiasławskim) w *grammatice*—Sawu Andrzeiowicza Mohilowianina, w *syntaxim*—Basylego Berezeckiego, syna protopopy Kijowskiego (ktory potym był wziętym iuristą u tribunалу koronnego y przez otrutę z tego swiata zgładzony iest); byli wszyscy ludzie swieccy, zacni, godni] byłem niemal przez dwie lecie y początki wziął takie

do ięzyka łacińskiego, żem sostał był, przez zwykłą promocyją szkolną. promowany do grammatyki: potym prędko, za przyjazdem rodzica mego do Kijowa, z nim y z panem stryiem zaś stamtąd iachałem do Mohilowa anno 1632 pierwszey niedzieli w post wielki. Gdzie pod woinę Szejnowską pierwey w Buyniczach u Szymana iakiegoś do pisania wprawowałem rękę, potym i u wyszpomienionych dwóch bakałarzow, y u fary coś niewiele, u iakiegoś Samuela Litwina, który tam szkołę trzymał i pedagogiem był u panow Baykowskich, zaprawowałem się do ięzyka tegoż łacińskiego potrosze; a stamtąd przeszedszy, u Sawy Andrzeiowicza (ktory, przyiachawszy z Kijowa, uczył po łacinie w Bratstwie), po nim tamże u Kosowicza, studenta z Kijowa, wszystko po niewielu, sześcioro iakoś się prędko odmieniali: skąd tak wiele tylko miałem pożytku żem nie przepomniał tego, com w Kijowie umiał. Pod też 4 lata, coż byłem, pono przez rok iakiy i lepiej, przy dworze wielmożnego s. pamięci p. Bohdana Stetkiewicza, na ten czas ieszcze podkomorzego, potym kasztelana Mścislawskiego, y Nowogrodzkiego; na potym—przy synaczku onego p. Michału Stetkiewiczzu, za pedagogow Chacietowskiego, a przed nim ieszcze Sokołowskiego. W roku zaś 1636, że rodzice nie chcieli mię odpuścić y kosztu na to ważyć, potaiemnie od nich uiechałem na nauki do Kijowa znowu. Wojna Szejnowska pod Smoleńskim zaczęła się pod interregnum po Krolu polskim Zygmuncie trzecim, anno Christi 1632—do (4 стр.) A ieszcze przed tym na Ukrainie Taborszyna Pereiasławska była anno Christi 1630.

Potym eodem ¹⁾ anno 1630, w iesieni, powietrze srogie w Kijowie, od ktorego zjeżdżalichmy z p. stryiem moim y z drugimi za mil 3 do Juriowki, do maiętności monastyrskiej, S. Michała Złotowierzczego; gdzie był aż do Bożego narodzenia ze wszystkimi y ś. pamięci w Bogu iaśnie przew. o. Iow Borecki, Metropolita Kijowski i wszystkiey Rusi. Skąd odyskalichmy się do Kijowa iltimis diebus decembris. Szkoły zaś otworzono 2-da Januarii.

A. ś. pamięci o. Piotr Mohiła, na ten czas archimandryta Lawry Pieczarskiej, zieżdżał aż na Wolyń do Grodka, zkąd powrócił iakoś in Julio, anno 1631. Quo anno w iesieni zaraz szkoły otworzono w Pieczarskim Trojeckim monastyrze. Rektorem był Przew. o. Isaija Trophi-

¹⁾ Это слово въ подлинникѣ зачеркнуто.

mowicz, praefectem—o. Silwester Kossow; rhetoricę z poetiką wkupie miano, professorem był o. Poczajski. W syntaxim, grammaticę y w infimie, bo byli także wkupie, magistrem był o. Iwaszkowski; studentów było ze sto, y lepiej. Ktoreto szkoły z roku 1632—go, za instancją wojska Zaporozkiego, szlachty y kapituły Pieczarskiej, do Kijowskiego Bratskiego monastyra, pod czas wacacyi, przeniesiono: y tam się w tym roku statecznie zaczęli aż po samą philosophią. Hoc anno, czy też 1631, w post wielki, Borecki umarł¹⁾. Pod tenże czas, zaraz pod interregnum za Władysława IV-go króla polskiego, Sophią S. od unitów wzięwszy, blahocestiju przywroceno: metropolitę prawoslawnego, episkopów y drugich prałatom y vse prawoslawije lepszą wolnością opatrzone, monastyrow (5 стр.) y cerkwi niemało, po roznych kraiach tak, w Koronie, iako y w Litwie, od unitów pobrawszy, prawoslawnym nadano y uprzywiliowano. Prędko potym, w roku 1635—tym, Iaśnie w Bogu przew. o. Piotr Mohiła, zostawszy po archimandriey Pieczarskiej Archiepiskopem Metropolitā wszytskiej Rusi, był, z Warszawy iadąc, w Wilnie, w Minsku, w Orszy, w Kutejnie, w Mohilowie, w monastyru Buynickim y we wszytskich miastach, nad Dnieprem rzeką leżących, iako pasterz wisituąc.

Przyiachawszy do Kijowa, Isaiju Kopinskoho, bywszoho archiepiskopa Smolenskigo, że bez słuszney elekcyey na metropolią po Boreckim nie swym sposobem nastąpił i ieszcze uparcie szedł, za consensem swiatijszoho Patriarchi Konstantinopolskoho, negował, a przy nim za coadjutora będącego Zosimę episkopa suspendował ab officio episcopali. Eodem anno incipiente, ugoda doszła z Moskwą i stanęło przemierze wieczne.

Ia potym, anno Christi 1636, na wiosnę przyiachawszy do Kijowa i 6 tylko niedziel bywszy w gramatyce, byłem promowany do syntaxim, w którym rok cały byłem pod magistrem o. Raphaelem Zarzeckim Mohilowianinem. W tym że roku 1636, pod wakacye, I. M. P. Bohdan Stetkiewicz, podkomorzy Mścisławski, będąc w Kijowie dla nawiedzenia miejsc świętych, wziął mię do dziatek swoich, to iest

¹⁾ Кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій скончался 2 марта 1631 года, въ среду второй недѣли великаго поста. (Точное указаніе года и дня его кончины находится въ надгробной надписи сему митрополиту, помѣщенной въ Терапѳуруγημ'В А. Кальнофойскаго, изд. въ Кіевѣ, 1638 г.).

syna swego Michała y bratanka Krzystofa, chorążycy Orszanskiego, Stetkiewiczow, za wyrostka, przy których pedagogiem był philosoph dobry Paweł Hołodowicz Ostropolski, potym Lucas Szaszkiewicz philosoph, ale słabszy (Ostropolski ten potym został arianinem, a Szaszkiewicz był zakonnikiem w Kijowie, magistrzem, praefektem y rektorem w Hoszczy; professorem był przed tym rh—cae i kaznodzieją), przy których będąc, przez rok promotus fui ad humanitatem. (6 cnp.) Odstałem był od nich circa hanc promotionem y dana mi była condicya przy synowcu O. Isaii Trofimowicza, ihumena Mikoły ś. Pustynnego Kijowskiego, ale zaś iego m. p. Stetkiewicz pisał, żebym się od synaczka iego nie oddalał; y tak z rozkazania starszych znowum tam był z rok y daley. W roku 1637, o Mikole ś. w decembru, woyna się na Ukrainie Kumejska zaczęła, którą lubo pod Borowicą usmierzyli byli; wydano Pawluka hetmana z innemi hetmanowi polnemu koronnemu Potockiemu (stracono go w Warszawie), na wiosnę że się zaś odnowiła y sroga była, Starzecka nazwana (ktora się skńczyła zaś circa festum ś. Nikolai pod Moskowym stanem, przez ugodę ciężką na kozakow: bo im y hetmana odięto, y polkownikow, y do registrow przymuszono, z innemi ciężkimi kondycyiami) ujachalichmy na Białą Ruś, gdzie w Buyniczach i w Smollanach i w Sielecki byłem pod wakacyie i w Kotkowie, a o ś. Michale in nowembri, odstawszy od nich, iachałem na rhetoricę do Kijowa, ktorey słuchołem sub patre Kotkowski. Potym philosophy kursu 3-letniego pod o. Kononowiczem (który potym był rektorem tam, zaś ihumenem Michaiłowskim, a potym i episkopem Białoruskim). Kondycyie miałem rozne: u cyrulika Matiasza, y szlachetckich y mieyskich dziatek mając z synem iego, potym u Peculickich y u p. Ielowickiego, wojskiego Krzemienieckiego, dziatek byłem inspektorem. Po kursie bywszy u swoich na Białey Rusi, przez 2 lecie słuchołem kursu Theologiae moralis y speculativae duas partes in via Scoti, tertiam descripsi, w Zamojskiej Akademii et medicinam speculativam cum anatomia nec omphycam 80 tabutorum dictam. Professores Quolek y Grzembski franciskani, Kułakowski, Wilkowski. Skąd bywszy we Lwowie, w Jarosławiu, w Krakowie, w Skicie, w Kameńcu Podolskim i w Iasiech, w Soczawie w Wołoszech, y bywszy w Mohilowie, w Orszy, y zaś w Kijowie kursu phil—ae dwuletniego wysłuchawszy pod O. Gizelem, i w Wilnie bywszy w gościna, wstąpiłem (znowu w Mohilowie bywszy w drugim kursie) do zakonu w Kijowie, anno 1647, 31 Augusti.

(Изъ рукописнаго сборника, находящагося въ Московской Синодальной Типографской библиотекѣ, подъ № 3790/441. — Означенный сборникъ, состоящій изъ стиховъ и поздравительныхъ рѣчей на разные случаи, на польскомъ и русскомъ языкахъ, очевидно принадлежалъ нѣкогда Игнатію Іевлевичу; автобіографическая записка послѣдняго помѣщена въ самомъ началѣ сборника, по видимому на пробѣльныхъ листахъ).

Примѣч. Игнатій Іевлевичъ, воспитанникъ Кіево-братской школы, восполнявшій и докончивавшій свое образованіе и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, — былъ впоследствии (съ 1656 г.) игуменомъ *Могилого-братскаго Богоявленскаго монастыря*, а затѣмъ съ оставленіемъ управленія означеною обителию возведенъ былъ (1660 г.) въ санъ архимандрита *Полоцкаго Борисоглыбскаго монастыря*. Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ и его литературной дѣятельности можно найти въ *Древней Россійской Визмоеникѣ*, изд. Н. Новиковымъ (ч. III), и *Исторіи Рос. Иерархіи* Амвросія, ч. III, изд. 1811 г. стр. 449—456, ч. V, изд. 1813 г. стр. 591—597. См. также: *Обзоръ рус. дух. литературы*, преосв. Филарета (краткое упоминаніе о нѣкоторыхъ трудахъ И. Іевлевича) и *Истор. Рус. Церкви*, преосв. Макарія, т. XII, 364 (упоминаніе о присутствіи на московскомъ соборѣ 1660 г. по дѣлу патріарха Никона и произнесенной имъ здѣсь рѣчи). — Въ Московской Типографской Синодальной библиотекѣ находится, кромѣ вышеупомянутаго, другой рукописный сборникъ, принадлежавшій Игнатію Іевлевичу (№ 442). Онъ преимущественно заключаетъ въ себѣ копии съ разныхъ грамотъ XVII стол., изъ коихъ многія, въ печати неизвѣстныя, представляютъ немаловажный церковно-историческій интересъ. Такъ, здѣсь, между прочимъ, находятся: *Клятва митр. Петра Могилы на нѣкоторыхъ безбожныхъ чернцевъ* (иноковъ Кіевского Пустынно-Николаевскаго монастыря, не покорявшихся власти митрополита), листъ того же митрополита *благословенный у жидовъ рѣзь ихъ христіаномъ покупати* (л. 16), *Выпись с кнми судовъ духовныхъ монастыря Печерскаго, 1626 г. іюля 29* (актъ, характеризующій отношенія Кіево-печерской лавры къ Кіевскому Пустынно-Николаевскому монастырю), *Листъ діаконамъ, приходящимъ отъ уни къ церковному соединенію*, такой же листъ священникамъ, и друг.

Выдержки изъ *E x e g e s i s*'a,—старопечатной брошюры, заключающей въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о школахъ Кіево-братской и Лаврской Могилянской.

PRAELUDIUM.

Józ to czwarty rok zapędy swe cyrkluie, iakochmy w Kijowie palladyiske kunszty w Akademiach katolickich idaeowane, na domci-pach Ruskich solidus a niżely przed nami będący, Latina lingua floryzować poczęli, laskawy czytelniku. A to nie z inszych miar, iedno żebychmi z miłosiernych uczynków zseregu, który praecipue ignorantes docere inbet, nieco sobie u wiecznego Playce zasiągnąć mogli. Tudziesz abychmy przezacnemu Narodowi naszemu, iako in eodem gremio wypielegowani, lumen Apollincum darowali. Kwaśno na to wprawdzie poyzrzała niestateznica ona na kole zawioduiąca: Abowiem skoro iedno z Jego Mościa Oycem Piotrem Mohiłą Metropolitą Kio-wskim (na ten czas Archimandrytem) zawitalichmy do ciebie wiekopomny Kijowie; a pasąc zrzenice twemi setnicami Świętych, twemi nieobeszłemi wałami, primas Mineruae manus aplikowali: wnet o nas takie rumory w uszy ludzkie naganiać poczęto, żechmy unici, żechmy nieprawosławni. Zkąd iakie pioruny, iakie gromy y trzaskawice różne na nas wywierały się, ięzyk atramentowy anatomizować nie może. Był ten czas, żechmy się wypowiedawszy, tylko ióz oczekiwali, póki nami xieńcę dniewowych iesiotrow nadziewać zechrą; abo póki iednego ogniem, drugiego mieczem na drugi swiat zasłą. Tedy niogarniony on Sercowidz bacząc niewinność naszą a wielką potrzebę uczciwych muz narodowi Ruskiemu, rozpędził te fałszywych opiniy chmury, y takim trzaskawicom exhalacye zatamował: oświecił serca wszystkich, że nas poznano być prawdziwemi synami Cerkwie Wschodney, y pod posłuszeństwem świętego oycy Patryarchy Konstantynopolskiego. A zatym za osobliwą łaską y błogosławieństwem Wszystkowidza: poczęli Jch Mosć Panowie Obywatele Kijowscy, y inszych powiatów, obficiey a niżeli przedtym za inszych przodków naszych (którzy sine interruptione aż do nas połącine uczyli) dziatkami swemi łako mrowieczkami Horrea nostra Apollinea napelniąć, Helikonem,

Parnassem one tytyłować, iemu się szczyścić. Ale któż to taki był udawca (pytasz łaskawy czytelniku). Ten, ten, a nie kto inszy, który teraz nas za Aryany, Kalwinisty, Lutherany kładzie; rozumiejąc o nas iakobychmy tych przemierżłych sekt ministrami, superintendentami będąc, onych też herezyą tak w Kiowie, iako y w Winnicy, dowcipy ludzkie zarażali: co iż nas srodze boli, piórem o swej niewinności sprawę dać, y tę opinią z siebie znieść zawzięlichmy: tudziesz okazać, coby za potrzeba szkół Łacińskich narodowi naszemu była. Do czego prosimy nayuniżenicy o łaskawą zrzenicę.

Gdy nam urągając, argumentować zaczyna proefatus udawca, do takiego się syllogismu bierze:

Heretykom uczyć ma być zabroniono¹⁾;

Aże w Kiowie y w Winnicy uczą Heretycy;

Ergo im to ma bydź zabroniono.

My zaś którzy uczymy w Kiowie y w Winnicy, *concessa maiore, negamus minore*. Lecz on z probaczą zasnął; obudź się, Udawco, przynosząc *rationes negationis*.

(Далѣе слѣдуетъ довольно подробное объясненіе отличія вѣроченія православной церкви отъ ученія еретическаго — лютеранъ, кальвинистовъ и социніанъ).

(26 str.) Zlichociała twoia udawco *Minor*, bo y słomianych nog nie mają: czekam iednak kiedy się ockniesz na probaczą, proszę wyidź z nią w pole popierowie. Obudził się łaskawy czytelniku. Probuje: słuchaymy: Ociec *Sylwester Kossow*, przed trzema laty *professor*: Ci ktorzy y teraz uczą w szkołach Kijowskich y Winickich, są z Rodzicow Religiey Graeckiey w teyże ufundowanych; uczyli się w Akademiach Rzymskich w Polsce, w Litwie, y Cesarskiey. Uczą po Łacinie, ni wczym Religiey starożytney Graeckiey nie naruszając; *Ergo* Kalwini. Niewiedziałem zaiste, żeś tak wyśmienity Perypatetyk Udawco: zgodziłocby się, iako widzę z twych illatij z tymi zasieść, ktory z wiatry sznury pleść usiłują; bo pewniebyś między nimi naprzednieysze miejsce zasiadł: a do Arystotelesa z takimi konsequencyami dla Boga

¹⁾ Hoc est: Aria. Cal. Luth.

się nie przymykay. Bo pewnieby onego *organum* w targąncu z tobą poszło, y oduczyłoby tak wielkiey ięzowatości ku nam, którą kredensiesz w uszach ludzkich. Coz daley? Patryarcha, prawi, wasz Konstantynopolski iest Kalwin; a wy go słuchacie; *Frgo* iesteście Kalwini. Probuy *Antecedens* Udawco: Kalwinowie, prawi, mówią y przez skrypt wyznanie Kalwinskie onego podali: ergo wasz Patryarcha iest Kalwin. *Consequenter* y wy ktorzy go słuchacie. Ale kto kiedy rozumny widział za słuszną probacyą taką iego probacyey podobną? Kalwinowie powiadaią y piszą, że Biskup Rzymiski iest tym własnie Antychrystem, ktorzy ma przyść przed sądnym dniem, *ergo* inaczczy nie iest? y prawda? co iesliby dla tego prawda była, że Patryarcha nasz Kalwin, iż tak heretycy wydali. Znalazłbyś na kościół Rzymiski y na Biskupa Rzymskiego *infinita* od nich *testimonia*, ktorymi my iednak nie potrzasamy. Pewniysza ia tobie powiem (27 str.) Udawco: ledwo iest niedzil kilka, iako niektorzy z Lwowskich mieszczan swiezo z Konstantynopola przyachali, ktorzy byli *praesentes* na ten czas w Cerkwi Patryarszey, kiedy swięty Ociec Patryarcha *Cyryllus* przed wszystkim klerem y gminem tak mowił: Przeoświeceni Mitropolitowie (ktorych zawsze dwanaście przy Patryarzse resyduią), Archiepiskopowie, Episkowie, Archymandrytowie, Ihumenowie, y wszyscy Oycowie y Bracia, y wy owieczki moje: Rzeknicie mi wszyscy: Niechci będzie *Anathema*, *Anathema*, *Anathema*, ieslibych kiedy myślił, ieslibych kiedy był, y iesli iestem Kalwinem, iako mię udaią. Lepiey tedy temu trzeba wierzyć, że nigdyby go Graecy, tak Duchowni, iako y swietcy nie cierpili, iako *quondam* z innemi heretykami, przy tak wysokiey nowego Rzymu stolicy Apostolskiey, postępowano.

Coby zaś za potrzeba łacinskich nauk narodowi naszemu była: Ta napierwszą, żeby biedney Rusi naszej głupią Rusią nie zwano. Uczcie się, prawi, Udawca po Graecku, a nie po łacinie. Dobra rada wprawdzie, ale naywięcey pożyteczna w Graecyey nie w Polsce, gdzie ięzyk łacinski nawięcey płuży. Poiedzie nieboras Rusin na Trybunał, na Sejm, na Seymik, do Grodu, do Ziemstwa: bez łaciny, płaci winy; ani Sędziogo, ni Praktyka, ni rozumu, ani Posła, a tylko iak tania wyszczerzywszy oczy, to temu, to owemu się przypatruie. Nie trzeba nas zaganiac y do Graeki, staramy się y postaramy się o onę przy łacinie; że da Bog będzie *Graeca ad Chorum* a łacina ad *Forum*. Nie wspominamy Disputacy, nie wielebyś tu w Polsce Graecą nadysputował. Na co, prawi

Udawco, Rusi uczyć po łacinie, niech się uczy u Rzymian. Pięknyś mi dzieciulek, a jeszcze y z noskiem: każesz nam chle(28 стр.)ba zeb-rzec, kiedy go mamy doma. Zebrzelichmy po te czasy po Ingolsta-dyum, po Ołomuncach; teraz z łaski Bożey y sami go mamy z gębę y drugim uczymy. O zazorości niezbedna! ty to uczysz Udawco, że choć go sam masz nie tylko z gębę, ale y za gębę, iednak chcesz żeby nikt inny nie miał: a zwłaszcza ty niebogo Rusi, z ktoreyby się on zawsze chciał nagrawać. Na ostatek ten Codrus przed ludzmi wielkimi taką wycwierkuię o nas notę: Nigdy Rusi Naiasniejszy krolowie PoIscy szkoł nie pozwolali, *ergo* y teraz pozwolone być nie mają. My niegu-iemy *Antecedens*, a tobie iako praw Ruskich idyocie tak płacimy. Są prawa od świętey pamięci królów polskich, mianowicie od Naiasniejszego *Zygmunta Trzeciego* nadane naszym na Szkoły łacinskie w Wilnie, we Lwowie. *Ergo tu hallucinarius*, y musisz przyznać, że nie nowina krolom polskim na szkoły łacinskie Przymileia Rusi dawać; y te szkoły, w ktorychmy teraz w Kijowie y w Winicy uczymy, Dyplomate poma-zańca Bożego *Krola* pana Niezwyciężonego Monarchy *Władysława czwartego*, y wszystkiey Rzeczypospolitey Konsensem są stwierzono. Tak bowiem w nim słowa brzmią: „Szkoły, Seminarya, Drukarnie, kto-rych oni byli *in possessione* ztwierdzamy“. Zkąd ia tak argumentuie: Ktore Szkoły, Seminarya y Drukarnie były u nas *in possessione*, te jego Kr. Mśc ztwierdzać raczy. A że te Szkoły, w ktorych teraz uczy-my, przed tym zawsze były y są u nas *in possessione*: gdyż był nad nimi przed tym Rektorem Smotryski, Kassyan, y inszy; ktorzy po łacinie uczyli sine *interruptione* aż do nas. *Ergo* tę ztwierdzać raczy I. K. Mśc. z miłościwey łaski swey Panskiey. Nie położono, prawi, *in diplomate explicitè* szk o ł y ł a c i n s k i e, w i a k i c h w y t e r a z u c z y c i e p o ł a c i n i e: *ergo hoc dīplomate* (29 стр.) bronić się nie możecie: prostyś widzię Bernat Udawco, który po Kalwinsku mieć chcesz wszystko *explicitè quo ad verba*. Abowiem możesz kolligować z pomienionych słów *Diplomatis* (ktorych oni byli *in possessione*) *qualitalem Scholarum, universalium*, to iest, iakimkolwiek ięzykie oni przedtym w tych szko-łach uczyli: gdyż iesliby dla tego nie wolno nam po łacinie uczyć, że nie położone iest one słowko *in Dyplomate* „łacinskie“: to byś pewnie inferować mogł, że nie wolno nam y po Rusku uczyć, ani po Graecku (co ochotnie sam pozwalasz) bo nie położono przy onym słowku *szkoły*

tych słów: „Ruskie, Graeckie“. Obacz się tedy proszę, a argumentować lepiej się naucz: a za fundament sobie połącz Przywilej dany monasterowi naszemu Bratkiemu w Kiowie, od Naiasniejszego *Zygmunta trzeciego*, nie na insze iakie Bractwo, tylko na Bractwo Miłosierdzia: zaś większe być nie może, iako nieumiejętnych nauczyć.

Uważże łaskawy Czytelniku, a zwłaszcza ty Przechacny Narodzie Ruski, iesli słusznie Udawca wszystkie nieba na nas obala; ponieważ jego kalumnie y onych *numerum* przewyższają: a zwłaszcza że iuz nie raz Lydiyskim kamieniem sam bywał tym podobnych rumorow o ludziach Religiey starożytney Graeckiey, mianowicie kiedy legata swego wyprawował do Graecyey, chcąc się wywiedzieć, iesli był prawdziwym Patryarchą Ierosolimskim on święty Ociec *Theophan*, zawitały w roku 1620 do krajow naszych: y dowiedział się *de infallibilitate*. A teraz wie, że za pomienionego świętego oycy *ad malè narrata, multae passiones* ludziom niewinnym działały się. Coż rzekę o tym, że sam wszędybyłstwem swoim napełniając kąty Udawca prawi: Popi Ruscy głupi, nie umieją nic, iedno A z, Buki: Kaznodzieiow mało znają: mowić z nami nieumieją: dysputowac (30 стр.) dyszkurować popom Ruskim iak skały gryść. Dayże się nauczyć przyjacielu: Bo zkąd u ciebie wysmienici kaznodzieie? z szkół. Zkąd Bogomysłni Spowiednicy? Z szkół. Zkąd Angelscy Theologowie? Z szkół. Zkąd sercołomni Oratorowie? Z szkół. Owo zgoła, cokowiek ozdoby, wszystko szkołom przypisać się musi. Przeto ty Świętych pełny Narodzie Ruski, przy inszych należytych zdawna wolnościach twoich, od Pomazancow Bożych *successive* zawsze poprzyjęzonych, iako nayspokorniey y teraz żebrz; aby tobie tey manny wyzwolonych Nauk nie broniono, y owszem zmiłowawszy się nad potrzebą twoją gwałtowną, Muz uczciwych fontany Oceanom się rozlewać u ciebie przez twą bracią, w Religiey starożytney twoiey ufundowaną, aby pozwolono. Twoje bowiem ztąd Cerkwie swieszczennikami przy bogoboynosci umiejętnemi napelnione będą: twoie katedry w krasomowne kaznodzieie zakwitną: twoie potomki w oyczystey wierze udyamentowane Oratorsko, Philosowsko, Iurydycko, po walnych seymach, po sprawedliwych Trybunałach, Rokach, Roczkach, Ziemstwach, Wotami, Dyskursami, Racyami, zasłyną. Twoi Praktykowie u wszelakich sądow sprawedliwości się domagać, a Praw swych co dzień pilnować *accurate* nie zapomnią. My zaś y za tę y za ciebe, y za Udawcę tego, który

zazdrości pomienione Ka(lumn)ie, ku nam prowiantuie, Naywyzszego prosić winni zostaiemy, aby naszej Zuzannie dać raczył swe Daniele.
Amen.

Примѣчаніе. Полное заглавіе старопечатной брошюры, изъ которой сдѣланы вышеприведенныя выдержки, слѣдующее: *Exegesis, to iest: dane sprawy o szkołach Kiowskich y Winickich u ktorych uczą sakonnicy Religiey Graeckiey, przez wielebnego Oуca Sylwestra Kossowa, Electa Episkopa Mścislawskiego, Mohilowskiego, Orszanskiego, przed rokiem teraznieyszum w tychże szkołach Professora, napisane (епиграфъ): Libera me a calumniis hominum, et custodiam mandata tua. Psal. 117.—Wybaw mnie od potwarzy ludskiey: abych stregł przykazań twoich.—Drukowanie w s. Lawrze Pieczerskiey. Roku Panskiego 1635.—**Exegesis* Коссова составляетъ въ настоящее время величайшую библиографическую рѣдкость. Пекарскій говоритъ (*Отеч. Зап.* 1862 г. т. СХLI, стр. 368), что онъ „нѣсколько лѣтъ старался видѣть эту брошюру. Наконецъ изъ Кіева ему была доставлена рукописная копія съ единственнаго тамъ хранящагося экземпляра, но и въ немъ недостаетъ окончанія“. Неполный экземпляръ *Exegesis*'а, съ котораго снята была для Пекарскаго копія, хранится въ библиотекѣ Кіево-Софійскаго собора. Онъ обрывается на 22 страницѣ. По этому неполному экземпляру брошюра Коссова, въ подлинникѣ и переводѣ на русскій языкъ, издана была нами въ *Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1874 г. (есть и отдѣльные оттиски). Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Галицію мы имѣли случай видѣть и полный экземпляръ *Exegesis*'а (сколько извѣстно намъ *unic*) въ библиотекѣ Оссолинскихъ и сняли съ него копію. Въ полномъ экземплярѣ означенной брошюры 31 стр. (последнюю страницу занимаетъ *Elogium auctori* отъ *Dadźibog'a Maskiewicza*, ученика поэтическаго класса *in Alto Gymnasio Mohilacano Kiowiensi*). Объясненіе отличія вѣры православной отъ лютеранства, кальвинизма и социніанства (аріанства) оканчивается 25 стр.,— съ слѣдующей 26-й стр. начинается полемика, направленная преимущественно противъ не называемаго по имени лица, обвинявшаго преподавателей Кіево-Могилянскои коллегіи въ при-

верженности къ протестанскимъ мнѣніямъ. Эту часть *Exegesi's'a*, представляющую нѣкоторыя данныя касательно Кіево-братской школы, между прочимъ, и за рассматриваемое нами время, мы (вмѣстѣ съ *Praeludio*, вдѣ находятся весьма важныя свѣдѣнія о Лаврской Могилянской школѣ), рѣшили помѣстить въ приложеніяхъ къ своему изслѣдованію. Брошюра Коссова въ полномъ видѣ имѣеть быть помѣщена въ приготавливаемомъ нами для Кіевской Археографической Коммисіи томѣ издаваемого ею *Архива Юго-Западной Россіи* (памятники противо-протестантской полемики въ XVI и XVII стол.).

XIII.

Документы, уясняющіе біографію основательницы Кіево-братскаго монастыря Галшки Гулевичевны и ея ближайшихъ родичей.

1559—1642 г.

1) Заставная запись, данная Василиемъ Гулевичемъ женѣ своей Еленѣ Волчковнѣ на разныя помѣстья, въ обезпеченіе занятыхъ у нея денегъ.—

1559 г. декаб. 10 дня.

Лѣта Божего нароженя 1562, мѣсяца Декабра 21 дня.

Пришодчи и постановившия очевисто в замку Луцкомъ передо мною Борисомъ Ивановичомъ Совою, Подстаростимъ Луцкимъ, землянинъ господарскій Панъ Василей Его Мил. Федоровичъ Гулевича, оповедалъ и визнавалъ тымъ обычаемъ, штождѣи для великое а пилной потребности моеи позичил есми в малжонки моеи в Паней Олены Волчковны Жасковского осмъ сот копъ грошей монеты и личбы Литовское, личачи по десяти пензей в грошъ, въ которой сумѣ пензей осми сотъ копахъ грошей заставил есми еи малжонце моеи Паней Олены имене свое властное отчизное все реченое Качино и к тому два приселки, которыи к томужъ имену моему Качину прислухают, на имя Личинъ и Ковалевцы, которое имене Кочинъ и тыи приселки

мне деломъ ровнымъ пришли отъ брата моеи рожоной Пана Григоря, Михаила, Романа и Януша Федоровичовъ Гулевича, кромъ частей стрыечной брата моеи Ивановы и Гаврыловы Михайловичовъ Гулевича тамже в Качине и в тыхже приселкахъ вышей помененых, со всимъ на все з людми и з ихъ роботами и подачками, с полми и сеножатми, з даню медовою и грошовою, с озеры, з лесеы, съ зарослями, з боры, з ловы зверинными и пташими, и со всеми пожитки малыми и великими, яко ся тое имене мое Качинъ и тыи два приселки сами в себе в пожиткохъ, обиходех и в границахъ своихъ мають, ничего тамъ на себе, на дети, на братю и на близких моихъ неоставуючи, што ширей а достаточней на листе моемъ записаномъ есть доложено. Якожь и листъ свой на то отъ себе малжонце своей Панеи Олене Волчковне даны передомною покладалъ и былъ вычитанъ с початку ажъ до конца, которыи листъ такъ ся в себе маеть: Я Василей Федоровичъ Гулевича явно чиню и признаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ, кому будетъ потреба того ведати або чтучи его слышати, нынешнимъ и напотомъ будучимъ, штожь ку великой а пилной потребе моеи позичилъ есми в малжонки моеи в Панеи Олены Волчковны Жасковского осмъ сотъ копъ грошей монеты и личбы литовское, личачи по десяти пензей у грошь, в которой суме пензей осми сотъ копахъ грошей заставил есми малжонце моеи Панеи Олене имене свое властное отчизное все речоное Качино и к тому два приселки, которыи к томужь имену моему Качину прислухаютъ, на имя Личинъ и Ковалевцы, которое имене Качино и тые приселки мне дѣломъ ровнымъ пришли отъ брата моеи рожоной, Пана Григоря, Михаила, Романа и Януша Федоровичовъ Гулевича, кромъ частей стрыечное брата моеи Ивановы и Гавриловы Михайловичовъ Гулевича тамже в Качине и тыхъ же приселкахъ вышей помененыхъ, со всимъ на все, з людми и ихъ роботами и подачками, с полми и с сеножатми, з даню медовою и грошовою, с озеры, з лесеы и з зарослями, з боры, з ловы зверинными и пташими, и со всеми пожитки, платы и доходы якимколвекъ именемъ названы албо менованы быти могутъ, якося тое имене мое Качинъ и тые два приселки сами в себе в пожиткахъ и обиходехъ и границахъ своихъ мають, ничего на себе, на дети, на братю и на близкие мои неоставуючи, а чого Боже вховай на мене часу смертелного, тогда по животе моемъ маеть Ее Мил. малжонка

моя пререченная Пани Олена Волчковна тое имене Качинь и с
 тыми обема приселками до рукъ своихъ взяти и то держати и вжи-
 вати со всимъ на все такъ, яко я самъ тое имене мое Качинь и
 тые два приселки держалъ и ихъ вживалъ до того часу, пока ажъ
 тая вся сума осмъ сотъ копъ грошей будетъ малжонце моеи Паней
 Олене отдано и заплачено, а дети мои и братья моя и ни хто з близ-
 кихъ моихъ, неотдавши Ее Мил. малжонце моеи Паней Олене Волч-
 ковне той сумы вышей описаной тыхъ осми сотъ копъ грошей ли-
 товскихъ, ни чимъся уступовати и с того ее стискати немаеть, а
 если будети або братья моя або хто з близкихъ кривныхъ моихъ
 мели с того малжонку мою Панюю Олену стискати, або того под
 нею поискивати, тогда первеи мають ей тую суму отъ мене ей на
 семь листе моемъ описаную осмъ сотъ копъ грошей литовской
 личбы заплатити, тож тое имене мое Качинь и тые два приселки вы-
 шей поменены до рукъ своихъ взяти мають, а неотдавши ей мал-
 жонце моеи Паней Олене тое сумы пензей осмъ сотъ копъ грошей,
 ничимся в тое имене мое Качино, и в тые два приселки, уступовати
 и некоторое переказы делати немають. А естли бы по животе мо-
 емъ дети мои або братья кривные и близкие и приржонные мои тотъ
 опись мой малжонце моеи Паней Олене отъ мене ей данный нѣяко
 хотели чимъ нарушити, и неотдавши тое сумы осми сотъ копъ грошей
 ку шкоде и довлладу приправовати и в томъ переказу ей делати,
 тогда каждый таковой упередъ масть заплатити закладу на Его
 Корол. Мил. пять сотъ копъ грошей, а на врьдъ староства Воло-
 димерского триста копъ грошей, а малжонце моеи Паней Олене
 Волчковне вси шкоды и наклады ей, не вступаючи въ жадное
 право, толко словомъ смееть поведити, маеть ей доброволне опра-
 вити и досыть вчинити, а ведле и по тыхъ закладех в листе моемъ
 описанныхъ, предъ ся тотъ листъ мой в каждомъ праве при моцы
 зоставую, ни въ чомъ его ненарушиваючи, и на то есми малжонце
 моеи Паней Олене Волчковне далъ сеи мой листъ з моею печатю и
 с подписю властной руки моеи. А притомъ были и того добре све-
 доми Ихъ Мил. Панъ *Гаврило Василевичъ, Бокій Печифостскій* Судя
 повету Луцкаго, а Панъ *Грегорій Федоровичъ Гулевича*, Панъ *Богданъ*
Дрозденскій, а панъ *Семенъ Оранскій*, и просилъ есми Ихъ Мил.
 о приложене печатей. Ихъ Мил. за прозбою моею печати свои при-
 ложили к сему моему листу. Писанъ въ Затурцахъ, року Божего

нарощеня тысяча пятсотъ пятъ десять девятого месяца Декабра десятого дня. И просилъ Панъ *Василей Гулевичъ*, абы то было записано, а такъ я за прозбою Его Мил. тое очевистое сознане, добровольное оповедане и листъ его записный слово отъ слова с початку ажъ до конца в книги замковые записати казалъ.

(Книга Грод. Луцкая, хранящаяся въ Киев. Центральн. Архивъ, подъ № 2036 лл. 190—191.)

2) Дарственная запись Василя Гулевича, данная женѣ своей Еленѣ Волчковой Жасковской на разную, принадлежащую ему, движимую собственность.—

1562 г. декаб. 21.

Лѣта Божого нарощеня тысяча пятсотъ шестдесятъ втораго, месяца Декабра двадцатъ перваго дня.

Приподчи и постановившия обличне в замку Луцкомъ передо мною Борисомъ Ивановичомъ Совою, Подстаростимъ Луцкимъ, землянинъ господарскій, Панъ Василей Его Мил. Федоровичъ Гулевичъ оповедал и вызналъ тымъ обычаемъ, ижъ дей дознавши еси великую склонност, милост и на всем цнотливое а вчливое и милое заховане ку себе малжонки моеи милои Пани Олены Волчковой Жасковского, которое она ку мне малжонкови своему завше чинити неомешкиваетъ, а протож з особливое ласки и милости своей малжонское дарю и записую ей малжонце моеи милои, Пани Олене, по животе моемъ, вси мои речи рухомые, то есть гроши готовые, золото, сребро, клейноты, перла, шаты, кони ездные, быдло, цын, мѣдь, и тые вси речи, которыеся колвекъ называютъ рухаючи або поменены быти могутъ и третую часть стада моего отчизного, отдаючи то отъ детей и отъ всихъ близкихъ моихъ, которые вси речи рухомыи малжонка моя Пани Олена, по животе моемъ, до рукъ своихъ взявши вольна будет ихъ кому хотячи отдати, продати, даровати и ку своему налешному и пожиточному оберти и тымъ шафовати водлугъ воли своей, яко сама налпей розумеючи, што ширей а достаточней на листе

моимъ записномъ ест доложено, якожь и тот лист свой под печатю и с подписю властной руки своеи, на то от себе малжонце своеи Пане Олене Волчковне данный, передо мною покладалъ и былъ вычитанъ с початку ажъ до конца, который лист так ся в себе маеть: Я Василей Федоровичъ Гулевичъ чиню явно и сознаваю тымъ моимъ листомъ кождому, кому того бы была потреба ведати або чтучи его слышати, нынешнимъ и напотомъ будучимъ, ижь, дознавши есми великую склонность, милост и на всем цнотливое, а учтливое, а милое заховане ку себе малжонки моеи милои Пане Олены Волчковны Жасковского, которое она ку мне малжонкови своему завсегда чинити неомешкиваетъ, з особливое ласки и милости моеи малженское дарую и записую ей малжонце моеи милои Панеи Олене, по животе моемъ, вси мои речи рухомые, то есть гроши готовые, золото, серебро влейноты, перлы, шаты, кони ездные, быдло, цын, мѣдь, которые ся колвекъ называютъ рухаючи або поменены быти могуг, и третюю часть стада моего отчизного, отдаляючи то отъ детей и отъ всихъ близкихъ моихъ, которые вси речи рухомыи малжонка моя Пани Олена, по животе моемъ, до рукъ своихъ взявши вольпа будетъ ихъ кому похочеть отдати, продати, даровати и ку своему налешному а пожиточному обернути, якъ сама налешпи розумеючи А дѣти и нѣкоторые з близкихъ моихъ до того ничого мети немають вечными часы. А естлибы дети або близкие мои по животе моемъ хотели тыхъ речей моихъ рухомыхъ або третей части стада моего отчизного в малжонки моеи Панеи Олены поискивати, або о то ее ку праву поволокати, таковой маеть заплатити заруки Королю Его Мил. тысячу копь грошей, а ей малжонце моеи Панеи Олене яко стороне ображенной другую тысячу копь грошей. А ꙗкъ предся малжонка моя при всихъ тыхъ рухомыхъ речахъ моихъ и при третей части стада моего отчизного заставлена быти маеть. На што даю ей малжонцы моеи Панеи Олене Волчковне сей мой листъ з моею печатю и с подписю власное руки моеи. А при томъ были и того добре сведомы Ихъ Мил. Князь *Александро Федоровичъ Збаразский и Порцицкий*, а Панъ *Петръ Богдановичъ Загоровский* Маршалокъ Его Кор. Мил., а Князь *Михайло Ивановичъ Курцевичъ*, Судя повету Володимѣрскаго, Панъ *Гаврило Василевичъ*, *Бокий Печифостский*, а Панъ *Романъ Федоровичъ Гулевичъ*. И просиль Ихъ Мил. о приложене печатей, Ихъ Мил. за прозбою моею печати свои рачили приложити

къ сему моему листу. Писанъ в Затурцахъ, Лѣта Божего нарожения тысяча пятсотъ шестесят второго месяца Декабра двадцат перваго дня. И просилъ Панъ Василей Гулевичъ, абы то было записано. а такъ я за прозбою Его Мил. тое очевистое сознанье добровольное оповеданье и листъ его записный слово отъ слова с початку аж до конца в книги замковые записати казалъ.

(Книга Гродс. Луцкая, хранящаяся въ Киев. Центр. Архивъ подъ № 2036, лл. 189 об. 190).

3) Запродажный актъ на разныя помѣстья, данный Войскимъ Владимірскимъ Василюемъ Гулевичемъ зятю своему князю Юрію Пузинѣ и его женѣ Ганнѣ Гулевичовнѣ.

1590 г. іюня 22 дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ отъ дня светое Троицы Римского свята припалыхъ и на завѣтнее того свята водле статуту судовне одправовати зачатыхъ, передъ нами Федоромъ Чапличомъ Шпановскимъ Судьею а Иваномъ Хрепницкимъ Подсудкомъ, вриадниками судовыми земскими Луцкими, постановившия очевисто Его Мил. Панъ Василій Гулевичъ Войскій Володимерскій ку записанью до книгъ земскихъ Луцкихъ созналъ тыми словы, ижъ што которые именья въ повете Луцкомъ лежащие, купилъ есми на вечность, напервей именье Долгое отъ братаничовъ своихъ рожонныхъ, Пана Миколая и Пана Михаила Гулевичовъ, такъже и отъ Пана Деміяна Романовича Гулевича и малжоньки Пана Демьяновы Панее Настасьи Патрикиевны с Курозвонъ в Цевове и у Пана Семена Козиньского в Борисковичохъ, тогда я тые именья вышше помененые, въ Долгомъ, в Цевовѣ и в Борисковичохъ, зовѣсимъ на все якомъ самъ былъ купилъ, продалъ есми Его Мил. Князю Юрью Пузыне зятю своему и дочьце своей Ганне и потомькомъ Ихъ Мил., на што и листъ свой продажный Его Мил. на парькгамине писаный, с печатью своею и с подписомъ властное руки своее, такъже с печатями и с подьписми рукъ людей зацныхъ, такъже и все право, листы на тые именья служащие, до рукъ Его Мил. есми далъ, и положилъ листъ продажи своее, и

просиль, абы читанъ и до книгъ справъ судовыхъ уписанъ былъ, которого мы, до вписованья принявши, огледали и читать есмо его передъ собою казали, который листъ слово отъ слова такъ ся въ себе маеть: Я Василей Гулевичъ Войскій Володимерскій визнаваю и явно чиню симъ листомъ доброволнымъ записомъ моимъ каждому кому бы одно того потреба была ведати, або чтучы его слышати, нынешнего веку людемъ и напотымъ будущымъ, ижъ я будучы волный подде уставы сойму Берестейкого и права нашего, которымъ се на тотъ часъ судить земля Волинская, яко хочечы властностью своею шафovati, продалъ есми именья свои Дольское и Цевовъское, также и Борисковское, всѣ огуломъ штоколвекъ одно есми былъ купилъ отъ братаничовъ своихъ рожонныхъ, Пана Миколая и Пана Михаила Янушевичовъ, также и отъ Пана Демьяна Романовича Гулевичовъ и малъжонки Пана Демьяновы Панее Настасьи Патрикиевны с Курозвонъ, и у Пана Семена Казинъского, яко тые купли мои на листахъ моихъ купчихъ есть описаны, Князю Юрю Пузыне, зятю своему, малъжонъце Его Мил., а дочъце своей Ганне, и детемъ Ихъ Мил. за певную суму пензей, за пять тысечей копъ грошей литовское личбы, тоест за дванадцать тысечей и за пятьсотъ золотыхъ личбы полское, которые пензи отъличивши есми всѣ сполна заразы и до рукъ своихъ взялъ. А тые все имѣня свои вышей поменены зовсимъ на все и все право свое, листы купчие на Дольгое и Цевовъ и на Борисковиче, до рукъ зятю своему, Его Мил. Князю Юрю Пузыне и дочъце своей Ганне, также и потомъству ихъ, передъ вознымъ в держанье, в моць и владность Ихъ Мил. подаль и поступилъ з дворами и зо всимъ будованьемъ, з гумны, з дворъцами, и всякимъ быдломъ великимъ и малымъ, и зо всеми папнями и сеножатми, з ставы и ставицами, з млыны и з млынищами, сажавками, з лесы, и з гаями, и з запустами, и з дубровами, з деревомъ бортнымъ, з ловы и з ловици всякими, з бояры, слугами путными, зо всеми людми тяглыми и огородниками и подсуѣдъками, и з ихъ всякими чиншами и податками и з ихъ повинностями, ничего на себе, на жону и дѣти мои незоставуючи и ни выимуючи, але такъ, якъ есми самъ тые именья держалъ, также и зятю своему Его Мил. Князю Юрю Пузыне, жоне и дѣтемъ его поступилъ, а дѣломъ семъ листе моемъ продажномъ менованое неменованому, а неменованое менованому жадными причинами ани вымысли и подвизми, ани отъ иного шкѣдити и переказати не могло, ани можетъ

вѣчными часы, кгдажъ все право свое дедичное на тые вышей помененные имѣнья мои Долгое и Цевовъ и Борисковичи, на Его Мил. Князя Юрья Пузыну, мальжонку и дети его зуполне вношу и вливаю, и вже отъ того часу жадного права на тые вси именья вышей помененные себе незостовую, и з нихъ ся вечно вырекаю, але Его Мил. тые вси именья вышей помененные, на вѣчность Ихъ Мил. проданое, мають держати, уживати, будовати всякимъ способомъ, яко то свое власное направовати и розширати, и тому отдать, продати, даровати, заменяти, заставити, и тымъ яко власнымъ купьномъ своимъ шафовати вечными часы: А я самъ, жона и дѣти мои и ни хто з близкихъ повинныхъ кривныхъ моихъ и ни хто з стороны зобчихъ, розумеючи ихъ собе быти переднѣйшими, жаднымъ правомъ въ тые вышей помененные именья мои Долгое, Цевовъ и Борисковичы, ани в которую часть ихъ, ничимъ уступовати и его поискивати и до нихъ ся приповѣдити некоторыми причинами немаемъ и мочи небудемъ вечными часы. Кгдажъ есми перьвей сего никому на тую вышей помененую маетность мою жадныхъ описовъ не давалъ и права на нее неносилъ, а елибы хтожъ колвекъ з стороны зъ якимъ же колвекъ правомъ оказовался, а Его Мил. Князя Пузыну зятя моего, жону и дѣти Его Мил. тые вышей помененные имѣнья будъ правомъ або квалтомъ стискалъ, тогда тые, которые мне тые имѣнья попродавали, ведле записовъ своихъ заступовати и боронити будутъ повинни толко кротъ, сколько того потреба указовати будетъ, подъ заруками и винами, яко есть на тыхъ листехъ купли моее отъ каждого з нихъ описано, зо всеми обовязками ихъ, которыхъ Князь Пузына зять мой з жоною своею, а дочкою моею, и съ потомствомъ своимъ уживати мають, яко я самъ, кгдажемъ Ихъ Мил. такъ тые имѣнья вышей менованые яко и листы купчїе и все право свое заразы до рукъ Ихъ Мил. отдалъ и поступилъ, с того ся вечно имъ уступилъ. И на то даю сей мой листъ на паркгамене писаный вѣчное продажи моее Его Мил. Князю Юрью Пузыне, мальжонъце и детямъ Его Мил. з моею печатью и с подѣписомъ властное руки моее литерами рускими. А при томъ быди и того добре будучи свѣдоми Ихъ Мил. панове а приятели мои, за очевистою и устьною прозбою моею, печати свое къ сему моему листу приложити и руки свое, которые з Ихъ Мил. писать умели, подписати: рачили. Ихъ Мил. Панъ Янъ Бокѣй Печихвостъскїй Подкоморїй Володимерскїй, Панъ Иванъ Гулевичъ Смодичовскїй Подъсудовъ Во-

лодимерскій, братъ мой, Панъ Филипъ Бокій Печихвостскій, Панъ Юрій Оскорскій, а Панъ Иванъ Ощовскій. Писанъ у Затурпахъ, року по нароженю Исусъ Хрыстовомъ тисеча пятьсотъ девятыдесятого мѣсяца марца двадцать третего дня. У того листу печатей шесть и подписъ рукъ въ тые слова: *Василь Гулевичъ* Войскій Володимерскій рукою власною, *Янъ Бокій Печихвостскій*, Подк. Волод. власною рукою. *Иванъ Гулевичъ* Подсудокъ земскій Володимерскій власною, *Хвилитъ Бокій Печифостскій* рука власная, *Иванъ Ощовскій* рука власная. Которого очевистого сознаня Его Мил. Пана Василя Гулевича Войского Володимерскаго, и тотъ листъ запись Его Мил. продажныи до книгъ справъ судовыхъ земьскихъ Луцкихъ записати казали.

(Книга земск. Луцкая, хранящаяся въ Киевскомъ Центр. Архивъ, подъ № 2071. лл. 433—434).

4) Дарственная запись Войского Владимірскаго Василя Гулевича, данная сыну своему Андрею Гулевичу на разныя помѣстья.

1593 г. генв. 13.

Року тисеча пятьсотъ девятьдесят третего мѣсяца генвара третего надцет дня.

На рочкахъ судовыхъ вгородскихъ Луцкихъ, мѣсяца генвара семого дня в року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне одправовати зачатыхъ, передомною Александромъ Семашкомъ на Хупкове Каштеляномъ Браславскимъ, Старостою Луцкимъ, постановившися очевисто урожоный Его Милость Панъ Василей Гулевичъ Войскій Володимерскій водле листу доброволного запису своего урожоному Пану Андрею Василевичу Гулевичу сыну Его Милости на десять тысячей золотыхъ польскихъ на именяхъ и дворехъ Любитове, Липькахъ, Твердыняхъ и Молчанове мѣстечку, фолваркахъ, записаное, яко о томъ ширей в томъ листе записе Его Мил. описано и доложено ку за писаню до книгъ вызналъ и тотъ лист на вряде покладал просечи абы до книгъ былъ уписанъ, которого я для вписованя в

книги приймучи перед собою читати казал, и такся в себе маеть: Я Василей Гулевичъ Войскій Володимерскій сознаваю и явно чиню симъ моимъ листомъ теперъ и напотомъ завше, ижъ я дознавши статечных и уставичьных службъ сына моего Пана Андрея Гулевича, которому показуючи я милость и ласку мою отцовскую, будучи воленъ водле права посполитого и волности шляхетское своею власностью яко хотечи шафовать, прето я даю, дарую и симъ листомъ моимъ записую сыну моему Пану Андрею Гулевичу на именах и дворахъ моих у Воеводстве Волынскомъ лежащих, никому ничимъ нещепных, ани первей сего жаднымъ правомъ никому незаведеных и незаписаных, на именью и дворе Любитове, Липкахъ, Твердыняхъ и Молчанове местечку с фолварками, суму пензей десет тысячей золотых польскихъ, и зараз оддати того листу запису моего добровольнаго тые преречоныя именья мои Любитова, Липьки, Твердынь, Молчановъ местечко, з дворми, з фолварками, з гумномъ, зе збожемъ зложонимъ и на поли засеяним, с польми, з сеножатми дворными, з гаи запусты, леси, боры, з деревомъ бортьнымъ, з дубровы и зарослями, з ставы, з ставищами, з млыны и ихъ вымельками, озеры, з ловы зверинными и пташими и зловенемъ рыбъ в ставехъ и ихъ спустами, з бояры папцырными и путъными, з людми потяжными, оселыми, подворищными, огородными, и подсуседки, з ихъ дворищами, селидбами, огородами, полями и сеножатми, съ повинъностями и подачками вшелякими, чиншами и работами, пожитки и зо всѣми иными приналежностями, такъ ижъ менованое неменованому, а неменованое менованому шкодити не можетъ, и овшемъ я самъ на себе и на иные дети и потомъки мое в тыхъ тамъ именахъ, кгрунтехъ, людех и во всех иныхъ приналежностяхъ и пожиткахъ ничого незоставуючи ани уймучи, преречоному сыну моему Пану Андрею Гулевичу, в моцъ, в держанъе и спокойное вживанъе подаю, и симъ листомъ записомъ моимъ уступил есми, маеть и естъ воленъ сынъ мой Панъ Андрей Гулевичъ тыхъ дворовъ и именьей от мене ему в той сумме пензей десяти тысячовъ золотыхъ польскихъ записаныхъ, кгрунтовъ, людей и всѣх иныхъ пожитковъ, спокойне держати, и уживати, пожитки всякие примножити розширати, судити и справовати аж до окупенья и спольна заплаченъя отъ мене самого албо отъ потомковъ моих и брати его албо сестрь, кому бы то слушне по мне ведле права належати мѣло помененое сумы пензей десети тисечей золотыхъ польскихъ, варуючи и то сыну

моему, и жъ ему есть и будетъ волно такъ при животе яко и по животе своем кому хочечи тую суму пензей записати. А если бы то Панъ Богъ всемогучий преизрити рачил, жебы сынъ мой Панъ Андрей вступил в станъ малженъскій, тогда ему будетъ волно на тых дворахъ всѣхъ зуполныхъ Любитова, Липкахъ, Твердыняхъ и Молчанове, такъ якъ от мене маеть и держит, вѣно и посагъ с привѣнкомъ малжонце своей уистити и тую суму пензей десяти тысячей золотых польскихъ записати и варовати. А я самъ ани сынове мои а братиа его, также дочки мои а сестры его, и никто иный в тыхъ имениахъ от мене сыну моему в той суме пензей десяти тысячоухъ золотых польскихъ записаных и пуцонных, неотдавши и сполъна незаплативши тое сумы пензей десяти тысячей золотыхъ полскихъ ему самому або тому, кому бы то онъ записаль буд тежъ малжонце его, всѣхъ и в части ихъ задавати и ниякимъ способомъ доходити и переказу в спокойномъ держанью и в пожиткахъ тыхъ именей чинити немаю, сынове и дочки мое чинити немають и не будутъ мочи. Але тотъ листъ запись мой добровольный у каждаго суду и права при зуполной моцы и владности своей ни в чомъ ненарушоной зоставати маеть. И на то есми даль сыну моему Пану Андрею Гулевичу сесь мой листъ з моею печатью и с подьписомъ руки моее. А притомъ были и того добре сведоми ихъ Мил. Панове а приятели мои Его Милост. Велможный Панъ *Михалъ Мишка Варковскій* Капшталянь Волинскій, Староста Гомейскій, Княз *Юрей Богдановичъ Пузына*, зять мой, Панъ *Михалъ Кенздзерскій*, а Панъ *Проконъ Хреннижкій*, и за устною прозбою моею печати свое приложити и руки свое подписати рачили до того моего листу. Писанъ у Луцку року тысяча пятьсотъ девятьдесят третего месяца генвара третегонадцат дня. У того листу печатей чотыры, а подпис рук в тые слова: *Василей Гулевичъ Войс. Влад.* рукою власною. *Мыхалъ Мышка* Капшталянь Волинскій рукою власною. *Ierzy Puzyna* własną ręką swą. *Проконъ Хреннижкій* власною рукою. Который же то листъ через его Милость, Пана Войскоого на вряде сознанный и повладанный, слово от слова с початъку ажъ до конца до книгъ гродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

(Книга Гродс. Луцкая, хранящ. въ Киев. Центр. Архивъ, подъ № 2101 лл. 225 об.—227).

5) Актъ, касающійся раздѣла недвижимаго имущества между Федоромъ и Иваномъ Григорьевичами Гулевичами.

1593 г. сент. 12.

Року тысяча пятсот девяносто третьего месяца октября семого дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ, одня светого Михала Римского свята в року тепер идучомъ девяностъ третемъ припалыхъ и судовне одправовати зачатыхъ, пред нами, тоестъ Федоромъ Чапличомъ Опановскимъ Судьею а Иваномъ Хренницкимъ Подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Луцкими, постановившия очевисто у суду Его Мил. Панъ Федоръ Григоревичъ Гулевичъ Хоружичъ землѣ Волынское, положивши листъ запись свой съ печатью своею и с подписомъ руки своею, такъ тежъ: съ печатми и подписми людей зацныхъ на вечистый розделокъ з братомъ своимъ рожемымъ Его Мил. Паномъ Иваномъ Гулевичомъ, Хоружичомъ землѣ Волынское, стороны именованыхъ и материстыхъ учиненый, просилъ, абы читанъ и до книгъ справъ судовыхъ земскихъ принять и былъ уписанъ, которого мы огледавши, до вписованья его приняли и читать его передъ собою казали, который слово отъ слова с початку ажъ ажъ до конца такъся въ собѣ маеть: Я Федоръ Григоревичъ Гулевичъ чиню явно и визнаваю симъ моимъ листомъ доброволнымъ записомъ, ижъ што по смерти отца нашего славное памяти Пана Григорія Гулевича Хоружаго земли Волынское, а по раздѣлку з братомъ нашимъ старшимъ Паномъ Григоремъ Григоревичомъ Гулевичомъ и по выпосажению и отданю сполна сумъ за имене Разничъ (?) взятыхъ сестрамъ нашимъ Раине, Богдане, Маруши, Катерине, Зофеи и Настасии Григоревнамъ Гулевичевнамъ, остале нам з братомъ нашимъ паномъ Иваномъ Григоревичемъ Гулевичемъ имѣня, такъ отчизные, яко и мати наше Пане Магдалены Дахновны, отцу нашему записанные также и купленные, которые всѣ за отчизные розумиемо, а меновите: село Долгое, село Гучово, село Баковцы, село Передмистье и с частью в Киверцахъ, и с частью Подгаецкою, полемъ Трушовскимъ и монастыремъ Василевскимъ, а такъ мы пришедши до посесии и спокойного держанья тыхъ именованыхъ за выналяскомъ приятелскимъ и нашимъ доброволнымъ

позволенемъ, такъ есмо з собою поделили, ижъ я розумеючи быти целою половицею имени Гучова, Баковцы, Передместе с частію въ Киверцахъ и часть Подгаецкую, полемъ Трушовскимъ, манастыремъ Василевскимъ, брату моему Пану Ивану Гулевичу зо всѣми ихъ кгрунты, околичностями и пожитками, яко се в собѣ мевали и теперъ мають, ему самому и потомству его поступить и подать есми навечность такъ, ижъ вже я Федоръ Гулевичъ, такъ самъ черезъ себе яко и ни черезъ кого иного по мне потомки мое, дѣлу взрушати Пану Ивану Гулевичу брату нашому, также по немъ потомкомъ его и каждому отъ него албо по немъ за правомъ его держачому, жадное трудности и перенагабана въ тыхъ именахъ Гучове, Баковцахъ, Передместю, въ части Киверецкой и части Подгаецкой з полемъ Трушовскимъ и въ монастыре Василевскомъ, и ихъ пожиткахъ и принадлежностяхъ, чинити немаемъ и мочи небудемъ вечными часы, подъ зарукою двема тисечми копъ грошей литовскихъ и подъ нагороженемъ шкодъ на речене слова укъривжонаго, кромъ доводу и присеги. А што ся дотычетъ на тыхъ именахъ якихъ долговъ старыхъ и новыхъ, кривдъ у границахъ и якихколкекъ трудностей и тежаровъ поточныхъ, тое онъ самъ безъ помочи моеи отпраовати маеть, кгдажъ всѣ листы твердости и привилія тымъ именамъ належачие до рукъ своихъ побралъ, окромъ еслибы о дедичство тое маетности былъ позванъ, тогда я сполне его боронити маю, а еслибы тые имена албо ихъ якая часть черезъ разсудокъ правный отъ него одышла, тогда я тое му з маетности моеи лежачое албо сумою пенежною, водлугъ важности маетности, нагородити маю и повиненъ буду, под зарукою вышей описаною. А еслибы который же колкекъ з насъ сего постановеня нашего выступилъ и в чомъ колкекъ его нарушилъ и до кгруду Луцкого былъ о то позванъ, и то было правне на него переведено, повиненъ будетъ, або будутъ инстигуючому або держачому тотъ записъ, заруки заплатити две тысячи копъ грошей литовскихъ, а заплативши заруки, тое постановене и сесь записъ нашъ в каждого права во всѣхъ артыкулахъ при моцы захованъ и держанъ быти маеть, и колко кротъ с того постановеня нашего хтожъ колкекъ з насъ выступить, только кротъ вины и шкоды и всѣ заруки платити будетъ повиненъ. И на томъ далъ сес мой листъ з моею печатю и с подписомъ власное руки моеи. А при томъ были и того добре сведоми и за устною и очевистою прозбою моею печати

свое приложити и руни своее подписати рачили Ихъ Мил. Панове приятелѣ мое: Панъ Адамъ Боговитинъ з Козирадъ Подкоморей Кремянецкій, Панъ Андрей Боговитинъ з Козирадъ Стольникъ землѣ Волинское, а Панъ Демянъ Гулевичъ. Писанъ у Луцку, року Божого нарощеня тисеча пятсотъ девяностъ третего, месяца Сентябра дванадцатого дня. У того листу печатей чотыри и подписи рукъ в тые слова: *Федоръ Гулевичъ* рукою власною. *Адамъ Боговитинъ з Козирадъ* Подкоморій Кремянецкій власною рукою. *Андрей Боговитинъ* Стольникъ землѣ Волинское. *Панъ Демянъ Гулевичъ* власною рукою. А такъ мы судъ тое очевистое сознане Его Мил. Пана Федора Григоревича Гулевича Хоружича земли Волинское и листъ записъ Его Мил. передъ нами у Суду повладанный слово отъ слова до книгъ справъ судовыхъ земскихъ занисати есмо казали.

(Изъ Луцкой зем., зап., пот. книги, хранящейся въ Киев. Центр. Архивъ, подъ № 2074.—лл. 91—93).

6) Заявленіе Христофора Поцѣя и его жены Галшки Гулевичовны о полученіи ими приданого, обѣщаннаго отцомъ Галшки—Войскимъ Владимерскимъ Василіемъ Гулевичемъ, и высказанныя ими при этомъ обязательства съ своей стороны.

1594 г. дек. 24.

Року тисеча пятсотъ девяностъ четвертого месяца декабря двадцатъ четвертого дня.

На рочкахъ судовыхъ Кгородскихъ Луцких, од дня двадцатъ второго месяца Декабра в року теперешнемъ выше помененомъ припалыхъ и судовне одправовати зачатых, перед нами Щаснымъ Кгалезскимъ Подстаростимъ а Матеемъ Стемпковскимъ судьбою, врядниками судовыми Луцкими, постановившия очевисто врожоный Панъ Криштофъ Потей и малжонька Его Милости Пани Галшка Гулевичовна, обоє сполне ку записаню до книгъ Кгородскихъ Луцких подали теръмину сознаня своего с подѣисомъ власныхъ рукъ своихъ, которая такъ се в себе мает: Я Криштофъ Потей а я Галшка Гулевичовна

Криштофовоя Потеевая обоє сполечне и одностайне до книгъ Кгородскихъ Луцкихъ ку записанью сознаваемъ, ижъ Его Милость Панъ Василей Гулевичъ Войскій Володимерскій отецъ нашъ дал намъ вы-
 правой зо всихъ именей своихъ, тоестъ посагъ жоны моей Галшки,
 тысячу копъ грошей литовское личбы готовыми пензми, а тысячу
 копъ грошей также литовское личбы речми рухомыми, што все сполна
 то есть пяти тысячей золотыхъ полскихъ до рукъ мене Криштофа По-
 тея дошло, противъ которому внесенью далемъ запис на себе ведле
 права посполитого всихъ добръ моихъ лежачихъ отчистыхъ, материстыхъ,
 яко и набытыхъ, яко есть на томъ листе записе описано, ктому по
 животе своемъ жоне моей Галшце также на всихъ именьяхъ своихъ
 записал есми до живота и записую, на што Панъ Войскій Володи-
 мерскій тестъ мой отъ мене лист запис мой маеть. А такъ мы обоє
 сполечне чинечи праву посполитому досыть четвертьное части всихъ
 добръ отца нашего Его Милости Пана Василя Гулевича Войского
 Володимерского, в которомъ колвекъ повете лежачихъ, зрекаем, а звла-
 ща я Галшка Гулевичовна, маючи за свое з ласки отца своего до-
 сыть, вечними часы зо всихъ добръ отца своего вырекаю, такъ я
 сама, яко дети и потомковъ мои, посагу моего у брата моего и по-
 томковъ ихъ упоминатисе немають и мочи не будутъ вечными часы.
 У тое термины подпись рукъ тыми словы: *Krzysztof Potcey* гѣкаꙗ сваꙗ.
Галишка Гулевичовна рукою власною. А такъ мы тое очевистое со-
 знане Ихъ Мил. до книгъ Кгородскихъ Луцкихъ записати есмо
 казали.

(Книга Гродс. Луцкая, хранящаяся въ Киевскомъ Центр. Ар-
 хивѣ, подъ № 2101 л. 835 об.—836).

7) Заявленіе Войского Владимірскаго Василя Гуле-
 вича о томъ, что имѣніе Нѣсвичъ временно (довыкупа)
 отдано имъ во владѣніе своему зятю Христофору По-
 цѣю.

1594 г. декабря 24.

Року тысяча пятьсотъ деведсят четвертого месяца декабря двад-
 цать четвертого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгородскихъ Луцкихъ, од дня двадцат вто-

рого месяца декабря в року теперешнемъ выше помененомъ припалых и судовне одправовати зачатых, перед нами Щаснымъ Кгалежскимъ подстаростимъ, а Матеємъ Стемпковскимъ судьєю, враннии судовыми кгородскими Луцкими, постановивъшися очевисто в суду врожоный Его Милость Панъ Василей Гулевичъ, Войскій Володимерскій, покладал теръмину сознаня своего с подписомъ власное руки своее, которая таксе в себе маеть: Я Василей Гулевичъ, Войскій Володимерскій, до книгъ кгородскихъ Луцкихъ ку записованью сознаваю, иж заставил есми именье свое Несвецъкое зятю своему Пану Криштофу Потею в тысячи копах грошей литовское личбы, на што и лист свой записный есми ему на то дал, в которомъ рокъ выкупну на день светого Семена руского свята въ року девяностъ пятомъ назначил есми местце отданю пензей в Луцку, а перед отданьемъ пензей для румованья наближей маю дати знати Пану Потею абься стадомъ и зовсимъ быдлом, збожьем, и зо всею маетностью вырумовалъ за недел десят, а еслибы Панъ Потей потребовалъ тое тысячи коп грошей пензей своих, теды Его Милости волно будетъ тымъ правом в той суме пензей тое именье Несвецъ кому хотячи заставити, або самъ до таковогожь другого року тое именье Несвецъ деръжати. У тое теръмины подпис руки Пана Войского тыми словы: *Василій Гулевичъ* Войс. Влад. властною. А такъ мы тое сознанье Его Милости Пана Войского до книгъ Кгородскихъ Луцкихъ записат есмо казали.

(*Книга Гродс. Луцкая, хранящаяся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивъ, подъ № 2101, л. 385*).

8) Заявленіе Христофора Поцѣя о томъ, что его тестъ Войскій Владимірскій Василій Гулевичъ выплатилъ ему часть денегъ, слѣдующихъ съ него въ качествѣ выкупа за имѣніе Несвѣчь.

1596 г. авг. 7.

Року тисеча пятьсотъ девяностъ шостого мѣсяца августа семого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгородскихъ Луцкихъ, дня первого мѣсяца

августа в року нынешнемъ девяностъ шестомъ припалыхъ и судовне отправовавшихся, передо мною Александромъ Семашкомъ на Хупькове Капшталяномъ Браславскимъ, Старостою Луцкимъ, постановившихъ обличне урожонный Его М. Панъ Криштофъ Потий созналъ водлугъ квиту своего, которого от себе с печатью и с подписомъ руки своее, такъ тежъ под печатями и с подписами рукъ людей добрыхъ Его Милости Пану Василю Гулевичу, Войскому Володимерскому, даль, квитиючи Его Мил. з одданья суммы пензей двохъ сотъ копъ грошей Литовскихъ, яко то все ширей и меновите на той кванциі есть описано, которого положивши передо мною и его во всехъ кондыцияхъ в немъ описанныхъ очевистымъ и добровольнымъ сознаньемъ ствердивши и уоцнивши, просилъ, абы принять и до книгъ уписанъ былъ, за которымъ таковымъ сознаньемъ и прозбою Его Мил. я тотъ квитъ до вписованя в книги приймуючи, передъ собою читати казалъ, и такъ ся в себе маеть: Я Криштофъ Потей сознаваю тымъ квитомъ каждому кому бы была того потреба ведати, або чтучи его слышати, иж што ми Его М. Панъ Василей Гулевичъ Войскій, Володимерскій виненъ тисечу копъ грошей Литовское личбы, в которой то сумме пензей завель и заставилъ ми Его Милость именье свое Несвечъ, которого есть онъ на сесь час в уживанью и держанью, нижли ижъ ми была пилная потреба пензей, з тыхъ тисечи копъ узялъ есми у Его Мил. Пана Василя Гулевича, Войского Володимерского, тестя своего, двесте копъ грошей литовское личбы, то есть пятьсотъ золотыхъ полскихъ, и кгда час ведле запису Его Мил. выкупна Несвеча буде, то толко мне Его Мил. Панъ Войскій, тесть мой, або потомъки Его Мил. мають дати осемъ сотъ копъ грошей литовское личбы, то есть две тисечи золотыхъ полскихъ. А я буду повиненъ тую двесте копъ на ончасъ на личбе принять, а толко осемъ сотъ копъ узявши, тотъ листъ записъ Его Милости albo сыномъ Его Мил. вернути и именье Несвече уступити, з него ся вырумовать, ведле запису Его Мил., и на то даю сей мой квитъ з моею печатью и с подписомъ власное руки моее литерами полскими. А при томъ были и того добре сведоми Ихъ Мил. Панове приятели наши: Панъ Андрей Загоровскій, Панъ Александеръ Загоровскій, Панъ Петръ Сметанковичъ Былчинскій, которые за прозбою моею печати свои приложити рачили къ сему моему квиту. Писан у Луцку, року тисеча пятьсотъ девяностъ шестого, месяца августа сегого

дня. У того квиту печатей чотыри и подписы руць тыми словы: *Krzysztoph Roszieu* река сва. *Андрей Загоровскій* рукою. *Александръ Загоровскій* рукою. *Петръ Сметанковичъ Быльчинъскій* власною рукою. Который же то квить слово в слово съ початку ажъ до конца до книгъ вгородскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

(Книга Грод. Луцкая, хранящаяся въ Кіев. Центр. Арх. подъ № 2102, л. 152 об.,—153, втораго счета).

9) Листъ, данный Войскимъ Владимірскимъ Васиіемъ Гулевичомъ сыну своему Михаилу по случаю вступленія послѣдняго въ бракъ съ Марушею Павловичевою.

1596 г. нояб 26.

Року тисеча пятьсотъ деведсят шостого месяца декабра второго дня.

На вряде вгородскомъ в замьку господарьскомъ Луцкомъ передо мною Александромъ Семашкомъ на Хуптове Кашталянномъ Браславскимъ, Старостою Луцкимъ, постановившимся обличье Его Милость Панъ Василей Гулевичъ Войскій Володимерскій, созналъ водлугъ листу запису своего, который отъ себе с печатью и с подписомъ руки своее такъ же с печатями и с подьписы руць людей добрыхъ, сынови своему урожоному Пану Михайлови Гулевичови далъ, позволяючи ему вчинити оправу мальжонце его Панеи Михайловой Гулевичовой Маруши Павловичовне на именьяхъ своихъ, яко то все ширей и меновите на томъ листе записе есть описано, которого во всихъ коньдыцяхъ в немъ описаныхъ очевистымъ сознаньемъ своимъ стверъдивши и умоцнивши, просилъ, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ, за которымъ таковымъ сознаньемъ и прозбою Его Мил. Пана Войского Володимерского, я тотъ лист записъ до вписованя в книги приймаючи, перед собою читат казалъ, и такъся в себе маеть: Я Василей Гулевичъ Войскій Володимерскій визнаваю тымъ моимъ доброволнымъ листомъ, всимъ вобецъ и каждому вособна, кому бы колвецъ

о томъ вѣдати належало, ижъ што з воли и презрениа Пана Бога всемогущаго и за волю и позволенъемъ моимъ сынъ мой Михайло, понавши за себе в станъ свѣтый малъженскій дочку Его Мил. Пана Демьяна Павловича, Судьи кгородскаго Володимерскаго, записалъ се Его Мил. за посагъ и выправу по дочцѣ Его Мил. взятую, оправу водлугъ права посполитаго дочцѣ Его Мил., а малжонце своей, на именьяхъ моихъ, на которыхъ бы отъ мене позволенъе милъ учинити и записати, тогда я хотечи абы онъ повинности и обовязку своему досытъ чинилъ, яко сынови моему старьшому Андрѣви позволилемъ на певныхъ именьяхъ моихъ оправу малжонце его учинити и записати, такъ позволяю и ему оправу водлугъ права посполитаго посагъ з совитостью а власностью выправы малжонце его учинити и записати зо вшеякими варунки, такъ якобы она завжды того певна была, на певныхъ именяхъ моихъ, на сели Качине и приселкахъ: на Личинахъ, на Коваляхъ, и на Червъянце, власности моей, в повете Володимерскомъ лежачихъ, и на селе Новоселъкахъ, въ повете Луцкомъ лежачомъ, на которомъ я певную суму пензей две тисечи копъ грошей литовскихъ правы певными варованую маю, которая оправа отъ него малжонце его учиненая на тыхъ именьяхъ немаеть ничего перешкажат ровному роздѣлку всехъ именей по смерти моей з сынами моими а братею его рожоною Андреемъ и Бенедиктомъ Гулевичами, такъ яко и оправа од сына моего Андрея Гулевича на именяхъ, отъ мене ему уступленыхъ, малжонце его учиненая, яко тежъ и еслибы сынъ мой молодшій Бенедиктъ, оженившися, такъ же за позволенемъ отъ мене оную малжонце своей учинилъ, але кды до ровного розделку по смерти моей межи собою прийдуть, тогда кождый з нихъ водле воли своей на власныхъ именяхъ своихъ, з дѣлу на онъ часъ zostалыхъ, учинене оправы малжонкамъ своимъ перенести и учинити будутъ волни, а до того часу роздѣлку ихъ мешканя и уживаня тыхъ именей Качина с приселками и Новоселокъ и сумы пензей, если бы з Новоселокъ была отдана, онъ сынъ мой Михайло, такъ же и оправы тамъ отъ него учиненое, малжонка его певни быти мають, през вшеякого отъ мене и отъ сыновъ моихъ перенигабанья и затрудненя. И на томъ даль сыну моему Михайлу тотъ мой листъ подъ печатю моею и с подписомъ руки моею власною, до котораго за очевистою и устною прозбою моею, будучи того добре сведоми, Ихъ Мил. Панове прия-

тели мои печати приложити и руками власными подписатися рачили: Его Мил. Панъ Андрей Зеленскій, Судя земскій Володимерскій, Его Мил. Панъ Шиманъ Харълинскій, Ротъмистръ Его Королев. Мил., Ихъ Милости Панове Андрей и Фридрихъ Подгороденъские, а Его Мил. Панъ Иванъ Яковицкій. Писанъ в Затурцахъ, року по нароженью Сына Божого тисеча пятсотъ девятыдесять шостого, мѣсяца ноябра двадцать шостого дня. У того листу печатей шесть, а подъпис рукъ в тые слова: *Василей Гулевичъ* Войскій Володимерскій власною рукою. *Андрей Зеленскій* судя земскій Володимерскій власною рукою. *Szyman Charlenskiy* proszony pieczętarz oczewiscie ręką swą. *Andrzej Podhorodenskiy* proszony pieczętarz oczywisto. *Frydrych Podhorodenskiy* własną ręką. *Иванъ Яковицкій* рукою власною. Который то листъ слово в слово до книгъ кгородскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

(Книга Гродс. Луцкая, хранящ. въ Киев. Центр. Архивъ, подъ № 2102, л. 304—305, второй части книги).

10) Запродажный листъ Мозырскаго маршалка Стефана Лозки, по которому онъ передаетъ Андрею Гулевичу (брату своей жены) ранѣ купленные у послѣдняго помѣстья.

1606 г. сент. 12.

Року тисеча шестсот шостого мѣсяца сентебра девятогонадат дня.

На рочкахъ судовыхъ кгородскихъ Луцкихъ, дня четвертогонадат мѣсяца сентебра в року звышъ написаномъ припалыхъ и судовые отправоват зачатых, передъ нами Матеемъ Стемиковскимъ подстаростимъ а Остафъемъ Еловичомъ Малинскимъ судею, да Войтехомъ Станишевскимъ писаромъ, врядниками судовыми Кгородскими Луцкими, постановившисе очевисто урожоный Его Мил. Панъ Стефанъ Лозка, маршалокъ Его Кор. Мил. Мозырскій, оповедалъ и для вписаня въ книги кгородские Луцкие подалъ листъ добровольный запис свой з печатью и с подписом руки своее, также с печатми и с подписмы рукъ людей добрых, от себе урожоному Его Мил. Пану Андрею Гулевичу на продане вечностю маетностей, нижей в записе

менованных, за тридцат тысячей золотыхъ полских, данный, о чемъ тотъ запис ширей в себе мает, которого устным а добровольным сознаемъ своимъ ствердившии, змоцнивши, просиль, абы былъ принят и в книги Кгродские Луцкие уписанъ был, которого мы видечи быт водле права справленого, печатми и подписми рукъ наполненого, от него приимуючи, перед собою читати казали, и такъ се в себе маеть: Я Стефанъ Лозка маршалокъ Его Кор. Мил. Мозырскій признаваю тымъ моимъ листомъ добровольнымъ записомъ каждому, кому бы было потреба того ведати, або чтучи его слышати нинешнего веку людемъ и напотомъ завжды, ижъ што Его Мил. Панъ Андрей Гулевичъ продалъ ми былъ на вечност имения свое отчизныи з дѣлу ему от брата его рожное Пана Михаила а Пана Бенедикта Гулевичовъ у Восстве Браславскомъ zostалые, за певную суму пензей за тридцат тысячей золотыхъ полскихъ, то ест, з дворами в Сутисце и у Ячкове, съ пашнями дворными и зъ иншими селы, до того села и двора Сутиски належачими, то ест село Сутиски, село Витаву, село Ячковъ, село Шерпнѣ, село Боршковъ, село Маяновъ, село Воросилловцы, село Жуковцы, село Тивровъ, село Дзунковъ и селисче Губинъ и Голяковцы, з людми и ихъ повинностями, з бояры и подданными, кгрунты оремymi и неоремymi, з ставами, з млынами, з сажавками и сеножатми, з ловы звериными и пташими, селисчами, лесами и дубровами, полями, зарослями, пасеками в их кгрунтех будучими, з реками, речками и логвинами на ставы згожими, ово зо всимъ на все яко се тое именьи Сутѣска з селы поменеными сами в себе, в кгрунтехъ, широкостехъ, обиходехъ и пожиткахъ своихъ мають, на што ми былъ и лист тое вечистое продажи своее ведле права справлений далъ подъ датою в Несвѣчу, року тисеча шестсот пятого, месяца октебра двадцат четвертого дня, под печатю и с подписомъ руки своее, такъ теж под печатми и с подписми рукъ приятельскихъ, меновите Его Мил. Пана Михаила Кендзерского, Пана Александра Кропивницкого, Пана Войтеха Домаевъского, а Пана Яроша Черневского, который то листъ потом в Люблине въ року теперешнем тисеча шестсот шостом месяца мая двадцат третего дня перед судомъ головнымъ требуналскимъ Воеводства Браславскаго созналъ и посесью через Возного Воеводства Киевского, Волынского и Браславского Шляхетного Ивана Чернявского поступиль, яко тотъ преречонный листъ вечное продажи, такъ теж сознание Его Мил. Пана Гулевичово

и реляция вознаго ширей и достаточней въ себе мають. А такъ я, маючи иншие потребности мое квалтовные и будучи пишно потребенъ пензей, знову ужиломъ в томъ Его Мил. Пана Андрея Гулевича, абы мне гроши мое вернул а имена свое до рукъ своихъ взялъ. А ижъ Его Мил. Панъ Андрей Гулевичъ тую всю суму тридцат тысячей золотыхъ полскихъ сполна мне вернулъ и заплатилъ, а я теж знову Его Мил. Пану Андрею Гулевичу тые вси имена вышъ помененные, которыемъ колвекъ отъ его Мил. былъ купилъ на вечностъ продалъ, зо всимъ на все, такъ якомъ былъ купилъ з дворами и з будованиемъ в Сутисче и у Ячкове и з инными селы, до Сутѣски належачими, тоест, село Сутеску, село Витаву, село Ячковъ, село Шершни, село Борсковъ, село Маяновъ, село Ворошиловцы, село Жуковцы, село Тивровъ, село Дзунковъ и селища Губинъ и Олековци з людми, бояры и ихъ повинностями, зо всеми кгрунты, з ставами, ставищами, з млынами, з млынисчами, з сажавками, сеножатми, з ловы звериными и пташими, з лесами, дубровами, з зарослями, з пасеками, з реками речками, ово зо всимъ на все, яко се тые именья вышей мененные сами в себе в кгрунтехъ, обиходехъ, широкостяхъ и пожиткахъ своихъ мають, такъ менованое яко и неменованое, яко то Его Мил. Панъ Андрей Гулевичъ первой держалъ и уживалъ правомъ дедичнымъ, такъ и теперъ держати и уживати маеть. А я якоемъ колвекъ право мель, теды на Его Мил. Пана Андрея Гулевича вливаю и з него се вечне вырекаю, ничего на себе, мальжонку, дети и потомки мое з тыхъ добръ вышей менованныхъ невыймуючи и незоставуючи, маеть и волень будетъ Его Мил. Панъ Андрей Гулевичъ, дети и потомки Его Мил. тые вси именья вышъ помененные держати и уживати зо всимъ на все, и водле воли и уподобаня своего шафовати, кому хотечи отдати, продати, даровати, заменяти, ку лепшому пожиточному своему оборочати и розширяти и яко хотечи шафовати, кгдажъ мене сполна вся тая суму тридцат тысячей золотыхъ полскихъ отъ Его Мил. Пана Андрея Гулевича дошла и ничего мне з нее виненъ незосталъ. Ямъ теж Его Мил. в моцъ и держанье зо всимъ на все пустилъ и пускаю и з него се вырекаю вечными часы, в которую маетност, через мене Его Мил. проданую, пускаю увязанья через возного и шляхту, которыхъ себе Его Мил. Панъ Гулевичъ способить без урядового приданья, и вже от даты сего запису жадного вступу в тую маетностъ, такъ во всю, яко и въ которую колвекъ

часть его, през мене Его Мил. проданую, самъ через себе, жону, дети, потомки, близкие, кривные мое, чинити немаю, мочи небуду, такъ тежъ и никто иншій, такъ при животе яко и по животе моемъ, тымъ правомъ моимъ, которомъ на то мель, кгдажемъ жадныхъ записовъ на той маетности никому не чинилъ, и если бы се якие на тую маетность показали от мене, заступовати буду повиненъ я самъ и потомство мое, тыле разов, иле бы того потреба была. И на то даю Его Мил. Пану Андрею Гулевичу сей мой лист с печатю моею и с подписомъ руки моее. А при томъ были и того добре сведоми Ихъ Мил. Панове приятели мои: Его Мил. Панъ Янъ Лагодовскій, Панъ Иванъ Городискій, Панъ Лев Бабинскій, а Панъ Станиславъ Рылскій, которые Ихъ Мил. за очевистою и устною прозбою моею печати свое приложити и руки свое подписать рачили. Писанъ у Луцку, року тысяча шестсотъ шостого, месяца сентебра дванадцатаго дня. У того листу запису печатей притисненыхъ пять, а подпись рукъ тыми словы. *Стефанъ Лозка* Маршалокъ Мозырскій рукою. *Jan Lahodowsky* pieczętarz ustnie proszony. *Lew Babinsky*. *Stanisław Rajewsky* proszony pieczętarz. *Иванъ Городискій* рукою власною. Который же то вышей менованый листъ записъ за очевистымъ признанемъ вышь речоное особы а за принятемъ нашимъ увес съ початку аж до конца до книгъ кгородскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

(Изъ Гр. Луцкой Книги, хран. въ Киев. Центр. Арх., подъ № 2115, лл. 1009—1011).

11) Заявленіе Галшки Гулевичевны о томъ, что имѣніе Нѣсвичъ, полученное ею отъ отца „заставнымъ способомъ“ при вступленіи въ первый бракъ съ Христофоромъ Поцѣемъ,—выкуплено ею братомъ Андреемъ Гулевичомъ и перешло въ его собственность.

1606 г. сент. 10.

Року тысяча шестсотъ шостого мѣсяца Сентебра девятогонадцать дня.

На рочвахъ судовыхъ кгородскихъ Луцкихъ, дня четвертогонадцат мѣсяца Сентебра в року звышь написаномъ припалыхъ и судовне

отправоватъ зачатыхъ, переднами Матеемъ Стемъшковскимъ Подстаростимъ а Остафъемъ Еловичомъ Малинскимъ Судею а Войтехомъ Станишевскихъ Писаромъ, врядниками судовыми вгородскими Луцкими, постановившисе очевисто урожоная ее Мил. Пани Галшка Гулевичовна Стефановая Лозчиная, Маршалковая Мозырская, оповедала и для вписаня въ книги вгородские Луцкие подала листъ запис свой с печатю и с подъписом руки своее и малжонка своего, также с печатми и подписми рукъ людей добрыхъ, от себе урожоному Его Мил. Пану Андрею Гулевичу брату своему на квитоване з одданое сумы на маетности своей Несвечской заставнымъ способомъ отъ отца своего маючое в записе нижей менованос, о чомъ тот запис ширей в себе маеть, которого устнымъ и доброволнымъ сознаниемъ своимъ ствердивши и змоцнивши, просила, абы былъ принять и в книги вгородские Луцкие уписанъ, которого мы видечи быт водле права, справленого печатми и подписы рукъ наполненого, отъ нее пріймуючи, перед собою читати казали, и такъ се в себе маеть: Я Галшка Гулевичовна першого малженства Крыштофова Потиевая, теперешнего второго малженства Стефановая Лозчиная Маршалковая Мозырская, с позволенемъ и бытностю малжонка своего урожонаго Его Мил. Пана Стефана Лозки, Маршалка Мозырского, сознаваю тыхъ листомъ доброволнымъ записомъ моимъ кому бы то ведати належало, тепер и напотомъ завжды, иж што былъ небожчикъ Его Мил. Пан Василей Гулевичъ Войскій Володимерскій, панъ отецъ и добродей мой, на маетности своей Несвечкой заставнымъ способомъ записалъ небожчикови малжонкови моему Его Мил. Пану Крыштофови Потиеви тысячу копъ грошей Литовскихъ, на што и записъ ручный признаемъ на вряде вгородскомъ Луцкомъ далъ былъ, тактеж и на другій записъ мне самой служацій тысячи шести сотъ двадцати двохъ золотыхъ полскихъ, взглядомъ которого права небожчикъ и зо мною посполу былъ у спокойномъ уживаню аж до смерти и потомъ я взглядомъ права его и своего. Которая маетност Несвичъ иж се диломъ Его Мил. Пану Андрею Гулевичу брату моему от ихъ Мил. иншихъ Пановъ брати zostала, освобожаючи тую маетност свою, Его Мил. Пан Андрей Гулевичъ суму мне належачую и тую тысячу копъ грошей литовскихъ, небожчикови моему належачую, мне сполна отдалъ и заплатилъ, с чого я Его Мил. Пана Андрея Гулевича брата моего квитую, варую, то с позволенемъ пререченого малжонка моего, Его Мил. Пана

Андрея Гулевича зо всехъ добръ моихъ лежащихъ и рукомыхъ, такъ в Короне яко и въ Великомъ Князстве Литовскомъ маючихъ, и потомство мое обовезую, же о тую суму тысячи копь грошей литовскихъ, которую понесла от Его Мил., не будетъ Его Мил. жадное трудности и тежару правного от потомства небожчика пана Крышштофа Потия, першого малженства моего, а ни отъ потомства Его Мил. и згола ни отъ когож колвекъ иншого поносит, под закладом тысячи копь грошей Литовскихъ и нагороженемъ шкодъ голымъ съловомъ, кром присеги ошатованныхъ, а где бы импедимент якій потомокъ небожчиковскій и хтож колвек о тую суму тысячи копь Его Мил. задалъ, повинъна буду с потомками моими Его Мил. от впелякого такого импедименту толко кротъ, иле кротъ бы потреба указовала, боронити, заступовати, грыж взявши сполна всю тую суму пензей вышей преречоную, тотъ тежар на вси добра мои вношу Пана Андрея Гулевича потомству Его Мил. и вси добра его освобожати и волными чинити у кождого суду и права такъ в Короне яко и в великомъ Князстве Литовском, за ознайменем Его Мил., будь листовнымъ албо через позовъ, подъ закладомъ тысячи копь грошей литовскихъ и нагороженемъ шкодъ голымъ словомъ кром присеги ошатованныхъ, о который закладъ и шкоды в незаступованю у кождом суде и уряде так в Короне яко и въ Великомъ Князстве Литовском, где одно буду зъ потомками моими позвана, дилацый жадных и опеляцый незаживаючы, справитисе маю, то есть закладъ и шкоды заплативши, предсе тот доброволный запис мой толко кротъ иле кротъ бы того потреба указовала, жадною давностю земскою нечитечисе, с потомками моими досыт чинити маю и буду повинна. И на том дала Его Мил. Пану Андрею Гулевичу брату моему тот мой лист доброволный записъ съ печатю моею и подписомъ руки власное моее, до которого Его Мил. Панъ Стефанъ Лозка Маршалокъ Мозырскій малжонокъ и опекунъ мой на тотъ записъ мне позволенный рукою своею подписалъ и печат приложилъ, и Ихъ Мил. Панове а приятели наши, будучи того добре сведоми, за очевистою прозбою так мене сознавающее, яко и малжонка моего, подписати и печати приложити рачили, Ихъ Мил. Панове а приятели мои: Его Мил. Панъ Янъ Лагодовскій, Панъ Иванъ Городискій, Панъ Левъ Бабинскій, а Панъ Станиславъ Раецкій. Писанъ у Луцку, року тысяча шестсот шостого мѣсяца Сентебра десятого дня. У того листу запису печат

тей притисненыхъ шест, а подпис рукъ тыми словы: *Галика Гулевичовна Лозчиня* рукою. *Стефанъ Лозка* Маршалокъ Мозырскій, рукою. *Jan Lahodowski* o czewiscie proszony. *Иванъ Городискій* рукою власною. *Llew Babinskiy* ręką swą proszony pieczętarz. Который же то вышей менованый лист запис за поданьемъ вышъ речоное особы а за принятьемъ нашимъ увес, с початку аж до конца, до книгъ Кгродски Луцкихъ уписанъ есть.

(*Книга Гродск. Луцкая, хранящаяся въ Киевскомъ Центральномъ Арх., кодъ № 2115, лл. 1011 об.—1013*).

12) Протестація пановъ Яна и Петра Поцѣевъ на Галшку Гулевичовну, по первому мужу „Криштофовую Потеевую“, а по второму.—„Стефановую Лозчиную“, по поводу самовольной, безъ согласія протестующихъ, какъ опекуновъ, выдачи за мужъ дочери своей отъ перваго брака Екатерины.

1615 г. марта 13.

Року тисеча шестсотъ пятогодцятъ месеца Мариа тридцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку Его Кор. Мил. Володимерскомъ, передомбною Абрамомъ Дворецкимъ Буркграбимъ Володимерскимъ. урожоный Его Мил. Панъ Янъ Потей, Писаръ земскій Берестецкій, обличне будучи своимъ (именемъ) и урожонаго Его Мил. Пана Петра Потей брата своего рожонаго, подъ тотъ часъ на Волыню небудучого, оповедалъ и явне се осветчалъ на урожоную Панюю Галшку Гулевичовну, першого малъженъства Криштофовую Потеевую, а второго теперешънего Стефановую Лозчиную Маршалъковую Мозырскую, ижъ Еи Мил. з добровольного преречоныхъ жалуючихъ позволенъя и поверенъя Еи Мил. до мешъвапъя только сыновицы своей, зошлого Пана Криштофа Потей цорки, Панънеи Катарини Потеевны, есче в летехъ зупольныхъ на онъ часъ небудучое, жалуючимъ водъле права прирожонаго и посполитого в опеку и шафванъе зовсѣмъ належачое, оную зо всѣми оздобами ее паненскими при себе маючи, важилаسه преречоную панъню Катерину Потеевну, себе только до мешъва-

нѣя дочастнаго даную и повероную цорку свою, мимо владзу Ихъ Мил. приржоную опекунѣскую, и мимо права посполитисе о томъ постановленне и уфаленне, во всемъ ихъ зневажаючи и квалѣтечи, за пана Миколая Млечѣка Хоружаго Оршанѣскаго, безъ жаднаго в томъ Ихъ Мил. отъ нее повиннаго пошанованѣя и ознаймѣнѣя, часу недавѣннаго потаемѣне в станѣ мальженѣскій отдати, праве тымъ оныхъ стрывѣ рожонныхъ ее в незычѣливую милость до цорки своей подаючи, до задаванѣя яко трудѣности правѣное Ихъ Мил. се способляючи, а в милченѣе противѣко себе о маетѣности лажачие и рухомѣе немалыхъ во всемъ зборовѣ по небожѣчику отцу ее Пану Кришѣтофе Потсю, при ней Панеи Маршалѣковой безъ жаднаго ихъ през небожѣчика за прудѣкимъ з того свѣта зошѣтѣемъ обѣварованѣя позосталыхъ, приводечи, ани тежѣ и того постеригаючи, абы тотѣ то мальжонокъ сыновицы ихъ, Панѣ Хоружій Оршанѣскій, оправу противѣко внесѣнѣе ее той мальжонце своей водле права з варувѣки достаточѣными, оной и по ней потомѣомъ ее служащими, яко былѣ зараз повиненѣ учинити, на добрахъ своихъ учинилѣ, такѣ яко бы то в жадѣную вонтѣпливость права оное самое и потомѣкомъ ее никому неприходило, особливе тежѣ обычаемъ вышѣ менованымъ, Его Мил. Папѣ Писарѣ земѣскій Берестейскій осветѣчалѣ пильне на преречонаго Его Мил. Пана Маколая Млечѣка Хоружаго Оршанѣскаго о то, ижѣ Его Мил. поразумѣвѣшисе с Панею Маршалѣковою Мозырскою Лозчиною, маткою сыновицы Ихъ Мил., которая только яко матѣце цорка в летехъ недорослыхъ, отъ Ихъ Мил. Пановѣ Потеевѣ стрывѣ рожонныхъ и опекуновѣ власныхъ до мешѣванѣя дочастнаго поверона и дана была жаднаго позволенѣя до отданѣя оное в станѣ мальженѣскій отъ Ихъ Мил. немаючи отъ особы неналежѣное з рукъ мимо волю Ихъ Мил. тую сыновицу Ихъ Мил. Панѣну Катерину Потеевѣну, до мальженѣства безъ жаднаго позволенѣя и ведомости Ихъ Мил. взялъ, на право посполитое и вины описанне в томъ неогледаючи, ку великому жалю Ихъ Мил. и права Ихъ Мил. приржоннаго опеки и той мальжонци его в добродѣйствахъ правѣныхъ зѣолько мерѣ, и чога Боже уховай по зействію ее безпотомѣномъ, потомѣкомъ ее приржоннымъ до всего служачаго уближенѣю и нарушенѣю, оферуючисе о то з Ихъ Мил. посполу и з кожѣдою особою зособѣна, яко справа только належати будетѣ, такѣже и о шѣкды затымъ походячие правѣне чинити, неопущаючи себе и преречонаму брату своему, Его

Мил. Панъ Писар ширшое протестации, если бы какое в чомъ и тое теперешнее объясненья потреба была, на кожѣдомъ мѣстѣду учинити, просилъ, абы тая протестация Его Мил. за свежою ведомостью о томъ взятою поданая, до книгъ записана была, которую урядъ нинешній принявши до книгъ вгородскихъ Володимерскихъ записать казалъ, и ест записано.

(Гродская Влад. книга, хранящ. въ Киев. Центр. Архивъ, № 979 л. 172 об. и слѣд.).

13) Духовное завѣщаніе Галшки Гулевичовны.

1641 г. апрѣля 2.

Року тысяча шестсотъ чотырдесятъ второго, месяца марта тридцатъ первого дня.

Врочьки судовые вгородские Луцкие, од дня двадцат сегого мѣсяца марта в року звышъ написаном припалые и судовне одправовать зачатые, передомъною Счаснымъ Збознымъ Лайсчевскимъ, подѣстаростимъ Луцкимъ, становъши очевисто велебный Отецъ Теофілъ Заплатинскій, законъникъ монастыра Брацтва Луцкого, подаль пер облятам до книгъ тестамент остатнее воли зошѣлое Панее Гальшки Гулевичовны Стефановое Лозчиное, Маршалковое Мозырское, на распораженъе маетности ее лежачое и рухомое, по ней позосталое, о чомъ тотъ тестаментъ ширей в себе маеть, жадаючи, абы прынять и до книгъ вписанъ былъ, которого я вряд до книгъ прыймуючы, читалемъ, и такъ се всобе писанный маеть: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Бога в Тройцы Святой Единобого. Станъся воля Его святая, Аминь. Я Галшка Гулевичовна Стефановая Лозчыная, Моршалковая Мозырская, упатруючы на томъ свити короткость живота людского и непевность години розлученя души с тиломъ и ничого певнейшаго перед очима немаючи, едно смертелности и скажителности людское вресомъ смерти, которая абы мене неготовую предъ трибуналъ з сего свита незапозъвала и абы вгды ся несподиваю не заводалъ Панъ Богъ Створецъ души моеи и ненашедшы готовности дверей своего палацу на прысте свое перед нею незамѣнуль,

вчесне, поки час и смыслы здоровые к тому позволяют, стороны души, тела, маестности и добръ моихъ лежащихъ и рухомых, также стороны ялмужны и хвалы Панъское помноженя иле быти з мене можетъ удиляючи того, што ми з руки своее шчодробливое Господь Богъ Всемогусчый дати рачыль, чыню з доброго розъмыслу моего доброволне и такъ остатнею тоею волею моею распоражаю и мити хочу непорущно. Напередъ душу мою Пану Богу в Троицы Святой Единому з надею зупольною о збавеню ее презъ милосерде Его святое поручаю, тило зас мое грышное, з земли взятое, земли отдаю. Которое наймилшый сынъ мой урожоный Его Мил. Панъ Михал Ловка в Церкви Брацкой Луцкой заложена Чесного и Жывоtvорясчого Креста Господня, а не где инде, водлугъ христіаньского и церкви святой Восточное под послушенъствомъ Святїйшаго Патриархи Конъстантинопольского будучое порядку, яко найпрыстойней поховати маеть. До которое церкви Братское Луцкое, где и тило мое маеть быти положено, золотыхъ двесте, а на Монастыр законъникомъ пры той же церкви будучымъ, абы Пана Бога за душу мою молили, золотыхъ другую двесте, на шпитал Братскїй Луцкїй золотыхъ пятьдесят, на Монастыр паненъскїй чернъчыцкїй панъномъ законънымъ золотыхъ тридцат. Свещенникови чернъчыцкому золотыхъ десять и другую десет золотыхъ свещенникови Пречистинъскому на богомолие за душу мою одписую. И ижемъ будучы потребною грошей певныхъ часовъ на справы мое розъные пожычыламъ у Велебънаго Его М. Господина Отца Исакия Борысковича Епископа Православъного золотыхъ пулътораста и особливе у ее Мил. в Богу зшлое Княгини Курцевичовое, Игуменк монастыра Паненъскаго Печерского, водлугъ запису моего, кому Ее Мил. тестаментомъ своимъ оддати назначыла, Его Мил. Панъ сынъ мой оддати тому мает. До того, иж остало пры мни по зошълый з того света на имя Пелагии, од Господа Бога слепотою навежоное, а пры мни презъ час немалый живусчое, золотыхъ сто, на што и обълкгъ мой былъ одъ мене даный и теперъ нить видома у кого зостаеть, теды урожоный Его Мил. Пан сынъ мой на тотъ обълкгъ, водлугъ воли небосчки, яко она сама пры смерти своей назначыла, оддати повиненъ будетъ, то ест золотыхъ семьдесятъ на церковь Брацкую Луцкую, и абы с тыхъ же грошей золотыхъ тридцат на сорокоустъ законъ никомъ дано, и на шпиталь золотыхъ тридцатъ тогожь Брацтва Луцкаго, кото-

рую сто золотихъ безъ вшелякое зволюки урожонный Его М: Панъ сынъ оддати до рукъ Велебнаго Отца Игумена Луцкогo и брати духовное и свицкое оддат повиненъ. Сребро мое заставъленое в Мозыру у честного Господина Отца Игумена Мозырского на имя Отца Мефодиа, меновите хрест сребрьный с подножиемъ, гривенъ сем сребра, zostавленный в золотихъ петидесят, и особливе у Пана Исакевича, подписка Мозырского, Пречыстевъскаго попoвича, кадилница, в ней гривенъ чотири, и чарка сребрная ве дви гривъни, або болшей, такъ же в золотихъ пятидесят zostавлено, инътересу одъ тыхъ ста золотыхъ винъно од прошълого сродопостя в року тисеча шесть сотъ чотырдесятомъ аж до теперешънего терминъ приходить в року тисеча шестсотъ чотырдесять первомъ, которое сребро если за живота моего невыкупълю, теды Брацтво Луцкое маеть за грошы мое особливые, опроч леггации през мене назначоное, такъ духовнымъ яко и свецкимъ брацтву всему служащее, золотыхъ сто помененым особом отдавъшы, выкупити и до Церкви Братское Луцкое, абы вичными часы zostавало, тоею остатнею волею моею, якъ за живота моего, такъ и по смерти моей мити хочу и легкую, и жебы тые леггата вси згола и особливе иле што до брацтва Луцкогo назначыламъ, где тило мое одпочынокъ и души ратунокъ до збавеня горячими молитвами мети маеть, были яко найпрудшей, и илемъ што где назначыла одданы сумненемъ сына моего и неблагославенемъ обовязуючы деклярую, скондъ то маеть заразъ заплатити напродъ з суммы тисечи золотыхъ, которую мни сынъ мой з малъжонкою своею нашырытъ свой певный zostали винъни. Знову з суммы трохъ тисечей золотыхъ на село Дубисча и Рожыские ворчымы аренъдою Его М. Отцу Епископу Луцкому даныхъ, з тыхъ грошей маеть на выкупенъе креста вышъ менованого и кадилницы сребъное, такъже тежъ и чарки золотихъ сто до рукъ Велебнаго Господина Отца Игумена Братского Луцкогo с тое суммы обое, яко мое власное и мни належащее, Его М. Панъ сынъ мой оддати маеть. И Отець Игуменъ з братнею своею духовною и свитскою, тое сребро заразъ выкупившы, повиненъ Церкви братской Луцкой оддати и там абы тое сребро завше zostавало. И тые тамъ леггата з менованыхъ сумъ, нежычачы тяжкости души моей, безъ вшелякого затрудънення и одволюки полатити маеть и повиненъ есть. До того тежъ сребро мое въ Могилене у славетного Пана Карпа Казановича месчанина и купъца

Могилевскаго заставленое в золотихъ пултораста, меновите чара сребъная, в ней гривень дванадцать, лихтары два, по чотиры гривны, в двох гривень осмь. И ижъ презъ часъ долгій неплатиламъ интересу одъ тыхъ золотыхъ пултораста, теды Панъ Казановичъ прешлого року тисеча шестсотъ чотырдесятого приятелско зо мною поступил и на томъ стануло, ижъ сто копъ лит. зо всимъ на всимъ; якъ самую суму такъ и провентъ од того в туюжъ копъ сто кладучи, маю коликолвекъ тую тилко сто копъ оддати и неболшей и до себе сребро тое взяти, которого еслибымъ за живота моего невыкупила, теды урожоный Его М. Панъ сынъ мой маеть з добръ моихъ, по мни правомъ дедичномъ од мала до веля Его М. палежачыхъ, выкупити и на свой пожитокъ обернути. Такъже служебници моей Якънишце, которая ижъ ми вирне презъ часъ немалый служыла, теды золотыхъ пултораста ей одписую. Уляне тежъ Ивановой Дяковой коня, дви коровы и золотыхъ двадцать дарую. И если бы въ жывыхъ незоставала, теды потомству ей маеть то быт оддано. Урожоному Его М. Пану Миколаеви Сенюте сестренъцу моему золотыхъ сто тридцать, которымъ на справы мое пожычыла, оддано быти маеть презъ урожонаго Его М. Пана сына моего. Ты теды вси долги мои и леггата подъ неблагославенствомъ Божым и моимъ метеринскимъ урожоный Его М. Панъ сынъ мой поодавати повинень по смерти моей, абы души моей тяжко не было. И если бы тотъ же менованный сынъ мой милый остатней воли моей спротивилъ се, тыхъ леггаты водлугъ распораженя моего такъ до Церкви яко и до шпиталевъ и духовнымъ, кому што належитъ, што прудшей непоодаваль, теды я оного на судъ Панскій передъ Маестать святой взываю, абы ся иначей мимо тое распораженъе и того тестаменту моего неважыль се чинити и овшемъ што рыхлей до skutku привель. Который то тестаментъ остатнее воли моее конъчачи, завираючи, хочечы, абы по смерти моей в моци и вази зуполной zostаваль, и поддаючи каждому кому бы ено до него чинити належало при печати моей рукою власною подписую, и о приложене печатей и подпись рукъ Ихъ М. Пановъ и приятелей моихъ, людей задныхъ, ниже менованныхъ, до того ужыламъ, которые за очевистою прозбою моею будучы обещне при мне то все учинити рачыли. Писанъ въ Луцку, року Божого тисеча шесть сотъ чотырдесятъ первого, Месяца Априля втораго дня".—У того тестаменту при печатехъ подписъ рукъ тыми словы: *Галика Гулевич*

човна Лузчыная Маршалъковая повету Мозырскаго рукою власною. *Ierzy Puzyna* Podkomorzy *Włodzimirski* proszony pieczętarz. Ustnie proszony pieczętarz *Iwan Romanowicz Kozinski* ręką swą. Proszony pieczętarz oczewiscie ad Iey Mosci Paniey Lozчыney *Kanstanty Uszak Kulikowski*. Proszony pieczętarz oczewisto od Iey Mosci Paniey Lozчыney *Andrzej Hulaniccki*. Oczewiscie proszony pieczętarz *Ignacy Praniewicz*. Который же то тестаментъ за поданьемъ и прозбою вышъ менованое особы а за принятемъ моимъ Урядовымъ до книгъ есть уписанъ.

(Книга Гродс. Луцкая, хранящ. въ Киев. Центр. Архивъ, подъ № 2158 л. 362 об.—366).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

	СТР.
I. Упись Кіевскаго братства, нач. 1615 г.	1—5
II. Дарственная запись Галшки Гулевичевны. 1615 г. <i>окт. 14</i>	5—10
III. Грамота іерусалимскаго патриарха Теофана, утверждающая Кіевское старѣйшее братство, съ учрежденіемъ при немъ братства младшаго. 1620 г. <i>мая 17</i>	10—12
IV. Грамота іерусалимскаго патр. Теофана, учреждающая при Кіевскомъ Богоявленскомъ братствѣ патриаршую Ставропигію. 1620 г., <i>мая 26 д.</i>	12—15
V. Грамота іерусалимскаго патр. Теофана Кіевскому братству, заповѣдующая любовь и единодушіе. 1621 г., <i>января 7 д.</i>	15—17
VI. Вирши, соч. ректоромъ Кіево-брат. школы Кассіаномъ Саковичемъ и произнесенныя учениками означенной школы при погребеніи гетмана запорожскаго войска Петра Конашевича Сагайдачнаго 1622 г.	17—41
VII. Образцы панегирическихъ рѣчей при погребеніи какаго-либо „зацного“ человека, сочиненныя ректоромъ Кіево-братской школы Кассіаномъ Саковичемъ 1622 г.	41—46
III. Панегирикъ к.-печерскому архимандриту Петру Могилѣ отъ спудеевъ основанной имъ въ к.-печерской Лаврѣ школы. 1632 г.	46—69
IX. Актъ Кіевскаго братства, данный Кіево-печерскому архимандриту П. Могилѣ, съ изложеніемъ условій, на которыхъ имѣеть воспослѣдовать соединеніе Кі-	

- ево-братской Богоявленской школы съ Лаврскою Могилянскою. 1631 г. *дек. 30.* 69—73
- X. Войсковою листъ гетмана Ивана Петржицкаго отъ имени всего запорожскаго войска, съ приказаніемъ атаману и прочимъ „товаришомъ“, находившимся въ Кіевѣ, содѣйствовать предположенному соединенію школъ братской Кіево-Богоявленской съ Лаврскою. 1632 г., *марта 17.* 73—74
- XI. Автобіографическая записка Игнатія Іевлевича, заключающая въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о Кіево-братской школѣ, восходящія ко времени ректорства въ ней его родича Оомы Іевлевича. 1628—1631 г. 74—80
- XII. Выдержки изъ *Exegesis'a* старопечатной брошюры, заключающей въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о школахъ Кіево-братской и Лаврской-Могилянской. . . 80—86
- XIII. Документы, уясняющіе біографію основательницы Кіево-братскаго монастыря Галшки Гулевичевны и ея ближайшихъ родичей: 1559—1642 гг.
- 1) Заставная запись, данная Василиемъ Гулевичемъ женѣ своей Еленѣ Волчковнѣ на разныя помѣстья въ обезпеченіе занятыхъ у нея денегъ. 1559 г. *дек. 10.* 86—89
 - 2) Дарственная запись Василия Гулевича, данная женѣ своей Еленѣ Волчковнѣ Жасковской на разную, принадлежащую ему, движимую собственность. 1562 г. *декаб. 21.* 89—91
 - 3) Запродажный актъ на разныя помѣстья, данный Войскимъ Владимірскимъ Василиемъ Гулевичемъ зятю своему князю Юрію Пузынѣ и его женѣ Ганнѣ Гулевичевнѣ. 1590 г. *іюня 22.* 91—94
 - 4) Дарственная запись Войскаго Владимірскаго Василия Гулевича, данная сыну своему Андрею Гулевичу на разныя помѣстья. 1593 г. *ченв. 13.* 94—97
 - 5) Актъ, касающійся раздѣла недвижимаго имущества между Оедоромъ и Иваномъ Григорьевичами Гулевичами. 1593 г. *сент. 12.* 97—99
 - 6) Заявленіе Христофора Поцѣя и его жени Галшки Гу-

- левичевны о полученіи ими приданнаго, обѣщаннаго отцомъ Галшки—Войскимъ Владимірскимъ Василиемъ Гулевичемъ, и высказанныя ими при этомъ обязательства съ своей стороны. 1594 г. *дек. 24.* 99—100
- 7) Заявленіе Войскаго Владимірскаго Василя Гулевича о томъ, что имѣніе Нѣсвичъ временно (до выкупа) отдано имъ во владѣніе своему зятю Христофору Поцѣю. 1594 г. *дек. 24.* 100—101
- 8) Заявленіе Христофора Поцѣя о томъ, что его тесть Войскій Владимірскій Василій Гулевичъ выплатилъ ему часть денегъ, слѣдуемыхъ съ него въ качествѣ выкупа за имѣніе Несвѣчъ. 1596 г. *авг. 7.* 101—103
- 9) Листъ, данный Войскимъ Владимірскимъ Василиемъ Гулевичомъ сыну своему Михаилу по случаю вступленія послѣдняго въ бракъ съ Марушею Павловичевою. 1596 г. *нояб. 26.* 103—105
- 10) Запродажный листъ Мозырскаго Маршалка Стефана Лозки, по которому онъ передаетъ Андрею Гулевичу (брату своей жены) ранѣ купленные у послѣдняго помѣстья. 1606 г. *сент. 12.* 105—108
- 11) Заявленіе Галшки Гулевичевны о томъ, что имѣніе Нѣсвичъ, полученное ею отъ отца „заставнымъ способомъ“ при вступленіи въ первый бракъ съ Христофоромъ Поцѣемъ,—выкуплено ею братомъ Андреемъ Гулевичемъ и перешло въ его собственность. 1606 г. *сент. 10.* 108—111
- 12) Протестація пановъ Яна и Петра Поцѣевъ на Галшку Гулевичовну, по первому мужу „Криштофовую Потеевую“, а по второму.—„Стефановую Лозчиную“, по поводу самовольной, безъ согласія протестующихъ, какъ опекуновъ, выдачи за мужъ дочери своей отъ перваго брака Екатерины. 1615 г. *марта 13.* 111—113
- 13) Духовное завѣщаніе Галшки Гулевичевны. 1641 г. *апр. 2.* 113—117
-